

Александр Воляев

ЛАПЛАНДСКАЯ

САГА

АВТОРСКИЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Всем братьям «ДМБ – 80»
и другим «дембелям» и «ДМБ»...

Все, кому оказались интересны дневники московского школьника, под кодовым названием «Записки трудного подростка» и их продолжение «Эпилог детства», задают мне вопрос: «А что же дальше?». А дальше армия. А в армии матросам срочной службы дневник вести не положено по Уставу, поэтому записей этого периода просто не существует. Но, существует память с её странным свойством, зацепившись за один какой-то факт, как клубок ниток раскручивать всё новые и новые эпизоды.

Вот и теперь, когда я сел за написание «Лапландской саги», помня всего несколько особо выдающихся случаев из этого периода жизни, память услужливо поставляло всё новые и новые факты. Вот так получилась эта повесть, основанная на реальных событиях, произошедших с реальными людьми. Конечно, пользуясь тем, что это не дневник и в абсолютной точности описаний нет необходимости, я кое-что переставил, кое-что добавил для ясности, поменял участникам этих событий имена или фамилии, изменил номера воинских частей и названия населённых пунктов. Но, в основном, всё так и было, как здесь написано.

Теперь о выборе имени для главного персонажа. Мне не довелось за время службы в армии побывать в Афгане, но и не пришлось просидеть всю службу на проходной режимного завода. Так что всё, что здесь описано, это нечто среднее, обыкновенное – серое, проще говоря. Лучше всего подошла бы английская фамилия Every, но мы же русские люди...

Так что, Вашему вниманию предлагается абсолютно обычная история прохождения военной службы среднестатистическим парнем тех лет. Надеюсь, она Вас развлечёт.

С уважением,
Александр Воляев

Глава I «РЕКРУТ»

- Серый, вставай. Ну, Серенький, ну, пожалуйста. Мать скоро придет, убьет ведь. Да проснись же ты, зараза лохматая...

Слова с трудом доходили до отравленного алкоголем мозга, стучались тяжелой кувалдой в черепную коробку, беспокоили, но до сознания доходили с трудом. В конце концов, какая-то мозговая извилина всё-таки напряглась и выдала два коротких импульса: «надо встать» и «это срочно». Сигнальная система, хоть и со скрипом, но смогла сложить их в короткое и емкое «аврал!», а уж на эту команду тренированный флотской жизнью организм отреагировал мгновенно – глаза открылись.

Перед слегка расфокусированным взором Серого предстала полутемная комната с плотными оконными гардинами – явно незнакомая, а с ней в комплекте миловидное, курносое девичье лицо с растрепанной русой чёлкой – очень даже знакомое лицо. Варька Синицина, чьей благосклонности он безуспешно добивался последние два месяца.

Сопоставив эти два факта, Серый понял, что он «в гостях» у Варвары, но как он сюда попал и что делал? Как он сюда попал, так и осталось не ясно, но что делал, подсказал организм, начинающий ощущать окружающую действительность. Оказалось, что лежит этот самый организм, в чем его мама родила, если не считать скомканного носка на левой ноге, оккупировав широкую тахту и пригревшись под толстым пушистым пледом. А если ещё учесть, что хозяйка одета в халатик и причёска её в творческом беспорядке, то становится понятно, что **что-то было**. Но что? Вот позорище-то... По смешинкам в глазах девушки и ямочкам на щёчках он понял, что хозяйка вроде бы не сердится. Это было уже хорошо, но из ситуации надо было как-то выкручиваться. Как? Да как обычно, с юмором – свести всё к шутке. Серый приподнялся на локте: «А не скажет ли мне любезная сеньорита, каким таким ветром занесло благородного идальго в эту тихую гавань и не творил ли он здесь всяких безобразий?».

Такой стиль речи служил в их общении своеобразным сигналом к началу шутилой пикировки. Варька, кроме курносого носика и довольно стройных ножек, являлась счастливой обладательницей острого как бритва язычка, и подразнить друг друга, повставлять «шпилек», было одним из основных развлечений в их отношениях. Вот и сейчас, птичка-синичка поддержала заданный тон и, невинно потупив глазки, начала: «Благородный идальго в непотребном виде появился в скромной обители бедной пастушки с букетом цветов, конфетами и бутылкой шампанского. В изысканных выражениях заявил, что пришел жениться, а затем, сев на букет, и почти в одиночку вылакав шампанское, проявил весь свой шарм и обаяние чтобы соблазнить скромную сеньориту».

Кровь прилила к лицу. У, стыдобища-то...

- Ну и ...?

- Что «ну и...»? Бедная дева не смогла устоять перед потоком красноречия обольстительного идальго и теперь он, как джентльмен и порядочный мужчина просто обязан жениться на несчастной сеньорите, ибо в противном случае она, дабы сохранить свою честь, будет вынуждена утопиться в бурных водах Гвадалквивира или навечно уйти в бенедиктинский монастырь.

- В мужской?

- Дурак! По законам гор мои братья должны зарезать тебя как собаку, а я, дура, кофе приготовила.

- Так нет же у тебя братьев...

- Вот ты, змей-искуситель, и пользуешься. Вставай, кофе стынет.

- А мать придёт?

- Не придёт, она у отца в театре, раньше десяти не вернутся.

- Так что же, бессердечная сеньорита, ты нарушаешь мой покой?

- Ха, охота мне смотреть, как ты здесь без пользы для дела храпака давишь на моём законном лежбище. Держи халат и вставай, я жду на кухне.

Халат для него оказался тесноват, а кофе получился ароматным и крепким. Кофеин свежим ветром прошелся по серому веществу, окончательно сметая остатки бывшего выпитого, и он вновь почувствовал себя живым человеком.

- Обалденно...

- Ты о кофе или обо мне?

Ну, Варька, ну зараза, ну хоть бы раз упустила момент и шпильку не вставила. Может поэтому Серого так тянуло к этой курносой, что и сам за словом в карман не лез.

- Конечно о Вас, моя прекрасная леди.

- То-то же, - она задрала кверху свой курносый носик: «Ещё чашечку?»

- Да нет, спасибо. Тебе уже, наверно, пора меня выгонять и, возможно, поганой метлой.

- А ты что, торопишься?

Варюха закинула ногу на ногу и, слегка наклонившись вперёд, посмотрела ему прямо в глаза. Первое движение оголило стройную ножку до середины бедра, второе позволило видеть верхнюю часть аппетитных бугорков в вырезе халата, причём чертята, пляшущие в серых глазах, не оставили сомнений в намерениях девушки. Сердце забухало колоколом, кровь прилила к вискам...

- Уф-ф, - выдохнула она, смахивая тыльной стороной ладони прилипшую ко лбу чёлку: «Так-то лучше...». Серый нежно коснулся губами ключицы лежащей на его руке обнаженной девушки: «Ты чудо...».

- А ты чудовище, - ответила она: «Ну, это же надо было в самый критический момент уснуть прямо на даме».

Серый покраснел бы до корней волос, если бы его только его нахальная личность умела это делать.

- Виноват-с, исправлюсь.

- Уже не успеешь, чудо-юдо беззаконное. Ты что забыл, что у тебя повестка на 26-е? - она приподнялась, опираясь на локоть, ехидно блеснув глазом из-под растрёпанной чёлки.

- А ты откуда знаешь?

- Да уж сорока на хвосте принесла, так что твоё намерение жениться на мне придётся отложить на «после армии».

- Видишь ли, золотко, я был бы, конечно, просто счастлив, если бы ты меня дождалась, но уж если Родина – мать её, решила вычеркнуть из моей жизни два года, то тебе-то, зачем всё это. Тем более, что в моём случае, скорей всего будет три года. Так вправе ли я просить тебя о такой жертве? Нет уж, не надо ничего обещать, и будь счастлива. Когда вернусь, встретимся и начнём всё с чистого листа.

Ответом на эту выпренную тираду послужил звонкий девичий смех. Варька, откинувшись и прикрывая грудь углом пледа, хохотала от души, до слёз, а Серый, как не пытался, не мог сообразить, чего такого смешного он сказал. Обычной реакцией были тихие слёзы и нежное, успокаивающее

поглаживание русских, каштановых или рыжих кудряшек с неизменным «невинным» поцелуем на прощанье, а тут...

- Ты чего это?

- Да так... Я всё думала – ты одной Ленке такую песню на прощанье спел или нет. Оказалось, это у тебя коронный номер.

- Чёрт, ты и про Ленку знаешь?

- Ага, и ещё про Светку со второго курса...

- Ба, да у тебя на меня целое досье собрано.

- Нет, мой милый, просто не надо волочиться за каждой мини-юбкой, доводить несчастное педучилище до коллективного оргазма и становиться ночным кошмаром эротических снов бедных первокурсниц.

- А чё, я ничё...

- Ну, как это «ничё»? Галантный, культурный, обходительный, слова матерного не услышишь. К тому же при деньгах и не жадный. А девушки, они, знаешь ли, любят иногда цветы получать и мороженого за чужой счёт покушать. Веришь, у нас девчонки даже пари держали – кого ты первую на танцах пригласишь, и с кем чаще танцевать будешь.

- Да ну?

- Вот тебе и «да ну». А когда ты цветы Маринке подарил...

- Стоп. Какой такой Маринке?

- Вот, даже как зовут, не помнишь. А когда на вечере узнал что у неё день рождения, сбегал к метро и приволок среди зимы букет цветов.

- А-а-а, это... Так у нас с ней ничего не было.

- В том-то и дело, милый. Подарил незнакомой девчонке цветы просто для того, чтобы сделать приятное.

- Подумаешь, мне, что жалко, что ли?

- Поэтому, Серенький, нечего удивляться тому, что в 4-м педучилище все про тебя всё знают.

- А что же Вы, любезная синьорина, с таким бабником связались?

- Ну, во-первых, ты не бабник, а скорее... сердцеед и ловелас. Затащить девчонку в постель для тебя не главное. Тебе интересен сам процесс охмурения, для тебя это как игра и, надо признать, игрок ты умелый. Я и то не устояла, а уж на что себя считала сильной. А знаешь, что тебе больше всего помогает в этом процессе? Твоя тактичность. Бедные девушки это чувствуют и сдаются доверчиво. Знают же, что при любом раскладе ты над ними и сам не посмеёшься и другим не дашь. Скажи, ты с кем-нибудь расстался со скандалом?

- Ну, нет. Вроде не было такого.

- Вот видишь, тебе как-то удаётся делать так, что ни одна из твоих «бывших», по крайней мере, из тех, кого я знаю, не считают тебя козлом. И я поняла почему.

- ?

- Ты честен. Всегда выполняешь то, что обещал и не вешаешь бедным девушкам лапшу на уши.

- Ну, ты даёшь. Полный расклад на тему «кто я есть такая сволочь и на самом деле».

- А то! И в-третьих..., - Варька гибким движением скользнула к нему на грудь и, порывисто прижавшись к нему, прошептала:

- А в-третьих, ты мне просто нравишься...

Горячее, упругое девичье тело обожгло огнём и Серый почувствовал, как кровь опять начала пульсировать в висках, но это было только мгновение. Варька так же резко отодвинулась, села на тахте и, словно стесняясь своей наготы, наклонила голову. Рассыпавшиеся волосы закрыли её лицо, плечи и часть груди. В тусклом свете ночника кожа девушки казалась бархатисто-

золотой. Серый потянулся к ней, но из-за завесы волос блеснул ехидством хитрющий глаз.

- Вынуждена заметить, что благородному Ланселоту пора покинуть несчастную Гвиневу, оставив её лить в разлуке безутешные слёзы.

- Не печалься, моя королева, я сразу очередного дракона и вернусь к тебе.

- Хотелось бы верить, - почему-то с печалью в голосе ответила она.

Октябрьский вечер был прохладен и свеж. То, что сыпалось с неба на головы несчастных прохожих, назвать дождём не повернулся бы язык и у самого красноречивого. Так, какая-то мокрая взвесь, практически неосязаемая, однако оставляющая сырость на лице, руках и одежде. Но, несмотря на это, Серый не стал дожидаться трамвая, а пошел через половину Нагатино к метро пешком. Шел не торопясь, нога за ногу, покуривая свою любимую «Яву». Шел и мысленно, подводил итоги прожитого за 18 лет. Повод перешерстить всё это в памяти был. Повестка о призыве на действительную срочную службу на 26 октября. То есть, свободы осталось совсем немного. Ровно на три дня, считая сегодняшний, уже почти прошедший. Завтра получить расчет в порту, закупить выпивки на проводы и... всё. Гости уже приглашены, рюкзак и телогрейка с надписью на спине «РЕКРУТ» а на груди «команда 550» ждут в чулане, а значит ровно через два дня всё сегодняшнее останется позади. Это немного тревожило и, может быть поэтому, мысли в голове крутились несколько сумбурно.

Почему-то вспомнился сволочь Дрон, лупивший его в шестом классе как сидорову козу. Хотел сделать своей «шестёркой». Не получилось. Серый оказался упёртый характером и, размазывая по лицу кровавую юшку после очередной порции дроновских кулаков, продолжал стоять на своём и только материл садюгу по-чёрному. Через полгода «Дрон» наконец-то понял, что от этого костлявого недомерка послушания не дождешься и отстал. Потом в памяти всплыл, рассекая белоснежным форштевнем серо-коричневую речную волну «Антарес» - учебное судно Детского речного пароходства, на котором тринадцатилетний Серый и 29 его ровесников, под командой двух взрослых проходили практику. Просто и без затей. По маршруту «Москва – Ульяновск – Москва» Сами провели теплоход. Сами его мыли-драили, сами обслуживали, сами стояли вахту в машинном отделении и на руле. Вспомнились друзья-хулиганы, с кем в последний год школы, вместо того чтобы грызть гранит науки, предпочитали, пропустив грамм по 100 дешевого портвейна, только для запаха, а дури-то и своей вполне хватало, выходили на «бродвей» искать себе приключений на определённое место. И находили, порой возвращаясь с побитыми мордами, но вполне довольные собой. И другая, уже после школы, холёная и наглаженная компания, где в ходу были «грины», «чеки», «диски» и «шмотки». Их как-то отодвинули в сторону не всегда чисто умытые, а иногда сугубо похмельные, но зато всегда надёжные парни с «Речного» - буксира, куда он устроился работать после школы, с успехом завалив экзамены в институт. Это их промазученные и обмозоленные руки поддержали совсем ещё зелёного пацана, помогая осваивать азы нелёгкого матросского ремесла. Да и потом, когда освоился и начал работать наравне со «стариками», он всегда знал, что они рядом и, случись что, не замедлят прийти на помощь, впрочем, как и он им. Серый улыбнулся, вспомнив сегодняшнее утро...

Сменившись с теплохода в 10 часов утра, они завалились в кафе «Портовое». «Они», это: Сашка – 1-й штурман, мотористы Колька и Серёга, матрос Валька. Решили слегка выпить за, теперь уже бывшего, матроса, а ныне призывника Серого. Но «слегка» опять не получилось. Так бывало всегда,

когда за одним столом с выпивкой оказывались одновременно Серёга с Сашкой. Почему-то худой и жилистый Серёга считал, что просто обязан, хоть когда-нибудь, перепить сибиряка-здоровяка Сашку. В эту азартную гонку постепенно вовлекались все окружающие, у кого есть хотя бы одна рука, чтобы поднять стопку, и горло, чтобы её туда опрокинуть. Потому, и на этот раз «всего одной бутылочкой» дело не ограничилось и к полудню, блестя раскрасневшимися мордами, компания создавала шум достойный вечернего времени, когда в зале народу битком, а не на два-три столика, как сейчас.

По расчётам «Общепита» кафе строилось с той целью, чтобы заходящие в Южный порт теплоходы, а вернее сказать их экипажи, оставляли здесь свои радужные шуршащие бумажки и звонкие блестящие кружочки, но речники оказались ребятами стойкими и продолжали упорно пить на борту, а кафе оккупировала местная шпана. Однако, расположение – недалеко от порта, да и само название кафе периодически затягивали в его чрево кого-нибудь из речной братии. Вот и сейчас, кроме гудевшей как трансформаторная будка компании с «Речного», за столиками восседали ещё две. Одна местная, из двух помятых мужиков и синюжной девицы, тихо починялись после вчерашнего портвешком, прикидывая, дошла ли уже гудящая компания до того предела, когда можно рассчитывать на халяву или ещё нет. И другая, в которой четверо суровых речников с Вятки лечили нервную систему, расшатанную безумным судоходством на Москве-реке, употребляя водку «Московскую» фужерами под салат «Столичный».

- Ну ладно, Серый, давай за твой «дембель», - Колян наконец-то подцепил на вилку маринованный грибок, за которым гонялся по тарелке уже минут пять: «Давай, чтоб он у тебя был скорым и безболезненным».

- Крыса ты, Колька, сухопутная, - вмешался Сашка: «Ну, какой на флоте «дембель»? За ДМБ!

- А-а, без разницы...

- Это тебе здесь без разницы. А сказал бы ты такое у нас на крейсере, тебя бы «годки» под сланями сгноили. Или, ещё хлеще, «годка» назвал бы «дедом».

- Так может, его ещё и не на флот отправят...

- Кого? Котёнка этого серого? – вмешался Серёга: «Да у него на лбу написано «ВМФ. 3 года - вся жопа в ракушках, ссы на грудь – без моря жить не могу».

- Хорош вам, мужики. Рука устала, давай выпьем. Я узнавал. У меня команда 550, а это ВМФ. Точно!

Выпили.

В этот момент дверь кафешки распахнулась, и появились ещё двое из экипажа «Речного». Валерка-моторист и матрос Витька: «О, я же знал что они здесь...»

- А Вы, мужики, как здесь оказались?

- Бункеруемся. Отпросились у «кэпа» на два часа.

- А чего тогда время теряете? Садись, наливай и пей...

Налили.

- Давай, Серый, чтоб у тебя служба...

- ...мёдом не казалась.

- Чтобы служить тебе...

- ...там, где Макар телят не гонял.

Дружно заржали. Выпили.

- Ну вот, навалились на маленького, обижают, - Серый театрально надул губы.

- Обижают!? Маленького!? А кто команде последний год жить спокойно не давал?

- Кто мне шерсть на груди, заботливо выращенную, полосками выбрил, пока я пьяный спал? Под тельняшку, говоришь?

- А сапоги мои в раздевалке кто болтами к палубе прикрутил?
- А мне на День рождения косточку с дарственной надписью «От товарищей по стае» кто подарил?
- Не, Котёнок, теперь-то мы от тебя точно отдохнём, хотя рога от каски, которые ты мне присандалил, откручивать не буду. Уже привык.
- Жалко только, что всего три года отдыхать...
- А чё, мужики, давай Устинову письмо напишем. Пусть он, как Министр обороны, этому кошаку серому срок службы до четырёх лет увеличит.
- Ага, и загонит его на Северный флот, потому что холодов он не любит.
- И в морскую пехоту его, гада, чтоб погоняли вволю.
- Не, в морпехи нельзя, там два года. Лучше под воду его, на подлодку...
- Да, мужики, узнал бы я про Ваши прииски пораньше – перевёлся бы в технаре с заочного на дневное, получил бы отсрочку и, глядишь, через годик всех вас «канатчикова дача» как родных приняла.

Опять поржали. Захотели налить.

- О, пусто... Как нашу официантку зовут?

- Варвара.

- Варенька, золотце, принеси ещё бутылочку...

- А лучше сразу две, чтоб потом не бегать...

Варвара. Варенька. Варюха.

Тут до Серого дошло, почему его занесло в гости именно к птичке-Синичке. Случайно названное имя послужило ориентиром для отравленного алкоголем мозга.

Но теперь-то мозг был в порядке. Поспал, кофе... А главное, Варюха всю муть из башки вышибла. И эта прогулка по вдрызг отсыревшему Нагатино, которая окончательно привела его в порядок.

Стеклянная распашонка дверей метрополитена встретила его теплом и сыростью. Глухо звякнул «пяточок» в турникете, с треском открылись створки, пропуская его внутрь. Блестящий голубой поезд как будто поджидал у перрона и Серый запрыгнул в вагон. «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Автозаводская», - прохрипел динамик и состав тронулся. Серый прошел вдоль полупустого вагона и устроился в самом торце. Поезд вылетел из туннеля на Нагатинский метромост, и первые капли прочертили на стёклах косые дорожки. Внизу, под мостом, серебрилась в свете неоновых фонарей Москва-река, со стороны Южного порта темнел силуэт теплохода с ходовыми огнями. Три белых огня в треугольнике. «Кот на кошке сидит и один глаз прищурил» - вспомнилась техникумовская шутка. «Толкач-буксировщик ведёт баржу толканием», - по привычке определил он. Возможно, что это даже его «Речной». Уточнить, так ли это, он не успел. Поезд с грохотом нырнул под землю. Дальше за окном ничего интересного не предвиделось и Серый, прикрыв глаза, погрузился в полудрёму. Так отдыхать научил его «кэп» – Алексеич, в те дни когда катастрофически не хватало людей на теплоходе и приходилось стоять на вахте по несколько суток. «Пойми», - объяснял он: «Пятнадцать минут отдыха – тоже отдых. Это только кажется, что никакого эффекта, но, поверь, эти пятнадцать минут дадут тебе на лишний час бодрости, а там, глядишь, и ещё удастся пятнадцать минут урвать». Для того чтобы так отдыхать, даже лежать или сидеть не обязательно. Прислонился к чему-нибудь и расслабился, мысленно представляя как усталость, словно тяжелая вода, стекает по телу вниз. Выравниваешь дыхание, вдох — носом, выдох через рот и стараешься ни о чём не думать. Мысли, конечно, в голове крутятся, но, как бы, за гранью сознания и ты на них не реагируешь. Остаётся включенным

только вестибулярный аппарат, если сидишь или стоишь, и слух. Они-то и выведут из расслабленного состояния в нужный момент. «Станция «Новокузнецкая». Переход на Калужско-Рижскую линию». «Моя!» Глаза открылись и Серый рванулся к выходу из вагона. Пересадка и дальше до «Профсоюзной». Домой.

- Ну и где ты целый день шлялся? – встретила его мать: «Тебе тут уже весь телефон оборвали. Садись ужинать, пока не остыло».

Серый снял пропитавшуюся влагой куртку и отсыревшие ботинки. Прошёл в кухню, вернее сказать, протиснулся. Кухня у них в «хрущёвке» была знатная. Целых 4,5 метра на которых умещались мойка, плита, кухонный стол, холодильник. Поэтому, когда семья садилась трапезничать в полном составе, все трое, кому-то одному приходилось сидеть уже в коридоре. Но зато, как шутили в их семье, можно до всего дотянуться, не вставая со стула.

- Мам, а кто звонил? – спросил Серый, с аппетитом уминая сосиски с макаронами, обильно сдобренными болгарским кетчупом. «Сейчас скажу». Она сходила за блокнотом с телефонного столика и начала доклад: «Звонил Лёшка Дрожжин, спрашивал, брать ли ему гитару на провода или твоей обойдёмся. Я сказала, чтобы взял».

- Правильно сказала. У него «Кремона», а у меня ивановский ширпотреб, да и строит последнее время чёрти как.

- Звонила Ленка, спрашивала, как проехать, ну а я посоветовала объединиться с Равилем и другими одноклассниками. Так?

- Ага, всё правильно.

- Ещё Кира звонила...

- Ну, ей я сам перезвоню потом.

- Да, она просила. И ещё... дед Саша звонил.

- А ему-то чего надо?

После развода родителей, а особенно, после того как мать по второму заходу вышла замуж, Серый старался держаться подальше от отцовской родни, к которой относился и дед. Вообще-то дед, да ещё двоюродная сестра, были единственными, с кем он хоть как-то соглашался общаться. Слишком уж болезненным был этот развод.

- Он хотел с тобой поговорить.

- ?

- Я сказала, что ты вернёшься поздно и что ему лучше перезвонить завтра с утра.

- Спасибо, ты у меня молодец.

- Работа такая...

Мать у него работала секретарём-референтом и шутила, что при таком обилии звонков сыну, она начинает путаться, когда она на работе, а когда нет, и может однажды по ошибке брякнуть в домашний телефон: «Приёмная товарища Фесенко».

- Вот только ты у меня не молодец.

- А чего?

- Опять сегодня пил.

- Мам, ну не начинай. Проставился перед ребятами на пароходе. Отвальная, сама понимаешь.

- У тебя вечно повод найдётся!

Тема была старая и больная, как геморрой у Бабы-Яги. Одной из причин развода родителей была неуёмная страсть отца Серого к спиртному и она, естественно, опасалась, что «яблочко от яблоньки недалеко падает», тем более, что и сам Серый к алкоголю отвращения не испытывал и потреблял с

удовольствием. Единственное, что её хоть немного успокаивало, то, что сын, в отличие от её бывшего мужа, не стремился просто нажраться до свинского состояния, а предпочитал пить красиво. Нахвтался у каких-то своих друзей и теперь периодически приносил домой такие напитки, которые она видела только в глянцевых заграничных журналах. Приносили иногда такие на работу кто-нибудь из подруг, чьим мужьям подфартило съездить в заграникомандировку. Понятно, что и стоили такие напитки не 3 рубля 62 копейки, а значит, много не выпьешь – денег не хватит.

После ужина Серый решил добраться до телефона, но журнальный столик, на котором стояло это техническое чудо, был занят. Отчим, перебирая свои крючки-мормышки, готовился к зимнему сезону. С отчимом у Серого отношения сложились. Здоровенный дядька-работяга, без всякого высшего образования, по-чёрному любил его мать и за это Серый прощал ему и недостаток образованности, и грубоватое обращение, и даже подзатыльники. А с тех пор как Серый закончил школу и пошел работать отношения наладились окончательно. Про «ремнём по жопе» за очередной привод в милицию или подзатыльник за свежую «пару» уже и не вспоминали.

- Серый, я тебе тут приготовил кое-чего.

- Чего?

- Вот. Электробритву тебе купил.

- Зачем?

- Как «зачем»? В армии бриться будешь.

Серый ладонью погладил свой подбородок. Гладкий. Кожа нежная, как у девушки. Лёгкий пушок, который раз в неделю скромно просил соскоблить его станком, пока ещё даже не намекал на то, что когда-нибудь ему потребуется такой серьёзный агрегат, как электробритва. Но когда-то ведь потребуется, тем более, что служить три года. Подарок, конечно, роскошный, но Серый помнил рассказы мужиков на теплоходе о том, что у «салаги» всё равно «годки» всё отберут. Поэтому, повертев в руках, обтянутую синим кожзамениателем коробочку, он сказал:

- Спасибо, конечно, но я бы предпочел по-другому. Давай я заберу с собой твой станок, мы ведь и так им вдвоём пользуемся, а тебе останется это.

- Ну, как хочешь...

- Да не обижайся ты. Мне ещё и брить-то пока нечего, а такую знатную машинку у меня в армии «старики» быстренько отнимут.

- Ну, да! Так ты и отдашь.

- Отдам. Меня мужики уже просветили. Там свои законы.

- А раз так... бери станок.

- Спасибо. Да, кстати, давай и часами поменяемся.

- По той же причине?

- Ага.

Махнули. «Полёт» на «Ракету», но ремешки браслетов пришлось переставлять. Костлявое запястье Серого раза в два тоньше могучей кисти отчима.

- Чем ещё меняться будем? – повеселев, спросил отчим, поглядывая на блестящий новенький «Полёт».

- Трусами, - буркнул Серый: «Я их в море буду вместо паруса использовать или рыбу ими ловить начну».

- Вместо невода?

- Нет. Как отравляющим веществом.

«3-3-3-3, 3-3-3-3». Телефон... «3-3-3-3». Достал, зараза... «3-3-3-3». Чёрт, придется вставать...

Серый разлепил веки и босиком пошлёпал к телефону. «Алё», - недовольно пробурчал он в трубку: «Алё, слушаю».

- Здравствуй, внук.

- А, здорово, дед.

- Слухи до меня дошли, что тебя в армию забирают.

- Ну, есть такое дело. Повестка на 26-е.

- А куда, не сказали?

- Куда же ещё? ВМФ, конечно.

- По моим стопам значит. Я ведь тоже, в 36-м году...

- ... на Северном флоте служил. Знаю, ты рассказывал.

- Не перебивай старших! Да, в 36-м, на Северном флоте. И лишь, поэтому в живых остался, когда сталинские подонки весь род к стенке поставили...

На этот больной мозоль деда, даже наступать не нужно было, сам заводился с пол-оборота, дай только повод. Но в этот раз он, почему-то, притормозил:

- Но не об этом я тебе хотел сказать. Просто в тебе, внук, а не в твоём отце, я вижу наследственные черты нашего рода.

- Это, какие же?

- Благородство, настойчивость, смелость.

- Ага, только мои кореша называют это «чистоплюйство, упёртость и безбашенность».

- Пусть называют, как хотят. Главное – суть. Вот из-за этих-то своих характеров в нашем роду и после революции и до неё очень многие пострадали. Поэтому, прошу тебя честь рода беречь, за чужие спины не прятаться, но характер свой попридержать и голову бездумно в пекло не совать. Помни, что ты последний в роду и если что... 42 поколения предков на том свете будут очень сожалеть о том, что наш княжеский род прервался.

- Дед, ты на календарь давно смотрел? Какой год на дворе не помнишь? 78-й! Революция была 60 с лишним лет назад. Ты всю жизнь при советской власти прожил, а так и не понял, что князей ещё в октябре 17-го отменили.

- Князей отменить можно, а вот благородство нельзя. И неважно врождённое оно или приобретённое. Ты думаешь, мои родители во дворце жили? Ничего подобного. Не было у них ни богатства особого, ни дворцов, ни земельных владений. Сами себе на жизнь зарабатывали. Благородство – оно внутри, когда ты поступаешь так, чтобы предкам за тебя не было стыдно. А с этим никакая власть ничего поделаться не сможет. Тут только ты сам. Захочешь быть князем – веди себя соответственно, захочешь быть свиньёй – то же самое. Причём, заметь, что свиньёй быть намного проще. И власть здесь не при чём.

- Ладно, спасибо, я запомню. Слушай, дед, а как же ты, за всё, что для тебя Родина сделала, на неё не обозлился? Ведь всю родню под корень извели, тебе сколько досталось, а ты воевал за неё, потом страну отстраивал, вкалывал всю жизнь?

- Ты не путай. У моего отца такая присказка была «Цари меняются, Россия остаётся». Потому-то и не обозлился, что для России старался, а не для Политбюро. Вот и ты об этом помни. Ну, ладно, заболтал я тебя. Служи, внук, удачи тебе и помни, что я тебя... люблю.

- Спасибо, дед. Я тебя тоже.

Разговор закончился, но Серый ещё целую минуту сидел, прижимая телефонную трубку к уху и слушая короткие гудки. Потом тряхнул нечёсаными патлами, разогнал мысли и отправился на кухню пошакалить чего-нибудь на завтрак. Дел на сегодня намечалось много, и всё надо было успеть.

Вернувшись из «Новоарбатского» с полными сумками, он сел сортировать накупленное. Джин «Marina», «Посольскую» и «Охотничью» в морозилку.

«Катнари», «Токай» и «Российское» - в чулан. «Арарат» и виски «Club 66» - в буфет. Хотя, кто эту гадость американскую пить будет – непонятно. Взял так, «для престижу». Апельсиновый сок, частично в холодильник, а частично в формочки для приготовления льда. Фрукты в овощной ящик, в компанию к уже заготовленным матерью вялым магазинным огурцам и помидорам. Вроде набрал много, должно на всех хватить. А не хватит, так в буфете ещё португальский портвейн стоит и финская «брусничка».

С чувством выполненного долга отправился в душ. Похлестал себя струями горячей воды, почти кипятка. Помыл голову любимым болгарским шампунем...

Когда, некоторое время назад, он понял, что для привлечения внимания прекрасного пола хорошо подвешенного языка недостаточно, да и наличие денег особого значения не имеет, то начал более внимательно следить за своей внешностью. Так, обнаружив, что от «Яблочного» шампуня его русые волосы приобретают пепельный оттенок, стал пользоваться только им, прикладывая порой титанические усилия в поисках этого дефицита. Но, зато грива получилась на славу. Волосы чуть ниже плеч, густые и блестящие – предмет его тайной гордости. Порой, на швартовке или во время аврала в машинном отделении, они путались и мешали ему, но всё искупали восхищённые взгляды очередной «симпампулечки».

Вытираясь махровым полотенцем перед зеркалом, он продолжил критический разбор себя, такого красивого и замечательного. Рост средний, плечи без особого размаха, но грудная клетка широкая, что в сочетании с тонкой талией и узкими бёдрами создаёт вполне приличный силуэт. Даже на медкомиссии в военкомате он, порой, ловил на себе взгляды медсестёр помоложе. Ноги длинные и мускулистые, а вот руки подкачали. Кость тонкая, запястья узкие, как у подростка - недокормыша. Нет, руки Серому определённо не нравились... Взял фен, начал сушить голову, напевая: «Я пушистый серенький котёнок...»

«3-3-3, 3-3-3». Опять телефон. Не одеваясь, «...а-а, всё равно в квартире никого нет», он плюхнулся в кресло и схватил трубку: «Алё».

- Привет.

- О, Галчонок, сто лет тебя не слышал...

- А если бы я не позвонила, то ушёл бы в свою армию и ещё сто лет бы не услышал.

- Да брось ты, у нас такого срока службы нет.

- Для тебя, обманщика, специально придумают.

- И ты туда же... а в чем же я обманул тебя, солнышко?

- А кто мой портрет обещал нарисовать, а сам в армию сбегает?

- Ты уж извини, не получается портрет.

- Ну-у-у, а что же мне останется, чтобы тебя вспоминать, кроме твоего обещания жениться на мне после армии?

- А хочешь, я тебе на память комикс оставлю? «Русалочка» называется. Я там главную героиню, можно сказать, с тебя рисовал, такие же глазищи огромные.

- Сказочка? Думаешь, если мне ещё шестнадцати нет, то можно над ребёнком посмеяться?

- Упаси бог. Целая любовная драма. Злая колдунья. Красавец-принц. Куча всяких переживаний... Правда, концовка не совсем весёлая.

- Что так?

- А-а, был не в настроении. Все умерли.

- Печально, но всё равно хочу. Когда привезёшь?

- Да хоть прямо сейчас.

- Вот и ладненько. Пока ты доедешь, я уроки по-быстренькому сделаю, чтоб мать вечером не гундела. Да, и фото моё не забудь привезти, которое брал, чтобы портрет нарисовать.

Серый со стоном положил трубку: «Вот ведь чёрт, не прошла афера с фотографией. Придётся возвращать». Про портрет он ей изначально соврал. Не умел Серый рисовать портреты. Всё что угодно – корабли, драки, пейзажи, обнаженные тела в любовной схватке, но только абсолютно абстрактно, без портретного сходства. Ну, не дано человеку... А Галка-жадина фото дарить не хотела. Да и кто он её? Двоюродный брат школьной подруги, почти на три года старше. Вот и придумал такой хитрый ход, чтобы завладеть вожаденной фотографией. Хотя, саму Галку он вожаделел ещё больше. Как-то незаметно она выросла в красивую девушку и в будущем обещала стать ещё красивее. Но не это главное. Красивых девчонок со стройными ножками среди подруг Серого хватало, но ни одна не вызывала такого жгучего желания. Казалось все линии её тела – тонкая талия, узкие плечи, изящный изгиб нешироких ещё бёдер, небольшая, но высокая и явно упругая грудь – всё заставляло кровь бешено пульсировать в висках, как не было ни с одной другой. Вроде, всё как у всех, но эффект просто термоядерный. А глаза? Да не глаза, а глазищи! Огромные серо-зелёные, как речные омуты. Погружаясь в них, Серый каждый раз обещал себе захватить в следующий раз спасательный круг или, на крайний случай, спасжилет. Умереть, не встать!

Тем более что лакомый кусочек недосягаем. И совсем не из-за того, что «пятнадцать» - это не только возраст, но и срок который можно схлопотать за доступ к телу. Просто ведёт себя девчонка как принцесса, которой папа, видимо по недосмотру, разрешает ходить по земле, бегать в замызганную среднюю школу, ездить на метро и тайком покуривать в соседнем подъезде. Так что, в отношениях с ней Серый держал себя в руках.

От «Профсоюзной» до «Сходненской» 41 минута, или 43, если до «Планерной». Затем ещё пять минут пешком. И в дверь на втором этаже серой пятиэтажки, где живёт мечта его эротических грёз, негромко «тук-тук».

Дверь открылась, и юная принцесса предстала перед ним во всём блеске своих неполных шестнадцати. В мини-юбке и облегающем вязаном джемпере. Серый почувствовал, как в висках застучало, но взял себя в руки: «Привет, Галчонок». «Привет. Заходи. Чай будешь?» - тембр голоса у неё неожиданно низкий, пробирающий до самого нутра. Жест руки, приглашающий войти, грациозен и изящен. «Чай? Будешь. Я и конфеты, кстати, приволок». Войдя в прихожую, он вручил ей кулёк с «Маской» из плавсоставского магазина, где можно было иногда купить то, что в обычных магазинах практически не появлялось.

- Фото моё привёз?

- Конечно. Вот оно, - Серый достал из кармана конверт и, открыв, показал фото.

- Вот и молодец.

- Вредная ты, ну что тебе жалко солдатику фотку подарить?

- Я сказала - «нет». Примета плохая.

- Не слышал я что-то про такую примету, - он положил конверт на край трюмо и прошел на кухню.

На чай, а особенно на конфеты, высунула нос и Танька, младшая сестра Галки. В свои девять лет она, пока что больше всего напоминала лягушонка с огромными глазами, но было уже понятно, что пройдёт совсем немного времени и ещё неизвестно кто будет красивей. Она или её старшая сестра. А пока эта подрастающая царевна-лягушка нахально устроилась поближе к вазочке с конфетами и, захрустев фантиками, начала канючить: «Серый, ну

расскажи что-нибудь интересное, у тебя всегда что-то происходит». Серый не дал себя упрашивать.

- У меня тут на днях собака завелась. Знаете же, если долго не мыться, то могут всякие вошки-блошки завестись, а у меня так сразу собака. Стоим мы недели две назад возле шлюза, ждём очереди. А я на швартовку прямо из машинного отделения выскочил, весь в мазуте, грязный как чёрт. Так вот, стою возле швартовых, курю. Зачем стою – не знаю, наверное, чтобы их не спёрли. Кому они, на фиг, нужны, эти верёвки драные, но «кэп» команду дал, вот я столбиком и прикинулся. А тут по берегу две девчушки лет по десять-двенадцать идут и щенка на руках тащат. Славная такая псина, серая, на овчарку похожа, но на морде всё равно крупными буквами написано «двортерьер». Я со скуки спрашиваю: «Девчонки, вы куда такого красавца тащите, на рынок что ли?» «Нет», - отвечают: «Он не продаётся, но если хотите, то можем его просто так отдать». «О!» - говорю: «Давайте. Мы из него «тё по ханойски» сделаем». «А это что?» - спрашивают. Пришлось рассказать страшную сказку, что «тё по-ханойски» - это специально откормленные щенки, зажаренные в сметанном соусе. Они сначала испугались, но когда поняли, что шучу, рассказали свою страшную сказку про то, как злая мать велела щенка утопить. Ну, жалко же зверушку... Я его и забрал. «Кэп», правда, из рубки крикнул, что вся эта афёра под мою ответственность и, если пёс будет на теплоходе шкодить, то он утопит не только его, но и меня. Тут шлюз ворота открыл, я верёвки отдал и мы отвалили. Девчонки нам с берега руками машут, но тут я вспомнил, что кличку-то собачатины я так и не спросил. «Девчата!» - ору: «А звать-то его как?» А они мне: «Серый». Тут уже все кто в рубке был, просто в осадок выпали. Мало того, что половина экипажа – Сергей, Серёжи, Серёги... т.е. «Серые», так ещё и пополнение с соответствующей кличкой.

Танюха слушала, широко распахнув глаза, даже про конфеты забыла, а Галка с ироничной улыбкой, как бы говоря: «Ох уж этот Серый, вечно свой нос суёт... собак спасать».

- А пёс толковый оказался. Ему всего-то месяца два, но всё понимает. Я ему на корме ящик с песком соорудил, так он себе там гальюн устроил. Как швартовка, так он в сторонку, куда-нибудь под трап прячется, чтоб под ногами не мешаться. Валька, «кокша» наша, его сначала молочком кормила. Какое там молочко! Она котлеты делала, кусочек мяса сырого уронила. Хотела поднять – нет кусочка, а Серый сидит и с довольной мордой облизывается. Как экипаж пожрать садится, эта хитрюга уже в столовке. Подкрадет и за пятки кусает – требует, чтобы поделились. А зубки то острые, как иголки. Попробуй тут не поделиться. Не кусает только троих. Меня, ну вроде как я ему хозяин, Вальку – та его кормит и «кэпа» – видимо помнит, что тот его обещал утопить ежели, что не так.

- Ну и что, он у тебя теперь дома живёт?

- Не, Колька уговорил его к нему в деревню отправить. Мне же в армию, а предкам моим на фига такая обуза? Я и согласился, только попросил его на цепь не сажать.

- Почему?

- Свобода, Танюха, это такая штука, которая дороже всего, Даже для собаки.

- А что же ты в армию рвёшься с такими принципами. Там ведь что прикажут, то и делай. Получается – плакала твоя свобода.

- А вот тут ты, Галочка, не совсем права. Если приказ грамотный, и я понимаю что это надо, то и выполняю я его как положено.

- А если тупой?

- Не знаю... Наверное тоже выполняю, если сачкануть не удастся.

Так, потихоньку, за разговорами умяли все конфеты. За окном уже плотно повисли синие осенние сумерки, и настало время прощаться. В прихожей, одеваясь, Серый, как бы случайно, опёрся о трюмо и конверт белой рыбкой скользнул на пол. Он наклонился, поднял его и положил на место.

- Ну, всё, Галчонок, я пошел.

- Напиши мне, если... время будет.

- Обязательно напишу. Да и ты тоже, ...если время будет.

Он взял её руку и, глядя в глаза, аккуратно коснулся губами кончиков пальцев. Потом резко повернулся и шагнул за порог.

Лёгкий щелчок замка подтвердил факт ухода, а она, постояв с минуту перед закрытой дверью, со вздохом повернулась и, захватив по пути конверт направилась на кухню. Чистюля Танюха уже вымыла чашки и теперь со скрипом тёрла их полотенцем. «Галь», - спросила она тихо: «Скажи, ты его любишь?» «Не знаю», - тяжело вздохнув, ответила ей сестра, опускаясь на табуретку: «Он мне сейчас руку поцеловал, так прямо как током ударило, а насчёт любви... не знаю».

- Жалко. Он хороший. По крайней мере, из всех твоих знакомых.

- Молчала бы, эксперт - второклассник! Что ты в этом понимаешь? Иди, вот лучше, уроки доделывай.

Фыркнув рассерженным котёнком, младшенькая исчезла, а она продолжала сидеть, бездумно глядя в окно и машинально крутя в руках конверт. От неловкого движения он открылся и на пол упал кусочек картона размером с фотографию.

*Извини, но фото твоё я украл,
Так как в приметы не верю
Серый.*

- Подлец. Конверт подменил, - с улыбкой прошептала она, и из её огромных глаз покатались слезинки.

А причина девичьих слёз – Серый – в это время шёл через сияние первых фонарей по вечернему Тушино. Шёл туда, где жила причина неудач всех девчонок, пытавшихся завладеть его сердцем. Они, бедные, даже предположить не могли, что у этого шалопаю, баламута и бабника сердце занято плотно и намертво.

Два года назад, ещё в школе, он влюбился. Не с первого взгляда, но как-то вдруг и наповал. Она училась в параллельном классе, но на Серого, несмотря на все его старания, обращала внимания не больше чем на кого-либо другого. Нормального парня это наверняка отрезвило бы. Не любит, ну и ладно – забудем, а его забирало всё сильнее и сильнее. Он понимал, что ей безразличен и старался не докучать своим назойливым вниманием, но с желанием видеть её справиться не мог. И тогда, в подъезде напротив её дома, он устроил себе пост для наблюдения за её окнами. Весь десятый класс он периодически торчал на своём НП, рифмуя для неё наивные детские стихи и мечтая о том, что «вдруг всё изменится». Жильцы подъезда уже настолько привыкли к торчавшему часами возле мусоропровода мальчишке, что даже начали с ним здороваться. Тем более, что вел он себя прилично, надписей на стенах не делал, окурки не разбрасывал, а если кому-то не нравилось его присутствие, уходил тихо и без спора.

Вот и сейчас, поздоровавшись с дежурными бабулями у подъезда, он поднялся на седьмой этаж и прикинулся бесплатным приложением к мусоропроводу. Сегодня не повезло. Интересующие его окна в доме напротив таинственно темнели на фоне белой стены. Никого нет дома. Серый закурил и задумался.

С окончанием школы, закончился и период щенячьей влюблённости. Осталась только лёгкая, но сладкая боль где-то чуть ниже ключицы, но ему это было даже приятно, и он продолжал, хоть изредка, устраивать себе такие экзекуции. Заодно, таким образом, проверял, насколько сильно ему нравится очередная подружка. Вроде, вот оно, захватило новое чувство, а съездил на НП и понял, что старое-то ещё не отпустило. При этом - никаких эротических фантазий в голове даже не возникало. Просто светлое и чистое детское воспоминание, почему-то сохранившееся так долго.

Внезапно вспыхнул свет в одном из её окон и, как будто по команде, в голове созрела первая строчка. Привычным движением Серый выдернул из кармана блокнот

Любовь и Ненависть друг другу далеки...

В окне мелькнул силуэт... Она? Не она? Может кто-то из родителей? Не разобрать...

Как ночь и день, как солнце и луна...

Свет зажегся уже на кухне. Это лучше, там нет тюлевых штор и можно рассмотреть. Она!

Антагонизмы, ярые враги.

Из века в век, в любые времена..

Подошла к плите, поставила чайник и вышла из кухни. В комнате к освещению добавился голубой оттенок – включила телевизор.

Где есть любовь, там ненависти нет.

Где ненависть - сказать «люблю» нельзя.

Одна нам дарит солнца яркий свет,

Другая застилает мглой глаза.

Строчки в блокнот ложились кривыми и косыми каракулями. Да и не мудрено. В полумраке подъезда, не отводя глаз от её окон. Ерунда, потом расшифруем, сейчас главное, это записать пока из памяти не вылетело.

Одна к верхам сияющим зовёт,

Другая в пропасть, где темно и смрад.

Полюбит человек – идёт вперёд,

Возненавидит – пятится назад.

Вроде ничего. Потом, в спокойной обстановке подровняем и подшлифуем где надо, а пока и так сойдёт. На сонет похоже... Ну, так и концовку забабахаем как в сонете

Любовь и Ненависть, но вот одна беда,

Что ходят они рядышком всегда.

Как будто почувствовав на себе его взгляд, она встала и задернула занавески. Всё. Кино закончилось. Можно уходить.

А в метро, в это время, творился час пик и относительно свободно, без толчеи и давки, удалось доехать только до «Площади Ногина», а после пересадки, усталая и озлобленная после рабочего дня толпа, стиснула Серого и безжалостно вдавила в угол вагона, прямо на стоящую там худенькую девчонку. Она пискнула задавленной мышкой, когда бугай сзади навалился Серому на спину, а он, соответственно, придавил бедную девчонку, едва не коснувшись щекой её щеки. «Непорядок», - подумал он и, хотя столь близкий контакт ему был даже приятен, упёрся руками в стенку и, поднапрягшись, отодвинул толпу, освободив для неё клочок свободного пространства. «Спасибо», - чуть слышно шепнула она и улыбнулась. «А она хорошенькая...», - подумал он, вынужденно разглядывая в упор случайную спутницу. Губки пухлые, реснички длинные, вот только одета как-то странно. Одежда как одежда, но вся тёмных тонов, ни одной яркой краски, косметики нет и даже в

аккуратных маленьких ушках не только нет никаких серёжек, но даже и дырочки для них не проколоты. С такого близкого расстояния он видел это абсолютно точно. Даже странно. В наше продвинутое время, когда малолетки уже в пятнадцать-шестнадцать лет норовят увешаться всякими цацками, как будто это им красоты прибавит, на ней никаких украшений. Да ей они не особо-то и нужны.

Девчонка, почувствовав его пристальное разглядывание, поёжилась, и Серый демонстративно отвёл взгляд в сторону, но боковым зрением заметил, что теперь уже она исподтишка разглядывает его. Чуть повернул голову в её сторону. Отвела взгляд. Отвернулся. Опять начала коситься на него. Так они играли взглядами две остановки, пока на «Ленинском проспекте» часть народа не схлынула, и в вагоне стало немного свободнее. Серый слегка отодвинулся, но рук, ограждающих девушку от напора толпы, не убрал и, посмотрев ей прямо в глаза, улыбнулся. Девушка ответила встречной улыбкой, но тут же опустила глаза, спрятав их за шторками ресниц. «Эх, познакомиться бы...», - подумал он, но почему-то, наклонившись к ней, сказал почти на ушко: «Девушка, а я завтра в армию ухожу». Она вскинула взгляд, в глубине тёмно-синих глаз затаилась лёгкая печаль, хотя уголки пухлых губ пытались приподняться в улыбке, одновременно вызывая появление на нежных щеках очаровательных ямочек. «А я тоже завтра уезжаю», - сказала она и с лёгким вздохом добавила: «В Невьянск».

- Вы там живёте?

- Нет, но теперь буду.

- Замуж выходите?

- Нет. Там монастырь. Женский.

Серого как будто током ударило. Теперь стали понятны и отсутствие украшений и тёмные тона её одежды. Что же такое должно было случиться, чтобы молодая и красивая девушка вот так, добровольно, отреклась от этой прекрасной и интересной жизни, сознательно заточив себя в стенах монастыря, посвятив отпущенные годы молитвам и служению Богу. Сам он вырос некрещёным и в Бога не верующим, по крайней мере, пока никакая божественная помощь ему не требовалась. Но такой поступок внушал уважение. Ему даже показалось кощунством то, что его левый локоть, опираясь о стенку вагона, касается плеча девушки, и он слегка отодвинул руку. Она мимолётно улыбнулась, как бы подтверждая правильность такого действия. Как-то сразу стали неуместны все темы для разговоров и те слова, которыми он обычно пудрил девушкам мозги. Пауза затягивалась, и чтобы сказать хоть что-то он брякнул: «А трудно... монашкой стать?».

- Стать нетрудно, быть тяжело. Да я и не в монахини пока. Мне не меньше года нужно будет в послушницах проходить, а уж потом, если послух выдержу...»

Она говорила всё это тихим и ровным голосом, но глаза её сияли. Говорила так, как другие рассказывают об удивительном и прекрасном времяпровождении, но Серый понять её не мог.

- Но почему? – вырвалось у него.

- Понимаешь, - она сразу назвала его на «ты»: «Как тебе сказать? Ты ведь атеист, наверно, в Господа не веруешь?»

- Ну да, в общем... - не стал врать он.

- Только Господу всё равно, веришь ты в него или нет и, поэтому любой человек однажды приходит к пониманию того, что Он всё-таки существует. Рано или поздно, но всё равно это произойдёт и человек поймёт, что без Божьего промысла, без Его воли ничего не происходит.

- Но я пока что и без Божьей помощи сам справляюсь.

- Пока что... и, слава Богу. Некоторые могут всю жизнь прожить и понять это лишь в глубокой старости. Потому-то в церквях старых людей больше. Мне повезло, я это поняла уже сейчас.

- Что ж, и сразу в монастырь?

Она улыбнулась своей мимолётной улыбкой..

- Но это не значит, что я обязательно монахиней стану. Послух, он для того и даётся, чтобы человек определил свой путь. Тот, где для Господа он нужнее будет. Может и я через год пойму, и в мир вернусь.

- А отпустят?

- Так ведь послушника никто не держит. Это всё сугубо добровольно.

«Станция «Профсоюзная», следующая «Новые Черёмушки», - хрипло намекнул динамик.

- Ну вот, моя остановка. Счастливо тебе.

- И тебе. А зовут тебя как?

- Серый.

- Сергей значит...

- Да, а тебе это зачем?

- Молиться за тебя буду, ... солдат.

- Спасибо тебе, ... святая.

Повинуясь порыву, он прижал руку к груди и отвесил девушке полупоклон, а она подняла руку, как бы благословляя его: «Иди с Богом». Серый выскочил из вагона и, поэтому, уже не видел взглядов пассажиров удивлённых этой необычной сценой, такой естественной для них в сложившейся ситуации.

Дома, просидев весь оставшийся вечер на телефоне, в потугах отрегулировать завтрашний прощальный «сейшел», вспомнил о том, что нужно позвонить Кирюхе только в одиннадцать часов.

Достаточно поздно, учитывая, что мать её держала в ежовых рукавицах, несмотря на то, что дочка уже окончила школу и училась в каком-то там техникуме, на какого-то там оператора ЭВМ, требовала, чтобы домой строго к десяти, а телефон не позднее одиннадцати. Поэтому номер он набирал с некоторой надеждой, что к телефону подойдёт Кира, а не Зоя Васильевна, которая не постесняется высказать ему, что в столь позднее время хорошие мальчики уже лежат в кроватках и видят сны. Серому всегда так хотелось объяснить ей, в чьих постелях в подобное время лежат хорошие мальчики и что, а вернее кого, они там видят, но обострять отношения не хотелось. К его счастью, на звонок ответила Кира.

- Алло.

- Привет, кумушка.

- А, куманёк, я-то думала, что ты про меня совсем забыл. Пригласил на проводы, а сам потихоньку в армию смылся.

- Как можно? Я потому и звоню. Извини, что поздно. Закрутился вдрызг.

- Ничего, я понимаю.

- Ну, и как? Так тебя мама отпускает на проводы?

- Да, но только до одиннадцати.

- Ого, какой прогресс, я думал до восьми и не позже.

- Не ехидничай. На общем фоне всех запретов, это просто на уровне отмены крепостного права.

- А с чего такая щедрость?

- Доверяет она тебе.

- А ты нет?

- А я нет.

- У-у-у, вредина. До гробовой доски мне это будешь помнить.

- Буду. Но ты лучше объясни мне, как до твоего дома добраться. До «Профсоюзной» понятно, а дальше?

Серый начал объяснять, но запутанный маршрут по проходным дворам Черёмушек оказался слишком сложен для хорошенькой, золотоволосой головки будущего оператора ЭВМ, поэтому они договорились, что она просто позвонит ему от метро, а он выскочит и встретит.

Мать с отчимом тихо шуршали на кухне, готовясь к завтрашнему нашествию молодых и прожорливых. Третьему там было не протолкнуться, поэтому Серый откинулся в кресле и закурил прямо в комнате.

С Кирюхой они были знакомы уже давно, четвёртый год. Первое время он пытался за ней ухаживать, но до поцелуев дело не дошло. Как-то, в девятом классе, подпив лишнего, они с двоюродным брательником начали чудить по телефону. Ну и дочудились. Лёшка выбрал в его записной книжке телефон Киры, позвонил ей и, представившись Серым, чуть ли не объяснился ей в любви (а Серый с ней таких разговоров даже и заводить не пытался). Затем пригласил в ресторан (о том, что существуют рестораны он, тогда тоже знал чисто теоретически). А на прощание сказал, что «целует её крепко и взасос» (а бедолага - Серый максимум, что себе позволял, так это взять девочку под руку). Поэтому Кира была сильно удивлена вдруг проснувшейся в нём резвости и на следующий день, позвонив, спросила, а с чего бы это он так разошелся? На что Серый, сдуру, по своей идиотской привычке не врать, сознался, что говорил по телефону не он, а его брат Лёшка. В ответ она бросила трубку. И бросала её постоянно, только услышав его голос, сколько бы он не звонил. Примерно через полгода отношения удалось возобновить, но только на правах друга, чем, собственно, повзрослевший Серый был вполне доволен. Общаться с ней интересно, а в постель, такие как она, идут только после обязательного посещения массового пугала всех молодых парней под названием ЗАГС. Потому-то отношения между ними сложились абсолютно ненормальные, т.е. чисто дружеские. Порой они и сами над этим шутили, объясняя свои встречи тем, что решили когда-нибудь крестить детей друг у друга. Поэтому, услышав в телефонной трубке «Привет, куманёк», Серому не нужно было морщить репу вспоминая, чей это голос.

Сигарета закончилась. Предки продолжали шуршать на кухне. Спать ложиться ещё рано. Тоска. Серый поднялся и прошел в чулан. Достал из баула одежду приготовленную для ухода на службу. Кое что из шмотья он и сам на работе подобрал, кое что «кореша» подкинули, от щедрот душевных. Вот, например, кирзовые сапоги с подрезанными голенищами, его рабочие «кирзачи», в которых он вахту стоял. Крепкие ещё, обмятые по ноге – не натрут мозолей, если пешком придётся топтать. Новые брюки от спецовки из плотной саржи и подарок экипажа – синий ватник без воротника со старательно оттрафареченной надписью на левой стороне груди - «команда 550», а на спине крупными буквами - «РЕКРУТ». Когда на теплоход привозили мешки с ветошью, то найти в них можно было всё что угодно от кружевных дамских панталон 58-го размера, до вполне приличного детского драпового пальто. Вот и этот, как объяснили знающие люди, «зековский» ватник был обнаружен в одном из мешков ещё месяца за два до того, как Серый получил повестку. Обнаружен, и припрятан до лучших времён, которые, по мнению экипажа должны были наступить с уходом «этого баламута» в армию. Серый натянул на себя ватник. Нормально, как раз на свитер. Смотри-ка, даже пуговицы пришили. Ну, это явно повариха постаралась. Пришито насмерть.

Выйдя из чулана, он подошел к трюмо в спальне родителей. Из зеркала на него смотрел лохматый парень чем-то неуловимо отличающийся от того, которого он видел в зеркале сегодня утром. Вроде всё тоже, но взгляд какой-то

настороженный, будто ожидающий, что ещё может подкинуть судьба - злодейка и готовый по этому поводу действовать.

«А интересно, как я буду выглядеть стриженным?» - подумал он и попытался руками убрать волосы со лба и над ушами. Не получилось. Упрямая волосня норовила выскользнуть и вернуться на своё место. Яростную борьбу прервал телефонный звонок и голос матери: «Я возьму...». Серый попытался укротить гриву ещё раз. Опять не вышло. «Ну и чёрт с вами, всё равно через сутки, максимум двое обреют, вот тогда и посмотрю», - грозно пообещал он своей шевелюре.

В соседней комнате мать кому-то что-то объясняла в телефонную трубку. Серый не прислушивался специально, но одна фраза всё-таки долетела до его слуха: «...ну как не волнуешь? Волнуешь, конечно. Но он же справится...». Разговор шел явно о нём. «... А потому, что он упёртый и злой. И если с чем-то не справится своим упрямством, то разозлится, и всё равно справится...». «Ни фига себе у мамани мнение обо мне», - удивился он: «Ну, упёртый-то ладно, об этом многие говорили. Но злой...?» Он ещё раз глянул на своё отражение в зеркале. Отражение порочных и злобных черт характера не проявило. «Рожа как рожа. Некоторым даже нравится», - сделал он глубокомысленный вывод. «А-а, не будем брать в голову...» - небрежно махнул рукой и пошел в чулан разоблачаться.

Последний день на свободе шёл в тоске и томлении. Все дела сделаны и чем заняться до вечера Серый даже и представить не мог. Хотел помочь матери на кухне, но был с позором изгнан за то, что таскал кусочки колбасы из салата. Попытался смотреть телевизор, но по всем трём программам шла какая-то белиберда об очередной победе в битве за урожай, не то озимой картошки, не то яровой брюквы. Тоже скука. Случайно на глаза попались учебники из техникума. «Основы судовождения» и «Теоретическая механика». В принципе, не случилось бы ничего страшного, если бы они и после его ухода лежали на полке год, другой, а то и третий. И мхом бы не поросли и количество молодых специалистов, выпускников речного техникума, не уменьшилось бы. Но это был повод хоть чем-то заняться. «Мам, я в технарь съезжу. Книжки забыл в библиотеку сдать», - заявил он и со вздохом облегчения смылся из дома.

Заочный речной техникум, широко известный в узких кругах под названием «Заочная речнуха», спрятался от любопытных глаз в подвале на улице Осипенко. Хорошо спрятался, сразу и не найдёшь. Видимо для того, чтобы лишние люди на флот не лезли. Но Серый то, как раз, лишним себя не считал. Детское увлечение флотом переросло в настоящую любовь к профессии и, хотя в техникум он поступил со страшным скрипом, потом как-то вошел во вкус и в его зачётке, вместо привычных по школе «двоек» и «троек», появились «четвёрки» и «пятёрки». Причём, по спецпредметам исключительно «пятёрки». Более того, войдя в раж, он как-то ухитрился, в промежутках между работой, пьянками и гулянками, за год пройти два курса и теперь оставался только один, последний, самый короткий – всего одна сессия.

Сдал книжки в библиотеку, и снова стало нечего делать. Решил двигаться в сторону дома, но через Серпуховку.

Какую-то часть своей недолгой жизни ему довелось там жить, и период этот совпал со временем существования последних трущоб в этом районе. Одно- и двухэтажные домики, как бы вылезшие из прошлого века, со своими обитателями и традициями. Причём, традициями блатными.

Не самый приятный период для воспоминаний. Чтобы не выглядеть белой вороной, приходилось блатовать, поэтому уже к восьмому классу его не мутило

от полстакана водки с закуской из сигаретного дыма, нож в руке противника не столько пугал, сколько заставлял мозги лихорадочно соображать «чем бы таким огреть супостата, чтобы железяку свою бросил», а очередная шапка, сорванная с полупьяного прохожего, не вызывала, как вначале, мучительных приступов угрызения совести.

Трущобы начали сносить ещё в те времена, и сейчас район уже не выглядел таким мрачным пятном в городе. Серый шел по нему абсолютно спокойно, даже встретить кого-то знакомого шансы были минимальны. Большая часть из его тогдашних одноклассников и «корешей» уже протоптала свою кривую дорожку в места не столь отдалённые. Сел за поножовщину Арчил, Барин пошел за мошенничество, Прохор с Мармоном дружно «кичумали» за квартирную кражу, а у Казака, по слухам, уже вторая «ходка». Остались только те самые «белые вороны». Может и Серого ждала бы та же самая кривая, но семья как-то вовремя переехала в другой район и он смог «завязать», да и увлечение флотом, по-видимому, сыграло не последнюю роль.

Знакомых по дороге не встречалось, но памятные места никуда не делись. Вот за тем забором стоял сарай, где они в шестом классе, отмечая день рождения Пашки Адамова, ужрались «семьдесят вторым розовым». Да так, что домой, чуть ли не ползком приполз. В отравление консервами родители так и не поверили, потому задницу расписали как британский флаг, в синее да красное.

Вот в этом дворе они с Арчилом из-за чего-то повздорили и тот, вспылив, ударил его ножом в живот. Каким-то чудом Серый тогда ухитрился отбить клинок рукой. Вон, шрам на запястье до сих пор виден.

А у этого дома, отводя внимание от «корешей» потрошивших табачный ларёк, он пальнул из «поджиги» по наряду милиции. А те, не разобравшись, схватились за табельные «стволы». Даже сейчас мурашки по спине, как вспомнил мягкий шлепок «макаровской» пули в стену над его головой. А тогда, просто чуть в штаны не наложил от страха и, юркнув под кусты, со всех ног бросился прочь с такой скоростью, что опомнился лишь через два квартала.

А со стены этого дома, тогда ещё бывшего стройкой, он сиганул на башенный кран и, спустившись по тросам, ушел от облавы. Ладони разодрал в кровь и весь смазкой перемазался, но ушел. Тогда даже «бывалые», кто видел этот прыжок, головой качали и языками цокали, а за ним твёрдо закрепилась репутация «вдрызг безбашенного». Серому такая характеристика нравилась и поэтому, чтобы поддерживать её, он периодически что-нибудь отчебучивал. То, с дрожащими поджилками, залезет по пожарной лестнице на крышу семиэтажки, то с трясущимися от страха коленями, но, старательно вымучивая на зелёном лице улыбку, начнёт гулять по карнизу, то ещё чего-нибудь... Постепенно эта детская бравада перешла в привычку. Он научился не показывать свой страх, а затем просто стал загонять это гнусное чувство куда-то глубоко в себя. Стало даже легче. И руки не трясутся, и реакция лучше. Поэтому, уже потом, на буксире для него не составляло труда прыгнуть на борт проходящей мимо баржи или влезть по осклизлой лестнице на стенку шлюза, чтобы закрепить сорвавшийся швартов.

Серый взглянул на циферблат часов. Пять. Пора домой двигать. Прогулка по детству закончилась.

- Тётъ Зой, салатика...
- Раф, наливай, чего спишь.
- Ой, и мне кусочек.
- Оль, Лен, Вам «Катнари», «Российское» или чего покрепче?
- Вот рыбка, угощайтесь...

- Хватит, хватит, я столько не выпью.
- Кому картошечки?
- Наливай, давай, чего краёв не видишь?
- О, маринованные! Вкуснотища!
- Так, секундочку внимания! Есть тост...

Стол гудел и употреблял. Невеликая родня и собранная с миру по нитке компания из друзей, подруг и знакомых, по русскому обычаю, утратила чувство неловкости после первой, а уж после третьей всё пошло как по маслу. Потихоньку подтягивались задержавшиеся и, получив «штрафную», вливались в общее веселье. «Почему проводы всегда весёлые?» - подумал уже слегка захмелевший Серый: «Ведь в армию человек уходит, а там...» Довести мысль до логического завершения он не успел. Помешал телефонный звонок и голос матери: «Серый, тебя!». «Алё», - он схватил трубку, одновременно закрывая другой рукой свободное ухо.

- Куманёк, я на «Профсоюзной».
- У какого выхода?
- А я откуда знаю, тут мужик какой-то пьяный пристаёт.
- Ты в метро или уже на улице?
- Я в телефонной будке. Говорю тебе, тут какой-то алкаш познакомиться пытается.
- Хорошо, жди, не волнуйся. Через три минуты буду.

Кинув трубку мимо аппарата и бросив застолью: «Ща буду», Серый рванул на улицу, даже не надев куртку. На бегу попытался сообразить, у какого из четырёх выходов искать его бестолковую кумушку. Пересадку она делала на «Новокузнецкой», так что, скорее всего, вышла из последнего вагона. А на «Прфсоюзной», если выйти из последнего вагона, телефонные будки только на другой стороне улицы. Туда и надо бежать в первую очередь. «Серый, ты куда?» - остановил его возглас. Санька Клюев, из «дачных» друзей, опоздавший к началу, изумлённо смотрел на Серого, в одной рубашке и брюках мчавшегося по лужам.

- Щас, девчонку встречу и вернусь.
- Давай я с тобой.
- Ну, давай, только бегом.

Естественно, Ключ отстал и подбежал к метро только к шапочному разбору, когда Серый, схватив девчонку за руку уже бежал ему навстречу, оставив за спиной копошащегося в кустах и матерящегося мужика с разбитым хлебальником.

Дальше, в сторону дома, пошли уже шагом. Серого слегка потряхивало, не то от холода, не то от пережитого, а Кира залиvisto хохотала, глядя на него.

- Ну, ты прямо дикий какой-то. Налетел как коршун и сразу в морду. Хоть бы спросил, может, он мне руку и сердце предложить хотел?
- Ага, и грабки свои вонючие растопырил, чтобы ты от ответа не сбежала. Пошли скорей, холодно...

Дома, по ошибке, «штрафную» налили всем троим сразу. Серый не отказался, но про себя решил, что надо сбавить темп. Всех нормальных призывников собирали на сборных пунктах обычно часов в шесть-семь, а их команду почему-то в двенадцать. Так что пьянка предстояла затяжная и силы следовало побережь. Видимо, также считали и остальные, не особо налегая на спиртное, поэтому к десяти, когда родственники, обмусолив Серого губной помадой, разошлись по домам, молодёжь ещё пребывала в боевой форме. Тут же сдвинули столы, и перешли к следующему этапу – танцам. Затем снова пили, пели под гитару и снова пили... Потихоньку распозлись и те, кто не ставил себе целью гудеть до утра. Кто прощался, кто обещал вернуться утром к

одиннадцати, чтобы торжественно сопровождать будущего защитника Родины (подразумевалось, что его проспиртованную тушку) на сборный пункт. Уехали и Кира с Ключем, весь вечер не сводившим с неё глаз и вызвавшимся в провожатые.

А к трём часам ночи выдохлись даже самые стойкие и Серого посетила почти гениальная мысль: «Народ, а не поспать ли нам часика три-четыре?» Народ возражать не стал, но из-за ограниченного количества спальных мест, начал устраиваться, кто как может. Кореш по теплоходу Витька, которого «кэп» отпустил со смены в качестве «чрезвычайного и полномочного представителя экипажа», устроился в кухне на полу, завернувшись в рыбацкий тулуп отчима. Двоюродный братан Лёха Дрожжин сдвинул три стула и теперь старался устроиться так, чтобы не рухнуть с этого ложа, при этом ещё ухитряясь перебирать струны гитары, озвучивая колыбельную. Двухспальный диван Серого раздвинули и легли на нём поперёк, пристроив, таким образом, сразу пятерых. В общем, улеглись кто как мог, но лучше всех устроился Раф, друг и одноклассник. Он раздвинул посуду и, бросив на стол покрывало, развалился среди бутылок и остатков еды. Недостатком такого положения оказалось то, что из продолжающей резвиться компании кто-нибудь периодически просил: «Раф, налей», на что этот горизонтально-лежащий бармен реагировал моментально и ухитрялся наполнять подаваемую тару, даже не вставая. Так и наливал лёжа, пока не устал и не засопел, уткнувшись носом в собственный локоть, продолжая сжимать другой рукой горлышко очередной бутылки. Потихоньку затихли и все остальные.

- Мать, иди сюда. Посмотри, как твой сын спит.

Серый слегка приоткрыл глаз. На улице уже было всю светло, а на фоне окна темнел массивный силуэт отчима. К нему присоединился силуэт поменьше – мать.

- А что? Хорошо спит. Крепко.

- Зато как! Аж завидно.

- Иди ты, старый... на кухню. Чайник поставь, пора ребят будить.

Силуэты исчезли и Серый приоткрыл глаз побольше. На левой стороне его груди темнели каштановые локоны его одноклассницы Ольги. На правой светло-русой соломкой рассыпала волосы ещё одна школьная подруга – Ленка. Где-то посередине эти две волны, светлая и тёмная, красиво смешивались, как бы укрывая его. «Хор-р-рошо», - выдохнул Серый: «Век бы так лежал. И башка не трещит, что тоже здорово». От его вздоха чутко спящая Оля проснулась и подняла голову. «Что? Проспали?» - припухшими со сна губами спросила она. «Нет, но уже пора вставать». Засоню Ленку пришлось будить, а она только мычала что-то невнятно, не желая покидать импровизированную подушку.

В конце концов, разбудили всех, Рафа согнали с его ночного лежбища, снова превратив его в стол и уставив закусками. Польза от употребления хороших напитков была налицо, в том смысле, что ни одно лицо из присутствующих похмельем не маялось и нос от рюмок не воротило. А если так, то почему бы благородным донам и сеньоритам не продолжить? И продолжили. Да так, что к одиннадцати часам, когда подтянулись ушедшие с вечера, компания была в таком же состоянии, в каком её вчера и оставили. Подтянувшиеся, не желая отставать, дружно присоединились к процессу и потому-то компания чуть не забыла о том, по какому, собственно, поводу пьём. В половине двенадцатого спохватился Лёшка Дрожжин: «Всё, народ, пора двигать. Последний танец призывника и последний тост: «За Серого!»

Винючник, для которого, после утреннего возлияния, жизнь опять раскрасилась во все цвета радуги, жажнул рюмку «Охотничьей», изобразил что-то под свежачок группы «АВВА» и, сбежав в чулан, уже через минуту стоял готовый к отправке – в «кирзачах» и ватнике с красивыми надписями.

- Ну что? Вперёд, труба зовёт! Говорят, что Родина в опасности. Без меня не справятся, - сдохнул он на прощанье и компания, с весёлым ржанием покатила на улицу.

Они действительно опаздывали. На Шаболовку, где на стадионе был сборный пункт, вывалились из трамвая без трёх минут двенадцать. Но Шаболовка, это же почти Серпуховка, здесь ему все проходные дворы знакомы, и скомандовал: «Давай за мной», - он повёл компанию тайными, хулиганскими тропами. За детский сад, через прогалину в кустах, за сарай, в щель между гаражами, вдоль бетонного забора и через пролом в плите прямо на территорию стадиона.

Капитан с сержантом, стоявшие возле грузовика, больше всего напоминающего «автозак» со своими маленькими зарешеченными окошками, были просто ошарашены внезапным появлением на охраняемой территории стадиона весело горланящей толпы. «А это что за чудо?» - хорошо поставленным командирским голосом грозно спросил он. Серый, ломая комедию, строевым шагом подошёл к нему, вытянулся по стойке «смирно», и слегка покачиваясь, отрапортовал: «Призывник Серый для прохождения действительной срочной службы прибыл!» Щелкнул каблуками «кирзачей» и протянул повестку. Глотка у Серого луженая, не хуже капитанской, так что компания опять грохнула смехом.

- А как сюда попал, со всем этим? - капитан жестом указал в сторону сопровождающих лиц.

- Огородами, огородам и прямо в конницу товарища Котовского, - икнув, честно сознался Серый.

- Н-да, - протянул капитан: «В разведчики пойдёшь. Спиртное есть?»

- А что, выпить хотите?

- Не наглей...

- Тогда... никак нет!

- Покажи.

Серый развязал «сидор» и показал его содержимое.

- А это что? – капитан показал на две литровые бутылки из-под вермута.

- Квас. Мамка в дорогу дала.

Капитан вытащил одну бутылку, отвинтил пробку, понюхал и брезгливо сморщился.

- Действительно квас. Ладно, ты последний. Прощайся и бегом в машину.

Серый перецеловал всех без разбора и, бросив на прощание: «Некогда мне тут с Вами... Ордена ждут», - махнул рукой и захлопнул за собой дверцу фургона. С минуту стояла тишина. Потом из фургона раздался взрыв хохота. Мотор грузовичка фыркнул, чихнул и машина тронулась, увозя Серого на службу. А они продолжали стоять и смотреть ему вслед.

В фургоне «автозака» царил полумрак. На привинченных к стенкам скамейках, маялись четыре понурые фигуры будущих защитников Родины, страдающих похмельем.

- Здорово, гвардейцы! – бодро поприветствовал он их.

- Здорово... привет, - без энтузиазма ответили они.

- Что такие хмурые? «Дембель» неизбежен, как крах империализма! Вот за это мы сейчас и выпьем, - добавил он тихо и потянул из «сидора» бутылку.

- Что это?

- Квас.

- Ну-у, - недовольно промычал кто-то.

- А ты выпей сначала, а потом «нукать» будешь.

«Петровский» квас по рецепту его матери, с изюмом да на хрене, сам имел небольшой градус, а Серый туда ещё и джина бухнул так, что литруху опростили моментально.

- Уф, - с облегчением выдохнул толстый пацан в углу: «С таким бы кваском, да всю службу».

- У меня ещё одна есть. Вот её допьём и всё. Послужили, и хватит.

- Так ведь не отпустят, - с лёгкой печалью произнёс худенький паренёк с большими грустными глазами и пальцами музыканта, сидящий справа.

- Ну, тогда... Скорей бы война, да в плен сдаться.

Фургон содрогнулся от смеха и, дёрнувшись, застыл по колдобинам к выезду со стадиона.

Заехали в военкомат, где капитан, забрав двоих ушел, а оставшиеся в машине Серый, толстяк и худенький «музыкант», продолжили попивать квасок и по лошадиному ржать над хохмами Серого. А его несло... Бывает такое настроение, когда и шутки удаются, и темы для шуток находятся, и каждое слово к месту. Даже сержант-водитель, которого капитан оставил сторожить пополнение, открыл дверь фургона и, покуривая, смеялся вместе с ними.

- Сержант, кваску хочешь?

- Не-а.

- А ты попробуй, не гордись, - Серый хитро подмигнул ему.

- Ну, если угощаешь? – смекнул сержант и присосался к бутылке.

- Эй, эй, ты не всё, нам-то оставь, - вскинулся толстый. Но сержант и сам оторвался от горлышка.

- Хороший... квасок, но Вы его лучше прикончите, пока капитан не вернулся.

Первый приказ старшего по званию был получен и выполнен неукоснительно. Квас был «принят на грудь» и уничтожен в то же мгновение.

- А ещё чего-нибудь есть? Такое, по семейному рецепту? – с надеждой спросил толстый.

- Есть, - с ленивым ехидством ответил Серый: «Дрожжи».

- Это как? – удивился любопытный толстяк.

- А вот так. Съедаешь дрожжи, закусываешь яблочком, водичкой запиваешь и полное брюхо бражки готово.

Сержант с «музыкантом» закатились от смеха, но до толстого, похоже, не дошло и он спросил: «А яблочко-то зачем?»

- Ну, можно, конечно, и сырую картошку, но от яблочка отрыжка приятней. А ещё неплохо сверху можжевелевую веточку погрызть.

- А это для чего? – продолжал тупить толстый.

- Для запаха, чтоб капитан не учуял.

Тут уже и до толстого дошло, поэтому ржали вчетвером.

- А как же без закуски? – влез «музыкант», давясь от хохота.

- А в качестве закуски к этому фирменному напитку, известному в народе под названием «Обрыгаловка фамильная», лучше всего подходят манная каша и винегрет.

- Это почему? – чуть ли не хором спросили сержант и толстый.

- А потому, что манная каша в унитаз отходит легко, а винегрет красиво...

В строгом кабинете военного комиссара капитан получал инструктаж от полковника:

- Этих двоих, из «554-й команды» сдашь капитану Матвееву, а тех троих на Угрешку.

- Есть.

- Принял нормально, без происшествий?

- Так точно.

В этот момент в приоткрытое окно донёлся дружный хоровой хохот. Военком подошёл к окну и, отодвинув штору, посмотрел на качающийся от смеха «автозак».

- Пьяные что ли? – спросил он.

- Никак нет, товарищ полковник. Просто там кадр один попался. Как сел в машину, так они и ржут не переставая.

- Команда 550? Режимные части. Ну что ж, служба ребятам предстоит серьёзная, пусть посмеются напоследок.

Есть такое место в Москве, через которое обязательно прошли все, кто когда-то служил в армии. Центральный сборный пункт, или в просторечье Угрешка. Прошли-то все, но кого ни спроси, никто не может описать это место. Какие-то залы, коридоры, столовая, но что и как выглядит, никто не помнит. Видимо, настолько путается человек, вырванный из привычной жизненной колеи, что в первый день теряет всякую ориентацию и в памяти откладываются лишь какие-то отдельные фрагменты. Так и для Серого с его спутниками, этот день на Угрешке целиком в памяти не сохранился.

Очередная медкомиссия. «Дышите, не дышите. Встаньте, сядьте. Наклонитесь, раздвиньте ягодичы». «Доктор, там «дембель» не видно?» «Нет, только срок службы в три года».

Серьёзные дяди, с умными лицами задающие глупые вопросы: «Верите ли в бога? Храпите ли во сне? Как относитесь к гомосексуалистам?» « Да не отношусь я к гомосексуалистам!» - в сердцах вырвалось у Серого, очумевшего от тупизма вопросов.

Столовая с алюминиевыми мисками какой-то бурды. «Извините, а почему хлеб с плесенью?» «Жри чего дают, сука!» «Ага, спасибо, и Вам приятного аппетита». Но животом никто не занедужил, видимо плесень на хлебе была военно-медицинская, а чувство голода, возникшее сразу после обеда, утолили домашними запасами из своих сумок и рюкзаков.

В ожидании очереди на какой-то очередной осмотр познакомились.

- Толя. Тетерин, - представился толстый.

- Значит Тетеря будешь, - сделал вывод Серый.

- Ага, так обычно и зовут, - улыбнулся тот.

- А я Олег, - представился «музыкант»: «Клички нет и, честно говоря, иметь бы не хотелось».

- Серый.

- Это фамилия?

- Или кликуха?

- И имя, и фамилия, и кличка. Сергей Сергеевич Серый. Так что, как не крути, а всё равно Серый.

- Удобно устроился.

Выяснилось, что Тетеря – водопроводчик, с устоявшимися навыками молодого алкаша, а «музыкант» Олег оказался художником из старой московской интеллигентской семьи. Узнав о профессии Серого и, особенно, о его желании служить на флоте, парни приуныли.

- Если у тебя команда 550, то значит и нам три года трубить.

- Мужайтесь, братие, - с сочувствием развёл руками Серый.

Ближе к вечеру их загнали в зал, где таких же, из команды 550, собралось уже человек сорок. Началось кучкование, разговоры, знакомства и все остальные притирки, в общем, то, что обычно происходит, когда толпу мужиков запирают в помещении, причём без выпивки – медленное образование коллектива. Медленное, потому что с выпивкой весь организационный процесс проходит намного быстрее.

Серый узнал, что парней на нарах слева зовут Вовка Сидоров или, попростому, Сидор и Сашка Сынковский или, иначе говоря, Сын, причём оба они из Измайлово. А сосед справа, как и он, в кличке не нуждается. Потому что зовут его Вовка, а фамилия у него Шуба и он из Тушино, а значит, почти сосед и, можно сказать, родственник, т.к. от улицы Героев Панфиловцев, где он когда-то жил, до улицы Свободы, где до последних дней обретался Шуба, всего-то две остановки на автобусе.

Проводы и тяжелый, насыщенный день, наполненный бегом, изрядно подорвали силы молодых организмов. Поэтому, по команде «отбой», все дружно повалились на, не обременённые такими излишествами как матрас, одеяло и подушка, деревянные нары и дружно захрапели.

«Подъём!» Кажется, только что закрыл глаза, а уже будят. Серый, привыкший просыпаться на вахту, быстро и без потягиваний, вскочил с нар, но тут же рухнул обратно. Крепкий дух от полусотни молодых мужиков, проспавших в закрытом помещении всю ночь, шибанул по ноздрям. «Действительно, хоть топор вешай», - подумал он и одним из первых выскочил на физзарядку. Причём, не потому что так сильно любил спорт, а потому что очень хотелось дышать и, желательно, воздухом.

После физзарядки их опять загнали в слегка проветрившийся зал и объявили, что завтрак будет через два часа, а пока объявляется «личное время», так что делайте что хотите, но чтоб сидели как мыши и из зала ни ногой. «Ну и нахрен будили? Лучше бы поспать дали», - пронеслось по залу недовольное ворчание, и большая часть толпы завалилась на нары, добирать то, что не доспали.

Серому спать не хотелось и он, откинувшись на своё место и закинув руки под голову, просто расслабился. Справа, причмокивая во сне, посапывал Шуба, слева Сидор что-то искал в своём рюкзаке, а Сын... Сын достал расчёску(!), зеркальце(!) и стал причёсываться(!!!). Вчера он как-то даже внимания не обратил на шевелюру своего будущего сослуживца, а сегодня... Волосы цвета тёмного золота, переливаясь, мягкими локонами спускались парню на плечи, заканчиваясь чуть выше лопаток. Да любая девчонка должна просто повеситься, глядя на такое чудо. Серый завистливо вздохнул, а Сынковский продолжал аккуратно, локон к локону, разбирать своё богатство. Возился довольно долго, пока не достиг желаемого эффекта. Тут Серый вспомнил, что среди его вещей расчёска не числится, он её даже не взял, руководствуясь трезвой и мудрой мыслью «...а на фига она мне, лысому» и, тронув Сына за рукав, попросил: «Сань, дай и мне причесаться».

Тот обернулся, оценивающе глянул на нечёсаную гриву Серого и, понимая кивнув, протянул черепаховый гребень.

«Во, нашёл», - Сидор достал что-то из своего рюкзака и показал Сашке. «Галка», - и он смачно чмокнул фотографию. «Хорошенькая», - с видом знатока оценил Сын: «Жена?»

- Нет, любимая. Я предлагал ей пожениться, но она сказала, что только после армии. Причём, если два года, то подождёт, а если три, то можно даже и писем не писать.

Заинтересованный такой выдающейся личностью, Серый, не прерывая процесса расчёсывания, пересел на нары к соседям. Со стандартной

фотографии «9 на 12» смотрело чуть курносое девичье лицо, довольно симпатичное, но на его вкус «чуть выше среднего».

- Что, прям так и сказала? – удивился Сын.

- Ага. Говорит, что на два года у неё терпения хватит, а на три уже нет. Ладно, пойду, покурю.

- М- да... - вздохнул Серый, когда Сидор ушел.

- Что так тяжело?

- Да, пацана жалко... Я-то с речфлота и мне три года, как «рубль за сто» светит, а команда у нас одна и та же.

- Ага, мне тоже три года в военкомате пообещали, когда я военкома на..., ну, в общем, послал.

- Ладно, давай пока так, чтобы он про это не знал. Нечего парня заранее расстраивать.

- Точно! А там, глядишь, ему или команду сменят, или ещё чего...

- Оба-на, какие люди, – раздалось сзади. Они одновременно обернулись. Шуба проснулся и, опираясь на локоть, смотрел на них с довольно ехидным выражением помятой морды.

- А, так это вы, пацаны! А то просыпаюсь и в полной непонятке – и где это я? Вроде должен на Угрешке торчать, на службу мылиться, а тута две такие крали классные. Не, чуваки, вы со своими причёсками, сзади, ну точно как две подружки смотрите.

- А в рыло? – дружно спросили «подружки», засучивая рукава.

- А чё, а я ничё. Я просто спросить. Тока, нафига такие патлы отрасли?

Короткие, тёмно-русые волосы самого Шубы, имели аккуратную стрижку, по мнению Серого, даже слишком короткую.

- Я музыкант, мне по штату положено, – отбрил его Сын.

- А я так, просто хипую, – отмазался Серый.

- Не, ну неудобно же. Да и мыть, наверно, нужно через день. На одном шампуне разоришься.

- Каждый день, – поправил его Серый: «А моется тот, кому лень чесаться».

- Ну, ты-то парень, явно, не из ленивых, – добавил Сын.

После абсолютно несъедобного завтрака, состоявшего из кружки кипятка, в котором полоскали веники, вчерашнего хлеба с военно-медицинскими добавками и кусочка масла, размером с ноготь большого пальца, команду начали раздёргивать на работы. Делалось это с явной целью «чтобы не заскучали», потому что для подметания площадки размером 50 на 50 метров тридцати человек вроде как даже многовато. И надо заметить, что подметать её заставили восемь раз, пока командовавший процессом сержант, не остался полностью удовлетворен результатами труда. Таким образом, всем довелось и посуду в столовой помыть и полы в коридорах. Причём, у Серого сложилось стойкое впечатление, что воду, при перемене объекта мытья, не меняли. А особо выдающимся подфартило даже картошку почистить.

Постепенно, в течение дня, команда пополнялась группами по три-пять человек, и к вечеру в зале набилось уже под восемьдесят и даже мухе стало негде полетать. Явная переполненность говорила о скорой отправке, к тому же, вечером пехотных сержантов сменили моряки.

Команда замерла, когда в дверь вошли двое в бескозырках и бушлатах. «Эти, что ли?» - спросил кого-то за дверью усатый моряк постарше, и они обвели притихшую разношерстную толпу оценивающе-презрительным взглядом: «Ну, добро...». И вышли.

Толпа дружно выдохнула и изо всех углов понеслось тихое: «Флот», «Труба дело», «Три года», «Вот жопа-то».

- Интересно, а какой флот? – спросил Шуба у Серого.

- Ты чего, слепой что ли? У него же на лбу написано.

- Как это?

- Ленточка на бескозырке. «ДВАЖДЫ КРАСНОЗН. БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ».

«Балтика», «Питер?», «Кронштадт?», «Рига?», - понеслись гадания по залу. И тут кто-то громко задал вопрос: «Слышь, мужики, а чего у них погоны голубые?». Почему, никто не знал. Но неведение длилось недолго.

Выйдя в курилку, Серый обнаружил там морячка помоложе и, набравшись наглости, подошел к нему: «Товарищ старшина второй статьи, разрешите обратиться?» Тот ухмыльнулся: «Эка ты меня провечелчал. Обращайся, но на будущее запомни, что в морской авиации...», - он похлопал пальцем по голубому погону: «...старшина второй статьи называется «младший сержант». Понял?»

- Понял. Извините.

- Не «извините», а «прошу прощения». Привыкай.

- Прошу прощения, товарищ ста... младший сержант, а не скажете, куда нас повезут?

- В хорошие места, на Балтику.

- В Кронштадт?

- Нет, под Калининград, это который бывший Кёнигсберг...

Серый безжалостно вкурил в него с полпачки «Явы», но полученная информация того стоила и, вернувшись в зал, он доложил её замершей в тревожном ожидании команде.

Команда 550 отправляется на Балтику, в город Октябрьск, где на сборно-формировочном пункте будет окончательно объявлено место и срок службы. Команда 550 собрана специально для отправки в учебные отряды. Так что, полгода «учебки» им гарантированы. То, что везут команду «голубятники», совсем не значит, что служить они будут в морской авиации. Где, кстати, в некоторых частях служат два года, а в некоторых и три. Так что, ждите, парни, Октябрьска, там всё скажут. «И не горюй, Сидор, не всё ещё потеряно».

Свежие новости взбудоражили толпу и, после «отбоя», зал ещё часа полтора гудел разговорами.

«Подъём!». Глотка у старшины, вернее, младшего сержанта явно из колокольной меди, пехотный сержант ему и в подмётки не годится по мощности звука. Даже уши заложило. Так рыкнул, что народ с нар как ветром сдуло. Серый машинально глянул на часы: «Ни фиги себе, полвторого ночи. Они что, совсем сбрендил?» - но следующая команда всё прояснила. «По двое, в порядке очереди, выходи стричься!» Зал замер. Вот и наступил тот самый момент, когда парень физически ощущает свой переход из гражданского состояния в состояние военнослужащего. С кое-какими традициями призыва они уже были знакомы, и теперь требовалось решить, кто пойдёт первыми. Считалось, что тот, у кого шевелюра красивей. Ну, с одним-то ясно – Сын. Вон, его уже Сидор сочувственно по плечу похлопал и к двери подтолкнул: «Иди, браток». А кто второй? «Серый». Он обернулся. Сзади стоял Шуба и с сочувствием смотрел на него. «Иди, Серёга» - тихо сказал Олег. «Иди», «С богом, братуха», «Давай, не унывай», - слышалось со всех сторон. Серый вздохнул и двинулся к выходу вслед за Сыном.

В парикмахерской Сын с каменным лицом сел в кресло и уставился в зеркало невидящим взглядом. «Ну, чего стоишь?» - пнул Серого в бок мелкотравчатый ефрейтор в белом фартуке: «Беги машинку и габотай. Я, что ли, всех стгичь буду?» Серый машинально взял машинку и подошел к креслу. Сын сидел истуканом с выражением лица, которое, наверно, бывает перед эшафотом у людей, приговорённых к смертной казни. «Давай», - спусти

несколько секунд, одними губами, сказал он и Серый, включив машинку, провёл традиционную «дорожку к дому», выбрил волосы ото лба до затылка. «Чтобы вернулся», - прошептал он фразу, которой его научили заранее. Сын сидел каменным изваянием, и только губы его прошептали ту же фразу. Жужжала машинка, золотые локоны падали на укрытые серой казённой простыней плечи, а по щеке крепкого восемнадцатилетнего парня катилась скупая одинокая слеза.

После окончания стрижки, они поменялись местами. И тут уже Серого пробрало. Нет, слезу он не пустил, но чтобы сдержаться закрыл глаза, вцепившись мёртвой хваткой в подлокотники кресла. Жужжание прекратилось, и он открыл глаза. Из зеркала на него смотрел почти незнакомый парень с крупными чертами лица, торчащими ушами и отливающим синевой черепом. «Довольно таки дебильная рожа», - сделал он вывод.

«Ну, чего гасселся», - засуетился ефрейтор: «Платите по полтиннику за стижку и зовите следующих». От такой наглости Сын с Серым моментально пришли в себя и переглянулись. Модельная стрижка в хорошей парикмахерской стоила сорок копеек, а здесь «под ноль» за пятьдесят, причём, ещё и стригите себя сами! Но, глянув на характерный нос ефрейтора, они поняли, что возмущаться по поводу столь наглого обдирательства нет смысла. Да и не хотелось...

К утру вся команда сияла свежестриженными макушками, не всегда узнавая друг друга, но, не унывая и дружески похлопывая друг друга по голым черепам. Уж больно звук получался интересный. «Шлёп-шлёп». «Ха-ха-ха». «Шлёп-шлёп».

Когда их лысую команду построили и повели в столовую на обед, в проходящей мимо колонне, Серый увидел знакомое лицо своего бывшего одноклассника и выскочил из строя.

- Серёга! Першин! Здорово!

Тот удивлённо уставился на обритого наголо парня в синем ватнике, но всё-таки узнал.

- Ой, Серый. Привет.

- Тебя куда?

- В артиллерию. А ты?

- На Балтфлот... - они успели переброситься несколькими фразами, пока сзади не раздался рёв усатого: «Салага! Рекрут! Ко мне! Бегом!». Серый подбежал и замер по стойке «смирно».

- Знаешь что это такое? - грозно спросил сержант, вытягивая вверх указательный палец.

- Нет, - честно признался Серый.

- Один. Наряд. Вне очереди.

- Есть. Один. Наряд. Вне очереди, - в тон ему ответил Серый и расплылся в улыбке, как будто не наряд получил, а приказ об отпуске с выездом на родину.

- Встать в строй.

- Есть.

В строю, кто-то хлопнул его сзади по плечу: «С почином тебя, Серый». «Всех с почином». «Первый наряд вне очереди в нашей команде. Ура!». «Разговорчики в строю!» - рявкнул сержант, с трудом сдерживая улыбку: «А то сейчас ещё пару придурков ему в помощь наряжу. С места, шаго-ом... Марш!»

А после обеда всё закрутилось. Переключка. Получение сухого пайка. Опять переключка. Погрузка в два тентованных грузовика. И ещё переключка, но уже в машинах. Дорога на Белорусский вокзал и прилипшие, по очереди, к прорехам в старом брезенте глаза, жадно запоминающие родной город.

Высадка на вокзале и зал ожидания, где на свободном от кресел пространстве, неровный строй призывников выслушал проникновенную речь сержанта.

- Слушай сюда! До отправления поезда два часа. Ждать будем здесь. От места отходить не более чем на пять шагов. Кто пожелает в галюн, обращаться ко мне или вот к нему, - он ткнул пальцем в младшего сержанта, стоящего на правом фланге строя: «Но лучше не обращаться, потому что все засранцы автоматически попадут в помощники вот к нему», - и он ткнул пальцем в сторону Серого: «Так что стойте и в себе переваривайте. Всё. Вольно! Разойдись!»

Разошлись. Или, вернее, раздвинулись и расселись, кто, где стоял. От мраморного пола тянуло холодом, сбоку поддувал лихой сквознячок, проходящие мимо пассажиры и встречающие тарасились с любопытством на бритоголовую толпу. В общем, неуютно как-то было. И тогда Сидор обратился к младшему сержанту: «А что, получше для нас местечка не нашлось? Торчим тут, как три тополя на Плющихе, курам на смех». «Дурак ты, парень», - добродушно ответил моряк: «Старшой специально здесь лежбище устроил. Вон, видишь что это? Телефон-автомат. А сколько до него? Пять шагов. Понял, дура-лошадь? Иди и звони домой».

Такого подъёма курс двухкопеечных монет не видел ещё никогда. Стоимость их моментально возросла до немислимых высот. Звонили даже «гривенниками», благо, что бестолковый телефон-автомат не видит разницы между десятью копейками и «двушкой». Позвонил и Серый, но в телефонной трубке звучали только длинные гудки - никого нет дома. Можно было попытаться застать кого-нибудь из друзей, но сзади стоял Шуба и сверлил бритый затылок Серого умоляющим взглядом. «На, звони», - он сунул ему монету: «Только, пусть они после моим перезвонят и всё расскажут. Телефон запомнишь?»

Отзвонились все, кто мог, а к некоторым, чьи дома были поблизости от вокзала, даже успели подъехать родственники и друзья с полными сумками, которые сержанты тщательно проверили на наличие спиртного. Было суматошно и шумно, поэтому два часа пролетели незаметно и, наконец, раздалась команда: «По вагонам!»

«По вагонам!» - сказано сильно. Даже слишком сильно. Доблестный Балтийский флот разместил своих будущих героев компактно, т.е. как балтийскую селёдку в бочках. Три отсека плацкартного вагона на восемьдесят человек. Плотненько, но надо же как-то устраиваться. Поэтому, было решено, что верхние полки и полки для багажа занимает отдыхающая смена, а внизу ютятся все остальные. Спят четыре часа, затем спускаются вниз, а на их место загружаются следующие. Потянули жребий на спичках и Серому выпало отдыхать в первой партии. Он уже пристроил свой «сидор» под голову в качестве подушки и даже успел слегка задремать, как чья-то безжалостная рука похлопала его по бритой макушке: «Эй, рекрут, за тобой должок». Он поднял голову и непонимающе уставился на стоящего перед ним сержанта, а тот, выставив вверх указательный палец, раздельно произнёс: «Один. Наряд. Вне очереди». Серый недовольно засопел и начал выбираться с полки, а сержант тем временем пояснил: «Поскольку нормального флотского наряда здесь не предвидится, то я договорился с проводницей о том, что ты будешь драить местный галюн, но не сейчас, а после двенадцати, когда все кто захочет его обоссут и обосрут». Кто-то хихикнул, кто-то вслух заржал, но большинство парней смотрели на первого «нарядчика» с сочувствием: «Вот же гадость, чужое говно отмывать...»

Но сам Серый не сильно расстроился. Такую «не пыльную» работёнку ему уже приходилось выполнять и на учебном судне и на буксире. Причём, не в качестве наказания, а как «объект уборки», к тому же, особой брезгливостью он не страдал. И ровно в полночь, получив от хихикающей молоденькой проводницы моющие средства и тряпки, насвистывая, отправился на объект наказания.

Через полчаса он постучал в купе проводницы. «Чего надо?» - раздался оттуда недовольный голос сержанта. «Гальюн отдраил», - доложил он сквозь дверь. Там что-то зашебуршало, захихикало, и через полминуты дверь сдвинулась, выпуская в образовавшуюся щель ужасно недовольного сержанта, на ходу заправляющего тельняшку в брюки. «Ну, смотри, сука, если плохо вымыл, языком вылизывать заставлю», - сурово пообещал он.

Языком вылизывать не пришлось. Унитаз сиял матовым блеском. Серый не только вымыл его и натёр сухой ветошью, но и навёл блеск на пол, стены и зеркало в кабинете глубокомысленной задумчивости. «Ой, у меня сроду так чисто не было», - пискнула сзади, увязавшаяся за ними проводница и, повиснув на рукаве сержанта всем телом, начала попрошайничать: «Оставь мне его, Коленька. Ну, оставь, у тебя их ещё вон сколько». «Ни за что», - сурово ответил сержант: «Балтийскому флоту такие орлы, во как нужны». Он резанул себя ребром ладони по горлу, показывая степень необходимости таких специалистов по уборке говна на Дважды Краснознамённом флоте. А затем, повернувшись к Серому, спросил: «Как фамилия?»

- Серый.

- И где же ты, Серый, так приборку делать научился?

- Так я с шестнадцати лет матросом работаю.

- А-а-а, - с уважением протянул сержант: «Знал бы..., ну да ладно. Всё. Свободен».

На месте Серого уже кто-то спал. Ясное дело – свято место пусто не бывает. А вот ему, спать почему-то расхотелось. Поэтому, найдя свободное место на краешке нижней полки, он уселся и уставился в чёрный прямоугольник окна, за которым периодически мелькали то огоньки придорожных деревень, то фонари станций, то тёмные пятна полей и перелесков. Закрыв глаза и, поймав ритм перестука колёс, попытался рифмовать:

*Поезд. Ночь. Стучат колёса,
Мчат на Балтику матросов...*

ТЬфу, ты. Фигня какая-то... Как это «мчат»? Везут нас...

*...И никто из них не знает,
Что их дальше ожидает...*

Ну, точно фигня. «Их – них». Ещё «нюх – нюх» срифмовать осталось и, вообще, полная лажа получится, - разозлился пиит и отправился в тамбур покурить.

В тамбуре он попал в самый разгар делёжки. Кому-то на вокзале всё-таки ухитрились сунуть «чекушку» водки, вот теперь её и делили на всех желающих. «Серый, будешь?» - предложили ему. Но, соразмерив количество жаждущих глоток – шесть штук, и количество водки – 250 грамм, он твёрдо сказал: «Нет, спасибо». «Тогда я за него хряпну!» Серый посмотрел на Тетерю, тянущего к вожделенной бутылке руки. Глазки на толстом лице блестят, слюна вожкой... «Надо же так водку любить?» - удивился он, но вслух сказал: «Ты что, без неё жить не можешь?»

- Не-а, - честно сознался тот, наконец-то получив желанный глоток, и с гордостью добавил: «Я на «гражданке» знаешь как пил!? Каждый вечер, после работы в хлам надирался, а по выходным, так прямо с утра. Здорово».

- Да, уж, – покачал головой Серый: «Не хило квасил».

- Теперь отвыкнуть придётся, - заметил кто-то из стоящих в тамбуре.

- Придётся, – со щемящей душу печалью в голосе ответил юный алкоголик: «Но всё равно, найду способ. Я ж её, родимую, сердцем чую».

Серому почему-то стало противно и, одновременно, жаль этого парня, разменявшего все радости жизни на постоянное состояние «кайфа» и, не докурив сигарету до конца, он ушёл из тамбура.

Калининград, он же Кёнигсберг, встретил их морозящим дождём. Было заметно теплее, чем в Москве, но сырость пробирала до костей. Мёрзли бритые головы, и очень хотелось их укрыть, хоть чем-нибудь. Некоторые догадались взять из дома шапки, но остальным приходилось или обматывать лысину шарфом, или, как Серый, мужественно терпеть.

Сержанты, как и в Москве, отвели их в какой-то закуток зала ожидания, где сквозняки гуляли по полам нетопленного помещения, помнящего, вероятно, ещё времена Третьего Рейха. Затем, посоветовавшись и даже немного поспорив между собой, пришли таки к единому мнению, и старший, выйдя вперёд, скомандовал:

- Равняйся! Смир-рна! Слушай сюда! Эшелон будет через сорок минут. Нам нужно отлучиться минут на двадцать-тридцать. Так что, сидите здесь и не кипешитесь. За старшего остаётся... Серый».

По шеренге пронёсся шепот и смешки. «Вольно!» - и сержанты юркнули в какую-то дверь, оставив Серого командовать парадом. «Гы-гы, командир...», «Серый, а лычки сержантские, когда нашивать будешь?», «Не-а, он сразу лейтенантские...». Серый набрал побольше воздуха в лёгкие и сурово сдвинул брови. «Р-р-разговорчики в строю!» - рявкнул он, так же, как обычно орал: «Эй, на барже!», пытаясь разбудить пьяного шкипера. Шеренга замерла. Братва не ожидала такого резкого перерождения в суровые командиры своего товарища, да и то, что глотка у Серого оказалась лужёной, не хуже чем у сержанта, тоже возымело эффект. Но Серый тут же улыбнулся и, уже своим, нормальным голосом сказал в наступившей тишине: «Вот что, мужики, расслабляемся, кто, как может, но в пределах разумного, не разбегаемся и ждём сержантов. Договорились? Можно разойтись». «Договорились!», «О'кей!» - ответил строй, но кто-то успел вставить: «Слушаемся, товарищ сержант!»

- Серый, Серый, - решил воспользоваться ситуацией Тетеря: «А можно я за водочкой сбегаю. Я быстро, Туда и обратно». Глаза его смотрели с надеждой, слюна тонкой струйкой сползала из уголка рта.

- Можно, - спокойно ответил Серый: «Но только учти, что водки тебе бритому никто не продаст, а за твою беготню сержант не с тебя, а с меня башку снимет. Вот и выбирай».

- Ладно, потерплю, – печально простонал Тетеря и, ссутулив плечи, печально отошёл прочь.

- А ловко ты его... - раздался сзади голос с плохо скрываемой ехидной интонацией. Перед ним стоял высокий парень из их команды. Дурачась, он щелкнул каблуками и легким кивком головы изобразил «гусарский» поклон: «Позвольте представиться, Ваше благородие, Владимир Власов, для друзей просто Боб, и он протянул ему руку.

- Серый, - представилось «благородие» и пожало потянутую руку.

- Ну, то, что ты Серый, теперь вся команда знает, а зовут-то как?

- И зовут так же и кликуха такая же.

- Ловко, но кликуху-то мы тебе теперь изменим. Будешь у нас Командиром или, если хочешь, Маршалом.

- Не надо, я к своей привык, да и в командиры не рвусь.

- А зря. У тебя неплохо получается.

- А ты-то, откуда знаешь?

- Так у меня батя полковник, дед генерал-майор, все предки офицерами были. Я с детства по военным городкам вместе с родителями мотался, пока отца в Москву не перевели. Так что на всяких офицеров насмотрелся.

- Ну, рывкнуть «равняйся» большого ума не надо.

- Так я не про это, я про того... любителя водочки...

- Тетерю, что ли?

- Ага. Ты же его о дисциплине задуматься заставил.

- В смысле?

- Он же за своей «водочкой» в упор ничего не видит, а тут «бац» - ответственность. Вот он и задумался, что лучше водяры хряпнуть и друга подвести или...

В этот момент, краем глаза, Серый заметил двух входящих в зал офицеров и дальше действовал по наитию. Где-то он слышал, что входящих в помещение старших по званию положено приветствовать, поэтому он набрал в лёгкие воздуха и рывкнул: «Смирно!» Команда замерла, а Серый строевым шагом подошёл к офицерам и, глянув на чёрные с золотом погоны, отрапортовал старшему по званию: «Товарищ капитан третьего ранга, команда 550, призыв этого года, находится в ожидании отправки эшелона. Происшествий нет». Кап-три с улыбкой поднёс руку к козырьку фуражки: «Вольно». «Вольно!» - продублировал Серый. Команда расслабилась, а второй офицер хлопнул его по плечу: «Ну, ты и «рубанок», парень». Серый не понял, но кап-три с улыбкой успокоил его: «Ничего, ничего, всё нормально», а затем, повернувшись к своему спутнику, с видом «ну что с дурака взять», как бы пояснил ситуацию: «Он же ещё Уставы не читал».

- Так точно, не читал, – сознался Серый.

- А где Ваши сопровождающие? – прозвучал вопрос, которого Серый боялся больше всего. Но, раз уж здесь его за дурака держат, то и ответ они получают абсолютно дурацкий, поэтому, он подпустил голубой наивности на каждый глаз и, как бы стесняясь, объяснил: «Они это... животом маются. Нам с собой из дома харчей надавали, вот они и дорвались».

Офицеры дружно заржали. «Добро», «Хорошо. Служи, матрос», - и, так же похохатывая, вышли из зала.

А ещё через десять минут появились сержанты, жутко воняя «тройным» одеколоном, сквозь который явственно чувствовался запах коньяка: «Ну что, всё в порядке?»

- Да.

- Тогда строимся и на выход.

Как и в случае с командой «по вагонам», здесь Балтфлот тоже обманул своё пополнение, ухитрившись обозвать эшелон доисторическую электричку из четырёх вагонов, в которые и загрузили скрывавшиеся в разных концах вокзала команды призывников. Древняя колымага ползла медленно, кланяясь каждому столбу, и потому к месту назначения они прибыли уже во втором часу ночи. Местом назначения оказалась платформа в чистом поле с уходящей от неё дорогой в неизвестность. И платформа, и дорога были ярко освещены прожекторами, развешенными на столбах, и оцеплены угрюмыми фигурами в дождевиках и с автоматами наперевес. «Мама родная», - простонал кто-то, увидев в окно такую картину. «Это что, «зона» что ли?» - спросил другой голос. «Ага, только овчарок не хватает», - весело подвёл итог третий.

- Выходи по одному, с вещами! - раздалась команда снаружи.

- Руки за голову! – добавил кто-то из толпы, похоже Сын.

- Шаг вправо, шаг влево – попытка к бегству. Стреляю без предупреждения, - не удержался и влез Серый.

- Разговорчики! – рывкнули снаружи: «Бегом строиться в колонну по четыре!»

Построились. Мелкий ледяной дождь с балтийским ветром, пропитанным запахом морской соли, лупил немилосердно по лицам, по бритым головам, по мгновенно намокшей и ставшей неподъёмной одежде. «Бегом! Марш!» Так они и побежали, под светом прожекторов, между двух шеренг автоматчиков, под весёлые матюки сержантов. Отмахав километра три, задышающаяся и взмыленная колонна втянулась в железные, украшенные поверху колючей проволокой, ворота СФП «Октябрятск» и замерла на плацу.

Сержанты кое-как подравняли ряды и куда-то смылись, а на трибуну перед понурыми и мокрыми рекрутами вылез какой-то дед в штатском плаще, но при офицерской фуражке и дребезжащим голосом заблеял в микрофон: «Товарищи призывники, поздравляю Вас с прибытием на Дважды краснознамённый Балтийский флот». Видимо ожидая дружного троекратного «ура», он сделал паузу, но, не дождавшись, продолжил блеять дальше. О том, как им жутко повезло, что они будут служить на «овеянном славными революционными традициям и героическими подвигами времён Великой Отечественной войны» флоте. Они, по его глубокому убеждению, должны быть просто счастливы и визжать от восторга. Но счастливыми себя, почему то, никто не чувствовал. Может быть, мешало то, что уже середина ночи и спать очень хочется, может ветер с дождём, пробирающий насквозь, а может просто низкий моральный уровень и отсталая классовая сознательность, но радости от прибытия на столь славный флот никто не выразил и от восторга не завизжал.

Минут через сорок дед выдохся и слез с трибуны. К этому времени шеренги, замершие на плацу, уже ощущали на себе корочку льда и жутко сочувствовали генералу Карбышеву, которого немецко-фашистские изверги замучили точно таким же способом. Дед исчез, но тут же появились сержанты с радостной новостью: «В баню!» С дружным клацаньем зубов и единой мыслью: «Ну, хоть погреемся», - колонны рванули в указанном направлении.

Погреться не удалось. Балтийский флот традиционно обманул. В помещении бани было ненамного теплее, чем на улице, разве что ветер не продувал насквозь. А из кранов текла вода «холодная» и «очень холодная», поэтому никто из новоявленных балтийцев мыться не рискнул, а для согреву, сбились в кучи и начали толкаться плечами, пытаясь хоть таким способом разогнать по жилам застоявшуюся кровь. В раздевалку бани заглянул сержант. «Так что, мыться никто не хочет?» - с неподдельным изумлением спросил он: «Ну, тогда марш на лекцию по истории Балтийского флота».

Какая, к чёрту, лекция в такое время! Но очередному ветерану в офицерской фуражке, видимо, было глубоко наплевать, кому бубнить про Гангут и Ханко. Точно так же как и команде было глубоко наплевать и на Гангут, и на Ханко, и на деда с ними. Народ облегло повалился в обтянутые потёртым дерматином кресла и уже через пять минут дружно давал храпака под мерное бормотание ветерана.

А утром выглянуло солнышко и они начали потихоньку оживать после кошмарной ночи. Им отвели очередной зал, называющийся на местном языке «кубриком» и начали по одному и мелким оптом выдёргивать на всякие комиссии, собеседования и обследования. Тут уже народ начал потихоньку соображать, что, откуда и чем это дело пахнет.

Если, к примеру, тебя начинают проверять на наличие музыкального слуха, то не жди, что служить тебя отправят в сводный оркестр Балтийского флота, там и без тебя выпускников консерватории хватает. А отправят тебя, скорее всего, гидроакустиком на подводную лодку, где срок службы, между прочим, три года и молись богам, чтобы лодка оказалась не атомной. Поэтому, даже те из команды, кто имел за плечами музыкальную школу, вдруг, внезапно и

абсолютно потеряли способность не то чтобы «до» от «фа» отличить, но даже стали путать скрип двери с хлопком калитки. Кого-то по результатам отбора оставляли, кого-то переводили в другую команду, так что к вечеру из москвичей в команде осталось человек шестьдесят, но зато добавилось человек сорок из Витебска и Смоленска.

На одной из комиссий Сын с Серым разошлись. Нужно было повторить то, что отстучал карандашом по столу офицер. Гитарист Сынковский элементарно воспроизвёл все эти «та-ти-та», а Серый, не желая быть радистом, хотя и обладал чувством ритма, изобразил «очередь из взбесившегося пулемёта». На что офицер, сморщившись, поставил в его бумагах «крест», а в бумагах Сына с удовольствием нарисовал «галочку». Но, после этой комиссии команда у них осталась одна и та же, из чего Серый сделал вывод, что их ждёт учебный отряд, который готовит связистов.

Самым животрепещущим вопросом в течении всего этого дня оставался вопрос о сроке службы. Большинство офицеров в комиссиях, увидев, чем заполнена графа «гражданская специальность», в бумагах Серого, произносили что-то типа: «Замечательно», или: «Такие специалисты нужны флоту», как бы подтверждая, что служить ему три года и это приводило в угнетённое состояние всех остальных имевших команду 550. К вечеру напряжение достигло предела, и некоторые даже зло поглядывали в сторону Серого, как будто он был виноват в этой их беде.

Часов в шесть вечера всех, кто за этот день прошел отбор, в том числе и команду 550 в полном составе, построили на малом плацу. На трибуну вылез молодежавый капитан-лейтенант с пачкой бумаг и началось следующее действие: «Авдотьин!», «Я!», «Буркалов!», «Я!», «Виденеев!», «Я!»... Называемые выходят в центр плаца и образуют строй, постепенно обрастающий всё новыми и новыми кандидатами в неизвестность.

... «Щучкин!», «Я!», «Юмашев!», «Я!», «Яковлев!», «Я!». «Команда 421, форма флотская чёрная, погоны чёрные, срок службы три года. Плавсостав, подводный» - подводит итог «каплей». Всё. Неизвестность закончилась. И будущие герои подплава, понурившись, отправляются под командой старшины на вещевой склад за «формой флотской чёрной».

Так продолжалось довольно долго, но вот дошла очередь и до их команды.

«Серый!», «Я!», и бегом на середину плаца, где похолодевшие от предчувствия земляки замерли, глядя на него как на прокаженного. «Уж если Серый здесь, то три года – это точно».

«Сидоров!», «Я!». Сидор подбежав и встав в строй, рванул из-за пазухи фотографию: «Эх, прощай, Галка, не дождёшься ты меня!» и от души, смачно поцеловав любимое лицо, начал в сердцах рвать карточку на мелкие клочки.

«Тетерин!», «Я!», «Шуба!», «Я!». Собрались почти все. Олег здесь, вон Сын стоит, вот и Боб тоже тут. Секундная пауза, за время которой сердца успели провалиться в пятки, а затем звонкий голос капитан-лейтенанта: «Команда 550, форма флотская чёрная, погоны синие, срок службы два года. Морская авиация».

Дружный вопль: «Ура!!!» распугал всех ворон на десять верст в округе, а подброшенные вверх шапки взлетели выше крыш. Только Серый, окаменев, стоял в полном непонимании: «Как же так, я же на три года просился...?»

Команда орала и бесновалась, выражая свой восторг, а Серый стоял столбом и, может быть поэтому, только он видел, как ползал под ногами Сидор, собирая клочки разорванной фотографии.

Глава II «САЛАГА»

- Личные вещи, имеющиеся документы, письменные принадлежности в целлофановый пакет и с собой, - толстый мичман, командир БПК* заучено бубнил своё перед очередной толпой голых молодых мужиков: «Желающие отправить гражданскую одежду домой, складывают её в мешки, зашивают и надписывают адреса». И ведь находились же наивные, зашили и надписали, но только потом что-то никто ничего не получил.

- С целлофановыми пакетами проходим помывочное отделение и на выход с другой стороны. Там получите форму. Давай следующих.

Помня о ледяной бане в день приезда, Серый подумал: «А не захватить ли с собой ватник?» и оказался прав, с точностью до наоборот. В том смысле, что если в предыдущей бане вода была «холодная» и «очень холодная», то здесь «горячая» и «очень горячая», так что ватник бы не помешал – сберечь себя от ожогов.

С визгом, пролетев через струи кипятка, они выскочили в коридор, в стенах которого были устроены прилавки, за каждым из которых выдавали какую-то одну часть обмундирования. Кальсоны – 2 пары, тельняшки – 2 штуки, «прогары» (ботинки) – одни, брюки рабочие – 2 пары и т.д. и т.п., начиная от носок – «карасей» и заканчивая бескозыркой.

- Эй, товарищ сержант, а ленточку к бескозырке, где получить?

- Получишь, когда присягу примешь.

Оказалось – правда. До присяги ленточка к бескозырке не полагается, а без неё «беска» смотрится как самая настоящая шапка каторжанина и носит соответственно название «горшок».

- Одевайтесь здесь. Сразу смотрите, чтобы всё подходило по размеру. Сейчас поменяем, потом негде будет. «Парадку» и бушлаты получите уже в «учебке».

Серый с этой формой одежды был хорошо знаком, оделся быстро и, посмеиваясь, стоял, наблюдая как мужики ищут, где крепится воротник-«гюйс» или тупо соображают, как надевать эти чёртовы флотские штаны, если на них нет привычного зиппера-ширинки, а есть откидной клапан в верхней части. И, в конце концов, с какой стороны этот клапан должен быть, спереди или сзади? Помогли местные, да и Серый выступил в качестве эксперта-консультанта, объяснив, что клапан сзади носят только мужики определённой сексуальной ориентации, а таких на флоте не водится.

Совместными усилиями кое-как оделись и, грохоча не обтопанными «прогарами», выскочили на улицу, где их уже поджидали двое новых сопровождающих. Высокий и стройный красавец-сержант с надменным и ленивым взглядом голубых глаз на смуглом лице, украшенном щегольскими усиками, рядом с которым сутулился матрос с унылым выражением на бледной морде. Причем, было заметно, что матрос сержанта явно побаивается.

«Стройсь!» - с уже привычным, закритическим уровнем децибел рявкнул сержант, и все засуетились, пытаясь организовать что-нибудь более приличное, чем просто толпа. «Бегом, салаги! Быстро, я кому говорю!» - начал подтягивать матрос, но сержант лениво скосил на него глаз и тот заткнулся на полуслове.

* БПК – банно-прачечный комбинат. Интересно, что другая расшифровка аббревиатуры – большой противолодочный корабль.

- Слушай сюда! - с уже хорошо знакомой фразы начал сержант, когда шеренги более-менее подравнялись и затихли: «Ваша команда отправляется в школу СС «Пшеничное»...» Шеренги шевельнулись заинтересованно, а сержант пояснил: «Для особо тупорылых объясняю, что школа СС — это школа специалистов связи, где из вас, хотите Вы или нет, но сделают этих самых специалистов. А пока, прошу запомнить, что моё слово или слово этого... (Серому показалось, что он хотел сказать «придурка») ...матроса, для Вас, что глас Божий с небеси и если у кого-то есть сомнения, то я ему быстро объясню, что такое наряд вне очереди».

- А мы уже знаем, - весело выкрикнул кто-то из строя. Сержант лениво скосил глаз на крикнувшего: «Иди-ка сюда, милоч». Ряды раздвинулись и курносый парень, старательно изображая строевой шаг, подошел к сержанту.

- Кто таков?

- Матрос Хренов.

Сержант всё так же лениво перевёл взгляд на шеренги перед ним: «Объясняю для всех и сразу, что на время нахождения в учебном отряде, Ваше звание «курсант», а настоящими матросами станете только после её окончания. Ну, а Вам, курсант Хренов, от всей моей добрейшей души, наряд вне очереди и место дневального первой смены. Встать в строй». «Есть», - Хренов повернулся и, опять, пытаясь изобразить строевой шаг, пошел на своё место. Но, строевой шаг в тяжелых «прогарах» дело сложное и, не дойдя двух шагов до шеренги, он споткнулся и чуть не упал. В строю, кто-то хихикнул. «Кто смеялся!?» - взвился сержант, не успевший рассмотреть весельчака. Строй замер в молчании.

- Ну ладно, до отбоя я курсанту Хренову сменщиков всё равно найду.

Сержант Дыбенко оказался опытным специалистом по поиску «нарядчиков» и к отбою была укомплектована не только дневальная служба, но и наряд по уборке гальюнов, и бригада для чистки картошки на камбузе. Зато, до всех очень быстро дошло, что держать руки в карманах, а так же засовывать их за ремень – рискованно, курить в неподобающем месте – чревато последствиями, а уж спорить с сержантом – вообще смерти подобно.

Видимо, приняв их в свои ряды, Балтийский флот сжалился и очередной кубрик, который выделили команде, всё-таки имел некоторые удобства в виде деревянных нар с набросанными на них тощими матрацами. После ужина Дыбенко куда-то смылся, усадив матроса Стукалова читать вслух Дисциплинарный Устав тем, кто избежал его грозного ока и не попал в наряд вне очереди. Весьма интересные, содержательные и увлекательные статьи Устава, в сочетании с монотонно бубнящим голосом Стукалова, очень напоминающим голос лектора по истории Балтфлота, подействовали на слушателей не хуже снотворного. И в результате, трое, всхрапнувших особенно громко, составили дневальный наряд на следующие сутки.

К вечерней поверке явился Дыбенко и вверг всех присутствующих в шок, когда, встав перед строем и взяв в руки список команды, провёл переключку, не заглядывая в бумаги. Проще говоря, по памяти перечислил фамилии всех девяноста шести курсантов, о существовании которых ещё сегодня утром он и не подозревал. Даже фамилию Файрахудинов произнёс правильно и без ошибки. После вечерней поверки, провожаемый восхищёнными взглядами курсантов, Дыбенко опять смылся, бросив через плечо: «Отбой!».

Но после его ухода возникла проблема. Лежачих мест в кубрике на всех не хватило. И так крутили, и этак, но всё равно Шуба, Сын, Сидор и Серый остались без мест. Тогда Стукалов, лишенный чуткого и мудрого руководства сержанта, принял самостоятельное решение: «Или здесь на полу ложитесь, или

в соседний кубрик идите». На полу спать совсем не хотелось, и они пошли к соседям.

Соседями оказались около сорока молодых морских пехотинцев, а если быть более точным, то таких же, как и они призывников, но только в форме «чёрной полевой» и роста, соответственно, от 180 сантиметров и выше, а ниже в морпехи не берут. Служба у них была организована похуже, чем у Дыбенко. Ни чистоты в кубрике, ни дневального у двери, да и сопровождающие где-то шлялись, предоставив молодёжь самим себе.

- Мужики, мы у вас переночуем, а то у нас в кубаре мест нет.

- Вот ещё, от вас же голубятней воняет, – услышали они в ответ. Морпехи, прямо в сапогах, валялись на матрацах и... курили. За последние несколько часов курсанты твёрдо усвоили, что койка только для того чтобы спать, а садиться на неё всуе – грех, валяться просто так – грех смертельный, а курить в кубрике – грешнее уж и быть не может. Поэтому, Сидор в сердцах произнёс: «Эх, сержанта нашего на Вас нету», – и примиряюще пнул «прогаром» по сапогу валяющегося в койке морпеха: «Ладно, чувак, не борзей». «Чего!» – взвился, не понявший миролюбия Сидора, морпех: «Лети отсюда, «голубятник», пока перья не выщипали!» Тут уже взвился Сын: «Ну, ты, сапог кирзовый! Что, к флоту примазываешься, царица полей?», – и легко уклонившись от летящего в него кулака, коротким ударом пробил морпеха в печень. Шуба и Серый шагнули вперёд, становясь плечо к плечу с товарищами. Остальные морпехи, начали неторопливо слезать со своих матрацев, с явно читаемым на их лицах намерением пощипать нахальных «бакланов». Драка намечалась серьёзная, практически безнадёжная, учитывая соотношение сил как десять к одному, и быть бы нашим друзьям битыми, но на шум одновременно в кубрик влетели Стукалов и младший сержант морской пехоты. Влетели и ...начали лаяться между собой, как две клуши на базаре. Причём, слова «голубятник», «баклан», «сапог кирзовый» и «жандарм», были самыми употребляемыми в их лексиконе. Неизвестно, чем бы закончился и этот диалог, но в дверном проёме возникла и лениво прислонилась к косяку высокая фигура сержанта Дыбенко. «Смирно!» – рявкнул он, а затем, уже тише, добавил: «Ну, и что здесь, собственно, происходит?»

- Да вот этот, со своими дуболомами... - начал Стукалов.

- Цыц, – тихим голосом прервал его Дыбенко: «Сержант, я тебя слушаю».

- Да я..., да он своих..., а его моих..., а мой... того...

- Очень содержательно, – подвёл итог Дыбенко: «А теперь, «караси», слушай сюда...»

К удивлению курсантов и Стукалов, и морпех замерли, изобразив повышенное внимание к словам сержанта.

- ...поэтому, хавальники свои закрыли и чтобы никому... - закончил он. Оба, и морпех, и Стукалов дружно закивали головами. «А этих четверых, я заберу с собой и лично на толчках сгною», – он мотнул головой, как бы приказывая курсантам следовать за ним, и вышел за дверь.

Догнали они его только в конце коридора. Сержант обвёл их своим фирменным ленивым взглядом и, с такой же ленцой в голосе, спросил: «Ну и чего на драку завелись?»

- Они нас «голубятниками» обзывали...

- А этот, перья обещал выщипать...

- Кто? Тот морпех, которого вырубил?

- Ага.

- А кто вырубил?

- Я, – сознался Сынковский.

- Добро. А что, стали бы вы со всеми махать за морскую авиацию?

- Конечно! – дружным хором ответили они.

- А вот это правильно, – подвёл неожиданный итог сержант и добавил: «Вот здесь кубрик свободный. Ложитесь и спите, я скажу Стукалову, чтобы до завтрака вас не кантовал. Да, и о том, что случилось – молчок, а то, вот ему...», - и он ткнул пальцем в мгновенно погрузневшего Сына: «... год дисбата* легко накрутят, да и мне лычки срежут. А ведь мне скоро домой», - с мечтательными нотками в голосе закончил он.

Утром они впервые проснулись выспавшимися. Стукалов свято исполнил приказ сержанта и не кантовал их до самого завтрака, поэтому, несмотря на шум, гам и топот «прогар» по дощатым полам барака, в их кубрик никто не заглядывал. А уж спать, невзирая на любой шум окружающей среды, кроме команды «подъём» они за последние дни научились.

После завтрака, который пришлось-таки впихнуть в себя, учитывая, что домашних запасов больше нет, а жрать всё равно хочется, и короткого перекура, Стукалов повёл команду на малый плац, где, примерно с полчаса, гонял их по кругу строевым шагом. Они старательно топали ногами, недружно шлёпая подмётками прогар по асфальту, цепляясь друг за друга локтями и сбивая ряды. Стукалов бесился, орал, но особых успехов заметно не было, до того момента, когда на плацу появился сержант Дыбенко. Стукалов скомандовал «смирно» и бегом бросился к командиру. На последних трёх метрах он перешел на строевой шаг и, вскинув руку к бескозырке, доложил: - Товарищ сержант, команда 550 проводит строевые занятия. Старший – матрос Стукалов.

- Вольно, – буркнул Дыбенко, с отвращением оглядывая неровные шеренги.

- Вольно! – продублировал Стукалов.

Серый стоял в середине строя, достаточно близко от отцов-командиров и, поэтому мог слышать продолжение их негромкого разговора.

- Ты что же, их прямо так в колонне и учишь?

- Да...

- Блин, да они себе все подмётки отдерут, а ходить так и не научатся. Тебя что строевому шагу не учили?

- Учили... в «карантине».

- Ага, в двухмесячном. Считай, что и не учили. Смотри и запоминай.

Сержант сделал два шага вперёд и набрал воздуха в лёгкие: «Смирна! Слушай сюда. Я слишком устал от службы, чтобы повторять два раза. Поэтому, постарайтесь убедить меня, что эти непонятные наросты на Ваших плечах служат не только как вешалки для бескозырок. Кто не запомнит с первого раза, тот запомнит со второго, но уже в наряде...»

Строй понимающе загудел, особенно понимающе гудели те, кому довелось полночи «дрючить дучки» в гарнизонном гальюне.

- Тихо! Первое - интервал и дистанция. Дистанция до впереди стоящего – длинна вытянутой руки. Интервал...

Сержант командовал, а строй, следуя его указаниям, постепенно выравнивался, приобретая вид воинского подразделения.

- ... грудь четвёртого человека. Подбородок параллельно линии плеча. Р-р-няйсь! Смирна! Р-р-няйсь! Смирна!

Погоняв, таким образом, с полчаса курсантов для приобретения воинской выправки, а не вида «горбатой и беременной старухи на базаре», сержант перешел к следующей теме.

*«Дисбат» - дисциплинарный батальон, следующая после «губы» - гауптвахты разновидность тюрьмы в Вооруженных Силах. В годы войны – «штрафбат».

- В колонну по одному, два шага дистанция, через каждые пятьдесят шагов поворот налево. Шаго-о-ом-марш!

Образовался квадрат из топающих друг за другом курсантов, в центре которого стояли Стукалов и Дыбенко. Один отсчитывал ритм, а другой раздавал ценные указания: «Носочек тянуть! Исаев, ногу выше! Башмет, горб убери! Файрахутдинов, тебе что, яйца мешают!? Ногу выше, суки беременные!!!»

Через час им начало казаться, что это уже всё. Ещё шаг и они упадут, корчась от судорог в паху и задирая вверх горящие огнём пятки.

- Стой! – наконец-то смилостивился сержант: «Сейчас можно будет разойтись... Стёпкин, «можно будет...» и команда «разойдись» это две большие разницы, как говорят у меня на родине, так что вернись в строй и получи наряд вне очереди. Рекомендую для тех салабонов, у кого сводит мышцы побегать и поприседать.... Власов и Серый ко мне. Остальным – «вольно» и «разойдись».

Серый и Боб уже видели, как подходить к начальству, поэтому на строевой шаг перешли строго на положенном расстоянии, причём абсолютно синхронно, отшлёпали свои три шага и замерли по стойке «смирно».

- Где строевую подготовку проходили? – спросил сержант и кивнул Бобу, как бы предлагая отвечать первым.

- Отец офицер. С детства с солдатами на плацу околачивался, а потом ещё в суворовском учился.

- Оно и видно. Шаг хороший, но не военно-морской. Ногу на землю по-пехотному ставишь.

Парни удивлённо переглянулись. Надо же, оказывается, на флоте даже ходят по другому, а они себе и представить такого не могли.

- А ты? Наверно нахимовец?

- Никак нет. Занимался в Детском речном пароходстве, там у нас была строевая.

- В «детском»? – удивился Дыбенко.

- Да, – подтвердил Серый и пояснил с улыбкой: «Только нас на Всесоюзный слёт готовили, поэтому строевую старшины из Тушинского флотского экипажа проводили».

- Это которые к параду на Красной площади...? Сильно.

- Да уж. Подмётки от ботинок тогда отлетели напрочь.

- Ясно. Запомню. Свободны.

После перекура изверг-сержант опять взялся за своё, но в этот раз, уже не нужно было просто маршировать. Началась «отработка строевого шага по разделениям».

- Делай «раз»! Нога поднимается на 25-35 сантиметров! Замерли! И не шататься мне! Грудь вперёд! Кто упадёт – наряд вне очереди! Не шататься, я сказал!!! Делай «два»! Ногу опустили. Наумов, ты что, в балетной школе учился? А почему на цыпочках ходишь? Всея плоскостью подмётку ставь, не боись, асфальт не проломится. Делай «раз»! Ногу выше! Носочек тянуть! Ещё выше!!! Исаев, наряд вне очереди. Смирнов, выше подбородок! Держать ногу, су-уки!!!

Команда, обливаясь потом и скрипя зубами от боли в сведённых судорогой мышцах, с надеждой ожидала когда, наконец-то сержант выдохнется или, хотя бы, охрипнет. А тот зайцем скакал по плацу, ударом кулака между лопаток поправляя выправку, задирая ногу до немыслимых высот, показывал на себе, насколько она должна подниматься при «нормальном» строевом шаге. Щедрой рукой раздавал «наряды вне очереди» и орал, орал, орал...

От преждевременной кончины прямо на утопанном асфальте строевого плаца команду спас только прозвучавший сигнал на обед. Да и то, едва ли они смогли дойти до столовой, если бы не пятиминутный «перекур», который они

потратили на бег и приседания. Зато, теперь по дороге, они шли уже более-менее нормальным строевым шагом и, хотя сержант продолжал орать про «беременных бегемотов» и «горбатых балерин», локтями они больше не стукались, шеренги держали равнение, а «прогары» одновременно и гулко бухали в выдавший виды асфальт.

После обеда к Дыбенко подошёл какой-то офицер с бело-голубой повязкой на рукаве и команда была экстренно отправлена на хозработы.

Случилось ужасное. Осенние листья, никогда не читавшие Уставов и явно находящиеся под тлетворным влиянием западной пропаганды, имели наглость падать прямо на травяные газоны и (о, ужас!) даже на пешеходные дорожки сборного пункта. Этот антисоветский демарш, подрывающий престиж доблестного Балтийского флота, требовалось немедленно пресечь, листья собрать и, приговорив к смертной казни, сжечь на костре. Задача была настолько масштабна и ответственна, что на её осуществление были мобилизованы все, уже сформированные и ожидавшие отправки в свои части, команды.

Поэтому, сейчас территория Октябрятска напоминала огромное болото, где почти тысяча молодых мужиков изображает из себя цапель, ловящих лягушек, выискивая коварные и несознательные листья, наклоняясь за каждым из них и складывая в мешки.

Команда 550 производила «зачистку местности» возле камбуза, не особо расстраиваясь, а если быть точнее, то тихо балдея от того, что вместо очередного занятия по строевой подготовке, они могут просто бродить на свежем воздухе по зелёной травке и наслаждаться тёплым осенним солнышком.

Правда, о том чтобы развалиться на этой травке и прибалдеть окончательно не могло быть и речи. За процессом бдительно наблюдали недремлющие очи сержанта Дыбенко и матроса Стукалова, не сильно озабоченных тем, что уже половина команды за сегодня получила «наряды вне очереди». Будет нужно, так и всей команде работа найдётся.

Возле ворот камбуза Серый заметил транспортное средство под названием «лошадка». Рыжее создание, со спутанной гривкой и приданной ему тележкой, стояло, переминаясь с ноги на ногу, и мотало головой, как бы приветствуя его. Серый, как и положено воспитанному человеку, подошёл поздороваться, но обнаружил, что какой-то недоумок надел на животное уздечку, перекрутив в жгуты все ремни, и вот теперь, они беспокоили её и не давали бедному существу наслаждаться жизнью вместе со всеми. Серый снял уздечку, поправил ремни и надел обратно, уже по-нормальному. «Вот теперь хорошо», - ласково похлопал он её по морде. Лошадка благодарно фыркнула.

- Ось, сразу видно шо с деревни хлопец, - раздался сзади женский голос. Серый обернулся. Перед ним стояла невысокая старушка в стёганой безрукавке и валенках, чем-то неуловимо напоминающая Бабу-ягу.

- Нет, я не из деревни, - ответил он.

- А шо ж в лошадках разумеешь? - прошамкала она.

- Да на ипподроме занимался когда-то.

- Ой. Ты-то мне и нужон, - вскинулась старушка: «Мне на свинарник надоть отходы вывезтить, а тута ревматизм мой разыгралси...» И она, как бы извиняясь, показала рукой на валенки. «Иде тута твой сержант? Кликни яво, скажи, Марковна зовёт».

Серый сбегал за Дыбенко. К его удивлению, чёрствое сержантское сердце живо откликнулось на просьбу старушки.

- Серый, до отбоя в распоряжение Марковны.

- Есть.
- Заодно и наряд отработаешь.
- Так нет у меня наряда.
- Щас будет. Почему бляха набекрень? Наряд.

Серый скосил глаза. Действительно, злополучная пряжка ремня, пока он нагибался за листьями, сползла в сторону миллиметра на три-четыре и, тяжело вздохнув, он ответил:

- Есть наряд.

Рыжая Машка оказалась существом миролюбивым и меланхоличным, мощностью всего в одну лошадиную силу, но зато с двумя скоростями – «пру» и «ну», поэтому такое транспортное средство Серый освоил легко. На ипподроме он ездил только верхом и опасался, что при управлении телегой, могут возникнуть сложности, но рыжее создание само прекрасно знало дорогу и Серому оставалось только гордо восседать на телеге и, лениво перебирая поводья, отбрёхиваться от шуток, копошащихся вдоль дороги собирателей листьев:

- Эй, браток, как в ваши части служить попасть?
- Земеля, это что, морская кавалерия?
- Не, братва, это конная авиация.
- Отстаньте, я из конного эскадрона морской связи!
- Ну, ваще красавец...
- Мужики, глянь «подводник» едет.
- Почему подводник?
- Так на подводе же...

Светило солнышко, мерно цокали копыта, гудели натруженные строевой ноги, а Серый, сидя на облучке, тихо балдел, наслаждаясь покоем и даже жутко вонявшая за его спиной бочка с пищевым тухляком не мешала этому маленькому и скромному счастью.

Перед отбоем, Марковна отпустила его, выдав в благодарность за службу, две буханки белого хлеба, из тех, что по сроку годности списали с камбуза, и с десяток малосольных огурцов, уже из своих запасов. Прижав к груди всё это богатство, он опрометью бросился к своим, в кубрик. Но выяснилось, что команда, с учётом сегодняшнего пополнения, занимает уже два кубрика и их почти полторы сотни. А что такое два батона на полторы сотни голодных ртов? Так, каждому по щепотке. Присоединился к трапезе и сержант Дыбенко. «Вкусно», - сказал он, со смаком хрумкнув огурчиком и, выставив указательный палец вверх, добавил: «Один. Наряд».

Так выяснился ещё один постулат военно-морской службы. Съестное в кубрик приносить нельзя. Где поймал, там и трескай...

А на следующий день, когда сержант вволю наорался, подгоняя уровень строевой подготовки вечернего пополнения до такого уровня «шоб я хотя бы не блювал, на Вас гляючи», команда покинула гостеприимные стены Октябрятска и отправилась в свой последний переход до Пшеничного. А до Пшеничного оказалось совсем недалеко, всего две или три остановки по железной дороге и, поэтому, никакого воинского эшелона не снаряжали, а, не мудрствуя лукаво, загнали всю толпу в обыкновенную пассажирскую электричку.

Выгрузив «всё это» (с брезгливым выражением лица) на станции Пшеничное, сержант, с помощью Стукалова, построил колонну и, придирчиво осмотрев ряды и шеренги на предмет наличия интервала и дистанции, произнёс очередную проникновенную речь:

- Курсанты! Сейчас вы придёте в учебный отряд специалистов связи Балтийского флота «Пшеничное», который на ближайшие полгода станет для вас родным домом, отцом и матерью в одном лице. Поэтому, постарайтесь не опозориться, входя в этот дом, и покажите, что вы достойны, носить высокое звание связистов Балтфлота. Короче, если какая-то криволапая, хромая, беременная сука собьётся с шага или смешает ряды – я его до конца «учебки» в гальюне гноить буду! Ясно? Напра-во! Шаго-о-марш!

Воодушевлённая такой речью команда, самозабвенно бухая «прогарами» по асфальту, влилась на территорию учебного отряда. Во втором ряду восьмой шеренги, вместе со всеми пытаясь проломить подмётками асфальт, топал Серый. Топал, удивлённо рассматривая мрачные корпуса из темно-красного кирпича, построенные, вероятно, ещё во времена безумного фюрера, чистенькие дорожки с тщательно побеленными бордюрами, высокие черепичные крыши и аккуратно стриженные лиственницы вдоль забора.

Когда под ритмичный отсчёт Стукалова хвост колонны миновал ворота «учебки», над курсантами взвился могучий рык сержанта Дыбенко: «Ножку дай!!!». И, хотя казалось, что уже невозможно топтать несчастный асфальт сильнее, «ножку» они дали и на плац вышли, сотрясая окрестности своим могучим шагом, не хуже землетрясения.

- Стой! Нале-во! – уже на плацу скомандовал Дыбенко. «Плоховато прошли», - объявил он и пояснил, в ответ на недоуменный ропот команды: «Стекла не полопались. Ну ладно, пока и так сойдёт».

На плацу появилась группа офицеров и сержантов во главе с седоватым капитаном первого ранга. «Р-р-няйсь! Смирна! Р-р-нение на середину!» - взвился сержант и, повернувшись кругом, строевым шагом направился навстречу «каперангу». Сказать, что сержант Дыбенко шёл строевым, значит не сказать ничего. Казалось, его тело невесомо летит над землёй, не касаясь её и, только звонкое буханье «хромачей» об асфальт говорило, что это не бесплотный дух, а мастер строевой подготовки.

В трёх шагах от каперанга он замер и, лихо кинув ладонь к бескозырке, громко и отчётливо доложил: «Товарищ капитан пер-ранга, команда 550 прибыла в учебный отряд для дальнейшего прохождения службы. По списку 147 человек. Больных нет. Отсутствующих нет. Старший – сержант Дыбенко.»

- Спасибо, сержант, – каперанг сделал два шага вперёд и посторонившийся Дыбенко оказался за его плечом.

- Здравствуй, товарищи курсанты! – не хуже сержанта рявкнул он.

- Здра... жела... това...ищ ка-пер-р-ранга! – не очень дружно, но с большим энтузиазмом, внушенным обещаниями сержанта, ответил строй.

- Поздравляю Вас с прибытием в учебный отряд связи Балтийского флота!

- Ура-а! Ура-а! Ура-а! – уже более дружно взревели шеренги.

- Сейчас Вы будете распределены по ротам, а, по прибытии в расположение рот, по взводам...

То же самое что и в Октябратске, но уже без нервогрёпки по поводу срока службы. А попадёшь ты в третью роту или в первую, какая разница – всё равно пока неизвестно кем ты будешь: радистом, телефонистом или ещё каким-нибудь... -истом. Большинство из команды 550 попали в первую роту. Большинство, но не все. Из тех, кто ехал от самой Угрешки, в пятую роту загремел Сидор и ещё несколько парней во вторую и третью.

Помещение первой роты встретило их абсолютной тишиной и, прямо таки, стерильной чистотой, посреди которой стояли человек шесть-семь сержантов и матросов со зверскими выражениями лиц старых и голодных хищников увидевших, наконец-то, свежую добычу. Стали разбирать по взводам. Сержант Дыбенко оказался заместителем командира первого взвода и к нему попал

Сын, а замкомандира четвёртого взвода, куда попали Серый, Шуба, Боб и Тетеря, оказался... матрос Стукалов. Музыкант-художник Олег занял место по соседству, в шеренге пятого взвода.

Серый стоял в строю и с интересом рассматривал необычное помещение. Длинный и широкий Г-образный коридор, с одной стороны которого были высокие окна, а с другой, дверные проёмы кубриков, одной своей стороной упирался в дверь каптёрки, а другой в небольшой зал с телевизором. Потолки высокие, метра четыре, если не больше и ... паркет(!) на полу, причём, начищенный до такой степени, что в нём можно видеть своё отражение. «Как же по нему ходить-то?» - подумал Серый: «Ведь затопчем и исцарапаем...»

Перед строем вышел невысокий, атлетически сложенный старший лейтенант, чем-то похожий на Дениса Давыдова.

- Здравствуйте, товарищи курсанты! – в привычной манере рявкнул он.

- Здра... жела... тщ старш лейтнант, – ответили они.

- Я ваш командир взвода старший лейтенант Чечулин. Вашего замкомвзвода Стукалова вы уже знаете. А ваш инструктор – старший матрос Мокей.

Из-за его спины сделал шаг вперёд и остановился темноволосый, с лёгкой сединой на висках, среднего роста стармос. Обвёл взвод таким же, как у Дыбенко лениво-презрительным взглядом и, не кивнув, не сказав ни слова, вернулся на своё место. А старлей продолжил:

- Первая рота готовит специалистов ЗАС – засекречивающей аппаратуры связи. И наш взвод в этом выпуске будет занимать особое место. Если с первого по третий взвода это радисты и радиотелеграфисты, пятый – телефонисты, то наш взвод, это первый выпуск механиков совершенно нового вида ЗАС, который только поступил на вооружение. Поэтому, пока на вас не придет допуск из компетентных органов, вы не должны даже знать о том, чему будете учиться. А сейчас матрос Стукалов разведёт вас по отделениям и далее по распорядку дня.

Новость о том, что они теперь вдрызг засекреченные несколько ошеломила взвод, поэтому опомнились они уже в кубриках, где Стукалов распределял их по койкам. Серому досталась нижняя и Боб, в качестве соседа. Сверху, над ними, поселились Шуба и Хренов, которого во взводе уже переименовали в «Хрен-бич». В том же кубрике, а значит и отделении, оказались Тетеря, Файрахутдинов, которого для простоты окрестили «Федей», Исаев – «Исай» и ещё несколько парней из Смоленска, познакомиться с которыми Серый пока не успел.

Пока сдавали в каптёрку «аттестаты»*, пока получали постельное бельё и заправляли койки, пока заполняли какие-то формуляры, принесённые старлеем, наступило время ужина. Об этом, кстати, настойчиво бурчали животы, так и не получившие сегодня обеда.

На ужин, в столовую рота шла строевым шагом под чутким и бдительным руководством сержанта Дыбенко. Кстати, выяснилось, что от подъема до отбоя передвигаться по части можно только строем, а после отбоя передвигаться нельзя вообще. Выяснилось это экспериментальным путём, когда некоторые, особо любопытные высунулись на улицу и вернулись обременённые очередными «внеочередными».

В столовой, в алюминиевых мисках, их ждало «нечто», под кодовым названием «гуляш», и компот из воды с сухофруктами. Но, оголодавшие

* «Аттестат» - мешок с барахлом, которое ты в данный момент не носишь. «Каптёрка» - место хранения «аттестатов», а также местообитание и кормушка старшины роты.

курсанты отважно набросились на это «нечто», не желающее отлипнуть от миски, с искренним непониманием, наблюдая, как сидящий во главе стола Мокей, с брезгливым видом, ковырнул ложкой это месиво, достал оттуда малюсенький кусочек мяса (вот же повезло!), бросил его в рот и, отодвинув посудину, замер с кружкой компота в руке, ожидая пока остальные, закончат подчищать свои миски. Подчистили от души – мыть не надо, но животы по-прежнему продолжали недовольно урчать, требуя пищу для молодых организмов.

Лучшее средство от голода, это сон, но тут опять не повезло. Изверг Дыбенко снова подтвердил, что у него феноменальная память и перечислил замкомвзводам всех, кто успел получить от него наряд, но ещё не отработал. Поэтому, после отбоя Серый, в составе сводного отряда разгильдяев и нарушителей, был отправлен на чистку картошки. Полтонны бульбы для сорока человек не так уж и много, но процесс заметно осложнял доносящийся из соседнего помещения умопомрачительный запах жарящейся картошки. Её традиционно готовили для караула, ну и, конечно же, для примазавшихся к этому делу старослужащих. Так, захлёбываясь собственной слюной, они продолжали кромсать и резать сырую, а рядом, на противне доходила и подрумянивалась жареная.

Вернувшись вместе со всеми в роту, Серый понял, почему паркет в этом помещении такой зеркально - блестящий. У старшины роты для сохранения и поддержания блеска был свой секрет под названием «русская тройка», который состоял из сотни старых одежных щёток, набитых на деревянную плаху размером метр на метр и чугунного шара весом пудов на пять с приделанной к нему длинной металлической ручкой. Плаха ставилась щётками на паркет, сверху, в специальную выемку клался шар, садилась пара сержантов, решивших покататься, а ещё трое нарядчиков, схватившись за железную ручку, бегом таскали всё это сооружение за собой по всему полу, добиваясь нужного сияния.

Следующие несколько дней пролетели без особых происшествий. Из-за отсутствия допуска компетентных органов, специальное обучение заменили изучением Уставов и автомата Калашникова, учились заправлять койки так, чтобы об их углы можно было порезаться, и одеваться по подъёму за 45 секунд, драили палубу и чистили картошку. Но главное, впитывали информацию об окружающем их новом мире. Так, выяснилось, что сами они «салаги», которые служат первые полгода и их единственное право, это дышать, а всё остальное сплошные обязанности. Матрос Стукалов, на полгода старше, а значит «карась» и прав у него, конечно, побольше, чем у «салаг», но несравнимо меньше чем у «дедов» Дыбенко и Мокея, которые служат последние полгода, с полным правом завели себе календарики и считают дни до приказа об увольнении в запас. В промежутке между ними «полторашники», вышедшие из угнетённого состояния «карася», но ещё не получившие всех патрицианских прав «деда». И Мокей, и Стукалов в «учебке» недавно. Обоих специально перевели из боевых частей, для того чтобы готовить их взвод, поэтому лычек на погонах у них не густо. А в боевых частях, видимо, та же лабуда со сроком службы, если судить по «карасю» Стукалову, вздрагивающему от каждого недовольного хмыканья «деда» Мокея.

Потихоньку подходили ещё команды пополнения, причем, не только с голубыми погонами. К ним во взвод, например, определили морского пехотинца Кольку Порутчикова, сразу получившего кличку «Морпех», из-за отсутствия других курсантов в сапогах. Прошло несколько дней и учебный

отряд, полностью укомплектованный, начал жить своей обычной жизнью. С занятиями, нарядами, разводами, строевой подготовкой и всем остальным.

Пришёл черёд и четвёртому взводу заступать в камбузный наряд. Накормить две с лишним тысячи человек дело довольно сложное, поэтому на камбуз взвод заступал в полном составе. Кто-то попадал «в зал» (миски-ложки раздать-собрать, столы-полы мыть-вытирать), кто-то в «плавсостав» («посудомойка», как-то не по-флотски), кого-то определяли в вестовые офицерской кают-компания (в белой «форменке» прогибаться, строя из себя «халдея»), а кто-то должен был попасть на подсобное хозяйство, потому что «хрюшки тоже кушать хотят». Последний вопрос стоял особенно остро, так как эта почётная должность требовала определённых знаний. Поэтому, перед заступлением в наряд старший матрос Стукалов, которому на 7 ноября кинули первую лычку, стоя перед строем и покачиваясь с пятки на носок, задал провокационный вопрос: «Кто знает, как обращаться с лошадьё?». Серый втайне надеялся, что Стукалов, не видевший его в образе «морского кавалериста», выберет кого-нибудь другого, но сволочь Исай всё испортил, сдав его с потрохами: «Так вот же, Серый в Октябрытске на телеге ездил». Отпираться не было смысла и в день наряда Серый отправился на подсобное хозяйство.

Местная лошадка тоже носила традиционное флотское имя Машка и была точной копией рыжего существа из Октябрытска. Глотая слюну, он скормил ей горбушку хлеба для знакомства и, огладив по холке, чтобы не волновалась, приступил к процессу соединения тягловой силы с прицепом, т.е. начал запрягать Машку в тележку.

Как оседлать лошадь для верховой езды, он знал прекрасно, но в телегу... Все те немногие лошади и телеги, которых ему довелось повидать в жизни, или уже были запряжены, или стояли отдельно друг от друга. Оглядев развешенные на стене причиндалы, Серый сообразил, что сначала нужно надеть на лошадь вон ту штуку, похожую на сидушку от унитаза, которая, кажется, называется «хомут», потом, привязать к ней вот те два дырына от телеги и тогда, может быть, вся эта конструкция поедет, если, конечно, использовать волшебные слова - «Но-о-о, родимая!» и ненормативную лексику.

Прошептав себе, как напутствие: «Не забыть бы, что лошадь спереди, а телега сзади», он снял со стены хомут и попытался надеть его на шею лошади. Не получилось. Голова лошади в хомут лезть не хотела категорически. Серый развязал ту часть хомута, что была стянута сыромятным ремнём, и попытался снова. Опять не получилось. Он прижал уши лошади ладонью и повторил попытку. Снова мимо. Серый присел и задумался. Не, ну всё правильно. Сплошная часть хомута на холке, та, что связывается – на груди. В чём же секрет? Может хомут не от этой лошади? Или лошадь не той конструкции? Он огляделся. Других хомутов или лошадей поблизости не наблюдалось. Он снова повторил попытку, но уже с усилием. Лошадка фыркнула и с укоризной посмотрела на него печальным глазом, как бы говоря: «Ну, соображай быстрее, тупица». «Чёрт, ну не может же быть, чтобы сначала надевался на лошадь хомут, а потом голова», - мелькнула у него крамольная мысль и он опять попытался натянуть на голову несчастного животного проклятый хомут. Лошадка отступила на шаг, коротко проржав что-то матерное на своём лошадином языке.

В этот момент сзади, вместе со скрипом двери, раздался такой же скрипучий голос: «И шо ж ты делаешь, изверг, зачем животную-та мучаешь?» Серый обернулся. Если Машка была похожа на свою тёзку из Октябрытска как родная сестра, то начальница подсобного хозяйства «Пшеничное» походила на Марковну как... двоюродная. Те же валенки, стёганая безрукавка и седые

пряжки из-под линялого платка. «Да я не специально, просто хомут маловат. Не лезет», - попытался оправдаться он. Старушка подошла, взяла у него хомут и, перевернув его в боевое положение «вверх ногами», ловко надела его на шею лошади, а потом развернула в нормальное положение.

- Вот так. Понял?

С дрынами от телеги, которые, как оказалось, называются «дышло», Серый, знакомый с морскими узлами справился сам и, гордясь проделанной работой, поехал на камбуз за первой партией отходов.

Самая большая сложность в этой работе, как выяснилось уже в процессе, не захлебнуться собственной слюной. Отходы-то пищевые и пахнут, соответственно, пищей. На что пустой желудок тут же отреагировал громким урчанием и продолжал протестующее ворчать всё то время, что он вывозил остатки завтрака. После обеда стало ещё хуже. Желудок просто вопил и Серый несколько раз ловил себя на мысли: «А не стащить ли из бочки вон тот лакомый кусочек?» Но удержался, хотя и мучился до конца наряда, уговаривая строптивую утробу, умоляя, а порой и просто безбожно матеря.

Зато, выяснилось и положительное в работе на подсобном хозяйстве. После окончания наряда, он, как существо особо вонючее, получил право внеочередного принятия душа. После бани прошло уже три дня и чистоплюй Серый с удовольствием, неторопливо похлестал себя струями кипятка и помылся хозяйственным мылом, с печальным вздохом вспомнив свой болгарский шампунь.

А в кубрике ждала ещё одна хорошая новость. Мужики, которым довелось нести наряд в хлеборезке, ухитрились спереть аж три батона хлеба и измученный желудок наконец-то получил своё, и даже затих... часа на полтора.

Пришли первые письма с «гражданки». Мать писала, что вложила в конверт 10 рублей, но в конверте «червонца» не оказалось. Кира и Галка, независимо друг от друга, пожаловались, что без него в Москве стало скучнее, а Витька с теплохода расписал, как они очередную сорвавшуюся с якорей баржу ловили.

Учитывая, что их взвод, да и вообще вся первая рота состояли в основном из москвичей, сразу появилась своеобразная традиция доводить до сведения братвы всё то, из московских новостей, что может их заинтересовать или повеселить. Для этого нужный момент пересказывался, а порой и просто зачитывался. Вот и сейчас, воспользовавшись тем, что в роте объявлено личное время, от окончания вечерней поверки и до отбоя, он собрал всех желающих и зачитывал им часть Витькиного письма. Парни слушали, похихикивая в нужных местах, и одновременно занимаясь своими делами. Кто пуговицу пришивал, кто бляху драил, но слушали внимательно. А когда Серый закончил чтение фразой: «... сказали: «Всё! Ша! Бросай якорь! Зимуюем здесь, пусть только водки и баб пришлют», кто-то произнёс: «Да, весёлая у тебя работёнка была...»

- Наверно опасная? – поинтересовался Хрен-бич.

- Зато интересная, – как бы ответил Серый.

- А я тоже хотел моряком стать...

Кубрик замер. В дверном проёме стоял теперь уже младший сержант Мокей. Нет, не из опасения получить наряд замер кубрик. Тут они в своём праве – личное время. Просто это были первые слова, произнесённые «дедом» обычным человеческим голосом, а не командным рыком. Мокей усмехнулся какой-то своей мысли, развернулся и ушёл.

- Смотри-ка, а он, оказывается, нормально говорить умеет, – удивился Шуба.

- Зря ты так, – не поддержал товарища Боб: «Сын от Дыбенки слышал, что у них в боевой, такой напряг со спецами, что они по полгода вахту «четыре через четыре» несут. Вот он только сейчас в себя приходиться начал.

- Да, мужики, представляю, что нас ждёт, – вступил в разговор Хрен-бич.
- А то и ждёт, что с вахты на вахту будем всю службу скакать, без выходных и проходных, света белого не видя, – попытался изобразить из себя пророка Шуба, а затем добавил с досадой: «А тут ещё чёртов допуск никак не придёт. Задолбало уже Уставы зубрить».

Первый допуск пришел на следующий день. Допуск пришел на... Серого. Взвод удивился. Серый нет. Смекнул, что если мать работает секретарём у замминистра, то, наверняка, КГБ всю семью уже давно прошерстило. Но своими выводами с корешами делиться не стал и даже на вопрос, заинтересованного таким фактом командира роты майора Перепечко, недоуменно пожал плечами.

Зато, теперь у него добавилось работы – стоять дневальным по секретному учебному корпусу. Конечно, это лучше, чем картоху чистить, но всё равно скукотища. Бродить по очереди с прапорщиком, начальником секретного корпуса, по пустым коридорам и следить, чтобы какой-нибудь агент иностранной разведки, прикинувшись серой мышкой, не проник в учебные классы, а пуще всего, в класс «матчасти» четвёртого взвода, опечатанный и опломбированный не хуже банковского сейфа. И если, после наряда Серый мог получить свою долю развлечений в виде приборки или внеочередной полутоны картошки, то несчастный прапор просто сходил с ума от безделья. Тем более, что прапор он был не простой. Морпех. Настоящий. Из боевой части. Ростом даже ниже Серого, но вдвое шире его в плечах и с могучими волосатыми ручищами. А фамилия у него была почти такая же, как у сержанта Дыбенко – Дзюбенко.

Однажды прапор застукал Серого за невинным развлечением. Тот, от безделья, кидал положенный дневальному штык-нож в дверь подсобки учебного корпуса. Но, вместо того, чтобы вlepить ему от души пару нарядов, начал объяснять, как правильно бросать нож. «Наука» эта Серому никогда не давалась, но дверь он истыкал самозабвенно и прапор, почувствовав его интерес, со скуки начал обучать его искусству рукопашного боя. Как выбить нож одной рукой, как снять часового, чтобы и не пикнул, куда надо тыкать штыком, чтобы было не смертельно, но болезненно и вражина от боли этой побыстрее рассказал всё что знает, да и что не знает тоже. Так они развлекались целую неделю, пока допуски не посыпались на остальных курсантов четвёртого взвода, как из рога изобилия.

Но и потом, попадая в наряд по секретному корпусу, Серый просил прапора показать «что-нибудь новенькое», а «новенького» прапор знал много и не жадничал. Так что порой, Серый рассказывал друзьям об очередной «тренировке»: «... тут он чуть пригнулся, вот так мою руку захватил... Трах-тибидох! И я уже лежу в одном углу, а штык-нож в другом. Причём, лежу я завязанный двойным рифовым узлом и где руки, а где ноги не разберу. Смотрю, прямо перед глазами чья-то жопа. Ну, я её со злости зубами и тяпнул. Ну, больно же, блин! Моя оказалась...» Братва хохотала до упаду и доставала прапора просьбами научить чему-нибудь.

Как выяснилось, мастерски пробитый Сыном удар в печень молодого морпеха не был случайностью. Он вот уже два года занимался в какой-то подпольной секции таким экзотическим видом борьбы, как карате. Оказалось что, и Боб тоже успел где-то этому поучиться и, однажды вечером, они устроили спарринг прямо посреди той части коридора, которая называлась «главной палубой». «Элегантные» прыжки, «мощные» удары, а главное, дикие крики: «Ки-ай!» впечатлили не только курсантов, но и их командиров. Так что, хотя «кратисты», после выступления честно отработали в гальюне полученные

наряды, сержанты, втихаря, организовали в свободном кубрике «секцию», где двое «салаг» начали обучать их высокому искусству карате-до.

Организовал секцию и прапорщик Дзюбенко, которого курсанты, с лёгкой руки Серого, достали своими просьбами. Но организовал официально, с разрешения командира роты. Естественно, что занятия проводились в личное время и процесс пришивания пуговиц, стирки носок и написания писем пришлось переносить на «после отбоя», за счёт сокращения времени сна. Впрочем, курсанты, уже привыкшие спать по четыре-пять часов в сутки, этим фактом не сильно озадачивались.

Сунулись в секцию и каратисты – Боб с Сыном. Прапор, посмотрев на их лихие прыжки, выдал: «Идите-ка вы, хлопцы, в цирк, людей смешить. Мне здесь нужно по одному удару на каждого врага, на большее в боевой обстановке времени не будет...» и продолжал обучать желающих как надо ломать ключицы, пробивать солнечное сплетение и вгонять носовую перегородку в мозг противника.

Потихоньку начали осваивать территорию «учебки». Изначально, ещё при Адике Шикльгубере, основной комплекс зданий строился как узел обороны и школа разведчиков Абвера. С высоты птичьего полёта, центральный корпус имел форму «свастики» (почему, собственно, и коридоры Г-образные), по периметру окруженный бетонными ДОТами, которые не смогли разрушить ни советская артиллерия, ни годы. Под зданием находились несколько уровней подземелья, по слухам, в своё время соединённых туннелем с подземным городом Кенигсберга, затопленным немцами при капитуляции. Слухи подтверждались тем, что самые отчаянные исследователи из курсантов, которым удалось забраться глубже всех, рассказывали, что дальше всё скрыто под водой, причём, вода солёная.

Но, кроме чисто мальчишеского любопытства, исследователей толкала вперёд мечта всех поколений курсантов – найти подземный ход из центрального корпуса к ДОТам за территорией «учебки». Зачем, не знал никто, кроме Тетери, который своим двояковыпуклым военно-морским глазом уже определил, что расстояние от одного из ДОТов до вино-водочного магазина не более ста метров. Поэтому, он пробирался в подземелья чаще остальных, невзирая на риск, поскольку командиром роты было объявлено, что пойманные следопыты и диггеры будут «поощряться» не нарядом, а сразу тремя.

Спустился под землю и Серый. Всё-таки хорошо немцы строили. Подвал, а арочные своды высокие, без единой трещины, вентиляция отличная – никакой сырости, кабеля и трубы вдоль стен проложены как по линейке. Вентили водопровода украшены белыми эмалированными табличками, на которых что-то написано красивыми готическими буквами. А сверху по табличке, явно кувалдой, «хряп!» и коряво, от руки, красной краской «хол. вода». Эх, Русь-матушка, хрен тебя победишь...

Конечно же, Советская власть не смогла стерпеть на свежеприобретенных территориях здания в форме нацистского символа. Какие-то части здания снесли, какие-то пристроили, но всё равно, общий замысел автора продолжал просматриваться довольно чётко. Со временем территория «учебки» обросла и другими, уже более современными архитектурными шедеврами соцреализма: складами, ангарами, зданием столовой и, конечно же, свинарником, соседствующим с гарнизонным гальюном на двести посадочных мест. «Рота, садись! Начинай! И-раз...»

Пришло письмо от брательника Лёхи Дрожжина. Он писал, что его призвали 12 ноября и, для начала, отправили в Тушинский флотский экипаж, а потом

ему предстоит служить в штабе авиации ВМФ. Так что, он тоже флотский и тоже в голубых погонах. Взвод тихо умирал от зависти, пока Серый читал это письмо. «Надо же, какая везуха - служить в родном городе», а когда выяснилось, что сам Лёха жил на Вилмиса Лациса, то есть в Тушино, вообще разразился коллективным стоном: «Да ещё в двух шагах от дома». Но для себя Серый решил, что служить рядом с домом, конечно, здорово, зато, так как они интересней.

Ближе к присяге начали налегать на строевую и боевую подготовку. Со строевой вопрос решался просто. Все «косолапые» и «беременные», с кем не могли справиться собственные сержанты, получили «направление для лечения» к «доктору» Дыбенко. Лучший строевик части, теперь уже старший сержант, Дыбенко лечил и от «косолапости», и от «беременности». Рецепт у него был один и «пациенты» по полночи месили прогарами первый выпавший снег на плацу, под бодрое рычание неутомимого сержанта.

С боевой подготовкой оказалось сложнее. Специалистов по стрельбе и метанию гранат среди сержантов роты не оказалось, поэтому, когда четвёртый взвод, первый раз в жизни взявший в руки боевые АК, выехал на стрельбище, то облажался в полный рост. Лупили куда хотели, каждый выбрал цель по вкусу. «В белый свет, как в копеечку», «в молоко», «в мишень соседа», «по воронам», но только не туда куда надо. На их фоне, мишень Серого с двумя попаданиями в «десятку» и тремя «восьмерками», выглядела просто шедевром стрелкового мастерства.

- Ну, ты стрелок... - удивился «дед» Мокей.

- Да ну, ему соседи случайно помогли, - засомневался Чечулин.

- Ага, две «десятки» случайно...

Поспорили. Решили проверить. Выдали Серому ещё десять патронов и он, уже успевший понять какая поправка у его автомата, спокойно и неторопливо, на глазах у изумлённого взвода, засадил всё в мишень не ниже «восьмёрки».

- Ну, ты вообще, снайпер! - издал крик души старлей: «Взвод, становись! Р-няйсь! Смирно! Курсант Серый!»

- Я!

- За отличную стрельбу объявляю Вам благодарность!

- Служу Советскому Союзу!

Сзади пнули кулаком промеж лопаток: «Поздравляю, братан», «С первой наградой, Серый», «А ты не только наряды первым хватать умеешь». Почему-то эти грубоватые поздравления были ему приятны.

В субботу вечером к нему подошел Мокей и протянул кулёк конфет: «Держи, я на твоей стрельбе у взводного увольнение в город выиграл». «Спасибо», - поблагодарил Серый, А Мокей продолжил: «Я в свою часть заходил, с корешами повидался...»

- ? - заинтересованно поднял глаза Серый.

- Ждут они ваш выпуск. Очень ждут...

Конфеты, по традиции, сожрали всем взводом.

С метанием гранат Серый опять «отличился». Метали, естественно, не боевые, а учебные. Без взрывчатки и с множеством дырок в корпусе, куда затолкали какую-то смесь, дающую вспышку и много-много белого вонючего дыма. А что? Удобно и наглядно. Бабахнет, а осколков нет. Потом бери корпус, забивай смесь, меняй запал и кидай по новой. Граната учебная, но тяжеленькая и ухватистая, как боевая. Такое ощущение, что кинешь её и в мёрзлой траве, куда она упадёт, раздастся не мягкое «бух!» и вспышка с клубами дыма, а самый настоящий взрыв, разносящий всё вокруг вдреизг и напополам. Поэтому, кидали, слегка волнуясь, срывая кольцо потными

пальцами и, может быть из-за этого, граната Кольки Селезнёва не взорвалась. То ли кольцо недовыдернул, то ли запал бракованный оказался, но граната плюхнулась на мёрзлую землю и теперь просто лениво лежала, поблёскивая металлическим боком.

Ситуация, однако... Надо же как-то её разряжать, а боязно. Убить не убьёт, но если в руках «бухнет», то ожоги гарантированы неслабые.

И тут лопухнулся командовавший гранатометанием Стукалов. Окинув взглядом виновато сгорбившегося Селезню, он повернулся к взводу и спросил: «Добровольцы есть?» Теперь уже лопухнулся Серый, у которого, видимо под влиянием недавнего триумфа на стрельбище, сорвало башню на почве героизма. И с гордым видом твякнув: «Я», - он сделал шаг вперёд.

С каждым пройденным в сторону гранаты метром, решимость его уменьшалась, а противное чувство страха сводило скулы всё сильнее. Чтобы как-то успокоиться и отвлечься, он специально устроил в черепной коробке сумбур мыслей: «Рванёт? Не рванёт?», «А интересно, что сегодня на ужин?», «Если кольцо на месте, то запал здесь не при чём и его можно просто выкрутить», «Сын сегодня в камбузном наряде, может пожрать принесёт?», «А если кольца нет... , значит может и «бухнуть», «И Варька, зараза, уже вторую неделю не пишет...», «А и «бухнет», так не убьёт же...»

Подойдя вплотную к гранате, он на секунду замер. Кольца у гранаты не было, но и чека не откинулась – видимо пружину где-то закусало. Вариант из самых худших. Отпустит пружину, откинется чека и будет тебе через пару-тройку секунд хороший «бух!». Отскочить-то может и успеешь, но надо ведь разрядить. «Соберись, тряпка!» - приказал он трясущемуся организму: «Позорище, люди же смотрят». Организму стало стыдно, и он перестал мандражировать.

За его плечом послышалось сопение. Возможно, стармос Стукалов решил, что без его бдительного надзора и граната не рванёт, но, скорее всего, ему стало неловко, что не пошел сам, а послал добровольца.

- погоди, Серый, - сказал он: «Дай я сам» и, присев на корточки, потянулся к гранате дрожащими пальцами. Серый положил ему руку на плечо: «Может лучше я?». «Нет. Я командир, мне и разряжать...». «А у меня, зато руки не трясутся», - он протянул вперёд кисти рук. Его организм, дрессированный на команду «не трус» уже справился с рефлексом. Стармос посмотрел на его пальцы, посмотрел на свои, и согласился: «Давай ты, а я подстрахую». Хотя, страховать, похоже, нужно было обоим. От глупости. Потому что, вместо одного теперь рисковали двое. Серый, который, зажав чеку одной рукой, другой медленно и аккуратно скручивал гранату с запала, и Стукалов, в упор наблюдавший за этим процессом. Наконец-то запал освободился и Серый, сунув стармосу корпус, спросил: «А запал-то теперь куда?». Стукалов пожал плечами: «Не знаю, может попытаться кольцо обратно вставить?»

- Стоять! Забри! – с круглыми глазами к ним бежал старлей Чечулин, отлучившийся именно в этот критический момент. Подбежал и замер, глядя на двух «героев», один из которых судорожно зажал в кулаке гранатный запал без кольца. «Уф», - выдохнул старлей и, тихо, почти ласково, добавил: «Серый, ты его брось... пожалуйста...». «Пожалуйста», - автоматически ответил Серый и отшвырнул запал в сторону. «Бух!» - сказал запал напоследок. «Болваны!» - взвился к небу нервный фальцет старлея: «Кретины! Идиоты! Для такого случая на полигоне специальный сапёр дежурит! Хрен ли сами полезли!? Курсант Серый!

- Я!

- Два наряда вне очереди!

- Есть!

- Старший матрос Стукалов!
- Я!
- Два наряда вне очереди!
- Есть!

Так выяснилось, что наряды получают не только курсанты, но и сержанты со стармосами. А также то, что наряд наряду рознь. Серый отработывал свои, отдирая гарнизонный гальюн, а Стукалов, сидя перед телевизором, в должности дежурного по роте.

Ближе к присяге привезли и выдали «парадку» - «форму № 3». Заодно разобрались и со всеми этими номерами. «Форма № 1» - тропическая, шорты и панاما («...ну Вам этого не носить..»), «№ 2» - парадная, белый верх, чёрный низ - белая «форменка» и чёрные брюки («такое в жару носят, а сейчас только вестовые в кают-компани»). «Форма три» оказалась самой хитрой - она подразделялась на парадную и повседневную. К парадной положено было носить тёмно-синюю «суконку», естественно из сукна, на которую навешивается весь «иконостас», то есть все значки о разрядах, заслугах и достижениях, заработанные её владельцем. К «повседневной № 3», которую надевали, заступая в наряд дневального, полагалась синяя «фланелевка», соответственно не из жесткого сукна, а из мягкой, почти пижамной, фланели. «Иконостас» на ней носить было можно, но не обязательно. Так же, со всем этим полагалось носить не чугунные прогары, а лёгкие «хромачи» - ботинки парадного образа жизни.

«Форма четыре», осенне-весенняя, дополнялась бушлатом и бескозыркой, а «№5» - зимняя. Где бушлат заменяется на шинель, а «беска» на шапку-ушанку, на местном жаргоне именуемую «капелюш». Имела место и «форма шесть», для особых холодов, когда уши вянут и отличалась от «пятой» только тем, что для сохранения этих самых ушей, разрешается опускать боковые клапана на «капелюше».

Существовала ещё полуустановка форма «гвоздь», когда силуэт надевшего шинель и бескозырку матроса становился похожим на этот самый строительный расходный материал. А также, две совершенно неуставные. «Форма ноль» - «голяком и босяком» или «...гүйсы, трусы, часы...» и «форма восемь» - что стырим, то и носим.

Пока выгружали из грузовика и таскали в каптёрку тюки с «парадкой» и бушлатами, Серый опасался, что будет, как в своё время в Детском пароходстве и выдадут такие штаны, в которые двое Серых влезут без напряжения, но при раздаче опасения его не подтвердились. Формуляры на форму одежды, заполненные комиссией в Октябрятске, оказались точными, а если на ком-то что-то сидело не так, это моментально исправили матросы-портные из кадровой команды.

Серый смотрел на своих товарищей и не узнавал их. Эти парни, которых он привык видеть в синих и уже начавших линять от постоянных стирок, голландках, заправленных в брюки и мятых «капелюшах», надев «форму три» просто преобразились. Откуда-то появился разворот плеч и гордая посадка головы, прямая спина и взгляд, хотя и несколько настороженный, но полный достоинства. Даже тюфяк Тетеря, сбросивший за последнее время лишние жировые отложения, смотрелся вполне прилично. А ведь всего-то чуть больше месяца прошло с тех пор, как их приняла в свои стены Угрешка.

- Я, гражданин Советского Союза... - звонко гремели в морозной тишине чеканные слова присяги и, как это ни наивно, каждый, кто выходил перед строем и произносил клятву верности, твёрдо знал, что всё это серьёзно и

теперь, если потребуется, то Родина вправе потребовать от них всё, даже жизнь...

День Принятия Присяги (каждое слово с большой буквы) отмечали без спиртного, но весело и разнообразно. В соревнованиях по строевой подготовке первое место в части занял Боб, научившийся всё-таки, при помощи старшего сержанта Дыбенко, ставить ногу «по военно-морскому». Отличился и Башмет из второго взвода, но уже в знании Уставов, а вот Серый оплошал... Ну кто же мог знать, что во второй роте служит мастер спорта по пулевой стрельбе, а в пятой перворазрядник-биатлонист.

Отметили этот день и праздничным обедом, отличавшимся от обычного дополнительно выделенным пирожком с повидлом. И тесто сырое, и повидла в нём на чайную ложку, но всё равно лакомство.

Выдали и первую «зарплату». 3 рубля 80 копеек или «бутылка водки и плавеный сырок», как моментально подсчитал Тетеря. А Серый посчитал по-другому. Если покупать «Приму» по 14 копеек и выкуривать в день не больше 18 сигарет, то на курево зарплаты хватит, а вот на спички уже нет. А ведь надо ещё и конверты для писем, и иголку с ниткой и многое другое покупать. Да и в матросское кафе – «шинок» сходить хочется, тем более что теперь, после присяги им это позволено «с разрешения дежурного по роте, строим, не менее пяти человек, не более чем на полчаса». Сильно не зажируешь, так что вся надежда на то, что из дома пришлют.

Итог празднику подвёл Дыбенко, объявивший, что «...теперь Вы полноценные военнослужащие, а значит, что за некоторые прегрешения можете схлопотать уже не наряд вне очереди, а «губу» или год-другой «дисбата»: «Так что прислушайтесь к моему совету и учите Дисциплинарный Устав».

*Учи Устав, совсем устав,
Уста сцепив, учи Устав
И даже ото сна восстав,
Учи усиленно Устав...*

Это не Серый придумал, это народное творчество. Ох, как же задолбали эти Уставы. Дисциплинарный, Строевой, а теперь, после присяги, ещё и Караульный. А в плавсоставе, говорят, есть ещё и Корабельный. Бритая башка трещит и лопается от всех этих литературно-художественных перлов, типа «часовой - есть лицо неприкосновенное». Ну, «лицо», это ладно, а по жопе его можно треснуть, да?

Зато и отмазаться «по Уставу не положено» можно. Что съел, товарищ сержант? Положено мне четыре часа сна в наряде, так вынь да положь. И, хотя, в Уставе сказано «не менее», а фактически получается «не более», а всё равно моё.

Как ни странно, но после присяги жить стало легче. То ли «шкериться» и «шланговать»* научились, то ли сержанты, в связи с начавшимся активным обучением, снизили свой прессинг, а может просто привыкли, но начали ощущать себя в военно-морской среде полноценными «винтиками единого механизма». Даже стали иногда встречаться с друзьями из других рот. Так, однажды, Серый столкнулся в «шинке» с Сидором, который попал в пятую роту и учился на линейного телефониста. Минут десять выслушивал его рулады о том, как он любит свою Галку и как ему теперь плохо, потому что, после того как он наклеил на картонку обрывки фотографии, у любимой не хватает

*«Шкериться» - прятаться, «шланговать» - от службы отлынивать. Соответственно, «шкера» - укрытие, тайник, а «шланг» - сачок и лентяй.

одного глаза и уха, а потом предложил: «А давай я Олега попрошу, чтобы он твою Галку с фотографии перерисовал. Сидор воспрял духом и Олег, для которого Серый спёр из канцелярии роты карандаш («нужен мягкий, другим не смогу...»), забившись в «шкеру», вместо клочков фотографии, изобразил портрет 9 X 12. По мнению Серого получилось очень хорошо, девушка выглядела на портрете даже более симпатичной чем на фото, но сказать ему об этом он не успел.

- Оба-на, и чё мы здесь делаем? – раздалось сзади ленивое рычание «деда» Мокея. «Опять в наряд» - с грустью подумал Серый, но тут «дед» увидел рисунок.

- Ну-ка, ну-ка, и шо это у нас? – перешел он на заинтересованное урчание.

- Два наряда, - сделал поправку Серый, а «дед», внимательно рассмотрев произведение искусства, строго спросил: «Чья работа?» «Моя», - тихо признался Олег. «Родной!» - взвился от радости сержант: «Вот ты-то мне и нужен!» Так Олег попал в «дембельскую бригаду».

«Дембельская бригада» по подготовке к увольнению в запас двух «дедов» подразделения, Мокея и Дыбенко, собрала в своих рядах весь цвет творческой интеллигенции роты. ДМБ дело тонкое и, поэтому, Селезень, учившийся у себя в Смоленске на ювелира, выпиливал, ганил и шлифовал буквы на погоны сержантов, ибо буквы на погонах «дембеля» должны быть не просто аббревиатурой БФ, а произведением искусства. Мишка Стельмах из второго взвода, окончивший текстильный техникум, мучил «дедов» примерками, подгоняя «форму три» так, чтобы сидела лучше, чем на манекене в доме моды. А выгнанный из «Строгановского» будущий радист Виталья Шилкин, расписывал ленточки для бескозырок старорусской вязью и покрывал эмалью пуговицы и звёздочки.

Всё было хорошо, но бригаде не хватало главного художника для оформления «дембельских альбомов». Нет, нарисовать-то могли многие. Но «дембельский» альбом, это не «Боевой листок», тут талант нужен. Поэтому, попался Олег очень вовремя.

А четвёртому взводу опять подошла очередь заступать в камбузный наряд. И тут Серый взбунтовался. Как не симпатична была ему рыжая Машка, снова разгребать свинячий навоз и гонять лопатой крыс совершенно не хотелось. Стукалов, к которому Серый обратился с этим вопросом, хотел уж было, по сержантскому обычаю, вклеить «бунтарю» наряд вне очереди, чтобы «не борзел», но стоящий рядом Мокей, оказался более адекватен. «А и верно», - заметил он: «Мы в наряде даже «зал» с «плавсоставом» местами меняем. Так, что же ему всю «учебку» на свинарнике наряд нести?»

В результате было принято соломоново решение, что в наряд к хрюшкам Серый заступает, но с помощником – дублёром, которого он должен обучить правилам вождения кобылы и особенностям её технической эксплуатации. А в следующий наряд «дублёр» уже пойдёт старшим, и будет учить ещё кого-то другого. Таким образом, есть надежда, что к окончанию учебного отряда весь взвод освоит столь необходимую на флоте специальность, как управление лошадью при перевозке пищевых отходов.

В «дублёры» Серому дали Морпеха. Колька изначально шёл в морскую пехоту, где матрос метр-восемьдесят-четыре не считается высоким, так что Серый, хотя и не был совсем уж коротышкой, доставал ему бритой макушкой только до подбородка. При таком росте и еды Морпеху требовалось больше, чем остальным, а для получения законной двойной нормы не хватало всего одного сантиметра, поэтому, глаза его горели голодным огнём ярче, чем у остальных парней из взвода. О степени его оголодания говорит уже тот факт, что, увидев рыжую Машку, он облизнулся и нежно прошептал: «Мясо». Но

борец за свободу всех животных Серый, свою боевую подругу в обиду не дал и они погромыхали на телеге возить проклятую бочку, сводящую с ума ароматами пищи, недоумевая, откуда берутся на камбузе отходы, если миски свои они вылизывают до зеркального блеска.

Ближе к обеду, когда стало уже совсем невыносимо бороться со спазмами в желудке, они заметили, как пацаны из разделочного вынесли и выбросили на гарнизонную помойку (ещё один шедевр соцархитектуры, они так в ряд и стояли: гарнизонный гальюн, помойка и свинарник) несколько картонных коробок.

- Еда, – раздувая ноздри, с уверенностью сказал Морпех.

- С чего ты решил? – засомневался Серый.

- Брюхом чую, – сглотнул слюну Колька.

- Сейчас проверим, – решил Серый и, спрыгнув с облучка, бросился к коробкам.

В ящиках действительно оказалась еда. Тушенка. Вернее сказать, то, что от неё осталось после того, как повара вывернули банки в щи из позапрошлогодней капусты, а камбузный наряд подчистил стенки ложками. Но, если тщательно поскрести невымытым пальцем, то с каждой банки ещё ого(!) сколько можно набрать. Этим делом они и занялись, бросив Машку на произвол судьбы и являя собой почти скульптурную композицию, символизирующую единение морской авиации и морской пехоты.

Дружно работая пальцами, герои Балтики вычищали банки прямо на помойке. Ящиков было, штук пять или шесть, но очистить они успели только два, так как мимо них в гарнизонный гальюн провели четвёртую роту.

- Рота, стой! Разойдись! – и рота весело несётся в гальюн, освобождать, зятянутые на время строевой, мочевые пузыри.

- Братаны, чего там выбросили? – спросил у Серого с Морпехом кто-то из пробежавшей мимо толпы.

- Тушенку, – сдуру сознался Серый.

- А-а-а! – взревела рота, резко меняя направление движения: «Ура-а-а!»

Верно говорят, что когда матросы-балтийцы идут в атаку, то никакая сила не устоит перед их могучим натиском. А если балтиец голодный, да если ему ещё и тушенку показать, то вообще «Нихт шиссен! Алес капут!»

Активное обучение по специальности у взвода началось с того, что их, слегка оробевших от серьёзности момента, загнали в учебный класс секретного корпуса, где очень серьёзный дядя, с лицом Лаврентия Палыча Бери, зачитал им приказ «ноль десять» и велел расписаться в каких-то бумагах, а потом ещё минут двадцать страдал, что их допуск по «форме один» это высший допуск секретности в Вооруженных Силах и даже друзья из соседних взводов, не говоря уже о друзьях и родственниках на гражданке, не должны ничего знать, иначе... можно попасть... Что теперь они настолько облечены доверием Родины, что любой империалист пойдёт на всё, чтобы только завладеть теми сведениями, которые они здесь получают. Так что ночью из роты ни ногой и в гарнизонный гальюн не меньше чем по двое, иначе... украдут... И если уж такое случится, то лучше им самим откусить свой собственный язык и выплюнуть его в лицо подлому империалисту, заявив: «Хрен тебе, враг противный, всё равно ничего не скажу!» Как всё это говорить супостату, откусив собственный язык, Серый не понял, но вместе со всем взводом проникся серьёзностью происходящего.

Потом Стукалов раздал чистые тетради для конспектов, «прошнурованные, пронумерованные и скреплённые мастичной печатью», заявив, что тетради эти, после окончания занятий, сдаются дежурному под роспись, так как

выносить их из корпуса категорически запрещено и, если кто-то захочет что-то повторить, то обязан делать это исключительно в классе, под защитой толстых стен и кованых решеток на окнах. Так Серый понял, что поживиться чистыми листами из конспектов по «спецухе» не получится, а значит, придётся и дальше драть тетрадку для политзанятий.

А затем, «дед» Мокей со старлеем, каждый своим ключом, открыли класс «матчасти» и взорам курсантов предстало то, чьей секретностью их так пугали. Какие-то пять небольших серых ящиков, поставленных друг на друга, с кнопками, ручками и стрелками приборов. Совсем обычные ящики с совсем обычными кнопками и ручками... Ну, ничего интересного...

А зима, тем временем, входила в свои права. От промозглой московской она отличалась тем, что балтийская сырость в сочетании с морозом пробирала до костей. После физзарядки, на которую можно было надевать «капелюш» и перчатки, но не шинель, единственным спасением было прижаться хотя бы на пару минут к горячей батарее парового отопления. Удивляло, что на сержантов этот холод казалось, не действует. Бегают себе вдоль строя, весело порывивая на курсантов, как будто май-месяц на дворе, а не вторая половина декабря.

Стало заметно прохладней в помещении роты. Нет, в кубриках старые немецкие трубы ещё справлялись, но на главной палубе и в зале с телевизором уже не очень. Поэтому, на обязательный ежедневный просмотр информационной программы «Время», стали сбиваться более компактно, усаживаясь по двое на одну табуретку или, как их здесь называли, «баночку». Это имело свои преимущества. Сидящий сзади мог положить голову на спину товарища и покемарить с полчаса, пока диктор рассказывает об очередном пленуме партии.

Во время одного из таких просмотров, сладко дремавшего Серого, пнул под рёбра локоть Боба, чью спину он использовал в качестве подушки: «Слушай...». И Серый услышал новость о том, что очередные кровавые наймиты империализма, обожравшись борзьянки и явно потеряв нюх, посмели обидеть Маленьких Друзей Большой и Прекрасной страны. Диктор, брызгая слюной, продолжал клеймить их позором, а Серый, притупив спросонок, спросил:

- Ну и чё?

- Давай рапорта напишем.

- Не понял?

- Ну, рапорта, чтобы нас туда отправили.

Серый проснулся. Мысль показалась ему интересной и после отбоя, лёжа в койках, они продолжили обсуждение.

- По нашей спецухе всю службу в подземелье просидим. Тоска же – сдохнуть можно.

- Да я не против, только какие мы с тобой бойцы. Так, пушечное мясо.

- Нормальные. Я карате знаю, ты стреляешь хорошо.

- Ага, кого я не дострелю, ты пяткой в лоб – «ки-ай».

- А-а, тебе всё шуточки, а я серьёзно.

- Ладно, давай бумагу.

- Зачем?

- Во, тупой. Рапорта писать будем.

Утром рапорта курсантов Власова и Серого первыми легли на стол командира роты. Как оказалось, симптомами щенячьего героизма страдали не только они, и к вечеру на столе командира роты образовалась изрядная стопка письменных подтверждений интернационализма и слабоумия. Никуда их, конечно же, не отправили, но замполит роты заметил с гордостью: «И всё-таки хорошо у нас в роте идейно-политическая работа поставлена».

«Спецуха» требовала недюжинной памяти. Преподающий инструкции и техническое описание Стукалов поступил просто – заставил вызубрить всё наизусть. Причём так:

- Курсант Хренов.

- Я.

- ПТЭ. Пункт 8.

- Для вхождения в симплексную связь...

Или:

- Курсант Тетерин.

- Я.

- Инструкция. Раздел 3.

- Блок номер два предназначен... предназначен для...

- Отставить. Для чего предназначен второй блок будешь вспоминать сегодня ночью, на толчках, а пока... Курсант Исаев!

- Я.

- Тот же вопрос.

- Блок номер два предназначен для синхронизации и обеспечения...

А у «деда» Мокея другая методика. Стоит себе возле аппаратуры с деревянной линейкой в руках:

- Курсант Власов.

- Я.

- Регламентные работы номер три.

«Тумблер сюда, эту ручку вот сюда, потенциометр вправо, пока эта стрелка не дойдёт до сектора, затем этот рычажок... Ай, ну больно же!» Конечно, больно. Линейкой, да по пальцам. Зато, запоминается насмерть.

*Армия, такая штука строгая,
Здесь у Вас не будет скоро норова.
Что доходит туго через голову,
То доходит через руки здорово.*

И это тоже не Серый написал. Федя. Файрахутдинов который. А Серый за последние недели вообще ничего не написал. Не до того. Некогда.

Лютовала зима. Медленно, но неотвратимо наступал Новый Год. К этому времени курсантская братия успела понять, что сержанты, в принципе, такие же люди, как и они, «только рубашка другой». И если не обращать внимания на то, что орут и в наряды гоняют, а что поделать – «по штату положено», то с ними вполне можно общаться и даже шутить над ними, не рискуя оказаться на толчках.

Первым не получил наряд Сын, скопировавший журавлиный выход своего замкомвзвода перед строем. Дыбенко застукал его на этом, но ржал вместе со всеми и только отвесил ему вполне дружеский подзатыльник: «Ну, ты и артист...».

Потихоньку распустил язык и Серый:

- «Дед», у тебя что-то сзади что-то выпало.

- Где?

- Ой, и мухи налетели...

Ржёт взвод, а с ними ржёт и «дед» Мокей. Серый у него по рукам получает, пожалуй, реже чем другие. Выручает зрительная память. Не так уж сложно запомнить, куда и как нужно крутить пару десятков рычажков и ручек, если приходилось на капремонте судовые дизеля перебирать.

Пришли посылки с гостинцами к Новому Году, и в роте запахло мандаринами. Серому мать наконец-то прислала «огуречный» лосьон, а то раздражение после бритвы замучило, а бриться приходится, чуть ли не через

день, не то углядит Зоркий Сокол – Стукалов одинокую волосинку на подбородке и отправит по натопанному маршруту «дучки дрючить». В роте появились московские сигареты из посылок, конфеты (лучше бы мяса прислали) и шоколад (или хотя бы колбасы). Самая лихая посылка пришла Тетере. Родня, прониклась жалобами на недоедание и прислала 2 килограмма копчёного сала. Вот здорово – сало есть, а хлеба нет. Но, ничего, напряглись и без хлеба всем кубриком умяли. Гадость жуткая, но жрать надо, потому что калории. Зато, на следующий день всем же кубриком стали толчковыми кавалеристами, в том смысле, что все толчки в гальюне оккупировали. А не фига сало без хлеба жрать... «и с сержантами не делиться», - добавил Серый.

Дежурным по роте в новогодний наряд запихнули самого молодого из сержантов – Стукалова (им с «дедом» на Новый Год ещё по лычке подкинули). Ну а что это за дежурный по роте без дневальных? И четвёртый взвод стал просто шелковым – кому же охота в Новый Год на тумбочке торчать. Настолько взвод стал белым и пушистым, что за три дня(!) Стукалову не удалось(!) объявить ни одного(!) наряда.

Уже 31-го ухитрился залететь Боб. Какая-то сволочь на физзарядке наступила ему на ногу, а он не заметил и предстал пред грозные очи замкомвзвода в грязном ботинке. «Курсант Власов. Дневальный первой смены», - тут же зафиксировал в листке суточного наряда свежее испечённый младший сержант.

- Сочувствую, братуха, - пожалел товарища Серый.

- А ты не сочувствуй, а помоги, – ехидно посоветовал Стукалов.

- Да запросто, – вырвалось у Серого («Ох, язык мой, враг мой!»).

- Курсант Серый. Дневальный второй смены, – тут же зафиксировал злодей-провокатор.

Третьим в их компанию попал Хрен-бич, который в столовке поторопился плюнуться на баночку раньше, чем прозвучала команда: «Садись!».

Причём, среди двух «залётчиков», почти «доброволец» Серый пострадал больше всех, поскольку ровно в полночь на тумбочке стоит именно дневальный второй смены.

И вот, под бой кремлёвских курантов и крики «Ура!», Серый торчал на тумбочке, прикидываясь новогодней ёлкой, и, нервно теребя рукоятку штык-ножа, прикидывал: «А достанется ли мне хоть что-нибудь с тех обильных столов, установленных на главной палубе, после того как за ними порезвятся две сотни голодных ртов?» А столы, по меркам «учебки», были роскошными. Мало того, что командование части выделило под это дело по три противня жареной картошки на роту, так ещё офицеры роты скинулись и обеспечили каждого курсанта бутылкой лимонада, а их жёны напекли пирогов. Настоящих домашних пирогов с капустой и с картошкой.

Серому повезло. Он не упал в голодный обморок и не захлебнулся собственной слюной. Дожил до смены и тут (О. радость!), выяснилось, что дневальной службе, в качестве компенсации морального ущерба, по традиции положена двойная пайка. Серый жрал всё это, похрюкивая и чавкая, даже не задумываясь, как он выглядит со стороны. Ведь это была еда, и её было много.

Роте разрешили веселиться до часу ночи, даже объявили танцы, но как-то не сложилось. Спать, согреваясь о плечо друга на соседней койке – это одно, а танцевать с ним, строя из себя девочку – бр-р-р, пошлость какая. Большая часть роты поторчала перед телевизором, по которому показывали традиционный «Голубой огонёк» и, с чувством выполненного долга, сожрали-то всё, до последней крошки, завалилась спать.

Время отдыха для Серого наступило чуть позже и, войдя в кубрик, ощутил знакомый запах «Огуречного» лосьона. «Пролилось, что ли?» - сунулся он в свою

тумбочку. Нет, не пролилось. Испарилось. Иначе, как объяснить, что бутылочка на месте, пробка плотно завинчена, а внутри ничего нет? Серый достал её из тумбочки и посмотрел на просвет. Пусто. «Хм», - смущённо раздалось сзади: «Серый, ты извини. Мы её с братвой выжрали». С койки в соседнем ряду виновато пялился Тетеря. Так же виновато смотрели Боб и Шуба. Серый постучал пальцем по лбу: «Чё, совсем с глузду съехали? Ослепнуть хотите?» «Не», - жарко возразил Тетеря: «Я знаю. Это же водка на огурце настоящая. Безопасно».

- А если...? – усомнился Серый.

- Точно-точно, – продолжал убеждать его эксперт по нетрадиционным алкогольным напиткам: «Это же не политура какая-то. Хотя, ...политуру я тоже пил», - добавил он и, кажется, облизнулся. Возразить на это Серому было нечего.

После Нового Года зима просто озверела и сорвалась с цепи. Градусник за минус 30 и уши трубочкой сворачиваются. Видимо, из опасения засыпать всю территорию «учебки» отмёрзшими и осыпавшимися курсантскими ушами, командование объявило «форму шесть», но физзарядку отменить то ли постеснялось, то ли забыло. Так и бегали в утреннем морозном тумане в перчатках и наглухо завязанных «капелюшах», но в тоненьких брезентовых робах, насквозь продуваемых ветром.

В эти дни взводу выпало заступать в караул. Всего и делов-то – три поста. Пост № 1 – у знамени части, где нужно четыре часа подряд в «парадке» торчать по стойке «смирно» и дышать через раз. Пост № 2 – самый противный, где нужно постоянно ходить по периметру ограждения, наблюдая, чтобы не спёрли какую-нибудь старую и ржавую боевую технику. И пост № 3 – вещевого склада, где можно тихо сопеть под козырьком и не о чём не заботиться – всё, что можно прапора со склада и так уже спёрли.

Взводный Чечулин, в данном случае начальник караула, в первые разводящие назначил Серого. Почему его, а не командиров отделений Исаю или Матвея, непонятно, но, наверно хотел, чтобы в случае чего, рядом был «взводный снайпер».

Должность первого разводящего почётна и ответственна. Второй человек после начкара, но обязанностей... Кто интересуется, может обратиться к «Уставу караульной службы», а пока, чтобы не тратить зря бумагу, скажу, что от всех этих заряданий-разряданий, разводов по постам, контрольных обходов и всего прочего, голова шла кругом, и ноги отваливались. Так что к четырём часам утра, когда можно сдать свои обязанности начкару (пусть тоже побегаёт) и отрубиться, он окончательно вымотался. Но тут с камбуза принесли традиционную «жарёнку», они порубали её, оставив тем, кто на посту, как положено, двойную пайку и Серый ожил.

Да ещё, словно нарочно, Боб попросил его рассказать корешам, как он провалился на поступлении в институт, ну Серого и понесло. Ржали все, даже те, кому было положено «спать не раздеваясь». Ржал старлей Чечулин, оказавшийся при близком общении вполне нормальным молодым мужиком. А Серый разливался соловьём: «...тяну билет. Всё более-менее понятно. Сажусь за стол готовится, а там уже три девчушки сидят и лобики свои, не обезображенные интеллектом, морщат. В медицинском-то вообще девчонок навалом, а эти ещё и красавицы писанные. Мадонны Сикстинские! Королевы!! Мэрилин Монро!!! И ведь не знают ни хрена, дуры, но смотрят на меня с надеждой...»

Внезапно раздался телефонный звонок «вертушки». Начкар бросил палец к губам: «Тихо!», и схватил трубку:

- Начальник караула старший лейтенант Чечулин слушает.
- Старлей, что у Вас там происходит? – донеслось из трубки рычание дежурного по части.
- А что? – удивился начкар.
- Что за стрельба на втором посту?
- Сейчас разберёмся.

Самое интересное, что от караулки до второго поста метров семьдесят, а до рубки дежурного по части все пятьсот. Поэтому, разобраться действительно следовало.

Начкар, бросил трубку и взвизгнув: «Караул в ружьё! Первый разводящий за мной!», выскочил на улицу. Серый, успев схватить только автомат и «капелюш», бросился следом. По ядрёному морозцу, сразу прихватившему нос и щёки, да без шинелей, до поста они добежали очень быстро.

Часового нигде не было. Старлей достал пистолет и снял его с предохранителя. Серый взял АК наперевес и пристегнул штык. «Принимай пост», - скомандовал начкар и с пистолетом в руке нырнул в молочно-белое морозное марево. Серый остался один в гробовой тишине. Нервы звенели, как перетянутые на гитаре струны, а в голове крутились мысли одна другой веселее. «Так, часового уже грохнули, сейчас начкара завалят, а там и моя очередь...». Сзади раздался треск. Серый резко обернулся, успев за это время снять АК с предохранителя, передёрнуть затвор и бросить палец на курок. Хорошо, что нажать не успел, а то бедному дереву, и так треснувшему от мороза, достался бы ещё целый магазин девятиграммовых «подарков». «Этак я со страху весь лес перестреляю», - подумал он и, припомнив, сколько пришлось отписывать бумаг Мокею с Чечулиным, когда они на полигоне выдали ему дополнительно десяток патронов, поступил «мудро». Отстегнув магазин, а затем и штык, он крутанул его в руке, проверяя готов ли он встретить «супостата» в рукопашной, а в левую руку взял дубинку, носившую ранее гордое название «автомат Калашникова».

Как потом оказалось, при повышенной влажности на морозе, трубка телефона покрылась коркой льда и Морпех, во время ежечасного доклада о том, что всё нормально, не смог дозвониться до караулки. Они же, за ржанием, про это даже не вспомнили. И тогда бравый часовой, вместо того, чтобы постучать трубкой о колено и сбить лёд, открыл пальбу в воздух.

А что? Всё по Уставу. Даже в газете «Страж Балтики» этот случай описали, отметив, что «часовой курсант Порутчиков действуя строго по Уставу...», а «...начальник караула старший лейтенант Чечулин чётко организовал...» и «первый разводящий курсант Серый, верно оценив обстановку, своими решительными действиями обеспечил...».

Ох, и ржал же над этой статьёй взвод, хлеще чем над хохмами Серого. Потому что Колька в этой статье выглядел героем, старлей – дважды героем, а Серый, даже и не знаю как сказать, наверно, героем посмертно... А что, ведь и правда, чуть дубу не дал, пока в одной робе на морозе пост охранял и от каждого куста шарahalся.

Откуда-то начало появляться свободное время. Научились стирать носки за три минуты, гладить штаны за пять, а «прогары», от постоянной чистки гуталином, стали мягкими и сверкали не хуже «хромачей» - протрёшь ветошкой и прямо как зеркало. Утром, за пять минут до дикого вопля дневального «Рота подъём!», сам проснёшься, станком бритвенным по щекам и подбородку на ощупь поводишь и готово, уже побрит. Стукалов инструкцию диктует, а ты конспектируешь и одновременно письмо пишешь. Слово туда, слово сюда, главное не перепутать. Даже в строю, по команде «вольно» рукавом шинели

бляху к вечерней поверке можно начистить. Вот оно и появилось. Это самое свободное время. А что с ним делать? На буднях ещё ничего, от программы «Время» и до отбоя. А по воскресеньям? Бродит рота из угла в угол, от безделья мается. Серый сходил в гарнизонную библиотеку и выяснил, что самая интересная книжка из художественной литературы в её собрании – «Буратино».

Приходили письма. Лёха, брательник, уже в штабе авиации ВМФ. Водителем. На чёрной «Волге», при полном параде и голубых погонах, рассекает по улицам столицы нашей Родины. Корешам читать не стал. Обзавидуются. Зато, зачитал три письма от трёх девчонок из педучилища. Они клялись в вечной любви и одновременно, описывая новогодний вечер, закладывали конкуренток, как бы случайно, уличая других в неверности Серому. По отдельности – письма как письма. Но, когда он зачитал фразы выборочно и в нужном порядке, то получилось смешно. Девчонки заложили сами себя. Парни ржали, а Серый этим изменам даже не огорчился. У них там своя жизнь, у него здесь своя.

Мокей стал больше уделять внимания Серому на занятиях по «матчасти». Заметив, что, когда тот выполняет «регламенты», его линейке нечего делать, он решил провести эксперимент. Перед всем взводом завязал курсанту глаза и скомандовал: «Вхождение в связь дуплексно. Четыре абонента.» Четыре не восемь, но всё равно, задание достаточно сложное, а Серый с ним справился. После этого и другие курсанты стали пробовать работать «вслепую»

Съездил домой, в «отпуск по семейным обстоятельствам», Федя-Файрахутдинов. Отец умер. «Повезло же, в отпуск поедет», - ляпнул Хрен-бич. И тут же получил по макушке от Шубы: «Тебе бы такой отпуск. Дурак ты и не лечишься!» Шубе видней, он до службы санитаром работал.

Подоспел ещё один камбузный наряд. Видимо, за все те душевные муки и желудочные терзания, которые достались ему на подсобном хозяйстве, Стукалов отправил Серого вестовым в офицерскую кают-компанию.

Когда, рано утром, в белой форменке, он вошел в зал, то замер в изумлении. Столы накрытые белыми (!) скатертями (!!) и столовые приборы из мельхиора (!!!). Просто цивилизация какая-то! Можно подумать, что офицеры макароны ложками есть не умеют. Тут-то Серого и пробило на идею. Когда-то, теперь уже безумно давно, ещё в прошлой жизни, мать, для смеха, принесла ему с работы книжку «Дипломатический протокол и дипломатическая практика». А он, тоже для смеха, взял её и прочитал. А потом заинтересовался и перечитал ещё раз. Так что запомнил и вот теперь решил воплотить эти знания в жизнь.

Слегка переставив столы, он разложил столовые приборы согласно протокола. Причём, не просто так, а строго соблюдая когда-то прочитанное. Каждой вилке и ложке своё место, а нож, не только справа от тарелки, но и обязательно режущей частью влево. Заметив, что для полного соответствия приборов явно не хватает, сбегал в каптёрку камбуза и выпросил ещё. Естественно, что ни рыбных вилок, ни десертных ложек там не оказалось, но их с успехом заменили обычные, положенные на нужное место. Некоторые приборы от плохого мытья имели тёмные пятна, но он сбегал на улицу и наскрёб со стены штукатурки, при помощи которой навёл блеск, достойный офицерской кают-компания.

В общем, проделал огромную работу, но до завтрака успел, и входящие офицеры только языками цокали, оглядывая всё это благолепие. Скатерти без

единой морщинки, всё разложено как по ниточке, вилки-ложки блестят и Серый, замерший у раздаточного стола с видом сенешаля Его Величества или, как минимум метрдотеля ресторана «Maxim». Но, в отличие от них, Серый был русским человеком и за всей помпезностью своего «заведения», руководствуясь старинной поговоркой о том, что «от многого взять немножко, это не воровство, а делёжка», безбожно обвешивал несчастных офицеров. Вместо положенных по норме 20 грамм масла они получили по 15, но зато вырезанных в форме розочки. Ломтики хлеба были тонки и прозрачны, но Серый успел до завтрака поддержать их на горячем противне и они сошли за «тосты»

Таким образом, завтрак закончился к взаимному удовольствию. Офицеры были впечатлены качеством сервисного обслуживания, а Серый, рад двум батонам белого хлеба и бруску масла грамм на 200.

Накормив всех офицеров, он продолжил духариться дальше. И, наведя порядок в кают-компании, по новой накрыл столы... для своего взвода, добавив к курсантской пайке то, что удалось сэкономить на офицерских желудках.

Обед прошел в том же стиле, а после ужина офицеры уже всерьёз обсуждали вопрос – «а не ввести ли в части штатную должность вестового, оставив на ней этого смышлёного курсанта, повесив ему на погон пару лычек, а на грудь значок «Специалист 1 класса»...

Питание в офицерской «харчевне» настолько расслабило камбузный наряд, что они, не дожидаясь своего сержанта, кое-как построились и попёрлись в роту толпой, мало напоминающей взвод курсантов. На их беду, замполит роты обладал отличным, острым зрением и Стукалов тут же получил такое же острое замечание. Настолько острое, что усидеть невозможно. Поэтому, по возвращении в кубрик их ждала экзекуция под названием «взлёт-посадка».

Процедура проста. «Взвод, подъём!» И они вылетают из коек, одеваются и строятся в две шеренги. «Взвод, отбой!» И они бегут обратно в койки, на ходу срывая с себя форму. «Взвод, подъём!», «Взвод, отбой!», «Подъём!», «Отбой!»... К концу второго часа, взмокшие и потерявшие все калории, преступно набранные в кают-компании, парни уже одевались за 20, а раздевались за 15 секунд, вместо положенных 45-ти. Причём, форма при команде «подъём» была одета, застёгнута и оправлена, а по команде «отбой» сложена аккуратной стопкой на баночке возле койки.

Не «летали» только те, кто был на овощном складе и в подсобном хозяйстве. Они мирно спали в своих койках, невзирая на творящийся вокруг кавардак.

Так, за учёбой и нарядами подходила к концу зима. Набухали каплями сосульки и в особо тёплые дни на солнечных местах начал подтаивать снег. В эти дни «учебку» начала трясти «янтарная лихорадка». Такое случалось каждую весну, когда курсантов начинали вывозить на хозработы к морю, для уборки береговой черты от мусора, накиданного суровой Балтикой за зимние месяцы. После того, как первый взвод съездил на Янтарный берег и вернулся с полными карманами «солнечного камня», наряд на уборку берега перешел из разряда наказаний в разряд поощрений. Что только они не делали с янтарём. Вырезали кольца и нанизывали браслеты, его дарили и им расплачивались, жарили на сковородке, для приобретения красноватого оттенка, и обливали жидким азотом, чтобы стал непрозрачным.

Особо востребованным стал Папаша, ранее бывший Селезнем, но только до того, как в наряде по подсобному хозяйству, принял роды у свиноматки. Оказалось, что он в ювелирном проходил тему «Обработка янтаря» и его знания теперь пригодились всей роте, которая в полном составе пилила,

шлифовала и полировала. Верхом искусства, шедевром янтарного производства, оказались выполненные Папашей из целых кусков солнечного камня буквы «БФ» на «дембельские» погоны «деда» Мокея.

Но не только янтарные буквы порадовали сердце будущего «дембеля». Он получил в «дембельскую» бригаду ещё одного специалиста.

В каждом номере военно-морского журнала «Морской сборник», на последней странице, печатался рисунок какого-нибудь корабля, прославившегося в истории русского флота. И как-то, изнывая от скуки на политзанятиях, Серый на обложке тетради с конспектами нарисовал крейсер «Новикъ» из этой серии, придав рисунку вид старинной, слегка потрепанной гравюры. Конечно же, получил наряд от замполита, но увидевший это художество Мокей, задумал мысль, которая переросла в желание.

- Желая... - царственным тоном изрёк он: «...чтобы каждый лист кальки, разделяющий фотографии в моём альбоме, был украшен подобной гравюрой». Желание «деда» - закон для «салаги» и Серый отправился на чердак, в «шкеру».

Там его встретил «творческий руководитель и глава художественного совета» Олег. В повседневной жизни курсант пятого взвода ничем не отличался от других, но, попадая в «дембельскую шкеру», преображался неузнаваемо. Гюйс летел прочь и «голландка» превращалась в блузу свободного художника. «Капелюш» менялся на берет, кисть за левое ухо и поволока в глазах, как и положено человеку искусства, все мысли которого только о прекрасном.

С профессиональным интересом, осмотрев пакетбот «Св. Петрь», пробу пера Серого, он сделал свои замечания:

- Оригинал на квадраты разбей, - так пропорции точнее получатся, а перспективу убери... ну её... не нужна здесь перспектива.

- А чего сам-то так не нарисуешь? - поинтересовался Серый.

- Ну, видишь ли... - Олег, со слегка брезгливым выражением лица потёр мизинцем висок: «Ахроматические композиции... ну, не моё это... то ли дело масло или, на крайний случай акварель, а это...»

Тут Серый понял, что до такого плебейства как гравюра, творческая личность Олега не опустится и придётся всё рисовать самому. Все 28 листов, плюс 32 листа в альбоме Дыбенко. Поэтому, отбросив гюйс и проведя рукой по отросшим уже на целый сантиметр волосам, как бы придавая им вид взлохмаченной шевелюры коренного обитателя Монмартра, он взялся за карандаш. Надо было успевать. До конца «учебки» оставалось чуть меньше двух месяцев.

Чем ярче пригревало весеннее солнышко, тем более активно ходили по роте слухи и догадки по поводу выпуска. Говорили, что после экзаменов можно по распределению попасть не только на Балтику, но и на Чёрное море, а некоторым, особо везучим, предстоит обживать южный берег моря... Баренцева. Ходили слухи, что можно залететь на авианосец, где, невзирая на голубые погоны, придётся трубить три года, а можно попасть в казематы штаба, где срок службы два..., но уж лучше три, но под солнцем.

Четвёртый взвод, к тому же будоражило сообщение комвзвода о том, что «в связи с жизненной необходимостью их специальности на флоте», на подготовку механиков переведут второй и третий взвода. Которым, естественно, потребуются инструкторы. А где их взять? Конечно же, в их четвёртом взводе. Так что, с учётом ДМБ «деда» Мокея, трое из их взвода имеют шансы остаться в «учебке». Курсанты облизывались, прикидывая, как сладко будет этой тройке. Всю службу гонять курсантов, получать лычки к каждому празднику, ездить в отпуск раз в год, а по субботам в Кёнигсберг, в увольнение.

Хотя, неизвестными оставались только двое. С кандидатурой замены «деду» Мокею старлей уже решил. Серый. Строевик, стрелок, лучший по «матчасти», а то, что разгильдяй и язык без костей, так это пройдёт. В первом взводе Дыбенко рекомендовал оставить вместо себя Сынковского и, хотя эти вопросы ещё не были решены окончательно, Сын и Серый уже подкалывали друг друга тем, что «в один день призывались, вместе и домой поедём».

То, что Серый имеет все шансы остаться в «учебке» косвенно подтвердило и то, что в очередной караул Чечулин опять взял его первым разводящим. На этот раз обошлось без стрельбы, но в пять часов утра, когда замотанный вдрызг Серый откинул копыта на законный отдых, его разбудил начкар. Матвеева на первом посту скрутил острый приступ гальюнной болезни, а подменять заболевшего часового, всё по тому же чёртову Уставу, обязан первый разводящий. Серый вздохнул печально, растёр морду снегом и, даже не переодеваясь в «форму три», заступил на пост к Знамени части.

Знамя стояло в стеклянном футляре, посреди зала, напротив прозрачной стенки конуры дежурного по части. В зале было тепло и тихо. Серый замер по стойке «смирно» и боролся со сном. За прозрачной переборкой дежурный по части читал книжку, что-то прихлёбывая из большой стеклянной кружки. Было мирно и спокойно. Глаза закрывались сами собой. Серый пытался считать квадраты кафеля на полу, пытался щипать себя, закусил губу – ничего не помогало. Веки, словно налитые свинцом, независимо от его воли опускались вниз. Он встряхнулся: «Соберись, тряпка!» - скомандовал он организму. Организм, привычный к таким командам напрягся, попытался... но не смог. Серый стал напрягать мышцы, но в результате свинцом налились ещё и руки держащие автомат. Настенные часы в рубке дежурного показывали без пятнадцати шесть, когда Серый окончательно изнемог. А тут ещё дежурный по части, допив своё хлёбово, встал и исчез из поля зрения. По скрипу топчана Серый понял, что он прилёг и сменил стойку «смирно» на «вольно».

Возможно, в этом и была его ошибка. Серый закрыл глаза и... проснулся от грохота. Себя же обнаружил лежащим на полу рядом с автоматом, который, падая, и произвёл этот шум. Он моментально схватил его, вскочил и замер как истукан, ещё до того как за стеклом показалось встревоженное лицо дежурного по части. Часы над его головой показывали без пяти шесть. Десять минут своей жизни он ухитрился проспять стоя, на посту у Знамени части.

Дежурный выскочил из своей рубки. «Что случилось?» - спросил он встревоженно. Серый, продолжая неподвижно стоять по стойке «смирно», чуть пожал плечами, как бы говоря: «Не знаю». «Откуда был шум?» - дежурный понял, что до одури начитавшийся Уставов часовой словами не ответит – не положено. Тот и не ответил, лишь скосил глаза в сторону коридора ведущего к штабу части. На всякий случай, расстегнув кобуру, дежурный ринулся в этот коридор. «Абсолютно непонятно», - с недоумением сообщил он, вернувшись через несколько минут. «Всё нормально. Но ты повнимательнее тут». Серый моргнул глазами, как бы ответив: «Есть». Дежурный ушел и опять прилёг, а Серый вздохнул с облегчением – у его ног валялся отстегнувшийся во время падения магазин с патронами. Дальше, до самой смены, спать не хотелось. Адреналин в крови бушевал со страшной силой.

Снова шла служба и учёба. Наряды и строевая. Конспекты и изучение «матчасти». Писались и приходили письма. После одного такого письма, Серого, уже решившего, что разучился рифмовать, пробрало и после отбоя, под одеялом, он зашуршал ручкой по бумаге.

- Что ты там вошкаешься? – недовольно спросил Боб, разбуженный его вознёй.

- Стихи пишу, – буркнул в ответ Серый.
- А-а-а, - зевнул Боб: «Ну, почитай что ли».
- Сейчас, последнюю строчку допишу...

Дописал, перечитал, кое-что подправил и прочёл:

*Письмо передо мной лежит,
Обратный адрес твой.
Волнуюсь, аж рука дрожит.
Что это со мной?
Не понимаю сам себя,
Сплошной туман в мозгу.
Пытаюсь позабыть тебя,
Но, всё же, не могу.
Ты пишешь мне, что будешь ждать,
Но знаю – это ложь.
Что ночью ты не можешь спать
И снова ты мне лжёшь.
В порядок чувства приведу,
Покрою сердце льдом,
Ну, а сейчас в наряд иду,
Письмо прочту потом...*

Он поднял глаза от листка с текстом. Боб сидел рядом и смотрел на него круглыми от изумления глазами. С верхней койки свесил голову Хрен-бич и глаза его были примерно такой же конфигурации.

- Ну, ты блин даёшь... - раздался из соседнего ряда голос Тетери.
- Сам написал? Не врёшь? – выразил сомнение Папаша.
- Да сам, сам. Вот, только что... - в качестве доказательства Серый показал листок с корявыми строчками.
- Так ты, братан, поэт? – удивился Боб.
- Не, мужики, поэты это Пушкин, Байрон, Бернс. А я так... рифмоплёт.
- Ну, я то, к примеру, так не сумею, – вставил Хрен-бич.
- А ты и не пробовал.
- В натуре, Серый, у тебя талант, – влез Тетеря.

- Идите на фиг! – вспыхнул Серый, которого это уже начало доставать: «В древности, у викингов, каждый воин должен был уметь составить хотя бы короткое стихотворение, «вису» - так, кажется, называлось, и это было нормальным явлением.

Все замолчали и Серый, уж было, решил, что тема закрыта, но примерно через минуту раздался тихий голос Тетери: «Слышь, викинг, а почитай ещё чего-нибудь». Серый помолчал, вспоминая когда-то давно написанные строчки, вспомнил и начал:

*Спи, щекой прижмись к подушке,
Баюшки-баю.
Над твоей кроватью тихо
Песню я спою.
За твоим окошком ветер
Плачет, стонет, воет...
Пусть же будет сон твой светел
И глаза закроет...*

И хотя, это было написано не для них, а для одной девушки из Тушино, чьи волосы чернее ночи, а улыбка сводит с ума, кубрик уснул и им, в эту ночь снились добрые и мирные сны.

А в воскресенье они нажрались. Они – это Боб, Папаша и Серый, который в последние дни упорно не откликался на новую кличку – «Викинг», под предлогом того, что он не просто исконный славянин, а природный вятич.

Одурев от бездельного шатания по роте, эти трое, отпросившись у дежурного, двинули в «шинок». Матросское кафе богатством ассортимента не поражало. Лимонад, печенье, пара сортов леденцов, сигареты, спички и «Тройной одеколон». Ясное дело, что одеколон продавался как средство гигиены, но у наших друзей дружно сорвало башню и они решили провести дезинфекционную обработку, но изнури. Взяли по «фуфырику» и просочились в самую надёжную из всех имеющихся «шкер» - подвал под караульным помещением, где хранились мётла, лопаты и другой дворницкий инвентарь.

Разбавленный водой одеколон, превратился в мутную и тёплую, омерзительно пахнущую жидкость, которая в горло лезть ну никак не хотела. Однако, суровые будни учебного отряда сделали своё дело, привив им твёрдость характера и умение бороться с трудностями. «Герои - балтийцы», или, в данном случае «горе-балтийцы», напряглись и, волевым усилием, протолкнули таки в себя окаянную жидкость. Эффект не заставил себя долго ждать. Тетеря был прав – «по шарам» врезало, причём, капитально. Может, сказалось отсутствие постоянных тренировок, может общая потеря сопротивления организма, не видевшего алкоголя уже несколько месяцев, но им стало «хор-р-рошо». Замаслились глазёнки, всё вокруг стало радостным и прекрасным, а язык приобрёл способность очень красиво выражать те мысли, которые просились наружу. Кореша покурили с полчаса «за жизнь», поклялись друг другу в вечной дружбе, чуть не побратались «на крови», да ножа не нашлось, и решили выползть на волю. Караулку-то строили уже после войны и сырость в подвале, поэтому, была жуткая, вышибающая кайф не хуже вырезвителя. Поэтому, Боб и Папаша Селезень решили пойти в матросский клуб, чтобы хорошенько выспаться на очередном сеансе фильма «Мы из Кронштадта», а Серый с ними не пошёл, заявив, что эту туфту он видел уже три или четыре раза, а лучше пойдёт и «деду» в альбом ещё один парусник нарисует. На том и разошлись.

В «дембельской шкере» сидел «свободный художник» из пятого взвода и трагически морщил лоб напрягаясь рождением очередного шедевра. Он посмотрел отсутствующим взглядом на Серого, склонившегося над листом бумаги, и вновь погрузился в глубину творческого процесса. Что не мешало ему одновременно пощипывать из пачки печенья, принесённой Дыбенко в благодарность за оформление титульного листа альбома. Серый попытался сосредоточиться на работе, но мысли разбегались как тараканы, а глаза слезились и спалились. «Нет, я сегодня не боец», - решил он и спрятал листы: «Эх, поспать бы...»

Но спать в «шкере» было негде, да и Олег мог возмутиться тем, что «разные плебеи оскорбляют своим храпом храм искусства». И тут у Серого возникла идея: «Если на койке сидеть и лежать нельзя, то почему бы, не полежать под койкой». Он спустился с чердака в роту, взял из раздевалки свою шинель, забился в кубрике под койку к самой стене, завернулся поплотнее в чёрное сукно и уснул.

Может, всё и прошло бы шито-крыто, если бы не тот самый бес, который толкнул под ребро «деда» Мокея с предложением: «А не поискать ли тебе Серого, пусть похвастается чего за неделю намалевал». И «дед» приступил к поискам.

Дежурный сказал, что отпустил его в кафе, но в «шинке» Серого не было. Кто-то видел его возле караулки, а кто-то вообще сказал, что он с Бобом и Папашей в кино свалил. «Дед» поднялся в «шкере», где над ватманом страдал

Олег. Мокей подошёл и заглянул через плечо. На листе бравый моряк, в окружении русалок, сидел на якорю с бутылкой рома в руке. Другая рука отсутствовала, видимо, именно в этот момент автор обдумывал, чтобы такого в ней изобразить ... героического.

- Ну, как? – поинтересовался «дед».

- Не выходит, – с мученической гримасой ответил ротный Пикассо: «Пошлость какая-то». И с хрустом перекусил кисточку – четыре «колонка» в неделю – норма.

- Н-да, не очень, – согласился Мокей: «Ты Серого не видел?»

- У него тоже творческий застой, – пожаловался Олег: «Сам не может и другим мешает. Пришёл, посидел, так ничего и не нарисовал, но зато «тройняком» навонял – хоть проветривай».

- «Тройняком»? – переспросил «дед».

- Ну да, а чем же ещё? «Коко Шанель» что ли? – и Олег опять отключился, вернувшись к мукам творчества.

Тут «деда» Мокея начали терзать смутные сомнения и он решил обязательно отыскать Серого, пока его не нашёл кто-нибудь из офицеров и не засадил на «губу». К поискам было решено привлечь Тетерю, учитывая, что патологическая страсть бывшего водопроводчика близка к логике, желающего забыться курсанта. Тетеря, проникшись идеей «деда» о том, что Серого надо выручать, проявил не только синхронность мышления, но и нюх, остро реагирующий на все разновидности спиртного. Так, по запаху, он и обнаружил Серого, мирно «давившего клопа» под койкой в кубрике. Дёрганье за ногу, пинки в бок и другие ласковые методы воздействия провалились. Серый продолжал бессовестно дрыхнуть, пуская слюни и чему-то счастливо улыбаясь во сне. Тогда «дед» наклонился и негромко, но отчётливо скомандовал: «Рота, подъём!» Серый моментально проснулся и вскочил, вернее, попытался вскочить. Почему-то во сне он забыл, что лежит под койкой и, при попытке подняться, со всего маху треснулся стриженной башкой о металлический каркас койки. «Уй-а-а!» - простонал он. «Аккуратней ты», - посочувствовал ему «дед»: «Коечку ломаешь».

Все кто был в кубрике стояли и ржали над опухшей и помятой рожей Серого, которая торчала из-под койки, как морда дворового кобеля из будки. Но «дед» был серьёзен. «Серый, за мной», - скомандовал он и быстрым шагом покинул помещение.

Серый сунул корешам шинель и бросился за ним. Поднялись в «дембельскую шкеру». «Брысь», - скомандовал «дед» Олегу. Тот не понял, хотел что-то возразить по поводу «прерванного творческого процесса», но врубился и молча ушёл.

- Ты что, совсем охренел? – прорычал риторический вопрос «дед».

Серый, понурившись, молчал.

- Ладно, что пил и так ясно. А с кем?

- Один.

- Врёшь.

- О-дин.

- А по какому поводу?

- Тоска заела, достало всё.

- Ну, ты, блин, вообще даёшь! Ты мужик или девчонка сопливая!?

Серый хотел ответить, что как раз девчонки-то сопливые одеколон и не пьют, но сказал:

- Ну, мужик, а что?

- Так и веди себя по-мужиковски. Держись до последнего. В «боевой части» знаешь, как бывало? Света белого не взвидешь... А мужики держатся. И,

заметить, что спирта там, из того, что на аппаратуру дают, навалом. А здесь, всего лишь «учебка». Ну, а если уж так допекло, подошёл бы ко мне...

- А ты мне что, из своих запасов спирта плеснул бы? – попытался перехватить инициативу Серый.

- Нет, – честно признался Мокей.

- Вот видишь, «нет», – продолжил наступать Серый: «А душеспасительные беседы с нами замполит и без тебя каждый день проводит. Так что, «дед», кончай базар. Я всё понял. Виноват. Обосрался. Осознал. Больше не буду.

- А не врешь?

- Нет. Век «дедом» не бывать, – переделал он тюремную присказку.

- Ну, ладно, – согласился «дед»: «На первый раз поверю. Но учти, ещё раз попадешься – сам тебя ротному сдам».

- Не сдашь, – нагло улыбнулся Серый.

- Это почему же?

- А догадайся?

В очередной камбузный наряд Серого отправили в «плавсостав». Большой зал, стены которого были облицованы когда-то белым кафелем, утопал в клубах пара, поднимающихся от нескольких чанов с горячей водой и моющими средствами. Из-за жары наряд работал сбросив голландки, в одних тельняшках. Они бы и это сбросили, но брызги кипятка могли обжечь кожу. Курсанты «ныряли» в чаны, выуживая грязную посуду, отмывали и передавали дальше в сушилку. Баня, а не наряд. Руки красные, морды красные, разве что веников берёзовых не хватает.

Только они закончили с кружками после завтрака и собирались перейти к мискам, а Серый приготовился схохмить что-нибудь насчёт «ёжиков в тумане», как в мойку влетел Исай - вестовой кают-компании. Подлетел к Серому, со злостью сорвал с себя белую форменку и бросил ему: «На! Иди! Офицеры тебя требуют».

«Маэстро, на сцену!», «На «бис», Серый!», - раздалось от котлов. «Ну, сегодня поедим...», «Не забудь для нас столы накрыть...».

И снова Серый, с горделиво-высокомерным выражением наглой морды, корчил из себя метрдотеля в матросской форме.

И снова весь взвод получил дополнительную пайку из «сэкономленных» на офицерских желудках харчей.

И снова все были довольны.

Тем временем, подошла пора экзаменов на самостоятельное несение вахты. Взвод сдал их, не напрягаясь. Статьи инструкций, намертво вбитые в стриженные головы по методике младшего сержанта Стукалова, тараторились без запинки, а пальцы, хорошо помнящие линейку «деда» Мокея, так и порхали по кнопкам и тумблерам аппаратуры. Но, надежды украсить свою грудь значком «Специалист 3 класса» не оправдались. Старлей объяснил, что классность, а заодно и рубль прибавки к «зарплате», они получают только после стажировки и сдачи выпускных экзаменов.

Для стажировки их должны были отправить на неделю в «боевые части». Такие как Морпех, знающие место своей будущей службы, туда и направлялись, остальных раскидали кого куда. Кого в штабы, кого на «точки», а кого на аэродромы. И только Серый опять «отличился».

Пока Стукалов перед строем зачитывал список частей, приславших заявки на стажёров, взвод прикидывал, кто и куда попадёт и во что всё это выльется. Дойдя до последней строчки, Стукалов на секунду задумался и, почесав в затылке под «капелюшем», зачитал: «И последнее. В\ч 12410. Учебный

крейсер». Строй замер в тревожном ожидании, а сержант с издёвкой спросил: «Желающие есть?». «Я», - выкрикнул Серый, раньше, чем успел осознать всю пагубность от последствий такого шага.

«Ох, язык мой – враг мой, вечно борющийся за независимость от мозгов, что же ты наделал?»

- Так и запишем, – подвёл итог Стукалов: « Курсант Серый – в\ч 12410».

Всю рискованность такой авантюры ему потом объяснил «дед» Мокей. Мало того, что место стажировки вполне может оказаться местом дальнейшей службы, с соответствующим увеличением срока службы до трёх лет, так ещё и «голубятнику» соваться на «коробку», где у всех погоны такие же беспросветно чёрные, как и их зависть к «бакланам»-двухгодичникам, вообще смерти подобно. Так что «готовься, Серый, драить гальюны безвылазно, благо, что на крейсере их не меньше чем в «учебке», а кормят плавсостав, не в пример, лучше...».

Естественно, что после такого напутствия, на стажировку он ехал, изрядно нервничая, лишь одним успокаивая себя: «Ну, не съедят же за неделю, в конце концов».

В отличие от остальных, на крейсер его везли с комфортом. Не в тентованном ЗИЛе, а на УАЗике, отправленном в Кёнигсберг по каким-то делам, и попутно, подбросившим стажёра-самоубийцу. Отвозивший его офицер высадил бойца на причале, протянул папку с сопроводительными документами и, указав пальцем направление дальнейшего движения, напутствовал: «Катись к трапу, там сам доложишься. Некогда мне». Запрыгнул в УАЗик и, фыркнув дымком из выхлопной трубы, исчез.

Серый двинулся в указанном направлении. Возле трапа тряслись и стучали зубами от холода два матроса с красно-белыми повязками. «Первогодки», - определил Серый по нашивкам на рукавах шинелей и, кинув руку к шапке, доложил: «Курсант учебного отряда Серый. Прибыл на стажировку». Те не ответили на приветствие, а только, как зачарованные, смотрели на его голубые погоны. Наконец, один из них отошёл от шока и ткнул пальцем в кнопку звонка. На трапе появился сержант, вернее, старшина 1 статьи с двумя нашивками на рукаве и боцманской дудкой на груди. «Полтарашник», - догадался Серый и снова доложил, что он, курсант Серый, прибыл на стажировку. Старшина, вытаращившись на него как на чудо-чудное и диводивное, с удивлением произнёс: «Вэй, «галубятник»... Сматри-ка живой». И добавил: «Иды за мной».

В рубке дежурного по кораблю было тепло и накурено. Сидевший там каплейт с бело-голубой повязкой, выслушав очередной доклад Серого, о том кто он есть такой, и как он счастлив, прибыть на столь славный крейсер для прохождения стажировки, так же как и старшина вытаращился на него и удивлённо выдал: «Ух, ты, «баклана» прислали. Ну, надо же».

Прочитал предписание Серого и отослал салагу-вестового за командиром БЧ – 4. Когда, вошедший кап-три узнал по какому поводу беспокойство, то его калмыцкие глаза тоже заметно округлились. Так, сопровождаемый взглядами таких же округлившись глаз, он вместе с кап-три прошёл в кубрик, где имел место обитания личный состав его боевого поста. Личного состава оказалось немного. Всего двое – «годок»-дагестанец, который всеми мыслями уже был у себя в горах, и «подгодок»-бульбаш, которому до конца службы оставалось ещё полгода, но желание служить у него уже атрофировалось и... отпало.

Оба глянули на Серого и облизнулись плотоядно. Полный бардак на боевом посту и помесь гадюшника с помойкой в их отсеке кубрика наконец-то дождалась прихода того, кто с этим должен был бороться. Выслушав

инструктаж «годков», Серый приступил к ликвидации бардака, а заодно и гадюшника с помойкой, напутствуемый душевным пожеланием: «И бегом, «салага!».

Рассчитывая, что чем больше он сделает за день, тем меньше останется на ночь, он отдраил объекты в лучших традициях первой роты – до умопомрачительной чистоты и зеркального блеска. Не помогло. И ещё полночи он, вместе с местными «салагами», чистил картоху, драил бесконечные палубы-полы и даже красил переборки в каком-то коридоре. Почему нужно красить именно ночью, он так и не понял. Причём, пинков и подзатыльников ему доставалось значительно больше, чем другим, не украшенным голубыми погонами.

Перелом наступил на следующий день, когда невыспавшийся Серый, которого отправили в помощь боцманской команде, по собственной инициативе связал палубную швабру. Когда-то, ещё на буксире, изготовление этого немудрёного агрегата для наведения чистоты удавалось ему особенно хорошо. Удалась «гражданка», как её здесь называли, и теперь. Только тогда «годки» наконец-то заметили, что этот «баклан» слетает по трапу вниз на леерах*, не касаясь ступеней, на комингс* не наступает и, вообще, на корабле явно не впервые. Поэтому, заинтересовавшись, они начали задавать вопросы, а выяснив, что до призыва Серый работал на теплоходе и сам просился на три года, но так уж сложилось, даже слегка подобрели. Количество пинков, хотя и не сильно, но уменьшилось, а когда выяснилось, что курсант ещё и в аппаратуре разбирается, то подобрели ещё больше. И, видимо, от избытка доброты, повесили ему на шею ещё и техническое обслуживание.

Поучив положенное количество жидкости, от одного запаха которой Тетеря изошел бы слюной, он приступил к работе. Но не успел закончить с первым блоком, как «годки» завалились в конуру поста и реквизировали весь неиспользованный спирт «на нужды подготовки к ДМБ».

- А контакты как чистить? – удивился Серый.

- Суконкой потрёшь, и так сойдёт, – ответили «хищники» и, захватив вожделенную «добычу», смылись. Видимо, такое использование «шила», как здесь называли спирт, было обычным явлением. Аппаратуру на крейсере установили ещё, когда она только разрабатывалась, в качестве эксперимента, а потом так и оставили. То ли забыли, то ли на всякий случай. А, поскольку она не сильно нужна, то и обслуживали кое-как. «Ну и хрен с ним», - успокоил себя Серый: «Всё равно в конце недели уеду».

Уехать в конце недели не удалось. Через три дня корабль вышел в море на ходовые испытания.

Весенняя Балтика ухитрялась раскачивать на своих волнах даже такую громаду как крейсер. В помещении боевого поста, где они сидели по «готовности № 1», было жарко и душно. Серого укачало и мутило так, что он с большим трудом удерживался от того, чтобы не припасть к «обрезу»-ведру, и не вывалить туда всё содержимое желудка, а заодно и все свои потроха. «Годок»-дагестанец, с вполне русским именем Ваня, глядя на его мучения, сжалился: «А хочешь, я тебя вылечу?» «Хочу», - выдавил из себя зеленоватый Серый, сдерживая очередной спазм. Ваня достал из кармана пузырёк, который они реквизировали во время техобслуживания. На дне ещё оставалось... «Годок» выплеснул содержимое в крышку от реле и добавил туда опреснённой воды из

*Леера – поручни у лестницы-трапа.

* Наступить на комингс-порог на корабле, это гарантированная шишка на лбу. Так что, не наступать на комингс не традиция, а техника безопасности.

графина. «Пей», - протянул он импровизированный бокал Серому. Тот взял его в руки. Спирт, смешавшись с водой, нагрелся и пах мерзопакостно. Серый едва сдержал очередной спазм. «Пей, салага!», - рявкнул «годок» и Серый опрокинул содержимое в себя. Сильно разведённое водой «шило» имело небольшой градус и омерзительный вкус. Попав внутрь, эта гадость тут же спровоцировала реакцию, и он опрометью бросился к «обрезу».

Вывернуло его капитально, но, тем не менее, помогло. Морская болезнь отступила.

- Полегчало? – с участием спросил Ваня.

- Ага, – ответил Серый, сплёвывая тягучую слюну.

- Тогда, вынеси «обрез» и смени Миколу на вахте, а то «готовность раз» уже отменили, а мы здесь с тобой как два «карася» на вахте сидим.

- Не «годковское» это дело, – добавил Микола.

Крейсер утюжил серо-зелёные волны Балтики. Серый, но уже не зелёный, стоял вахту «четыре через четыре», «годки» всё-таки иногда отпускали поспать, и радовался, что с вахты его не сдернут на какие-нибудь работы, а после вахты будить его не положено – отдыхает, согласно Уставу.

Но, однажды его всё-таки разбудили. Дневальный по кубрику ласково двинул кулаком под рёбра и передал приказ: «Бегом на пост. Командир БЧ зовёт».

На посту, кроме понурившихся «годков», находился красный от ярости кап-три.

- Что это? – грозно спросил он, протягивая Серому релюху.

- Реле, – ответил Серый.

- Ясно, что реле, – взъярился кап-три: «Почему контакты не чищены!?»

Серый молчал, опустив голову. «Годки» стояли, также понурившись и отводя глаза.

- Ты ТО делал? – грозно спросил командир БЧ.

- Так точно, – Серый понял, что придётся выкручиваться самому.

- Спирт для ТО получал?

- Так точно, только...

- Что «только»?

- Я его пролил. Случайно.

Кап-три скосил глаза на понурых «годков»

- Точно «пролил»?

- Так точно.

- Тогда трое суток за халатность и невыполнение служебных обязанностей.

- Есть трое суток, – ответил Серый.

«Губы» на крейсере не было. У причала возили проштрафившихся в гарнизонную, а в море для них имелся карцер, в котором и оказался Серый. Крохотный отсек, где-то в глубине огромной туши крейсера, с металлическими переборками, дрожавшими и гудевшими от работы двигателей, без отопления и со шныряющими по углам жирными чёрными крысами. Серый мерил карцер шагами. Три шага в одну сторону, три в другую, пытаюсь согреться и, одновременно распугивая нагих и хвостатых трюмных обитателей. В голове свербела мысль, что если бы не... , то уже завтра он должен был закончить стажировку и вернуться в «учебку», а теперь...

Трое суток отсидеть ему не дали. У Ваньки «резко подскочила температура», а Микола, по Уставу, в одиночку вахту нести не мог. Требовалась смена. И пришлось курсанта из карцера вынимать и срочно отправлять на боевой пост – службу нести.

После смены с вахты, куда он был отправлен прямо из карцера, Серый спустился в кубрик, но забраться в койку не успел. Опять дневальный: «Иди в «шкере», «годки» зовут». В «шкере», за двойным бортом, в вольных позах сидели несколько «годков», среди которых был и «больной» Иван. Старослужащие расслаблялись, попивая чай с галетами из НЗ.

- Заходи, «баклан», гостэм будэшь, – пригласил его Иван. Серый вошёл, а «годок», как бы рекомендуя его своим корешам, продолжил: «Ты, канэчно, «баклан» и «салага», но мужик правильный. Паэтаму, на. Носи.» И протянул Серому погоны... чёрного цвета.

На крейсере народу – почти тысяча. Всех не упомнишь. Большую часть времени Серый торчал на вахте, а между вахтами, если и передвигался по коридорам и кубрикам, то уже без голубых погон, как бы говорящих крейсерским «годкам»: «Пни его, ату!», а это было намного легче. Нет, никто не освободил его от вахт, приборок и хозработ – всего того, что составляет быт молодого матроса, несущего службу за себя и за «того парня». И гоняли его, и пинки получал, но уже не как особо выдающийся «баклан», а наравне с остальными «салагами». К тому же, со своими «салажачьими» обязанностями он справлялся, вахту нёс безропотно и грамотно и поэтому, «годки» его зря не гоняли. А уж когда он Ваньке в альбом нарисовал их крейсер, скопировав с фотографии в корабельном музее, то жизнь окончательно наладилась. Служи себе в своё удовольствие и всего-то через год тебя перестанут стричь наголо и гонять «дучки дрючить», а через полтора и в очередные наряды начнут ставить только с твоего согласия, а там уже и до ДМБ недалеко. Всего-то и делов на два с половиной года. Но именно этот срок его теперь и не устраивал. Он понял, что дурдом здесь повсюду и его допризывное желание служить три казалось ему, по меньшей мере, смешным и наивным. Нет, только два! И чем быстрее наступит этот «дембель» или «ДМБ», какая к чёрту разница, тем лучше. Поэтому, когда после ходовых прогонов крейсер ошвартовался у причала, он, сердечно попрощавшись с новыми корешами, покинул его борт, с твёрдым намерением сделать всё, чтобы нога его никогда больше не ступала на трап корабля военно-морского флота.

Видимо решив, что после стажировки он стал совсем большим и взрослым, добираться в «учебку» его отпустили почти самостоятельно. Только мичман из БЧ – 4 проводил до вокзала. Причём, пока ждали электричку, сам предложил попить пивка, и был очень удивлён отказом Серого. Мичмана на «коробке», которых можно хлопнуть по плечу и предложить: «Закуривай» и прапорщики из «учебки», обращаться к которым нужно было только стоя по стойке «смирно» - это две большие разницы, по выражению старшего сержанта Дыбенко.

Так что на КПП учебного отряда «Пшеничное» он появился с опозданием на четыре дня, один и переполошил народ не только тем, что припёрся сам-по-себе, без намордника и конвоя, но и тем, что погоны на его шинели были радикально чёрного цвета, а на рукаве краснел штат БЧ – 4.

Пока он неторопливо, нога за ногу, как и положено «просоленному морскому волку» шёл в роту, кто-то успел сбегать и предупредить корешей. Поэтому, на площадке у тумбочки дневального его встречал весь взвод, у которого как раз было время отдыха перед заступлением в камбузный наряд. Серый завалился в помещение роты в своей обычно-нахальной манере. Небрежно бросив дневальному: «Вольно!», как будто тот должен был подать при его появлении команду «смирно», а своим корешам, состроив презрительно-надменную рожу: «Ну что, «бакланы», не ждали?» Радости корешей не было предела. Его обнимали, тискали, хлопали по плечам, со смехом шупали чёрные погоны. Ещё бы, вот уже который день весь взвод в сборе, а его всё нет и нет.

А информация, которую Мокей со Стукаловым смогли добыть у ротного, недвусмысленно ясна и исчерпывающа – «задерживается по служебной необходимости». Вот и гадай тут. Хохот, гвалт, шум и гам, за которыми они не услышали, как подошел старшина роты.

- Курсант Серый.

- Чяво? – в крейсерской развязной манере ответил он.

Старшина роты покраснел но, сделав вид, что не заметил неуставного ответа, продолжил:

- Если Вы вернулись со стажировки, зайдите в каптёрку и сдайте аттестат.

- Да не суетись, мичман, ща зайду... - точно так же по-крейсерски ответил курсант с зашкалившим борзометром.

Старшина роты действительно носил звание «мичман» и погоны с белым кантом. Более того, в память о своём плавсоставском прошлом, он очень любил, когда к нему обращались именно как к мичману, но годы, проведённые в «учебке», извратили его понятие о субординации. Поэтому, сейчас его гнев достиг предела, лицо приобрело сливовый оттенок и он проревел: «Курсант Серый!!!».

- Я! – он опомнился и перешел на уставной язык.

- Бегом в каптёрку! О Вашем поведении я доложу командиру роты.

- Есть.

И ведь доложил, крыса каптёрская. Когда взвод вернулся из наряда, в который Серый пошел вместе со всеми (ну как же упустить такой случай и ещё разок не набить брюхо всему взводу за счёт офицерских желудков) его вызвали в канцелярию роты.

Серый вошел в кабинет и доложил о прибытии. Командир роты сидел за столом с видом грозным и воинственным, слева от него стоял старшина с пылающим от гнева ликом, справа замполит с презрительно поджатыми губами, а у окна нервно теребил собственные пальцы старлей Чечулин. На столе перед ними лежала шинель Серого с чёрными плавсоставскими погонами.

- Ну и что Вы можете сказать в своё оправдание, товарищ курсант? – начал комроты и, не дав ему ответить, продолжил свою обличительную речь. В течение последующих десяти минут Серый уяснил, что он самая неблагодарная свинья в этом свинарнике, потому что гордые голубые погоны морской авиации он добровольно поменял на чёрные, плюнув, таким образом, в душу не только всей роте, но и доблестной морской авиации в целом, включая и авианосцы. Что более омерзительного предательства их доблестная первая рота не видела со дня основания части и что теперь он никак не может причислять себя к интеллигенции флота, которой испокон века были связисты. Тем более, что под тлетворным влиянием демократии плавсостава, он утратил навыки культурных уставных отношений. Серый слушал внимательно и сосредоточено. Майор говорил долго и убедительно. Завершающая фраза его речи была вполне предсказуема: «Три наряда вне очереди».

- Есть! – ответил Серый.

- Можете идти.

- Есть, – снова ответил Серый. Чётко сделал поворот «кругом» и строевым шагом вышел из канцелярии роты.

Перед дверью его ждал весь взвод. «Ну, что?», «Ну, как?» - слышались тихие вопросы. Серый изобразил руками движение лыжника, а затем, скорчив рожу из серии «ой, мама, как мне больно», как бы защищая, прикрыл руками ту часть тела, на которой обычно сидел...

- Курсант Серый!!!

- Я! – обернулся он, чувствуя как противные мурашки предчувствия побежали по спине. В дверях канцелярии стоял командир роты, и лицо его не горело, нет, оно просто пылало праведным гневом, а голос звенел колокольной медью похоронного набата.

- И ещё три наряда!!!

- Есть!

- На Север поедете!

- Есть!

Ротный сдержал своё слово и настоял на перераспределении курсанта Серого на Северный флот. Старлей Чечулин попытался уговорить майора сменить гнев на милость, но тот оставался непреклонен перед всеми аргументами взводного. Последние доводы он отклонил с резолюцией: «А ещё раз мне про этого раздолбая напомните, и капитаном в моей роте Вам не бывать».

Взводный расстроился и отстал. Но больше всех расстроился «дед» Мокей.

- Какого хрена я тебя готовил? Загонят тебя куда-нибудь на Новую Землю и будешь раз в месяц с аппаратуры пыль стирать!

- Не бухти, «дед», на Севере тоже люди служат. Может, и там на что сгожусь.

- Может, и сгодишься, а здесь от тебя больше пользы было бы.

Радовался, причём, ничуть не скрывая этого, только Исай. Теперь вместо Серого в «учебке» должен был остаться он.

Так и прописался Серый на тумбочке дневального. С учётом очередных нарядов, получилось вообще «через день на ремень». Не в напряг, дело привычное, но только столбиком стоять скучно, особенно, когда вся рота днём на занятиях и в казарме только дневальная служба.

Хотя, один разок они развлеклись. Кроме Серого, в наряд залетели Боб и Сынковский. Первый, не просмотрев программы «Время» захрапел, а это ай-ай-ай... спать-то спи, но храпеть ни-ни. А второй, «краба загнул». В ВМФ почему-то считается шиком, если эмблема на шапке, в повседневной жизни именуемая «крабом» согнута, а бляха ремня наоборот плоская. Вот сын и «загнул» этого самого «краба» не по сроку службы. Видать борзومتر у парня самопроизвольно вырубился. Дыбенко это дело засёк и борзومتر включил... ударом кулака по лбу так, что злополучный «краб» опять стал плоским. А Сына в наряд отправил, чтобы не забывал вовремя предохранители у столь ценного и важного прибора проверять.

И вот теперь они маялись в наряде. Со скуки врубили в ленинской комнате радио на полную катушку, а там Алла Пугачёва с «Песенкой первоклассника»:

Нагружать всё больше нас

Стали почему-то...

Эта армия для нас

Вместо института... - подхватил Сын, а Серый

продолжил:

... Нам сержанты задают

С вводными задачи...

Ну а наш геройский взвод

Над задачей пла-а-ачет ... - закончил Боб и дальше

хором:

То ли ещё будет, то ли ещё будет,

То ли ещё будет ой-ой-ой...

Посмеялись, а потом взяли и всю песню переделали. Покумекали своими бестолковками и решили устроить «дедам» подпольный концерт в честь

грядущего приказа об увольнении. Небольшой такой, номеров пять-шесть, чтобы не засыпаться.

После наряда и занялись. Сколотили творческий коллектив из особо выдающихся и просто талантливых. Порепетировали втихаря. И как-то, после отбоя, устроили выступление прямо на главной палубе. Хор мальчиков-нарядчиков с «Песенкой курсанта», восточный факир Федя, борьба нанайских мальчиков с телеграфным аппаратом, аттракцион неслыханной борзости и пародия на замполита под названием «Лекция о международном положении». Все номера подогнали под быт «учебки». Даже факир Федя доставал из чужих карманов не традиционных голубей и кроликов, а горбушки хлеба и заныканные сигареты, причём из уха «деда» Мокея извлёк сам приказ об увольнении. На репетиции Серый вошёл в раж и придумал большую часть всех шуток и реприз, за что и был единогласно выбран ведущим концерта. Но, как назло, именно в этот день он опять заступил в наряд, и вести концерт пришлось с тумбочки дневального. А что, так оказалось ещё смешней. Рота ржала как табун мартовских мустангов и даже дежурный по части, позвонив, поинтересовался: «А что это в первой роте происходит?»

Но самое интересное, что на следующий день, по дороге в столовую, когда Дыбенко подал команду: «Запе-вай!», рота дружно заорала: «*Нагружать всё больше нас...*». Так и чеканили шаг, распевая:

*А у нас стряслась беда
Взлёт-посадка снова.
«Дед» Мокей в мои года
Не видал такого.
Я ложусь в двенадцать спать,
Силы нет раздеться.
Вот бы сразу «дедом» стать,
Чтобы разбалде-е-еться...*

В конце марта сдавали выпускные экзамены. Причём, Серый периодически шёл на экзамен, прямо с тумбочки дневального. Спасибо командиру роты, столько нарядов надавал, что дай бог до конца «учебки» рассчитаться.

Взвод экзамены сдал блестяще. Комиссия из штаба авиации флота осталась очень довольна. Они было приготовились вешать себе на грудь новенькие значки «Специалист 3 класса», как грянул гром. Начальник связи флота, всего флота, а не только авиации, засомневался в компетентности комиссии принимавшей экзамены. Ну, не может весь взвод сдать экзамены на «отлично».

Поэтому в Пшеничное прибыла ещё одна комиссия, из двух военных и одного штатского, встречать которую командование учебного отряда вышло в полном составе и при парадной форме одежды. Повторные экзамены решено было не проводить, а сделать выборочную проверку. Контр-адмирал наобум ткнул пальцем в список взвода: «Этот, этот и этот». Власов, Исаев и Серый. Старлей и сержанты вздохнули с облегчением. Выбор пал на лучших. Эти точно не подведут.

И они не подвели. Боб делал регламентные работы со скоростью, превосходящей человеческие возможности. На глазах у изумлённой комиссии, он ухитрился побить свой собственный восьмисекундный рекорд, делая проверку линии за шесть секунд, и это при нормативе в двенадцать. Исай шпарил инструкции и технические описания как из пулемёта, вдоль и поперёк. И никакие каверзные вопросы типа: «Товарищ курсант, а Вы уверены в правильности ответа?» не могли сбить его с толку. Серый тоже не посрамил

взвод, а поскольку он был последним в списке, то и завершающий удар, убедивший комиссию в высоком качестве подготовки выпуска, достался ему.

Когда, отбарабанив ответы на все вопросы, которые ему были заданы, он доложил, что «курсант Серый ответ закончил», а комиссия удовлетворённо захмыкала, старлей набрался смелости и заявил: «Но это ещё не всё что они могут, товарищ контр-адмирал». «Куда уж больше для срочной службы?» - удивился гражданский, а контр-адмирал благодушно добавил: «Ну, если ещё чего-то можете, то удивляйте».

- Есть. Курсант Серый.

- Я!

- Вхождение в дуплексную связь. Восемь абонентов. Работа «вслепую».

- Есть, – ответил Серый и снял бескозырку.

«Дед» достал из кармана уже потёртую от частого употребления чёрную ленточку и завязал ему глаза. Серый начал работать. Но это был ещё не последний сюрприз старлея:

- Курсант Серый. Вводная – Вы ранены в правую руку, работать можете только левой.

И Серый, демонстративно заложив правую руку за спину, закончил вхождение в связь «одной левой».

Комиссия была в шоке. Контр-адмирал не скрывал своего удовольствия: «Молодец, курсант! А что, старлей, кто-нибудь ещё во взводе так может?»

- Все, – скромно ответил тот, мысленно ковыряя дырочку в погоне под очередную звёздочку и прикидывая хватит ли водки, чтобы обмыть очередное звание или придётся доставать из НЗ «шило».

А на следующий день после этого, знаменательного для четвёртого взвода события, на вечернюю поверку перед строем, как обычно, вышел Дыбенко. «Р-р-рняйсь! Смир-р-рно!» - в своей обычной манере рявкнул он. «Рота, слушай приказ командующего Вооружёнными Силами Советского Союза...». И зачитал приказ Устинова об очередном призыве на действительную срочную службу и, соответственно, об увольнении в запас тех, кто свой срок уже отслужил. Рота выслушала всё это в торжественном молчании, а когда старшина, теперь уже старшина, Дыбенко закончил: «Поэтому, товарищи «салаги», поздравляю Вас с присвоением очередного флотского звания «карась!», шеренги роты «выразили свой восторг громким троекратным «ура», да так самоотверженно, что казалось, старые немецкие стены сейчас не выдержат и рухнут.

Когда же эхо от криков утихло, старшина снова удивил роту. Вместо того чтобы начать переключку, он скомандовал: «Р-р-рняйсь! Смирно! Матрос Сынковский!»

- Я!

- Ко мне!

- Есть!

Сын строевым шагом вышел из строя и замер перед старшиной.

- Проводите поверку! – отдал тот свой последний приказ и протянул Сыну листы со списком роты, в которые он так ни разу и не заглянул за всё время учёбы.

Традиционно вечернюю поверку проводил «замкомвзвода-один» и этим своим последним приказом, теперь уже «гражданский» Дыбенко неофициально передавал свои обязанности преемнику.

Сын ответил: «Есть», - взял листы и повернулся лицом к роте. «Рота, р-р-рняйсь! Смирно!» - пока ещё он немного уступал старшине в мощности рыка, но потенциал явно чувствовался: «Слушай вечернюю поверку! Первый взвод. Авдеев!», «Я!», «Борисов!», «Я!», «Боровиков!», «Я!» - начал он переключку, так же как Дыбенко, не заглядывая в список. Дело чести! Традиции следовало соблюдать.

Глава III «КАРАСЬ»

Теперь уже Сын, первым из выпуска приступивший к своим обязанностям, строил роту, зачитывал наряд и водил своих корешей строем «на приём пищи». Мокей и Дыбенко шли рядом с колонной, любуясь тёплым весенним солнышком и демонстративно шаркая ногами, как и положено «гражданским». А Сын надрывался: «И-раз! И-раз! Ножку дай!». И они дали! То ли от избытка энтузиазма, то ли от того что снег сошёл, и «прогарам» стало легче крушить несчастный асфальт, но стекло в окне здания штаба, мимо которого они проходили, треснуло и со звоном вылетело из рамы.

Дыбенко расплылся в довольной улыбке. Всё-таки нужного уровня в строевой подготовке он сумел добиться.

Зачитали приказ о распределении. Теперь уже все домыслы и гадания на тему «кого и куда» прекратились. Исай, Матвей и Федя-Файрахутдинов остаются в «учебке». Шуба, Боб и Серый – на Северный флот. Хрен-бич – на Черноморский. Олег оставался художником части в кадровой команде. Тетеря – в казематы штаба флота Балтийского.

Раскидали всех в разные стороны и теперь, в ожидании отправки, основной темой разговоров в кубриках стало – где и как служить. Итог спорам подвёл Мокей, которого все по привычке продолжали звать «дедом», на что он искренне обижался. Он-то и процитировал флотскую присказку о том, что «на Севере службу несут лёжа, на Балтике – сидя, а на Черноморском – стоя». Вот и гадайте теперь, ребята, кому повезло больше.

«Северяне» уезжали первыми. После торжественного построения и прохождения сводной колонны Северного флота парадным маршем перед шеренгами пока ещё остающихся в «учебке» товарищей, была дана команда: «Вольно! Разойтись для прощания!». Вся часть мгновенно превратилась в толпу орущих и беснующихся людей, обнимавших друзей, хлопающих корешей по обтянутым бушлатным сукном спинам, обещающих братве «писать и не забывать», вопящих друг другу последние прощальные слова. Командование с трудом смогло выдержать этот бедлам минут десять, а затем дало команду построиться и будущие североморцы с балтийскими погонями на плечах, дружно печатая шаг, вышли из ворот учебного отряда по направлению к станции, где их уже ждал воинский эшелон.

Серый опасался, что ехать опять придётся как сельдям в бочке, но теперь военно-морской флот стал более ласковым к своим детям, и в плацкартных вагонах каждому досталось по лежащему месту, а сопровождающие их офицеры заселились вместо проводников в служебные купе. А возможно, таким образом, Северный флот сразу намекал своим бойцам на «плацкартный» стиль несения службы, и Серый прикинул, что в таком случае черноморцам, вполне возможно, придётся добираться до своих берегов на трамвае.

Воинский эшелон – это не скорый курьерский и ползёт он намного медленнее, объезжая большие города, а если нет объезда, то проскакивая их без остановки. И пейзажи за окном не пролетали, а степенно проплывали, медленно меняясь как в калейдоскопе. Песчаным дюнам Пруссии пришли на смену залитые солнцем золотистые сосны Прибалтики, затем пошли серые перелески Новгородской области и поля в обрамлении ещё не отягощенных листвой перелесков. Будущие североморцы валялись в койках, как они по

привычке окрестили полки в вагонах, болтали, грызли галеты из выданного им в дорогу сухого пайка и бегали курить в тамбур.

Ближе к вечеру, прикемарившего на верхней койке Серого, дернул за ногу Шуба: «Пошли, я там братана нашего встретил». Братаном оказался Сидор, которого, как оказалось, тоже отправили на Север. Он поджидал их в тамбуре вместе со своим товарищем, чьи могучие мышцы выпирали даже сквозь мешковатую брезентуху робы. Познакомились. Бугай – Игорь Ткачёв, оказался «лепшим корешем» Сидора, из одного с ним взвода и сосед по койке. Ну, прямо как Боб для Серого. Они простояли в тамбуре часа два, вспоминая Угрешку, Октябрятск и разные случаи из курсантской жизни. Серый травил, как всегда, с юморком и ржали они от души. Оказалось, что Игорь тоже не страдает отсутствием этого чувства. По крайней мере, когда он рассказывал о том, как трахнул дочку декана, а потом отказался жениться, за что его выгнали из Минского Института физкультуры и отправили служить, ржали все не меньше чем над хохмами Серого. За окном стемнело. Офицеры крикнули: «Отбой!» и друзья разошлись по своим вагонам.

Среди ночи Серый проснулся от холода. В нетопленном вагоне стоял такой колотун, что изо рта шёл пар. Клацая зубами марш «Прощание славянки», он вылез из-под одеяла и выглянул в окно. Поезд стоял на какой-то станции. За окном, среди огромных сугробов, ярилась и бушевала метель, раскачивая одинокий фонарь на платформе. Поезд тронулся. Мимо поплыли сугробы, фонари, под которыми сутулились от холода и ветра фигуры на платформе занесённого снегом вокзала. «Петрозаводск» - прочитал он на здании и подумал: «Мама родная, что же в Североморске творится, если даже здесь ещё зима?» На соседней койке зашевелился Боб. «Где мы?» - хриплым со сна голосом спросил он, выглянув в окно. «Карелия», - уныло ответил Серый. «М-м-да», - протянул Боб и опечалился, видимо по той же причине, что и его кореш. Минут пять они с тоской смотрели на проплывающие за окном заснеженные дома, обледенелые улицы и сугробы в рост человека, а затем Серый решительно залез в свой вещмешок и выудил оттуда бутылку «огуречного» лосьона.

- Ну что, жахнем? – спросил он товарища.

- Надо, – твёрдо согласился тот и, вспомнив одеколон-бар под караулкой, предложил: «Папашу разбудим?»

Папашу они будить не стали. Этот хитрюга вместо одеяла укрылся вторым матрасом, пригрелся и теперь сопел, улыбаясь чему-то во сне. Решили, что если ему снится что-то хорошее, то незачем будить человека и портить ему настроение окружающей действительностью. «Фуфырик» «огуречного» раздавили на двоих в гальюне вагона. Организму стало теплей, на душе полегчало и они, покурив, завалились в свои койки, по примеру мудрого Папаши укрывшись вместо одеяла запасными матрасами.

На следующий день, по мере продвижения на север, пейзаж за окном начал меняться. Леса и скалы Карелии уступили место сопкам, сначала невысоким и покрытым низкорослой растительностью, а затем и вовсе лишённых её. Неизменным оставалось только одно – белое безмолвие снега.

В Североморске выгрузились ночью. Не было ни прожекторов, как в Октябрятске, ни оцепления с автоматами. Встречали их обычные сержанты и старшины Северного флота, в шинелях и шапках-ушанках. Но что больше всего удивило Серого – на ногах у них вместо привычных «прогар» красовались... сапоги. Северный флот – СФ – Сапог Флотский, почему-то

вспомнилось ему. Конечно, север есть север и в ботиночках здесь можно без пальцев остаться.

Сбили колонну и балтийцы, в лёгких бушлатиках и бескозырках, выбивая «морзянку» зубами и печатая шаг, в тщетной попытке согреться, маршем отправились через метель по заснеженному городу в Североморский флотский экипаж на переформирование.

Первое, что приятно поразило их утром – это пайка. На завтрак выдали масла вдвое больше, чем в «учебке», вполне приличную перловку и какой-то бурдохлёст, именуемый «кофе», но по вкусу немного лучше, чем чай из венника, к которому они уже успели привыкнуть. Поэтому, набив брюхо, балтийцы спокойно и с достоинством ожидали своей участи в кубриках, где им велено было находиться. Но Северный флот не Балтика, а они теперь не зелёные «салаги», а «караси» – опора и надежда флотской службы, поэтому, осмотревшись и поставив «борзометры» в режим «включено», они начали потихоньку выбираться из кубриков и осваивать территорию экипажа.

Разница с Балтикой была поразительна. Нет, здесь тоже приветствовали старших по званию, но, не переходя на строевой шаг или вытягиваясь по стойке «смирно». Местный матрос мог идти с сигаретой в зубах и в расстёгнутой шинели, не опасаясь, что за такие вольности его тут же загребут и отправят в наряд. Единственное, что «годки» вышагивали степенно и с достоинством, а «караси» перебежками и с оглядкой.

С территории экипажа открывался вид на часть города, чьи расположенные на сопках улицы сбегали вверх и вниз, образуя причудливую вязь. Видно было и часть зажатой сопками бухты, на рейде которой в лёгкой дымке виднелся силуэт какого-то огромного корабля.

- Что, «баклан», любишь? – раздалось сзади. Серый обернулся. Перед ним стоял «полторажник», чьи погоны с буквами СФ украшала одинокая лычка. Тон у стармоса был миролюбивый и Серый успокоился: «Да. Красиво у Вас тут».

- Конечно красиво, только холодно.

- Да уж, не май месяц.

- В мае теплей, но ненамного.

- А что это за корабль на рейде?

- О, «баклан», молись, чтобы на него не попасть. Авианосец «Киев». Там такие как ты, с голубыми погонами, по три года служат.

Познакомившись с Аликом, так звали стармоса, и, поделившись с ним для поддержания дружбы московскими сигаретами, которые пришли в последней посылке из дома, он вернулся в кубрик и «порадовал» друзей полученной информацией, после чего все стали поглядывать на силуэт авианосца с некоторой опаской.

Потихоньку начали появляться «покупатели». Какой-нибудь неизвестный им старшина или сержант заходил в кубрик и вызывал по списку очередную группу. Они уходили и возвращались минут через пятнадцать радостные или печальные, чтобы забрать свои вещи, попрощаться и исчезнуть уже навсегда.

Ближе к вечеру морпехи вызвали Шубу. Минут через 15 он вернулся, улыбаясь до ушей: «Повезло мне, братва. Всё нормально. В Бригаду морской пехоты. Чёрт с ним, что морпехи, зато два года». Крепко обнял корешей, схватил свой вещмешок и убежал.

На следующий день забрали Боба.

- Рыбачий. Береговая охрана. Погоны чёрные, но тоже два года, – радостно сообщил он, прощаясь с друзьями.

Алик, стармос из кадровой команды экипажа, почему-то проникся симпатией к Серому, а может и к его сигаретам. Он показал, где можно на территории «зашкериться», где добыть харчей, и даже секретную дырку в

заборе, через которую можно выйти в город, минуя КПП. «Но, я тебе не советую. С твоими погонами «на раз-два-три» засыплешься» - предупредил он. Короче, от Алика пришло очень много нужной и важной информации облегчающей жизнь. Но главная информация заключалась в том, что «покупателям» не обязательно нужно забирать именно того, кто указан в списке. Достаточно уйти в «шкеру» и, после коротких поисков, вместо тебя могут забрать кого-то другого, неудачно подвернувшегося под руку.

Сообщать эту информацию всем в кубрике Серый не стал, только ближайшим корешам. И уже на следующий день Сидор, за которым пришли «покупатели» с подплава, счастливо избежал трёхлетнего срока службы, уйдя в подполье. Действительно, поискав его минут десять, стармос и мичман выдернули кого-то другого и уехали, оставив наших друзей в полном недоумении: «Ну, на фига на подлодке линейный телефонист и почему, не найдя линейного, с радостью забрали телеграфиста?»

Сидора забрали через день. Увидев голубые погоны «покупателей» и отсутствие штата на рукаве (об этой примете «Киева» Серого тоже предупредил Алик) он с энтузиазмом сдался и вернулся за вещами просто сияющим. «Новая Земля. Аэродром. «Баклан» - два года», - со счастливым выражением лица доложил он корешам и, достав из-за пазухи портрет 9 X 12, радостно чмокнул любимое лицо, уже немного засаленное от частых поцелуев.

Шли дни. Кого-то забирали на аэродромы, кого-то в штабы, кого-то ещё куда-то. Из их компании остались только Ткачёв и Серый. Ткачёв, как спортсмен и культурист, «шкерился» мечтая попасть в спортроту, а Серый просто «шланговал» от трёхлетнего срока. Они уже прижились в экипаже, подружился с кадровой командой, которую Игорь учил «качать железо», а Серый охотно делился секретами оформления «дембельских» альбомов. Но, бесконечно это продолжаться не могло, да и самим уже поднадоело, и вот, однажды всё кончилось...

Серый сидел в «шкере» и показывал местному «карасю» - художнику как надо разбивать оригинал на квадраты и переносить рисунок с максимальным соблюдением пропорций, как его учил Олег, когда в подвал неторопливо вошёл Ткачёв.

- «Покупатели» за нами приехали, - лениво сообщил он, подперев плечищем дверной косяк.

- Кто? - без особого интереса спросил Серый.

- Морпехи.

- Ну и что, может сдадимся?

- Давай, пока на подлодку не загремели.

И они сдались. Младший сержант и прапорщик подвели их к тентованному «Уралу» и, сказав: «Ждите здесь, пойдём ещё чего-нибудь наберём», - исчезли.

- Здорово, земля, - поприветствовали они водителя.

- И Вам не кашлять, - со всей куртуазностью ответил тот.

- Закуривай, - пригласил его к разговору Серый.

- С удовольствием, - согласился «водила».

- Ну, и куда мы попали, браток? - как бы между делом поинтересовался Игорь, попыхивая дымком.

- Хорошо попали. Конкретно. Увидите, закачаетесь.

- А что там?

- Да, городок в сопках...

- Далеко?

- Нет, тут рядом.

- Увольнения есть?

- Увольнения? Нет. Но и забора тоже. Иди куда хочешь.

- Лихо! А бабы?

- Тю, да там целая толпа «химичек». Еле отбиваемся...

Молодые организмы Ткачёва и Серого, измученные воздержанием и бромом, судорожно сглотнули слюну. Будущее место службы уже рисовалось в мозгах этакой помесью рая небесного с гаремом турецкого султана и им стало уже наплевать, что лето здесь короткое, зато малоснежное.

- А с выпивкой как? – поинтересовался Серый.

- Тут похуже. Но Вы же связисты?

- Да.

- Так связисты каждый месяц «шило» получают. Вот его и пьём. Но связисты они жадные, то тушёнку им за спирт давай, то сгущёнку...

- Белый, принимай ещё одного... - окликнул водителя сержант и подтолкнул вперёд худенького маленького матросика в белой робе и с буквами ЧФ на чёрных погонах.

- Белый? – одновременно удивились балтийцы.

- Ну да. Фамилия такая, – пояснил «водила».

- А он Серый, - представил друга Ткачёв.

- Это ничего. У нашего комроты знаешь, какая фамилия? Чёрный. Не хватает только Серобуромалинового и, желательно, в крапинку.

- А тебя как звать? – спросил Ткачёв у подошедшего чернопогонника.

- Оробинский. Шурка, – ответил тот неожиданным басом, никак не вязавшимся с его ростом «метр с кепкой» и узкими плечами.

- Севастополь?

- Ага.

- На три года шёл?

- Да.

- Ну, подфартило тебе парень, – поздравил его Белый: «Теперь ДМБ-80 тебе гарантировано».

- Да уж, – расплылся в счастливой улыбке черноморец.

Через два часа, когда прапор с сержантом погрузили в кузов кроме трёх матросов ещё штук двадцать «салажат» в только что полученной, ещё не обмятой, форме, «Урал» сыто заурчал мотором и ведомый твёрдой рукой матроса Белого, тронулся в сторону рая земного, Эдема или места их будущей службы.

За какой-то надобностью, кроме пополнения, в кузове «Урала» везли целую грудку матрасов. В них-то и закопались «караси» с «салагами» в попытке не «дать дуба» по дороге в рай. Ткачёв расфантазировался на тему того, как славно они будут служить, а так же, что и в каких позах он будет делать с этими «химичками», чтобы не уронить честь матроса-балтийца. Серый тему беседы поддержал, а Шурка нет. Видимо, по уже выработанной учебным отрядом привычке – спать, когда есть возможность, и жрать, когда нашёл что, зарывшись в матрасы, он давал храпака про запас. Зелёные «салаги», поблескивая в полутьме кузова испуганными от таких перемен в их жизни, глазами, тоже закопались в старые матрасы, но скромно молчали, видимо соблюдая субординацию.

Примерно через час поток фантазий иссяк и Серый от скуки начал таращиться на проплывающий за бортом «Урала» пейзаж. Ветер разогнал облака и на небе, как бы желая продемонстрировать местные красоты во всём их блеске. Сопки, усыпанные снегом, искрились и переливались под лунным светом, а тени, лежащие в складках местности, подчеркивали изящность и плавность склонов. Кое-где, у их подножия невысокие деревья

образовывали свои стайки и группы. Дорога, ныряя, то вверх, то вниз, открывала всё новые и новые картины.

- Красиво, – сказал Серый пристроившемуся рядом Игорю.

- Да. Будто в сказку попали.

- А это и есть сказка.

- Как это?

- Знаешь, как здешняя земля называется?

- Как?

- Лапландия.

- Ох, ни фиги себе! Это где Дед Мороз живёт?

- Нет, Дед Мороз где-то у нас на севере, а здесь Санта-Клаус.

- Тоже чувак нормальный. Надо будет у него на Новый Год Снегурочку попросить.

- Так нет у него Снегурочки.

- Ну и ладно, что-то ведь всё равно есть.

- Ага. Эльф и олени. Тебе что больше нравится, гомосексуализм или скотоложство?

- Тьфу, на тебя! Вечно всю малину обсеришь...

Они замолчали, продолжая любоваться сказочными пейзажами.

Ещё через полчаса наблюдения в щель тента за проплывающей мимо красотой заснеженных пейзажей, Серый озадачился и с сомнением в голосе произнёс: «Что-то долго мы едем...»

«Да уж», - согласился Ткачёв: «Как бы казуса не вышло».

Казус вышел ещё через час, когда «Урал», уже в абсолютной темноте, остановился и заглушил мотор. Задремавший Серый открыл глаза, выбрался из-под матрасов и, подойдя к заднему борту, откинул полог тента, как бы открывая занавес и предлагая всем полюбоваться тем раем, куда их привезли. Сцена за занавесом была пуста. За бортом раем и не пахло, а вместо райских врат стоял какой-то древний сарай. Серый выглянул наружу и посмотрел налево. Слева, в темноте, виднелся крутой склон сопки, и ангелов на нём не наблюдалось. Справа от машины, где-то вдали, между сопками, за низкорослыми деревцами, как последняя надежда светились несколько огоньков.

- Приехали, вылезай! – раздалась команда прапорщика. Глас, конечно, трубный, но до св. Петра как-то не дотягивает.

Они вылезли в недоумении: «Куда их привезли? Где обещанный город и толпы сексуально озабоченных «химичек»? И вообще, где они?» Ситуацию прояснил прапор. «Это...», - он махнул рукой в сторону сарая: «Это «карантин». Здесь Вы пробудете два месяца до присяги. Поэтому, выгружайте матрасы и обживайтесь».

- А мы? – спросил Серый.

- Мы-то присягу ещё в «учебке» приняли, – добавил Ткачёв.

- А Вы... – ответил прапор: «... останетесь здесь и будете из этих салабонов делать бойцов, тем более, что после «учебки» вы должны это уметь. Разбивайте «салаг» по отделениям и командуйте».

- Так «учебки-то» у нас не сержантские, – удивлённо возразил Шурка.

- Мы - специалисты связи, – гордо добавил Ткачёв.

- Какая разница, – махнул рукой прапор: «Сержантская – не сержантская. «Командор» приказал оставить Вас командирами отделений, значит, будете командирами отделений».

Бывшие курсанты задумались. Грозная тень «Командора» дамокловым мечом нависла над их судьбами, а безжалостный прапор продолжал: «Так что мы сейчас уедем, а Вы через часок приведёте эту зелень на ужин...»

- Куда приведём!? – с возмущением спросил Серый и обвёл рукой вокруг, показывая, что кругом глухомань, тьмутаракань и мгла египетская.
- Не бойсь, я рассыльного пришлю. Давайте, разгружайтесь. Вот ты, кабан, - он ткнул пальцем в Ткачёва: «Старшим будешь».
- Есть, – почти на автомате ответил Игорь и ушёл командовать разгрузкой матрасов, Серый подошёл к кабине «Урала» и запрыгнул на подножку.
- Ну, ты и приколот нас, братан, – сказал он сидящему за рулём Белому.
- Да ладно, шутки у нас здесь такие. Да и не сильно я вас обманул. Городок военный вон за той сопкой, где фонари светятся – это КПП, только на хрена оно нужно, если забора вокруг всё равно нет. Иди куда хочешь, и увольнительную не спрашивай, росомахи тебя и без неё обдерут. Спирт связистам и верно каждый месяц дают...
- А бабы? – попытался уточнить Серый.
- И бабы есть. Вон по этой дороге, через сорок вёрст посёлок будет. Там и, правда «химички» живут. Если есть желание, бери ноги в руки и вперёд...
- Белый, поехали, – справа в кабину залез прапор: «Они уже выгрузились».
- Ну, бывай, браток, - попрощался Белый: «Увидимся».
- Бывай, ...Увидимся, - без энтузиазма ответил Серый.

Тем временем матрасы выгрузили кучей перед сараем, который оказался старым, уже частично вросшим в землю, бревенчатым баракком и теперь Шурка с Игорем чиркали внутри него спичками, пытаясь найти этот чёртов рубильник, чтобы добыть свет. Серый присоединился к ним, и в итоге, поиски увенчались успехом. Пыльные лампочки зажглись, осветив длинный зал с рядами пустых коек по обе стороны от центрального прохода, печки-буржуйки вдоль стен и тумбочку дневального у входа. В некоторых окнах стёкла были выбиты, и через них с улицы намело снега, который надеялся в нетопленном и сыром помещении продержаться до осени. «Салажата» сбились в кучу и круглыми испуганными глазами смотрели на весь этот военно-морской уют.

- Ну, и что делать будем? – спросил Ткачёв, почёсывая затылок в попытке разрешить ситуацию.

- Что-что, жить здесь будем! – ответил Серый. Он разозлился. На себя - дурака, на тех, кто загнал их в этот сарай, на весь Военно-Морской флот и Министра Обороны в частности. Злость подхлестнула мысли и дала хорошего пинка в сторону активных действий.

- Ночевать здесь будем? Значит, нужно окна заткнуть и койки заправить, – как бы рассуждая вслух начал он: «Если печки стоят, то должны быть и дрова. Надо их найти, а то и под матрасами «дуба» дадим».

- Службу дневальную надо организовать, – подсказал Шурка.

- Точно. А ещё салабонов этих погонять, чтобы зашевелились и быстрее в себя пришли. Давай, Ткачёв, командуй, а я пойду, дрова поищу.

Уже выходя на улицу, он услышал за спиной «сержантский» рев Игоря: «Команда, слушай сюда! В две шеренги становись!», и басок помогавшего ему Оробинского: «Ровней ряды, «салаги»! Живот подбери, курва беременная! Что жопу отклячил? Геморрой болит? Так я тебе его быстро вылечу!». Чувствовалось, что парень прошел хорошую школу и знал те самые, добрые и душевные слова, которые именно сейчас были так нужны молодым матрасам.

Для «салаг» началась служба, для «карасей» она продолжалась.

Дрова нашлись на улице, в торце здания. Выбитые окна заложили матрасами и уже через полчаса первые «нарядчики», натопили на «буржуйках» в ржавых «обрезах» снег и теперь старательно драили палубу, сквозь зубы матеря «этих злыдней балтийских». Матрасы, которых оказалось даже много,

разложили по койкам парами, руководствуясь соображением, что один матрас – один матрос, второй матрас – одеяло. Шурка Оробинский готовился к заступлению в наряд дежурным по роте. Подобрал себе дневальных и по памяти цитировал Устав, объясняя будущим дневальным их обязанности. Ну а всех свободных Ткачёв усадил пришивать к робам погоны, попутно объясняя им, как они должны быть счастливы, что попали именно на Краснознамённый Северный флот и именно в доблестную морскую пехоту Заполярья. Сразу видно, тоже через Октябрятск прошёл. «Салаги», тыкая иголками посмеивались. Ткачёв с голубыми балтийскими погонами и его хвалебные дифирамбы в адрес северного флота, как-то не очень сочетались между собой. Серый составил список личного состава, так как все документы увёз с собой прапор, и теперь втихаря зубрил его. Готовился к вечерней поверке по методу Дыбенко, т.е. без подсматривания в список. Одновременно он ухитрился порыкивать на «нарядчиков», стимулируя их к более активным телодвижениям.

Таким образом, когда в барак вошли помощник дежурного по части и рассыльный, служба уже была налажена, и даже «салага» - дневальный, наученный Шуркой, не оплошал и вовремя крикнул: «Рота смирно, дежурный на выход!»

Помощник дежурного, мичман, только хмыкнул в усы: «Молодца, балтийцы». А Серый смотрел на его погоны и медленно холодел от испуга. Погоны были чёрные с белым кантом – самые настоящие плавсоставские. И это был действительно мичман, а не прапорщик. Так что же, всё-таки три года? Но матрос-рассыльный погоны на шинели носил с красным кантом – морпеховские, хотя брюки робы, заправленные в сапоги, были не чёрные, а синие, как у Серого. Пытаясь разобраться во всём этом ребусе, он вспомнил, что в отличие от прапора и сержанта, погоны водителя Белого были чёрные, без всякого канта, настоящие плавсоставские или, по крайней мере, береговой охраны. Это запутало его окончательно.

Разобраться во всех этих подразделениях частей ВМФ, во всех этих чёрных и голубых погонах, белых, красных, зелёных и малиновых кантах было делом довольно сложным, а Серый считал себя достаточно опытным в этом вопросе. Но такое смешение родов войск поставило в тупик даже его и, плюнув, он решил оставить решение этого вопроса до лучших времён.

Учебную роту построили, вернее, сбили в кучу, отдалённо напоминающую колонну по три, и повели на ужин. Идти оказалось действительно недалеко. Минут десять. Повернули за выступающий склон сопки, и воинская часть 40042 открылась им во всей своей красе. Одно трёхэтажное да ещё три одноэтажных здания, образующие между собой квадрат и... всё. Нет, за ними виднелись ещё какие-то строения, но явно технического характера. Какие-то склады, ангары, здание котельной с высокой трубой.

Уже пробило час ночи, и в части давно прозвучала команда «отбой», но изредка какие-то фигуры продолжали передвигаться по её территории. Одна из таких фигур, в наброшенной на плечи наподобие бурки шинели, не обращая внимания на мичмана, подошла к остановившейся перед камбузом колонне.

- Земляки, из Пскова есть кто? – спросила она, дыхнув свежим перегаром. Ответа не было.

- Значит, нет, – покачиваясь печально констатировала фигура, а мичман, вместо того, чтобы заорать «смирно!», вполне спокойным голосом посоветовал: «Шёл бы ты спать, Михеич, а то застучает ЭнШа - мало не покажется».

Фигура хмыкнула презрительно, икнула и отошла, а Серый окончательно запутался. Под шинелью с морпеховскими погонами на фигуре была роба подводника.

Так в их жизни, кроме «Командора», возникло ещё одно пугало – «Энша».

В просторной и светлой столовой, которая находилась в одном из одноэтажных зданий, ждали три стола накрытых для учебной роты. Только глянув на них, бывшие курсанты судорожно сглотнули слюну. Столы поражали изобилием. Такое Серый видел в последний раз на Новый Год. Здесь же их ждали полные лагуны жирного и наваристого супа, картофельное пюре с курицей и хлеб, нарезанный щедрыми ломтями и оставленный на подносе – бери, сколько хочешь.

Балтийцы и черноморец дружно наворачивали за обе щёки в себя и про запас, а «салаги», не успевшие ещё как следует, по настоящему, проголодаться, только утолили голод и теперь лениво ковыряли ложками в мисках, выбирая кусочки повкуснее. Такое отношение к пище настолько возмутило Оробинского, что он не выдержал и со всем душевным пылом начал поучать молодёжь: «Жрите, дурни! Жрите больше, потом ещё вспомните то, что сейчас не доели».

- Остынь, Шура, у них ещё мамкины пироги из жопы торчат, – охладил его Серый.

- Их бы к нам, в Пшеничное, быстро бы научились сичку жрать, – добавил Ткачёв.

«Салаги» их не поняли и с удивлением смотрели, как бывшие курсанты со страшной скоростью набивают свои ненасытные утробы, не обращая внимания на то, что курятина отдаёт рыбой, картофельное пюре имеет мерзкий привкус, а хлеб пахнет спиртом.

Обратно в «карантин» помдеж их не провожал, «не маленькие, сами доберётесь», но пообещал, что утром у них наконец-то появится командир роты и «всё пойдёт как надо», но когда именно он появится, не сказал. Поэтому, было решено действовать по распорядку дня как в «учебке», причём действовать жестко, чтобы молодняк сразу понял, что детство кончилось.

Утром в бараке Серый, чья глотка была признана самой луженой, проревел: «Рота, подъём!!!» и на не успевших открыть глаза и потянуться «салаг» обрушились три злобных зубастых «карася»: «Подъём, кому говорю!», «Бегом, зелень подкильная!», «Мухой взлетели!». Молодняк выскакивал из-под нагретых матрасов, путаясь в сапогах и шугаясь от диких окриков своих командиров.

На физзарядке Ткачёв и Серый заставили их пробежать километра три, причём сами поняли, что бегать по ровному балтийскому асфальту несравненно легче, чем по горбатой пересечённой местности Заполярья, где надо бежать то вверх, то вниз, спотыкаясь о камни и рытвины, даже если бежишь по дороге. Вернулась рота с пробежки едва дыша, поэтому новобранцы махали руками и приседали вообще из последних сил.

После физзарядки их надежды хоть немного перевести дух не оправдались. Садюга Ткачёв объявил общую приборку. «Салаги» ползали на корточках, отдирая доски пола от грязи, а бывший курсант, стоя над их сгорбленными спинами, по памяти, вслух цитировал статьи Дисциплинарного Устава

Перед походом на завтрак их слегка погоняли строевым шагом, предупредив, что «пока ходить не научитесь, завтракать не пойдём». Голод – лучший учитель и, горя желудочным энтузиазмом, молодёжь очень быстро научилась ставить ногу на землю почти одновременно и более-менее держать равнение в строю. Конечно, старшина Дыбенко умер бы от стыда, глядя на их колонну, но добрая душа Серый, проводивший занятия, сказал, что «для таких горбатых, косолапых и хромых уродов передвигаетесь вы вполне нормально, а учиться нормальному строевому шагу и лечить вышеперечисленные болезни будем после завтрака». Строй дружно застонал, проклиная тот день, когда они получили повестки из военкомата.

Дорогу до территории части рота прошла строевым шагом. Серый воспользовался моментом, чтобы ещё потренировать своё воинство в высоком искусстве строевой подготовки. Но перед КПП встал в строй, передавая командование старшему – Ткачёву.

Часть уже проснулась и позавтракала, т.е. начала жить. То тут, то там пробежали матросы, степенно проходили офицеры, а два каких-то подразделения прошли мимо даже в строю. Причём, как заметил Серый, строевая выправка местных явно уступала не только выправке четвёртого взвода, но и их нынешней учебной роте, прошедшей полуторачасовой курс ускоренной строевой подготовки. И опять его поразило разнообразие в форме одежды срочной службы. Одетые кто во что горазд, они больше всего напоминали ... партизан, от военно-морского флота.

В столовой почему-то удивились появлению дополнительных едоков, но жадничать не стали и накрыли стол «из остатков». О, какие это были «остатки»! Масло – по сорок грамм на рыло, жареная рыба, бурдохлёт-кофе и хлеб без нормы – бери, сколько в утробу влезет.

После завтрака Ткачёв сбегал к дежурному по части и получил ЦУ – ценные указания – «находиться в расположении учебной роты, ждать командира – он всё объяснит».

В «карантине» новобранцев построили и, отобрав успевших за это утро получить наряды, отправили их, чтобы жирок не завёлся, драить палубу под мерное рокотание Шуркиного голоса, цитирующего статьи Устава, на этот раз Караульной службы. Остальные решили, что уж теперь-то им дадут перевести дух, но не тут-то было. Верный данному слову Серый, вывел их на улицу для лечения «кривобрюхости», «косолапости» а также прочих, присущих молодым матросам болезней, при помощи строевой подготовки. Как когда-то в Октябрьске, построил их квадратом и начал отрабатывать строевой шаг «по разделением».

- Делай «раз»! Нога поднимается на 25-35 сантиметров»! Замерли! И не шататься «салаги»! Грудь вперёд! Валиев, жопу не отклячивай! Кто упадёт – наряд вне очереди! Делай «два»! Твёрже ногу ставить! Не бойсь, не сломается! Делай «раз»! Ногу выше! Носочек тянуть, уроды! Ещё выше!!! Николаев – наряд вне очереди! Шулипа, выше подбородок! Держать ногу, я сказал!!!

Бегая вдоль строя, крича и ругаясь, он поймал себя на том, что, как достойный ученик, почти в точности копирует лексикон старшины Дыбенко. И понял что, видимо, эти слова являются ключевыми для обучения. Без них, ну никак...

По дороге мимо барака проходили матросы и офицеры. Два раза, туда и обратно, проехал грузовой ЗИЛ. И Серый понял, что «карантин» стоит на торном пути между военным городком и ещё каким-то подразделением части. Матросы глазели, тыкали пальцем, посмеивались, но не подходили, видимо спеша по своим делам. Проходили и офицеры, которых было явно больше, чем срочной службы. И лишь почти перед обедом двое свернули с дороги и направились к учебной роте.

Прапорщик и стармос. Оба морпехи, но прапор одет в какой-то ватник с меховым воротником, а у стармоса, вместо черных морпеховских, из-под шинели виднелись штанины синей корабельной робы. «Наверно, у них здесь мода такая», - решил, уже переставший удивляться, Серый, глядя на эту парочку.

Морпехи постояли минут пять, наблюдая за строевой подготовкой новобранцев, а потом повернулись и неторопливо пошли в барак...

Владимир Иванович Бачурин, командир в\ч 40042 или, как её называли в секретных документах «площадка № 58», по кличке Командор, которую ему привесили матросы за то, что предпочитал, чтобы вне строя к нему обращались не «товарищ капитан 1 ранга», а просто «товарищ командир», стоял у окна своего кабинета и наблюдал, как по серому небу над серыми сопками плывут такие же серые облака. Вот уже восемь лет, с тех пор как он принял командование частью, этот пейзаж «радовал» его взор. Боевой офицер, по состоянию здоровья списанный с подводной лодки и переведённый в береговые части, сперва он с радостью принял назначение на эту должность. Ещё бы, ему, тогда ещё кавторангу, предлагалась должность контр-адмирала. Радовала и ответственность назначения. Снабжать флот новым, мощным оружием, таким что каждое «изделие» могло стереть с лица земли небольшой город. Но, прибыв в часть и осмотревшись, он понял, что спокойной жизни ожидать не приходится. По сути дела ему достался разношёрстный гарнизон. Отдельный батальон морской пехоты, авторота, рота технического обеспечения, отдельный взвод связи и несколько ещё более мелких подразделений, сведённых решением командующего в одну неоднородную кучу, никак не хотели становиться единой боевой частью. Более того, даже снабжение подразделений было раздельным. Батальон и взвод связи снабжались от бригады морской пехоты, авторота - от береговой охраны, а рота технического обеспечения, вообще от подплава.

Сколько же сил и нервов пришлось ему положить на то, чтобы слить всё это в единый механизм. Да ещё и замкомфлота по боевой подготовке, решивший превратить «полста-восьмую» в своё личное элитное подразделение, подкидывал трудностей. То начнёт экспериментировать с новым стрелковым оружием, то вводит подготовку по программе «боевых пловцов», то учениями до бесконечности мучает. Но Командор, как офицер и человек, которому не чуждо слово «честь», мужественно боролся со всеми проблемами, руководствуясь своей любимой оптимистической присказкой «У нас будут трудности? Но мы же их преодолеем!» Трудностей хватало и сейчас, но он не сдавался. Единственное, с кем почти не было проблем, так это «подразделение № 1», офицерский состав которого, собственно, и занимался сборкой этих самых «изделий», а так же охраной самого процесса. Там тоже служили люди, для которых слово «долг», не пустое сотрясение воздуха.

В дверь постучали. «Войдите», - разрешил он и отвернулся от окна.

- Прошу разрешения, - в кабинет вошёл кавторанг Овчинников, начальник штаба части.

- Владимир Иванович, надо один вопрос решить.

- Какой?

- Сегодня в учебную роту придут ещё 72 призывника и Мишин начнёт обучение.

- Хорошо.

- А через месяц у нас зачётные учения.

- Ну и что Вы предлагаете?

- Ускорить подготовку «карантина», чтобы к началу учений они уже были в подразделениях и заняли места тех, кто увольняется в запас.

- Не стоит. За месяц из них всё равно бойцов не сделать. Просто передайте командиру учебной роты, чтобы форсировал обучение. И ещё... задержите отправку уволенных в запас.

Так, по воле Командора, больше сотни, уже отслуживших своё парней, уехала домой не в мае, а в июне.

- Серый, строй «салаг», командир роты прибыл!

Да запросто! «Команда, сом-кнись! Нале-во! Ряды вдвой!», - и сам, бегом на правый фланг, оставив Игоря командовать парадом: «Р-р-равняйся! Смир-но!» Из барака вышли морпехи. Те самые прапор со стармосом, что наблюдали за занятиями. Серый ждал, когда же, наконец, появится командир роты, но Ткачёв ждать не стал и отрапортовал прапору: «Товарищ прапорщик, личный состав учебной роты построен». «Ни фига себе», - подумал Серый: «Командир роты!? Да в «учебке» взводами командовали не ниже старлея».

А прапор, нимало не смущаясь таким несоответствием, обратился к строю: «Товарищи матросы, Вы прибыли в учебную роту в\ч 40042. Я – командир роты, прапорщик Мишин...». «Да, лихо...» - продолжал удивляться Серый: «Прапор – ротный, что же у них тут взводами сержанты командуют?» Оказалось, что нет. Не сержанты... Матросы! Потому что, ротный продолжил свою речь словами: «...а командирами взводов у вас будут старший матрос Омельчук и матросы Оробинский, Серый и Ткачёв. Они научат Вас всему, что должен знать матрос Краснознамённого Северного...». «Офигеть», - подумал Серый. Занятие должности, подразумевало присвоение соответствующего звания, в данном случае офицерского. Но, не срочной же службе... «Лейтенант Серый. Ха-ха три раза», - про себя пошутил он.

После появления в роте прапора, события начали разворачиваться с поразительной быстротой. Привезли стёкла и заменили ими выбитые. Прибежал телефонист и на тумбочке дневального появился телефон. Электрики заменили перегоревшие лампочки. Пригнали машину с постельным бельём и корабельными робами, в которые заставили переодеться новобранцев. При этом стармос объяснил, что «может Вы, хлопцы, в батальон попадёте, а может и ни. Тильки морпеховское у нас положено надевать на учения, и то, колы Командор прикаже». Привезённая роба была явно со склада б\у. Второго срока службы. Застиранная, а кое-где и заштопанная. Новобранцы переоделись, сменил свою белую робу и Шурка Оробинский. Ткачёв и Серый остались в своей, только сменили «прогары» на сапоги и оторвали себе от второго срока погоны с буквами СФ.

За этими занятиями и не заметили, как пролетело время до ужина. А после ужина пришли ещё два «Урала» с новобранцами, которых нужно было тоже переодеть, накормить и погонять для профилактики.

В общем, к тому моменту, когда Серый, заступивший в наряд дежурным по роте, скомандовал «отбой», командиры взводов вымотались не меньше, а может и больше, чем их подчинённые. Но, если «салаги», за исключением нарядчиков, имели возможность упасть в койки и отрубиться, то «карасям» ещё требовалось обсудить массу вопросов.

«Карасям», во множественном числе, потому что стармос Микола Омельчук тоже оказался первогодком, проходившим «карантин» в этом самом бараке и получивший лычку на погон уже в роте «охотников». Он-то и просветил бывших курсантов о перспективах, которые их ожидают.

Часть оказалась действительно боевой, несущей охрану «объекта» или, как его здесь называли, «дырки». Поэтому, батальон морпехов, по местному называющийся «БЧ-2», делился на две роты. «Охранников» - караульную роту, несущую службу по периметру «дырки», и роту «охотников» или контрдиверсантов, периодически скучающих на опорных пунктах обороны, раскиданных по ближним сопкам или бродящих вокруг патрулями, собирая чернику и морошку, но в большинстве случаев пробиваясь через сугробы. Рота техобеспечения – «БЧ-5» и взвод связи – «БЧ-4» соответственно обеспечивали часть и «дырку» светом, теплом, вентиляцией и связью. «БЧ-3» -

авторота. Ну, и ещё там всякие штабные, складские, камбузные и прочие команды.

И всё бы ничего, но замкомфлота по боевой подготовке отчего-то взъелся на их часть, и не даёт матросикам спокойно дожидаться ДМБ, а заставляет корчить из себя суперменов. Для этого, у каждой «штатной» развед-диверсионной группы, настоящей, офицерской, которые несут охрану внутри «дырки», созданы «резервные» из срочной службы. Поэтому, у большинства бойцов в части по две специальности. Например, он, Микола, сегодня на учениях может быть старшим стрелком 1-го отделения контрдиверсантов, а завтра пойдёт во 2-й резервной диверсионной группе. От этой двуличности не застрахован никто, кроме автороты. Связисты идут радистами на опорные пункты и в диверсионные группы, а электрики и сантехники из БЧ-5 сапёрами и подрывниками. Даже штабную команду иногда вытаскивают. Отстоял своих только капитан Чёрный из автороты, но и их иногда на БТРы сажают и в поле гонят. Так что скучать, хлопцы, вам не придётся. Каждую неделю, а то и по два раза учения. То мы кого-то, то нас кто-то. А если на стороне «супостата» не наблюдается, то делят часть на «синих» да «зелёных» и лупцуют друг друга, а вечером в кубриках спорят, кто кому больше накостылял.

«Дурдом», - решил про себя Серый.

А Микола продолжал: «...а шо форма така, так то Командор придумал, шоб уси одинаковы ходылы. Ох, и лаялись они, говорят, с комбатом, когда батальон в робы переодевали. Тока летом, по шапкам и определишь. Батальон и связисты в беретках морпеховских, БЧ-5 тоже в беретках, но корабельных, а авторота и прочие в «бесках» ходят, но за этим никто особо не слидкуе...». Таким образом, стало понятно, почему собственно вся часть одета в «форму «восемь», что стырим, то и носим».

«Дурдом в квадрате», - сделал вывод Серый.

Но, это было ещё не всё. Выяснилось, что боевая часть укомплектована по нормам мирного времени, т.е. в сокращённом более чем наполовину составе. Поэтому, службу приходится нести за двоих, а если учесть, что нормального «годка» в наряд и палкой не загонишь, то считай, что за троих. А «годки» в части понятие особое, неприкасаемое, как священная индийская корова, и любой из них «по званию» старше «каря» - сержанта. Хотя, «карасей» - сержантов в их части нет. Лычки дают с большим трудом. Он, Микола, да Тимоха из автороты, только двое из их призыва получили стармосов. И это его очень сильно расстраивает. Потому, что «батька казав: «Биз лычек прыййдэшь – ты мэне нэ сын и нэ козак ни разу».

«Дурдом в кубе», - подвёл окончательный итог Серый.

Утром, после завтрака, появился прапор Мишин и поделил роту на взводы. Поделил просто, как колоду карт раздал. И вот теперь Серый стоял перед своим третьим взводом, гадая, с кем из этих парней ему придётся служить ещё полтора года плечом к плечу. Морды новобранцев ничего об этом не говорили, хотя выражение лиц было разным. Насупленным, испуганным, хмурым, настороженным или чуть хитроватым. На двух лицах он даже обнаружил такую неуставную часть формы одежды, как усы. У одного, чёрные, солидные с закрученными вниз кончиками, а у другого, светлые, пшеничные и жиденькие, которые и усами-то назвать нельзя, но... не положено не положено и баста. Поэтому, свою командирскую деятельность Серый решил начать с ликвидации этого гражданского атавизма.

- Матрос Иванов! – бравируя памятью, вызвал он светловолосого.

- Я.

- Скажите, что это у Вас за грязь под носом. Ах, простите, я не сразу догадался. Это, видимо, усы. Хочу заметить, что в Вашем вещевом аттестате, наряду с «форменкой», бушлатом и прочим барахлом, усы не числятся. К обеду сбрить. Ясно?

- Никак нет, – по-уставному ответил светловолосый.

- Что «никак нет»?

- Не могу сбрить, так как мои усы являются предметом национальной гордости.

Серый слышал что-то такое, но это касалось только уроженцев Кавказских гор, а парень перед ним был белобрыс и курнос.

- Что-то я не слышал, чтобы у русских усы являлись предметом национальной гордости, матрос Иванов.

- Я вепс, товарищ матрос, и фамилия моя не Иванов, а Иванов.

Серый на секунду задумался. Кто такие эти вепсы? А если ему и, правда, можно усы носить? Сколько их, разных народов, живёт на необъятных просторах Великого и Могучего... Всех не упомнишь. Поэтому, он решил не рисковать.

- Ладно. Тогда, отставить, – и перешёл к следующему: «А для Вас, матрос Керницкий, усы тоже являются достоянием нации?»

- Ни, - ответил черноусый и добавил что-то, чего Серый не понял. Вроде по-украински, но вроде и нет. Ну, какой русский хохла не поймёт, если тот не будет тарыхтеть как пулемёт и Серый полагал, что тоже «трохи мову разумиет», но тут... Тут «разумие» забуксовало. На выручку пришёл Шулипа.

- Вин говорит, шо у их в деревни усе так носят, - перевёл он слова Керницкого.

- Ну, так мы не в деревне – к обеду сбрить, – с облегчением вздохнул Серый.

Как оказалось, проблемы с русским языком оказались не только у карпатского горца Керницкого, но и у Рашида Усманова, и у Фархата Валиева. Поэтому, чуть позже, статьи «Наставления по стрелковому делу» он им объяснял подробно и дополнительно, а кое-какие моменты просто «на пальцах».

Ситуация с национальной гордостью вепсов никак не шла у него из головы. Спросил Ткачёва, спросил Миколу – они о вепсах ничего не слышали. Оробинский тоже. В конце концов, в обед, Серый обратился с этим вопросом к ротному. Он-то и объяснил, что, да, живёт в Карелии такая малая народность. Спиваются и вымирают потихоньку. Осталось их человек пятьсот или чуть больше. А вот что усы у них являются предметом национальной гордости, он, прапор, очень сильно сомневается.

Получив такую информацию, Серый, перед строевыми занятиями вызвал Иванова из строя и «...учитывая, что усы не могут являться национальной принадлежностью столь малой карельской народности, скорее это должна быть борода, – усы сбрить и получить наряд вне очереди». А для того «чтобы не ущемлять гордость и достоинство вепсов» он попросит «своего лучшего кореша и дежурного по роте Ткачёва подобрать для Иванова самый большой и обосранный толчок в ротном гальюне, чтобы эти самые вепсы не пожаловались в ООН, что их обделяют и нарушают права человека».

А вообще, за свой взвод Серый взялся крепко. Утром безжалостно гонял на марш-бросок, причём дальше, чем остальные взвода. Устраивал им своеобразную полосу препятствий, заставляя лазить по склонам сопок, причем отправлял группами, чтобы они поневоле научились помогать друг другу на труднопроходимых участках. А на скулёж взвода по поводу дополнительных нагрузок, со смехом отвечал словами Суворова о том что «тяжело в ученье – легко в бою» и сам, лёгкий и вёрткий, первым лез на склон, показывая, что и как надо делать, а заодно обучаясь и сам.

День за днём продолжалось обучение и новобранцы начали потихоньку делать успехи, тем более, что «караси», для большей эффективности разделили свои обязанности. Серый вёл строевую подготовку, Игорь и Шурка – Уставы и Наставления, а Микола, действительно, оказался специалистом во всякого рода окапываниях, перебежках-переползаниях и выборах сектора обстрела. Так что, ему и доверили боевую подготовку пополнения, а бывшие курсанты, не желая позориться перед подчинёнными, осваивали эту науку уже после отбоя, отдельно от всех.

Однажды ночью рота проснулась от выстрелов. Стреляли много и стреляли где-то рядом. Потом «бухнул» взрыв, за ним второй и снова пошла пальба. Шурка, дежуривший по роте, с перепуга, поднял новобранцев командой «тревога», и уже собирался звонить дежурному по части, когда появился зевающий Микола и успокоил всех, заявив, что это обычные ночные учения, так что «не волнуйтесь, та ложитесь почитать». Лечь то, легли и, даже, постарались не волноваться, но уснуть, когда у тебя почти под ухом палат из «калашей» не удалось.

А через неделю им привезли... автоматы. И это опять удивило Серого. В Пшеничном они не видели оружия до самой присяги, а здесь... Хотя и без боеприпасов, в виде дубинки Калашникова, а всё-таки боевое оружие. Прибавилось забот и у Миколы, который начал натаскивать «салажат» в обращении с оружием, и у Серого, решившего поучить молодёжь тому, чего сам нахватался у прапора Дзюбенко из секретного корпуса

Пришли первые письма на новый адрес. В основном с «гражданки». Из «военных», только Лёха Дрожжин со своими хохмами. «Прикинь...», - писал он: «...захожу с Тихоном в курилку, а там «караси» свежие сидят, те которых нам в пополнение после «учебки» прислали. «Балтийцы есть?» - спрашиваю. «Есть», - отвечают. Ну, я для смеха: «А брата моего, Серого, не знаете?» Один, аж подпрыгнул: «Серого? Да кто ж его не знает!» Тут уже я от удивления на жопу сел. Ну, думаю, ты там уже на весь флот прославился, а из скромности молчишь. Оказалось, не на весь, а только на всю «учебку», да и известность твоя несколько... своеобразна. Так что, привет тебе от Вовки Стёпкина из твоей роты. Мы с ним теперь вместе служим и про твои приколы и залёты, он мне много чего рассказал. Жаль только, что в результате ты на Север загремел. Напиши, как там...»

Серый задумался. Как отвечать? Что писать? Особист части – майор Салита, который оказался земляком Ткачёва, причём из соседнего дома, очень популярно объяснил, что писать правду – низ-зя, а можно писать, что сидят они и охраняют дорожную технику, а про всё остальное «врите, что хотите».

Поэтому, Серый от прямого ответа уклонился, а расписал местные красоты и то, что «за неимением прекрасного пола, приходится встречаться с белыми медведицами и росомахами. Они, конечно, девки ничего, но уж больно дикие...»

К середине мая, как-то резко и сразу запахло весной. Начали оседать сугробы, потекли первые ручейки, да и ленивое северное солнышко стало появляться почаще. В эти дни «карантин» начали выводить на стрельбище.

В отличие от построенного ещё немцами полигона в Пшеничном, с асфальтовыми дорожками и бетонными пулеулавливателями, полигон «полста восьмой» был прост и незатейлив. Относительно ровная площадка со старым бетонным блиндажом, зажата между двумя сопками. Крутой склон одной из них и служил пулеулавлителем.

Из блиндажа, позёвывая, вылез высокий и поджарый прапорщик уже изрядного возраста и, выслушав доклад Серого, кивнул в сторону открытого ящика с патронами:

- Разбирайте.

- По сколько патрон? – решил уточнить Серый.

- Ты что не знаешь? – удивился прапор: «Тридцать штук в магазин входит».

- Товарищ прапорщик, а Вас за такой расход боеприпасов не взгреют? – поинтересовался Серый.

- Взгреют, если твои орлы весь «цинк» не расстреляют.

Тут Серый просто впал в шок. То, за что они в «учебке» расписывались и отчитывались, собирая каждую стреляную гильзу, здесь выдавалось горстями и на вес. А гильзы? Вон они, сплошным ковром устилают землю. «Один патрон – один батон хлеба», - вспомнил он когда-то услышанное от помполита. Здесь же, на земле, валялось этих «батонов» на целое пшеничное поле и, скорей всего, не одно.

Дорвавшись до любимого дела, а пострелять он всегда любил, Серый опустошил три магазина, вероятно оставив какую-нибудь маленькую булочную без товара. Взвод тоже не отставал, но в отличие от своего командира, традиционно лупил «в молоко». Глядя на это безобразие, прапор не выдержал и крикнул: «Прекратить огонь!», а затем отобрал у двух, ближайших к нему, новобранцев автоматы и вставил в них свежие магазины. «Свежие», это, видимо, по аналогии с теми самими «батонами» хлеба. Затем взял по автомату в каждую руку и скомандовал: «Учитесь».

Ох, как же стрелял этот самый прапорщик Перепечко! В цирке такого не увидишь. Беглым огнём с двух рук, постоянно перемещаясь по площадке то вправо, то влево, он лупил по торчащим из земли серо-бурым валунам, видимо выбрав их в качестве противника. Пули били в камни, вышибая столбики мелкой крошки и с визгом уходя в рикошет. Прапор бил одиночными, но интервал между выстрелами был не больше полсекунды, поэтому казалось, что стреляет он очередями.

Сначала досталось тем камням, которые поближе, потом тем, что дальше, потом уже тем, что были за линией щитов с мишенями. Оставалось всего пара «недостреленых» валунов, когда у прапора кончились патроны. И тогда, вошедший в азарт Серый, вскинул свой автомат и, стараясь не отстать от ритма заданного прапорщиком, «дострелил» их. Правда, на пару валунов у него ушло четыре выстрела, но и расстояние-то было уже ого!

Новобранцы смотрели на это представление раскрыв рот, а прапор повернулся к неожиданному помощнику и спросил: «Как фамилия, матрос?» «Серый», - ответил тот. «Надо будет тебя ко мне во второй взвод забрать. Коли подучить хорошенько, может ещё и снайпер получится». Серый расплылся, довольный похвалой такого выдающегося стрелка, а прапор добавил: «Ну-ка, бери магазин, попробуй так же».

Настрелявшись вволю, он наконец-то вспомнил о своих прямых обязанностях и начал объяснять взводу, как надо целиться и, задержав дыхание, плавно нажимать на курок. Прапор ему помогал, особенно в тех моментах, где Серый был не сведущ – «беглая стрельба» и «стрельба очередями».

В общем, порезвились вволю, и покинули «пшеничное поле» и опустевший «цинк», с синяками на правом плече, провожаемые напутствием довольного прапорщика: «Заходите ещё».

Вернувшись в роту, он с восхищением рассказал о таком замечательном полигоне Ткачёву и Оробинскому, чьи взводы ещё не были на стрельбище. Парни слушали, раскрыв рот, а Микола удивлялся: «А шо, у нас заусегда так.

Захотев постреляти – бери пару хлопцев, докладай дежурному по части и тикай соби на стрельбище». Тут уже настала очередь удивляться бывшим курсантам... Ох, и богатая же у нас страна, что так «батоны» на ветер пускает....

1 июня наступила... весна. Как-то сразу, за один день исчезли сугробы и тут же, спеша воспользоваться тёплым периодом, попёрла зелёная травка и начали распускаться листья на низкорослых деревьях. Откуда-то взялись и зачирикали пичуги, как бы говоря о том, что и в этих краях не всегда царят лёд, снег и холод. Наступили белые ночи и солнце, бесменным часовым, стало бродить по небосклону кругами, лишь раз в сутки цепляясь краем за верхушку сопки. Стало удивительно красиво, какой-то дикой и необычной красотой.

В эти дни полк ВДВ получил приказ «захватить и уничтожить» базу «условного противника», а в\ч 40042 «задержать превосходящие силы» и «произвести условную эвакуацию объекта».

Началась «война». Ожесточённость схваток подогревало ещё и то, что столкнулись два рода войск, считавшихся элитными. Непримиимые соперники – воздушный десант и морская пехота. Десантники не рассчитывали на лёгкую победу, даже учитывая их значительное численное превосходство. Но, проклятые морпехи диверсионными группами встретили их ещё на дальних подступах, а затем вцепились зубами в свои опорные пункты и стояли насмерть, иногда даже переходя в контратаки. А посредники, с белыми повязками на рукавах и подчёркнуто нейтральным выражением лиц «выбивал» из рядов наступающих всё новых и новых бойцов. Но всё-таки, хоть и медленно, кольцо вокруг базы «условного противника» сужалось.

Учебная рота находилась в «карантине». Им обещали, что «война» в этот раз обойдётся без них, но, тем не менее, привезли два ручных пулемёта, ящик холостых патронов и заставили выкопать линию окопов вдоль дороги. Прапор Мишин искусал все ногти, переживая за свой взвод «охранников», а Микола, насупившись, мерил шагами кубрик, волнуясь за своё отделение «охотников». Остальные, прислушиваясь к гремящей вокруг стрельбе и взрывам, делали вид, что читают Уставы. Стреляли, то далеко, то ближе и за этим грохотом они не расслышали шум мотора подъехавшей машины

«Мишин!» - крикнул, вбежавший в барак старлей в камуфляже с автоматом, болтавшимся у бедра на длинном ремне: «Поднимай своих!» И прапор, довольный тем, что неопределённость и безделье закончились, радостно заорал: «Рота, в ружьё!»

Старлей показал на карте и объяснил, что от них требуется: «Один взвод остаётся здесь и держит дорогу. Два взвода вот сюда и сюда, а ещё один, на всякий случай, в проход между скал – они там могут в тыл зайти. Посредники ждут в машине. Всё понятно?». «Понятно», - прапор окинул взглядом своих взводных: «Омельчук, остаёшься здесь. Ткачёв, со старлеем. Орбинский, со мной. Серый, тебе проход между скал. Сам справишься?» «Постараюсь», - пообещал Серый, а прапор с надеждой добавил: «Может, они до тебя и не доберутся».

Надежды его не оправдались. Едва взмыленный и задыхающийся взвод добежал до назначенной ему позиции, едва Серый успел расположить своих бойцов по местам, как остроглазый Вепс, поставленный наблюдателем, крикнул: «Идут!»

Вдоль склона сопки, то скрываясь между деревцами, то пропадая за валунами, двигались фигуры в камуфляже. Немного. Десяток, может чуть больше. «Не стрелять!» - подал команду Серый и приник к прикладу пулемёта, на который успел поменять свой АКМ перед выходом. «Огонь только по моей

команде!» - передал он по цепи. Рядом, захрустев прошлогодней травой, пристроился посредник с белой повязкой на рукаве. 250 метров. Десантура явно шла в их сторону. Видимо рассмотрели на карте эту щель в скалах и послали разведчиков проверить. 200 метров. Посредник достал портативную рацию, видимо сообразил, что сейчас будет более-менее открытое место и если валяющийся рядом придурок с пулемётом этим не воспользуется, то он просто... придурок. Серый же таковым себя не считал и, как только счёл возможным, нажал на курок и не отпускал его, пока в магазине не кончились патроны, а потом быстро перекатился в сторону и вставил другой магазин.

Посредник схватился за свою рацию: «Отделение «синих», квадрат 7 – 12, посреднику». «На связи посредник «синих», слушаю», - раздалось в ответ. «У вас потери, двое убитых», - и показал Серому большой палец. «Принято», - ответила рация и тут же раздалась длинная очередь со стороны десантников. «У них тоже пулемёт» - догадался Серый. «Это только пулемёт может «холостыми» бить очередью, у него на ствол насадка специальная, а автомат исключительно одиночными...» - и опять нажал на курок. Но на этот раз бил короткими очередями и, расстреляв с полмагазина, снова откатился в сторону. «Пулемётная дуэль», - предложил из рации посредник «синих». «Согласен», - ответил их посредник и махнул рукой Серому: «Чего ждёшь, дурило, стреляй». Серый опять вдавил палец в курок, а когда пулемёт замолк, вновь сменил позицию, а заодно и магазин. Оставался всего один. Последний. «Данные по стрельбам моего протезе 88», - гордо сообщила рация. Посредник полистал блокнот, выданный ему Мишиным перед уходом.: «Как фамилия? Серый? Ого! Молодца, боец», - он нашел, чего хотел в блокноте и радостно сообщил в рацию: «Твой убит, у моего 91». «Принято». И, как будто дожидаясь этого момента, десантура пошла в атаку. «Огонь!» - заорал Серый и приник к прикладу пулемёта.

Десантура атаковала грамотно, прикрываясь за валунами, проскальзывая кустарником, они появлялись лишь на мгновение, чтобы исчезнуть и возникнуть уже в другом месте. Взвод лупил не переставая, но, по мнению посредников, без толку. Серый перешёл на стрельбу короткими очередями, пытаясь хоть кого-то поймать в прицел. Внезапно, в двух шагах от него, возникла фигура в камуфляже и голубом тельнике. В азарте Серый отбросил пулемёт и бросился в рукопашную... Последнее, что он видел, это летящая в его лоб ребристая подошва десантного ботинка. Всё. Свет погас.

Когда свет зажегся снова, он лежал на том же месте, но пулемёта рядом не было, зато была большая шишка на лбу. Где-то рядом слышались голоса десантников, вязавших тех из взвода, кто «уцелел» в рукопашной. Потеряв ещё троих, «голубые береты» разозлились и отметелили его парней от души, не обращая внимания на численное превосходство «противника».

Серый перекатился за валун и начал отползать с «поля брани». «Командир» - шепотом окликнули его из-под кустов. Он повернул голову. В кустах скрывался Шулипа с круглыми от ужаса глазами. «Ты что здесь прячешься?» - спросил Серый. «Так страшно ить, побьют же», - честно признался матрос: «Тикать надо, командир». И они поползли «тикать» вместе.

За кустами уже можно было приподняться, и дальше они побежали собачьим скоком, как две шавки увидевшие большого, грозного пса, и вот теперь улепётывающие со скоростью поросычьего визга, поджав хвосты. Бежали они, куда глаза глядят, но тропка почему-то вывела их к уступу на одной из скал, возле которых они держали оборону. Серый и Шулипа глянули вниз. Там, ниже их метров на 5 – 7, как на ладони, они увидели свой взвод, «порубатый и пострелятый», а так же победителей, видимо, решивших

перекурить перед последним марш-броском. Злость и азарт захлестнули Серого. «Шулипа, дай автомат», - приказал он и, схватив АКМ, вскочил на ноги.

Десантники внизу дёрнулись, но сделать уже ничего не успели. С боевым воплем: «А-а-а, гады-кошки! Получай!», он нажимал и нажимал на спуск. За себя, за свой побитый взвод, за то, что загнали его в эту тьмутаракань лапландскую, за то, что до ДМБ ещё трубить и трубить... Автомат сделал «клац» и замолк, а Серый продолжал щёлкать затвором и нажимать на курок, не заметив в азарте, что кончились патроны. «Тикаем!» - дёрнул его за рукав Шулипа. Последнее, что он видел внизу, перед тем как драпануть, это два посредника схватившиеся за живот от хохота и белые от ярости глаза десантников, которые были «убиты» и уже ничего не могли сделать этим двум «чёртовым морпеховским салабонам».

Случай этот прошёл по части как анекдот о том, что молодого морпеха лучше всего напугать, как следует и тогда он, со страха наложив полные штаны, завалит столько десантуры, на сколько патронов хватит. Но вся проблема в том, что после такого «подвига», этот «герой», видимо от скромности, драпает в сопки, и его, потом приходится долго отлавливать. Но это не самое сложное, потому что балтийский «карась» хорошо на сгущёнку идёт.

Получилось так, что именно матросы учебной роты, а особенно взводы Омельчука и Серого, брошенные в «бой» и «погибшие в полном составе» (за исключением двух придурков, о которых уже упоминалось), смогли задержать «противника» именно на те несколько минут, которых так не хватало, чтобы «колонна с оборудованием» смогла «вырваться из окружения».

Командор оценил это и приехал в «карантин», чтобы лично выразить новобранцам свою благодарность.

В «учебке» по такому случаю всех бы заставили вылизать помещение роты до умопомрачительной чистоты, а затем переодели в «парадку» и поставили на зеркальном паркете главной палубы по стойке «смирно». Здесь же всё было мило и по-домашнему. Просто выгнали на улицу и построили повзводно под морозящим весенним дождиком на утрамбованной их сапогами площадке для строевых занятий.

Забрызганный грязью УАЗик остановился возле барака. Командор, в чёрной кожаной «канадке», совсем не строевым шагом вышел к строю роты и выслушал рапорт прапора Мишина. Вместе с ним приехали ещё двое – кавторанг и кап-три, но они к строю вообще не подходили, а сразу прошли в барак. Командор в нескольких словах поблагодарил роту, за «стойкость проявленную при выполнении...» и пожелал в дальнейшем «служить так же и Родина Вас не забудет». «Посмертно», - с чёрным юмором добавил про себя Серый, учитывая, что рота «погибла» практически целиком. А каперанг прошёлся вдоль строя, пожимая руки командирам отделений и внимательно вглядываясь в лица бойцов. «Орлы!» - довольно бросил он через плечо сопровождавшему его Мишину: «Настоящие морпехи!». И, видимо продолжая демонстрировать свою демократичность, пошутил: «Вот только форма одежды немного нарушена...». Серый, чью руку в этот момент пожимала «клешня» Командора заинтересованно прислушался. Насторожился и Мишин, но командир части с улыбкой добавил: «...Ни у кого усов нет. Отрастили бы, а то без усов — что за морпех? Как гусар без коня». Прапор с довольным видом покрутил ус и подмигнул Серому, от досады прикусившему верхнюю губу с тщательно сбритой растительностью.

И надо сказать, что с этого дня, количество усатых в роте значительно увеличилось. Не говоря уже о Иванове и Керницком, все, у кого хоть что-то

намечалось под носом, начали старательно культивировать эту поросль, иногда даже подкрашивая её для выразительности гуталином. А что? Приказ есть приказ.

Командор закончил и вместе с ротным тоже ушёл в барак, а роте объявили «пять минут на перекур и подготовку к занятиям». Серый достал из кармана пачку «Явы», последнюю из посылки. «Эй, земля, дай закурить», - послышалось сбоку. Серый повернул голову. Просьба исходила от стармоса, водителя УАЗика. «На, закуривай», - без особой щедрости в голосе, пачка-то последняя, предложил он.

- Ого, московские. Откуда? – удивился стармос.

- Из дома прислали.

- Так ты москвич, братуха?

- Ну...

- Так я тоже.

- Откуда? – заинтересованно спросил Серый и добавил: «Я из Черёмушек».

- А я из Реутова, – стармос протянул ему руку и представился: «Пашка».

Отвечая на рукопожатие, Серый подумал, что подмосковный Реутов можно отнести к Москве с большой натяжкой, но на таком расстоянии от столицы и Наро-Фоминск покажется улицей соседней с Арбатом. «Серый», - представился он.

- Из «учебки»?

- Да, школу связи закончил.

- А чего не во взвод связи?

- Так командир распорядился. Командиром отделения в роту охраны.

- Хреново, – посочувствовал стармос.

- А чего так?

- Видал? – Пашка указал пальцем на уже почти прошедший синяк на скуле: «У нас, в автороте, да у охранников «годки» самые лютые. Мало того, что с «толчков» не слезаем, так ещё и лупцуют почём зря. Особенно теперь, когда увольнение задержали. Тебе бы к связистам, тем более, что ваше назначение командирами отделений они с НШ придумали в качестве эксперимента. Хотят взвод связи расформировать, если получится толк от связистов при взводах».

- А что делать? Командор приказал.

- А ты рапорт напиши, с просьбой перевести во взвод связи. У них не в пример легче, чем у нас. Что-то типа «хочу служить по специальности» и так далее.

- Как-то я не уверен, что в этой части моя специальность нужна. Да и не один я. Нас тут трое из «учебки».

- Ну, тогда Вы всем кагалом и напишите, что «готовы освоить новую специальность».

- Тимофеев, заводи! Поехали, – от барака в сторону машины направлялся Командор с офицерами.

- Ну, бывай, земляк. Увидимся, – бросил на прощание Тимоха и побежал к УАЗику.

После получения таких сведений, бывшие курсанты с пристрастием поспрашивали Миколу и выяснили, что «годковщина» в части расцветает пышным цветом. Что «карась» без толчка, как ботаник без сачка и «надо господу молить, чтоб без п... «плюхи» день прожить». Поэтому рапорта с просьбой о переводе во взвод связи, решено было всё-таки написать. Серый, честно говоря, не очень рассчитывал на какой-то эффект. Но, как ни странно, просьбу их уважили, и прапор Мишин объявил, что по приказу Командора, после расформирования «учебки» они будут направлены служить по

специальности во взвод связи. Причём, как выяснилось, ни Серому, ни Шурке новые специальности осваивать не придётся, так как их аппаратура в части есть, только Шуркина постоянно действующая, на которой нужно нести вахту ежедневно, а у Серого она опечатана и стоит «на всякий случай». Так что ему всего и работы-то – раз в месяц делать ТО и контрольные проверки. Тут Серый духом воспрял. Ещё бы! И работы мало и спирт будет. Даже пообещал корешам проставиться «шилом» с первого ТО.

Присягу «учебка» приняла тихо и без торжественности. Просто, однажды утром, их одели в «форму три» построили перед «карантином» и в присутствии командира части и тех же самых кавторанга и кап-три, которые оказались начальником штаба и замполитом, велели прочитать текст присяги. А уже после обеда начали приходиться «покупатели» и разбирать кого-куда. Остроглазый Вепс попал в «охотники», Шулипа и Керницкий в автороту, а Валиев и Умаров, так и не успевшие как следует освоить русский язык, на теплицу и в свинарник. Всё равно, ни огурцы, ни хрюшки по-русски не понимают.

За связистами пришел сам командир взвода связи прапорщик Колобков. Кликуха у него была, естественно «Колобок» и внешность соответствующая. Невысокий, пухлый и румяный, вот только взгляд у него был не колобковский, а злой и пронзительный. Кроме трёх бывших курсантов, во взвод связи определили и ещё одного новобранца – Лютковского. Видимо решили, что без «салаги» подразделение не будет полностью укомплектовано.

По дороге Колобок разъяснил им служебные обязанности. Ткачёв, Серый и Лютковский должны были освоить коммутатор и нести вахту на узле связи в «дырке». Кроме того, Ткачёв назначался радистом на опорный пункт № 2, где, кстати, по тревогам торчит отделение Омельчука, Серый на ОП – 5, а Лютковский на ОП – 6. Так что требовалось ещё изучить «сто пятую» - полевую рацию, с которой они будут бегать по сопкам. Легче всего оказалось Шурке. По всем видам тревог и вахт он должен был нести службу на посту с той аппаратурой, на которой проходил обучение. По тревогам часть поднимают периодически, поэтому расписание тревог нужно выучить назубок, а то можно запутаться, что по какому сигналу делать и куда бежать. Серому, кроме того, нужно будет раз в месяц обслуживать его аппаратуру на законсервированном посту. В общем, дел хватало. Хорошо хоть от дневальной службы и камбузных нарядов связисты освобождены, но зато, несут службу рассыльными дежурного по части, что, отнюдь, не легче. Ну а все остальные их обязанности объяснят «годки» во взводе.

«Годки» обязанности объяснили просто. Врезали Серому в грудину, натянули «сливу» Орбинскому, отвесили пинка Лютковскому. Бугая Ткачёва для первого раза бить не рискнули. А затем, дружной весёлой стайкой, отправили всех наводить порядок на складе связи «для знакомства».

Там, ползая с ветошью по бетонным полам, они и познакомились с Андрисом Тейвансом и Мишкой Четверенко – двумя «карасями» служившими во взводе с самого призыва.

«Полторашник» Макар, которого «годки» отправили наблюдать за приборкой (не самим же идти, в конце концов), злобствовать не стал, а бросив: «Работайте. Приду, проверю», ушёл куда-то по своим делам. Поэтому, шлёпая мокрыми тряпками по бетону, они могли более-менее спокойно переговариваться. Выяснилось, что латыш Андрис из Даугавпилса, где Серый когда-то гостил у родственников, а Четверенко и Вовка Лютковский, вообще из одного города. Что эти «годки», по сравнению с теми, что сейчас уволились,

просто ангелы небесные, потому что у совсем недавнего «карася» Макара до сих пор синяки не сошли, а ещё один нынешний «полтарашник» Линиус теперь без двух зубов ходит. Но и с нынешними «годками» расслабляться не стоит. Самый опасный из них «Молдаванин» - Граниешти, его в своё время погоняли от души, вот он теперь и отрывается. Стармос Гайнулин – тоже сука порядочная, причём всё больше норовит ударить побольнее, но так чтобы без следов. Бойтся, что как Сивкин из пятого подразделения в дисбат угодит. Самый спокойный из них – Колька Колесников. Того тоже в молодости погоняли, но он не озлобился, хотя и «на толчки» отправить не поленится и пинка для скорости даст. Последний из взвода – командир второго отделения, первым-то Гайнулин командует, Ванька Шафиров – «полтарашник». Они с Гайнулиным земляки, оба из Казани, а значит можно считать, что иго во взводе татаро-монгольское.

- И это весь взвод? – спросил Ткачёв.

- Да ответил Андрис.

- Всего 12 человек? – удивился Серый.

- А что такого?

- Да у нас в учебном отряде 12 человек – всего отделение, а здесь это целый взвод.

- А у нас это нормально. Авторота – 64 человека, а БЧ – 2, батальон между прочим, 170, – объяснил Мишка.

- Хорош болтать! – прервал их беседу вернувшийся Макар: «Приборку закончили? Тогда бегом в кубрик и на вечернюю поверку».

А перед отбоем выяснилось, что «карась» чья койка над «годковской», обязан перед отбоем разобрать не только свою, но и «хозяйскую». Принести «годку» тёплые тапочки из сушилки и, вообще, сделать ему уют и красоту. Достать чаю, ежели они пожелают-с, добыть хлеба, стрелнуть сигарету... Ткачёва Молдаван заставил раскачивать свою койку, изображая качку вагона в котором он поедет домой. При этом Мишка с Шуркой должны были лежать под койкой, изображая звук «чух-чух», символизирующий стук колёс поезда, а Лютковского поставили на тумбочку, чтобы он изображал семафор, открывающий путь к дому. «Годки» резвились до тех пор, пока Колесник не сказал: «Хорош, Молдаван, спать охота». После этого в кубрике наступила тишина, и стало слышно, как за стеной, в помещении автороты раздаются не только звуки «дембельского паровоза», но и удары, и крики боли. Там тоже резвились «годки».

А с утра началась служба.

Ванька Шафиров, который взялся объяснять пополнению устройство «Эрсто-пятой», был родом из Казани, но в отличие от своего земляка Гайнулина, говорил почему-то с акцентом. Даже такая простая фамилия как Ткачёв, у него звучала как «Ты-качёв». Поэтому, некоторые детали в рации произнести правильно он не мог, и от этого злился. Злость его выражалась в то, что он орал на «тупорылий карась», а Вовке Лютковскому даже «в душу» врезал. Что ж, тут он в своём праве. «Салагу» «полтарашник» может бить, а вот «карася» уже нет. И не потому, что «годковский Устав» запрещает, а просто через полгода «полтарашник» станет «годком», а «карась» «полтарашником». А это уже совсем другие отношения. Ванька же разошёлся так, что готов был и «Ты-качёву» врезать, но на их счастье сменился с вахты и пришёл помочь Макар. Он-то и остановил Ваньку: «Хорош дурью маяться. Ты их так научишь, что они начнут тангенту на уши натягивать, а в наушники говорить. Иди на хрен отсюда. Я сам объясню». Стармос фыркнул и вышел курить

Макар, окончивший у себя в Смоленске радиомеханический техникум, оказался самым грамотным во взводе. Он просто и доступно, без криков и

шума, всё объяснил, показал и даже дал потренироваться, разогнав их по разным углам склада. «И последнее», - сказал он, когда «караси» вволю нарезвились, вызывая друг друга на связь: «Выйти на связь – это полдела. Главное, это добраться до того места, откуда на связь нужно выйти. Поэтому, сейчас надели рации на спину и отжались от пола 20 раз». Лютковский сдох на восьмом, Серый на пятнадцатом, Ткачёв отжался двадцать пять и спросил, с нахальной усмешкой: «Ещё?», а бедный Шурка Оробинский, прижатый пудовой «стопяткой», так и не смог оторваться от пола.

- Ну, и что нам делать с этими доходягами? – спросил Макар у подошедшего с полуторачасового перекура Ваньки.

- Гонять их вокруг части, пока не посинеют, – ответил тот.

- За что? – проскулил Серый.

- За то што дохлий.

- А я? – спросил, выпятив могучую грудь, Ткачёв.

- И тибя тоже.

- За что?

- За кампанию.

Так, весело и с песнями, а если быть точным, то задыхаясь и постанывая, с пудовыми ящиками на спине, они отмахали вокруг части километров десять, под бодрящие вопли стармоса Шафировва: «Бегом, сюки!». Причём, бежали не они одни. Под такие же весёлые крики мимо них пробежало отделение «охотников» с полной выкладкой, среди которых Серый узнал и своих воспитанников. Прошлёпало подразделение из БЧ – 5 в химкомплектах и с какими-то ящиками.

А ближе к обеду, Оробинского и Серого, Макар повёл в «дырку». Оказалось, что для доступа в подземелье нужен допуск. Без допуска туда только полярные мыши – лемминги могли лазить. Серый и Шурка, благодаря своей «ЗАС-секреченности», допуск уже имели, то есть, к мышам приравнивались, а Ткачёв и Лютковский ещё нет.

Дорога, вильнув мимо «карантина», свернула за скалу и вывела к ровной и даже заасфальтированной площадке, зажатой между двумя почти отвесными склонами сопки и окруженной рядами колючей проволоки с торчащими из земли бетонными колпаками ДОТов. Возле ворот в рядах «колючки» красовалось здание КПП, скорее напоминающее блокгауз с толстыми бетонными стенами и узкими окнами, почти амбразурами.

- Здорово, Макар, – поприветствовал их дневальный по КПП, вооруженный не, как обычно – штык-ножом, а автоматом.

- Привет, Гиви, – ответил связист.

- Салабонов на вахту привел? – Гиви говорил по-русски чисто, совсем без акцента.

- Да, они теперь тоже в «дырку» ходить будут.

- Из Тбилиси есть кто? – задал дежурный вопрос грузин, и, получив отрицательный ответ, добавил: «Ну, тогда расписывайся и проходи».

Выйдя из КПП на «территорию», еще через 50 метров они подошли к нише, скорей даже гроту в склоне одной из сопки. Вошли внутрь. Дальняя стена грота оказалась металлической. По тонким щелям, пересекавшим поверхность металла, Серый определил, что на самом деле это ворота и рядом с ними калитка. Макар вдавил кнопку в стене, очень похожую на кнопку звонка. Ответного дребезжания они не услышали, но рядом с кнопкой, в той же стене, откинулась задвижка смотровой щели и чей-то, искаженный микрофоном голос спросил: «Макаров, кто с тобой?». «Матросы Серый и Оробинский. Стажировка. На узел связи». Вместо ответа дверная створка калитки начала

медленно и плавно отползать в сторону. Быстрее у неё всё равно бы не получилось. Толщина металлической «двери» была сантиметров 30.

Они вошли в небольшой тамбур и остановились перед следующей «дверью», которая начала открываться лишь после того, как закрылась наружная. «Гермоблок», - пояснил Макар. За второй дверью их встретил прапор - морпех в полевой форме и с автоматом наперевес. Рядом, у стены, развалившись на стуле, сидел старлей в такой же форме. Его автомат лежал на коленях. И прапор и старлей поражали не столько массивностью своих габаритов, сколько гибкой пластикой хищников, проскальзывающей в каждом движении. Старлей кивнул на журнал, лежащий на столе: «Расписывайтесь и проходите».

Следующая дверь, уже «тонкая», всего-то сантиметров 10, вывела их в туннель с арочными сводами, ведущий куда-то вглубь сопки.

- ПДСС, - с уважительными интонациями сказал Макар, кивнув через плечо.

- ?

- «Боевые пловцы», - пояснил он и повёл их дальше по туннелю, в глубину сопки.

Метров через сто они свернули в «тонкую» дверь в стене и оказались в коридоре узла связи. «Тебе сюда», - Макар стукнул кулаком в гермодверь, отмеченную надписью «БП-2» и как бы, перенесённую сюда с подводной лодки. Из-за двери поста высунулся Линиус и Макар передал ему Оробинского. «А нам дальше», - пояснил он Серому. Пораженный мощью оборонительных сооружений, тот шёл молча, как бы придавленный весом полукилометрового каменного массива над их головой.

Дверь «боевого поста № 1» была «тонкой» металлической, но открытой настежь. Серый, войдя внутрь, замер поражённый, а затем чуть не закатился от смеха. Уж больно не соответствовал всей этой сугубо боевой обстановке коммутатор узла связи. Старенький, такой он видел в фильме «Ленин в Октябре» - «Алё, барышня, Смольный...». Но сидевший на вахте Андрис, напоминал барышню из фильма только наушниками на голове и ловкостью, с которой он втыкал штекера в гнезда, соединяя абонентов.

Макар открыл ящик с химкомплектами, стоящий в углу, покопался в нём, достал стеклянную банку, заварку, а заодно и конструкцию из двух бритвенных лезвий с проводом, заменяющую кипятильник, и занялся приготовлением к отдыху, бросив Серому: «Учись пока...». Серый надел наушники и сел в, ещё хранящее тепло Тейванса, старое продавленное кресло. «Ментор» - первый раз ответил он на вызов позывным узла связи в\ч 40042. Андрис встал за его спиной, помогая быстрее сориентироваться на панели коммутатора.

Вскоре, буквально через несколько дней, он узнал, что откликаться ему придётся не только на позывной «Ментор». Началась очередная «война».

Перед отбоем в кубрик заглянул Колобок и предупредил: «Сегодня ночью, как всегда, внезапно, в 2 часа 30 минут, будет объявлена «зелёная» тревога по коду 12». Серый напряг память, вспоминая боевое расписание. «Учебная тревога, атака опорных пунктов противником» - перевёл он это для себя: «Значит, будем сидеть на опорных пунктах в сопках, делая вид, что героически обороняемся, а остальная часть будет нас так же героически штурмовать».

Разбудились они в 2-20. Спокойно и неторопливо оделись, получили оружие, разобрали между собой рации и, по команде «тревога», были готовы к действиям. Серый догнал отделение «охотников», к которому был приписан, уже за территорией части. Сержант, командир отделения, зло зыркнул на него за задержку и бросив: «Отстанешь – убью!», повел своих быстрым маршем к опорному пункту. «Быстрым маршем», это значит бегом, и Серый старался не

отставать, удерживая дыхание, как его учил всё тот же Андريس. Три шага вдох – три шага выдох.

В результате, хотя и взмок как в бане, но отстал всего-то метров на двадцать. Однако и за такое отставание, удостоился получить кулаком по рёбрам от сержанта: «Передай, что позицию заняли». Серый раскинул антенну и вышел в эфир:

- «Орёл», «Орёл», я «Паркет-5». Приём.
- «Паркет-5», я «Орёл». На связи, – ответила рация голосом Макара.
- «Орёл», я «Паркет-5». «Пять-один».
- «Паркет-5», «Орёл» «пять-один» принял.

У них оказалось ещё минут двадцать мирного времени, и Серый, которого сержант загнал в блиндаж, «чтоб сидел и не высывался», воспользовался этим, чтобы судорожно повторить те коды, которые, возможно, будут нужны. «Идут!» - крикнул снаружи сержант: «Радист, передай «подвергся атаке противника»! И Серый, схватив тангенту, затараторил:

- «Орёл», «Орёл», я «Паркет-5».
- «Паркет-5», я «Орёл».
- «Орёл», я «паркет-5». «Четыре-восемь».
- Принято «четыре-восемь», «Пятый».

Снаружи бухали выстрелы. Серый, которому патронов почему-то не дали, сидел в блиндаже, наблюдая в амбразуру как ловко, не хуже десантников, атакуют их позицию парни из роты охраны, ныряя между валунов и проскальзывая сквозь кустарники. В эфире тоже творилось что-то невообразимое. Из переговоров он понял, что «Паркет-2» - Ткачёв «подвергся артиллерийскому обстрелу» и посочувствовал Игорю, вокруг которого сейчас рвались взрывпакеты, щедро разбрасываемые посредниками из ПДСС. А «Паркет-1» - Мишка Четверенко «вынужден отступить на запасные позиции».

- Радист, - донёсся голос сержанта: «Передай, что нас обходят слева».
- «Орёл», я «Паркет-5», - он скосил глаза в карточку кодов, переводя фразу сержанта на язык цифр: «Орёл», «четыре-двенадцать раздел три».
- Принято, «Паркет-5» - и почти сразу же: «Пятый», я «Орёл» «три-восемь раздел три», «Паркет-4», тоже «три-восемь».

Серый опять бросился к карточке кодов.

- Сержант, приказано контратаковать со стороны обхода.
- Ясно. Братва! Вперёд! Миха, прикрой!

Серый выскочил из блиндажа, желая участвовать в контратаке, но получил ладонью по лбу от сержанта: «Куда прёшь, салабон. Здесь сидеть!»

Слева контратакующее отделение сцепилось в рукопашной с «противником», которому в тыл, к тому же, зашли ребята с «ОП-4». Справа Миха, со своим пулемётом, отсекал, пытающихся помочь своим, «охранников». А Серый, надув губы, стоял посреди всего этого веселья. Обидно же, подраться не дали...

«Противник» слева, зажатый с двух сторон, был «уничтожен», а справа отступил под очередями Михино пулемёта и довольный сержант со свежим синяком под глазом крикнул Серому: «Передай – атака отбита, потери – три человека».

- «Четыре-двенадцать», - передал Серый и добавил: «Двести, раздел три».
- Добро, «Пятый». Для Вас «пять-ноль».
- Отбой, – перевёл Серый.

Сержант снял каску и вытер потный лоб. Отделение, все, и «живые» и «мёртвые», развалились на ночном солнышке отдыхать. Время было три с половиной часа после полуночи и можно было даже покемарить, пока воюют остальные опорные пункты.

- А ты ничего, салабон. Справился, - усталый, но улыбающийся сержант подошёл к Серому и хлопнул его по загривку: «Даже не напугал ничего, А то Ванька в свой первый выход такого напередавал...». Раздались смешки. Видимо, кто-то ещё помнил, что такого напередавал Ванька Шафиров на своих первых учениях.

- А что, я так и должен в блиндаже сидеть? – спросил Серый.

- Нет, почему же, «воюй» на здоровье, только про связь не забывай.

- А чего, тогда, патроны не дали?

- Ну, видишь ли, холостые патроны у нас на вес золота. Боевых навалом, а вот холостые в дефиците.

Вспомнив расстрелянный учебным взводом «цинк» на стрельбище, Серый мысленно с ним согласился, а вслух спросил: «А в контратаку почему не пустил?»

- А какой от тебя там толк? Лишний «груз 200»?

- Ну, я тоже кое-что умею, – решил похвастаться Серый, но, вспомнив ребристую подошву десантного ботса, летящую прямо в лоб, добавил: «Только немного».

- Ну, покажи, чего умеешь, – засмеялся сержант и взял автомат наперевес.

Серый стоял без оружия, но такую ситуацию они с прапором Дзюбенко отрабатывали. Он схватил автомат за приклад и за ствол, а затем, скрутившись вокруг своей оси, провёл приём. Конечно, сержант вывернулся бы из этого положения, но он даже не ожидал такой прыти от «молодого» и в результате, кувыркнувшись через спину Серого, грохнулся на землю. Автомат остался в руках Серого и теперь виновато смотрел стволом в лицо своего хозяина. «Лихо», - усмехнулся сержант и попытался «ножницами» подсесть ноги связиста. Тот был настороже. Подпрыгнув, избежал подсечки, а затем, добавив к движению ног сержанта удар своего сапога, заставил того перевернуться на живот и вдавил каблук в поясницу, как бы демонстрируя, что ломает ему позвоночник.

«Охотники» повскакивали со своих лежбищ, заинтересованные тем, как их сержанта волтузит какой-то салобон, а один из них предложил: «Давай со мной». «Давай», - согласился Серый, окинув взглядом коренастую невысокую фигуру, и... просчитался.

Стармос делал с ним что хотел, не дал провести ни одного приёма, а потом, скрутив в бараний рог, очень миролюбиво спросил: «Сдаёшься?» «Сдаюсь», - прохрипел Серый, опять почувствовавший себя макетом для рукопашного боя в умелых руках прапора Дзюбенко. «То-то же..», - на той же пацифистской ноте подвёл итог стармос и отпустил Серого.

Старлей - посредник, с квадратной челюстью бойцового бульдога и пластикой голодного тигра, тоже с интересом наблюдал за схваткой. А когда Серый, пытаясь поставить на место те части тела, которые повыворачивал стармос, отошёл в сторону, встал и подошёл к нему сам.

- Ты где это верхушек нахватался? – спросил он.

- В «учебке» под Кёнигсбергом, прапор у нас был из морпехов.

- На Балтике? А фамилия его как?

- Дзюбенко.

- Дзюба? «Убивец». Жив ещё старый хрен. Мы с ним вместе в..., ну неважно где... в общем, встречались

- Жив. Чего ему будет. Курсантов мордует.

- То-то я смотрю стиль знакомый. Знаешь, почему его «Убивцем» прозвали?

- Почему?

- У него каждая связка обязательно смертельным ударом заканчивалась. Вот и ты, вместо того, чтобы Славке по почкам «врезать» позвоночник «сломал».

- Ну, так стармос-то меня всё равно побил.
- Коляннич – позиция особая. Он, кроме того, что «охотник», ещё и в штате диверсионной группы. У него подготовка по программе «боевых пловцов». Но ты не горюй. «Убивец» тебя правильно учил, только ты перед каждым приёмом думаешь о том как его делать будешь, а надо чтобы всё автоматом, на рефlekсах шло, тогда получится.
- Невестенко, – окликнул старлея проходящий мимо капитан с белой повязкой на рукаве: «Пошли! Посредники свободны».
- Иду, – крикнул в ответ старлей Невестенко и протянул Серому руку: «Ну, бывай, матрос. Увидимся».
Серый ответил на крепкое рукопожатие, даже не подумав, что за всё время службы впервые жмёт руку офицеру не в качестве поощрения, а как равному.

Оробинский прокололся. Неизвестно, что уж у них там вышло со связью на «БП-2», но Колесник загнал Шурку «на толчки до упора» на целую неделю. Так что днём Шурка нёс службу, а по ночам драил галльон третьего этажа, которым пользовались не только связисты, но и авторота, и штабная команда, жившие там же.

Попытки выяснить, что же произошло на «посту два» провалились. «Годков», естественно, спрашивать рискованно, если не хочешь оказаться на тех же «толчках», а эстонец Эрик с латинской фамилией Линиус только протянул: «За-а де-э-ло». Сам же Шурка только сопел и отмалчивался. И вот теперь, от «отбоя» до «подъёма» чистил кафель в галльоне. Хотя, нет. За пятнадцать минут до команды «подъём» годки разрешали ему забраться в койку и поспать, но предупреждали, что «не дай бог, если не выспишься».

От такой жизни щупленький Оробинский сначала стал синевато-серым, затем начал ходить, покачиваясь как пьяный, а в конце концов уснул стоя. Прямо в строю, поддерживаемый с двух сторон Ткачёвым и Серым.

Насмотревшись на мытарства друга, Серый, верный своей дурацкой привычке совать нос не в своё дело, подошёл к Гайнулину: «Рифат, простили бы Вы Шурку...»

- Эка, блин, заступник нашёлся...

- У фашистов в гестапо такая пытка была – людям спать не давали...

- Что! Это ты меня, гнида, фашистом назвал!?

И со всей дури в грудь – «бабах». «Фашист ты и есть», - подумал Серый, выбираясь из угла, куда он отлетел и, растирая помятую грудную клетку, но вслух ничего не сказал. Поумнел видать...

А синяком в части никого не удивишь. Весь молодняк автороты ходит с отметинами и волком воет от «годковского» прижима. Что «караси», что «салаги», если и передвигаются, то только перебежками и пригнувшись, как при артобстреле. Не дай бог, «годку» на глаза попадётся, да если он ещё и не в настроении. Хотя, и под хорошее настроение тоже лучше не попадаться. Усугублялось это, ещё и тем, что «старики» были, в основном узбеками и таджиками, а «молодняк» русскими и украинцами. Так капитан Чёрный себе в роту специально призывы подбирал, чтобы «годки» порядок жёстче поддерживали, а «карасям» и «салагам» эта жёсткость, ой каким боком выходила. Не говоря уже о Шулипе, Керницком и Иваневском из его бывшего взвода, но даже Белый, Тимоха и другие парни из его призыва ходили, сверкая свежими синяками, прорехами выбитых зубов и держась за отбитые ременными бляхами задницы.

Но, как, оказалось, получать в морду может не только «молодой». Однажды, когда они с Четверенко возвращались со склада, Серый обратил внимание на

команду из «БЧ-5». «Молодняк» рыл траншеею для каких-то своих водопроводно-сантехнических нужд и среди тех, кто усиленно махал лопатами, он заметил матроса, на рукаве которого был нашит срок службы – два года.

- Кто это? – спросил он у Мишки.

- А, это. Лисукин. Вечный «салага». «Опущенный».

- Как это!? – изумился Серый, который ещё из своей блатной-замоскворецкой жизни знал что на «зоне» означает титул «опущенного».

- Да так. Он «годок», но в молодости прокозился. Вот, теперь «на толчках» до самого ДМБ.

Серый вздохнул с облегчением. С сексуальными извращениями это не связано. Просто термин одинаковый.

- А чего же он не возбужнёт? – поинтересовался он.

- Так его же свой призыв и глумит. У нас в призыве, кстати, тоже кандидат есть. Если в «дисбат» не загремит, то точно до самого ДМБ гальюны драить будет.

- Кто это?

- Да тоже в «БЧ-5». Ему как в грызло настучат, так он сразу в сопки сбегает. «Шкерится» там два дня, а на третий возвращается.

- А почему именно на третий?

- Вспомни Устав. До трёх суток – самоволка, а значит «губа», а после трёх – дезертирство, а это уже «дисбат». Вот он так и служит. Двое суток в сопках, трое суток на «губе» и опять в часть, до следующей плюхи.

Легче служилось штабной команде, где старлей Романчиков – гуманист и человеколюбец, люто ненавидевший методы капитана Чёрного, держал своих «интеллигентов» в рамках почти уставных отношений.

Колобку же все эти методы были глубоко по барабану. До окончания контракта, до «дембеля», ему оставалось четыре месяца. Поэтому, единственное, за чем он ещё хоть как-то следил, были наряды и вахты, а что творится в кубрике связи, его не интересовало. Таким образом, взвод был предоставлен сам себе, и «годки», равняясь на своих корешей из автороты, устроили во взводе филиал чистилища, всё чаще распуская руки и всё, более изощрённо издеваясь над «молодняком». Даже Ткачёв с его могучей мускулатурой периодически получал «в грызло».

А тут ещё повадились, раскопав в тумбочке Серого фотографии его знакомых девчонок, приставать, перебирая карточки: «Серый, а расскажи, как ты эту глазастую трахал. А сиськи у неё большие? А жопа? Ну, давай, рассказывай как ты её «раком» ставил. Что молчишь? Не стесняйся. А сосать она умеет?».

Серого от таких издевательств трясло крупной дрожью. Он и на «гражданке» сам не хвастался и терпеть не мог, когда кто-то начинал рассказывать о своих любовных победах. А тут... Такое ощущение, что нежные тела девчонок, у него на глазах, жадно лапают потные и грязные руки «годков». Он терпел, отбрюхиваясь: «Отстаньте. Это одноклассница, я с ней не спал», или: «У нас ничего не было – это сестра моего друга». Но однажды он всё-таки не выдержал...

Молдаван с Гайнулиным достали очередную фотографию и снова начали приставать: «Ну, скажи, что ты и эту не трахал. Смотри, губки какие пухлые, прямо для минета. Серый, а в попу она даёт? Что тут написано?» Молдаван перевернул фотографию обратной стороной и прочитал: «Серому на долгую память. Наташа. Ленинград.» «О, девочка Наташа – три рубля и наша...», - влез Гайнулин. «Отстаньте», - попытался отвертеться Серый: «Это сестра из Питера. Двоюродная». «Ага, двоюродная...», - Молдаван полез в карман и достал

письмо: «Читаем: «...милый мой Серенький, такая тоска без тебя, ну просто жуть. По ночам подушку обнимаю и думаю, что это ты, а когда совсем уж не могу, беру твою рубашку, ту, что ты в свой последний приезд забыл, к груди прижму и засыпаю...» И подпись – «Твоя Наташа», и адрес – «Ленинград...»

Всё потемнело в глазах у Серого и он рванул украденное письмо из рук «годка»:

- Молдаван, таких как ты, не чрево рождает, таких как ты, жопа выплёвывает...
- бросил он ему в лицо: «А если ещё раз в чужие письма полезешь, то...»
- Что «то»? – с издевкой спросил «годок».
- Убью, – глядя ему в глаза ответил «карась».
- Ой-ой-ой, как нам страшно, – заюродствовал сбоку Гайнулин.

Но Молдован видел взгляд Серого и понимал, что тот не шутит.

- Ну что же, - с угрозой сказал он: «Ты сам напросился. Бегом в «дырку»!»

Так, подгоняемый пинками «годков» Серый прибежал на «пост № 1», где его заставили надеть противогаз, химкомплект и велели делать приборку с мылом и щёткой, периодически поощряя тумаками и пинками. А для того, чтобы процесс лучше отложился в памяти, фильтр из противогаза они вынули и вся угольная пыль, вместо того чтобы очищать поступающий под маску воздух, летела в лёгкие Серого.

Примерно через час он потерял сознание и упал. Пнув его ещё пару раз, для профилактики и бросив на прощанье: «Теперь запомнишь, кто в доме хозяин...», они ушли.

Мишка Четверенко, который нёс вахту на коммутаторе, плюнув на вызовы абонентов, бросился к нему и сорвал противогаз. Под угольной пылью, особенно густо скопившейся у ноздрей и глаз, лицо Серого было белее мела с синими, как у покойника, губами. Но он дышал. Воздух со свистом и хрипом проходил между плотно стиснутыми, покрытыми чёрным налётом, зубами. Потом его вырвало чёрной слизью, но зато он пришёл в себя. «Суки», - простонал он: «Гады!» И уткнулся в собственный локоть, борясь с рвущимися наружу слезами.

Через некоторое время он окончательно пришёл в себя. Встал, и, опираясь на стенку, начал срывать с себя проклятый химкомплект, мокрый изнутри от его пота. «Серый, ты иди... В сопках отлежись», - посоветовал Мишка: «Не волнуйся, я здесь приберу». Он кивнул в сторону слизи и лужи из пота натёкшей с химкомплекта. «Угу», - мотнул головой Серый и, держась за стенку, не трясущихся и подкашивающихся ногам побрёл к выходу.

Короткое заполярное лето бушевало, спеша явить миру свою неповторимую красоту до наступления холодов. Серый лежал на склоне сопки, в окружении заполярного разнотравья, украшенного оранжевыми звёздочками морошки и тёмно-фиолетовыми бусинками черники, вцепившись руками в мягкий и податливый мох. Его бил кашель. Бил так, что было больно костям. Он сплёвывал чёрную мокроту, судорожно глотал воздух и снова кашлял. А из динамика, повешенного на здании столовой, неслась модная песенка Аллы Пугачёвой. «Лето, ах лето, лето звонкое будь со мной...». С тех пор Серый эту песню, ой как невзлюбил.

В кубрике он появился уже после ужина, когда, выкашляв вместе с углём половину бронхов, смог наконец-то более-менее дышать и перестали трястись руки и ноги.

- Ну что, Серый, будешь нам рассказывать, как Наташку трахал? – спросил развалившийся на своей койке Молдаван.

- Нет, – резко повернувшись и глядя «годку» прямо в лицо, ответил он. И такая лютая ненависть была в побелевших глазах, что «годок» смешался.
- Ну, нет, так нет, – сказал он: «Тогда, «на толчки до упора». Понял?»
- Понял, – ответил Серый. Повернулся и пошёл в галльон. Находиться рядом с дерьмом ему было приятней, чем с этими подонками.

После этого случая прессинг «молодых» немного стих. Все силы «годки» бросили на то, чтобы обломать строптивного «карася». Серый молча терпел все эти отправки «на толчки», а на большее они не рисковали. Попробуй-ка его ударь, когда он смотрит такими бешеными глазами и вот-вот в горло вцепится. Методы воздействия приходилось выбирать более изощрённо. Например, попросить Колобка записать на Серого вместо автомата пулемёт, положенный отдельному взводу по штату, от которого все отбрыкивались – была охота по тревоге ещё и эту дурынду на себе таскать. Так пускай этот оборзевший карась на себе, кроме пудовой рации, ещё и эти полпуда тянет. Авось, борзянка-то и поутихнёт. Серый этому, конечно, не обрадовался, зато обрадовался сержант Славка: «Хрен теперь кто нашу сопку при двух пулемётах возьмёт», и начал забирать Серого, чтобы загнать его с Михой на стрельбище, с целью учиться работать в паре и вести «кинжальный огонь» Серый этому только радовался, стараясь как можно реже появляться в кубрике.

Помогли ему в этом не только Славка, но и Колян. Когда «годки» - «охотники» узнали о причине по которой Серому устроили «борьбу за живучесть» (так на местном жаргоне называлась эта экзекуция) то обозвали «годков» - связистов козлами и стали чаще вытаскивать «для совместных тренировок» на ОП. А Колян поступил ещё хитрее, когда однажды завалился в кубрик и заявил Гайнулину: «Рифат, дай-ка мне своего борзого для «физо», я на нём тренироваться буду». Стармос обрадовался ещё одной возможности сделать подянку Серому, подставив его морду поганую под кулаки, причём по Уставу. И с удовольствием предоставил объект избиения в полное распоряжение «боевого пловца», даже не подозревая, что теперь три раза в неделю, по два часа Серый не только служит мишенью для кулаков Коляна, но и сам учится бить. И лучше всего у него получается, когда на мешках с песком он представляет себе рожи «годков» из своего взвода.

В кубрике же он продолжал терпеть, но... опять сорвался.

Лето уже заканчивалось, начинался август, когда Молдаван попросил... (а просьба «годка» равносильна приказу) чтобы Серый договорился со своей знакомой из Питера о том, что она примет посылку с дембельской формой. А когда Молдаван поедет через её город домой, передаст ему посылку, чтобы в родное село он мог войти красавцем-североморцем, а не тем убожеством, которое выпускают из части в уставной форме. Эта обычная, в общем-то, процедура, усугублялась тем, что придурок - Молдаван не удержался и ляпнул: «Ну, я переоденусь, её от твоего имени трахну, и дальше поеду».

Серый молча выдержал всё это. Написал под диктовку «годка» Наташке письмо с просьбой посодействовать, а потом, отдельно, написал ей письмо, в котором объяснил, что за сволочь этот «лучший друг», и что лучше ей держаться от него подальше. Но раз уж так сложилось, то посылку можно и получить, но на ноябрь лучше переселиться к сестре на 14-ю Линию. Он заявится, а её нет. Искать долго не будет и поедет дальше.

А на следующий день, когда он сидел в «БП-1» на вахте, в коммутаторную прибежал запыхавшийся Ткачёв: «Иди в кубарь, «годки» зовут». Серый пожал плечами и уступил ему вахтенное кресло, а Игорь на прощание предупредил: «Смотри, аккуратней. Злые они. Жуть».

«Годки» были не злые, «годки» были разъярённые.

- Что это? – Молдаван протянул Серому письмо.
- Письмо, – как-то сразу успокоившись, ответил Серый.
- Ты писал!? – взревел «годок».
- Я, – так же спокойно ответил Серый. Ну, что же, попался. Будут бить. Так, что же волноваться-то.

- Сука! – продолжал орать Молдаван: «Убью, сволочь!», и врезал Серому в грудину. Подлетели Колесник с Гайнулиным и тоже начали лупцевать гада. Причём, били со всей силы, не думая о том, что останутся следы. Тихий Линиус, отдылавший после вахты, встал и бочком, потихоньку выскользнул из кубрика от греха подальше. А «годки» продолжали бесноваться. Серый не отвечал на удары, только старался незаметно ставить блоки, как учил Колян. «Падла! Да мы с Рифатом специально твою Наташку найдём и хором оттрахаем!» - бесновался Молдаван. Но тут уже Серый не выдержал. Рванул вперёд и со всей злости врезал ему «прямой в челюсть», а затем, обратным движением руки засадил Гайнулину локтем под глаз. «Годки» совсем потеряли голову. Повалили его на пол и стали топтать ногами.

Серый понял, что сейчас его просто забьют и надо идти ва-банк. Он сумел вырваться, выскочил из кубрика и заорал: «Караси, полундра! Бей «годоков»!» Была у них такая договорённость с молодняком автороты, что если уж совсем допекут. Но, кроме дневального, «карасей» на этаже не было. Дурило Серый нашёл время, когда поднимать бунт. Перед обедом. Когда все «караси» в разгоне. Зато, изо всех щелей полезли смуглые и узкоглазые морды «годоков» автороты: «Кито это здесь бунтует?». И Серого приняли «на сапоги». Человек десять. Минут на пятнадцать.

Ему казалось, что он летает с сапога на сапог, не опускаясь на землю. На свою беду он не потерял сознания и все эти «кирзачи», врезающиеся под рёбра и бьющие по почкам, ощущал очень хорошо. Он не сопротивлялся, только закрыл руками пах, но и руки ему отбили до синевы. В конце концов, «годки» устали и разошлись, оставив его валяться в крови возле тумбочки дневального, который смотрел на всё это широко раскрытыми от ужаса глазами.

Серый выбрался из помещения роты. На лестнице он заставил себя подняться и сполз по перилам на первый этаж, но на улице силы снова оставили его и он упал, а затем пополз, оставляя за собой кровавый след, за ближайший угол здания с одной единственной мыслью: «В сопки... Отлежаться...»

Дежурный по части капитан 3-го ранга Лебедев был тих и нелюдим. Может поэтому, он до сих пор оставался холостяком. Больше всего на свете ему нравилось возиться со своими микросхемами, комбинировать и паять, заставляя бездушный механизм думать, надевая его интеллектом. Короче говоря, не был кап-три Лебедев строевым офицером и о командовании подразделением, как и о процессе воспитания подчинённых знал чисто теоретически. Но сейчас, наткнувшись на уползающего в сопки окровавленного матроса с безумными глазами, даже он понял, что с «процессом воспитания» здесь явно переборщили.

Вход в рубку дежурного по части находился в другом подъезде здания, чуть сбоку от лестницы ведущей на второй этаж, в штаб части. Быстро сбегав туда, он позвал своего помощника и приказал отнести побитого матроса в санчасть. Помдеж, бугай прапорщик из «боевых пловцов», легко поднял обмякшее тело и убежал. А кап-три, заметивший в этот момент боевой номер на голландке матроса с надписью «БЧ-4-1-5», так же бегом бросился на третий этаж в кубрик связи.

На этаже дневальный, пытающийся замыть кровь на дощатом полу, замешкался с подачей команды «смирно, дежурный на выход», и Лебедев, коротко бросив ему: «Отставить!» - как бы приказывая не подавать команду и одновременно прекратить приборку, прошёл в кубрик связи. Сдвинутые койки, опрокинутые тумбочки, а так же три «годка», двое из которых были украшены свежими синяками, подтвердили его предположение, что драка была именно здесь. «Ты и ты, за мной», - приказал он «помеченным» матросам. Но кровь была и в коридоре, поэтому он приказал подбежавшему дежурному по автороте: «Построить личный состав!». Когда все, кто находился на этаже, построились в две шеренги, он прошёл вдоль строя и вызвал ещё двух «меченых». «Дневальный», - приказал он: «Позвонить в рубку дежурного по части. Мой приказ – дежурный взвод сюда! С оружием! Срочно!»

Когда через пять минут дежурный взвод из караульной роты, громящая сапогами и амуницией, ввалился на этаж, он коротко приказал сержанту «охранников»: «Этих четверых арестовать. Держать в учебных классах, отдельно друг от друга. С ними не разговаривать». «Есть», - ответил ошарашенный сержант, вынужденный арестовывать своих же товарищей, но приказ выполнил.

Командора в этот день в части не было. Поэтому, доложили о случившемся НШ и тот, отослав майора Салиту снять показания с арестованных «годков», отправился в санчасть, где весельчак медицинской службы, старший лейтенант Макита, с видом художника неоабстракциониста, разрисовывал тело побитого Серого йодом и зелёнкой, приговаривая: «Это хор-рошо, хор-рошо. Косточки целы, зубки на месте, а остальное мы зелёночкой, зелёночкой...». Серый кривился и морщился, но, стиснув зубы, терпел, когда «добрые и ласковые» руки медика особенно чувствительно касались отбитых мест.

Закончив обработку и тяжело вздохнув по поводу того, что «эх, жаль, что зашить на тебе ничего не надо», он вышел из палаты и сразу за дверь, в коридоре, нос к носу столкнулся с НШ.

- Ну, как он? – спросил кавторанг.

- Нормальненько, – бодро ответил старлей: «Пару ребрышек, возможно, сломаны, да почки, кажется, отбиты, а так ...ничего. Живой. Он вообще крепенький паренёк. Другой бы пластом лежал, а этот, гляди-ка, уже ходит».

- К нему можно?

- Ну конечно, добро пожаловать, – и старлей радушно распахнул дверь палаты.

- Я один, – предупредил его НШ и вошёл, оставив медика за дверью.

Серый сидел на койке в одних трусах, но со стороны казалось, что он в камуфляжном комбинезоне, так густо разрисовали его зелёнкой и йодом. Увидев кавторанга, он даже попытался встать. «Сиди», - махнул рукой НШ и, оседлав стул, спросил: «Ну и что у нас случилось, товарищ матрос?»

- С трапа упал, – даже не моргнув заплывшим глазом, соврал Серый.

- Хорошо ты упал, душевно, – констатировал этот факт НШ: «Может быть, помог кто, толкнул?»

- Никак нет, – продолжил врать отбивной «карась»: «Сам споткнулся».

Серый прекрасно понимал, что НШ не верит ни одному его слову, а НШ точно так же понимал, что матрос врёт и не краснеет. Хотя, куда уж краснеть, когда вся рожа синяя. Но ЧП с фактом неуставных взаимоотношений ляжет пятном на репутацию части, а этот матрос, похоже, жаловаться не будет и можно замять инцидент. Но на всякий случай он переспросил: «Точно сам?» «Да», - твёрдо ответил матрос. «Ну и ладно, выздоравливай», - закончил беседу успокоенный НШ и ушёл.

После его ухода Серый распустил зажатые в кулак нервы и попытался расслабиться, но почему-то наоборот, стало холодно и неудобно. Из всех щелей поползли мрачные, пугающие тени. Казалось, вот сейчас они навалятся и задавят его, такого маленького и беззащитного, порвут в клочья и не останется от него на этой земле даже воспоминания. В панике, едва успев надеть штаны и тельняшку, он выскочил из палаты.

- Ты куда? – спросил его проходивший по коридору Макита.

- Я это... в галльон, – путаясь в словах ответил он: «И покурить...»

- Ну, тогда иди, – старлей как-то пристально посмотрел ему в глаза: «В конце коридора, вторая дверь справа».

Серый докостылял до нужной ему двери. Идти-то всего ничего, шагов двадцать, но они его вымотали. Сердце бухало, как молот о наковальню, противно дрожали колени. Пришлось опереться рукой о стену за унитазом. «Хорошо, что хоть здесь ничего не отшибли», - с облегчением подумал он и тут заметил, что струя, бьющая о стенки унитаза, имеет красноватый оттенок. «Почки отбили, сволочи» - догадался он. Закурил, пуская дым в открытую форточку, но с полсигареты опять началось. Опять какие-то тени... «Соберись, тряпка!» - дал он традиционный приказ организму. Организм, сволочь такая, приказ проигнорировал и продолжал вести себя совсем уж непотребно. Делал вид, гадёныш, что он состряпан из трясущегося студня. Пальцы ходили ходуном, зубы клацали.. «Ну, я тебя, зараза!» - пригрозил строптивцу Серый и сунул голову под кран с холодной водой. Организм взвыл, но более-менее успокоился. Так, потряхивало иногда...

- Ты что здесь, ночевать собрался? – в галльон бодро вошёл Макита и, оглядев держащегося за стену Серого, добавил оптимистично: «Ну, этого, в принципе, следовало ожидать».

Он отвёл Серого в свой кабинет, постучал молотком по коленям, долго рассматривал под светом его зрачки и, в конце концов, сделал вывод: «Да, братец, тебе бы к психологу, а я, к сожалению, только хирург. За психологическое состояние в части у нас майор Салита отвечает. Но мы сейчас тоже что-нибудь быстренько придумаем». Он открыл сейф и, покопавшись, достал таблетку и протянул ему: «На, выпей и постарайся уснуть».

То ли таблетка подействовала, то ли усталость взяла своё, но Серый, едва коснувшись подушки, сразу же провалился в полусон-полузабытьё, в котором на него орали Молдаван с Гайнулиным, а вокруг клубились узкоглазые и плоские морды «годков» автороты. Они раскрывали пасти и, со звериным оскалом, кидались на него и клацали зубами. Потом, откуда-то сверху появился свет и «годки» злобно и негодуяще завопили. Свет наступал и ширился, «годки» выли и отступали. Куда-то исчезли Гайнулин с Молдаваном, а вместо них, в ореоле матового сияния появилось лицо... той девчонки из метро, будущей монахини. Она смотрела на него добрым материнским взглядом с лёгкой примесью жалости. Губы её беззвучно прошептали: «Я буду молиться за тебя, солдат» - и ему стало легко и спокойно. Он улыбнулся ей и провалился в настоящий, крепкий сон, но уже без сновидений.

Особист, майор Салита, добился больших успехов, чем начальник штаба. Грамотный и опытный специалист в своей области, он начинал допрос каждого из «годков» с одной и той же фразы: «Ну что же, твои дружки-подельники мне всё рассказали, послушаем теперь, что можешь к этому добавить ты». Так что через полчаса, с написанными собственноручно признательными показаниями, он постучал в дверь кабинета НШ.

Овчинников внимательно прочитал признания, хмыкнул над фразой Алишера «мой ево билль не хотель» и надолго задумался. Майор стоял рядом,

перебирая в уме возможные варианты дальнейших действий. Наконец НШ поднял голову.

- Спасибо, Фрол Николаевич, Вы отлично поработали.

- Не за что, Виктор Алексеевич. Всегда, пожалуйста.

- Оставьте мне показания и можете быть свободны.

- А этих? – майор мотнул головой, как бы показывая, кого он имеет в виду.

- Гайнулина, Граниешти, Алишера и Фархатова отпустить. Матрос Серый рапорт подавать не будет.

Раскрутка дела о «неуставных взаимоотношениях» была бы хорошим плюсом к послужному списку майора, но вступать в конфликт с НШ из-за какого-то матроса... себе дороже. Поэтому, ответив уставным: «Есть», - он вышел из кабинета.

Серого выгнали из санчасти через два дня. Свалился с подозрением на дизентерию Умаров со свинарника и маленькую двухместную палату, единственную в санчасти, пришлось освободить для засранца. Радостно пробегающий мимо него старлей с клизмой, бросил на прощанье: «Три дня постельного режима. Послезавтра появишься – посмотрим твои болячки». «Есть», - буркнул Серый и поковылял в кубрик.

Время для возвращения он выбрал самое неудачное. Опять среди дня, когда все «караси» опять в разгоне. «Годки», развалившиеся на койках, встретили его ласковым: «Ну что, «стукач» пришёл за п... плюхами?». «Никому я ничего не стучал», - ответил Серый, разбирая свою койку. «Как, не стучал!», - взвились «годки»: «А чьи показания нам Салита зачитывал!?». Был такой приёмчик у майора, и весьма действенный. Вот они и повелись на него. Однако то, что мордобой остался без последствий, убедило их в своей безнаказанности. Вот они и завелись: «Куда в койку полез? На «толчки» бегом! Прямо сейчас!». «Мне Макита постельный режим прописал», - попытался возразить Серый. Апатия, давившая его последние дни, достигла своего максимума. Хотелось одного – плюнуть на всё, лечь и отрубиться.

Но «годки» были другого мнения. «Подъём, сука! На «толчки»! Теперь до ДМБ в гальюне будешь жить!» - и Молдаван, стимулируя процесс подъёма, врезал сапогом по панцирной сетке койки. Удар получился не сильный, но пришёлся по больному месту и Серый соскочил с койки на палубу. Острая боль моментально смела всю апатию и разбудила злость: «А вот это видел?», и показал им русский национальный жест – «от локтя и выше». «Годки» взревели и бросились бить. Серый, понимая, что шансов у него нет, схватил табуретку и обрушил её на ближайшую голову. «Баночка» с треском разлетелась на составные части, а Гайнулин, обливаясь кровью, рухнул на палубу.

«Плоховато столяр строил...», - с чёрным юмором заметил Серый и потянулся за следующей «баночкой»: «Ну, кто ещё хочет?». «Годки» моментально вылетели из кубрика, оставив окровавленного Гайнулина лежать у ног взбесившегося «карася».

Теперь уже его вели под конвоем автоматчики из дежурного взвода, его запирали в учебном классе, и его допрашивал майор Салита.

- Ну, товарищ матрос, рассказывай... - ласково предложил он.

- О чём? – исподобья зыркнул на него глазами Серый.

- Ну, например, за что ты своего командира отделения «баночкой» приласкал?

- Моё дело...

- Ай-ай-ай, теперь уже не твоё, а уголовное. Теперь уже военная прокуратура будет решать, можно ли бить старшего по званию табуреткой по голове и что тебе за это будет. Так что лучше сам расскажи. Превентивно, так сказать...

- Нечего мне сказать.

- А старшему матросу Гайнулину есть что сказать. Вот напишет он рапорт...
 - Пусть пишет...
 - И тебя в «дисбат»...
 - Пусть в «дисбат»... - холодная ярость, которая так и не проходила с того момента, как сапог Молдавана врезался в поясницу, владела им. Было как-то легко и наплевать, что будет дальше.
 - М-м-да, – протянул майор и отодвинул в сторону бланк, на котором так и не успел ничего записать. «А теперь давай без протокола. Что, достали?»
 - Да, – нехотя ответил Серый.
 - Ну и что дальше делать будешь?
 - Служить... если не посадят.
 - Мысль хорошая, но неправильная. «Годки» тебя всё равно задолбают.
 - Зае... обломаются!
 - Может «да», а может и «нет». А вот если я тебе поддержку окажу, тогда точно, ...как ты это сказал... «обломаются».
- Серый молчал. Он понимал, куда клонит майор.
- Ну?
 - Спасибо, сам справлюсь.
 - Ну, на нет и суда нет, – подвёл итог майор.

Он не был злым или злопамятным человеком. Да и мальчишка этот ему был даже чем-то симпатичен. Просто служба у него такая. Ну, не захотел матросик стать «сексотом», так и ладно, других найдём. Вон их, сколько вокруг «залётчиков» и опять, придвинув к себе бланк протокола, спросил: «А здесь что запишем?»

Серый пожал плечами, как бы говоря «что хотите, то и пишите».

- А давай запишем, что ты делал приборку и случайно уронил «баночку» на голову проходящего мимо Гайнулина.
- Ага, и так три раза, – ответил Серый: «Давайте». И впервые за несколько последних недель улыбнулся.

У НШ болела голова. У НШ очень сильно болела голова. Этой головной болью стал какой-то дурацкий матрос из взвода связи, который за несколько дней сумел создать вокруг себя целую проблему. Ведь, если Гайнулин напишет рапорт, то на суде выплывет, а выплывет обязательно, что они избили Серого. И тогда, у военной прокуратуры возникнет вполне законный вопрос: «А почему это кавторанг Овчинников скрыл факт избиения молодого матроса?». Тут хорошо, если строгим выговором отделаешься, а то ведь можно и с должности слететь.

В дверь коротко стукнули, она открылась, и вошёл командир части: «Виктор Алексеевич...».

- Слушаю, товарищ командир, – поднялся со стула НШ.
- Смотрю, проблему нашу решаете, – Бачурин кивнул на лежащие на столе признательные показания «годков» и бланк протокола допроса Серого: «Ну и что, есть какие-нибудь идеи?».
- Нет пока, товарищ командир.
- А Вы с Гайнулиным разговаривали?
- Никак нет. У него сотрясение мозга. Макита просил хотя бы сутки не беспокоить.
- Надо поговорить, объяснить ситуацию... - и как бы показывая, чем чревата эта ситуация для Гайнулина, он смешал бланк протокола и показания в одну кучу: «Надо убедить его, в конце концов».
- Есть, товарищ командир.

- И ещё. Лучше, если это сделаете не Вы, а майор Салита. У него это... убеждение профессиональней получится.

Молдаван с Колесником навели «раненого» товарища в лазарет. Принесли сгущёнки, сухофруктов... - обычные матросские лакомства, что с продклада стырить можно. Поржали над Гайнулиным, который с двумя синяками вокруг глаз напоминал енота, и лишь потом перешли к делу.

- Давай, Рифат, пиши рапорт и «карасю» этому кранты.

- Пиши. И ему пару лет «дисбата», как не фиг делать накрутят.

- А если он вякнет, что мы ему рожу начистили?

- Не вякнет. Он, блин, гордый.

- Ну, если он до сих пор не вякнул, так и дальше молчать будет.

- Да, стрёмно как-то...

- Не дрейфь, пиши. Тут одно из двух – или мы его или он нас.

- Ну, нам-то он чего сделает? «Карась» же...

- Нам – ничего, но пацаны из автороты верно решили, что «дурная овца всю отару испортит». Уж, если сейчас «караси» начнут голову поднимать, то, что же дальше?

- Не, Рифат, пока он здесь, всем «годкам» покоя не будет.

- Написать-то можно, но Колобка жалко. Ему ведь тоже не слабо достанется.

- За Колобка-то, как раз не беспокойся. Ему до «дембеля» всего ничего осталось и эти «всего ничего» он хочет прожить спокойно, без этого «баклана».

- Да, Рифат, не волнуйся. Насчёт рапорта, это нам Колобок сам подсказал.

- Ну, раз такое дело...

Дверь открылась, и вошёл майор Салита. Молдаван и Колесник вскочили с «баночек», а майор обвёл их взглядом и хмыкнул понимающе: «Ну-ну...». «Годков», как ветром сдуло, а особист присел на край койки и ласково обратился к Гайнулину: «Ну что, товарищ старший матрос, допрыгался?». Рифат вжался в подушку. В словах, а главное, в глазах майора, сквозила такая неприкрытая уверенность удава перед кроликом, что мурашки поползли по спине: «О чём Вы, товарищ майор?».

- Сам знаешь о чём. Получил ты от «карася» по башке, товарищ «годок», и поделом тебе. Нечего «молодых» мордовать. Так что, прежде чем жаловаться будешь, трижды подумай. На суде ведь действия Серого будут проходить как «превышение необходимой самообороны», а твои как «издевательство над молодыми матросами». А потом ещё кое-что всплыть может... - закончил он с задумчивым видом, похлопывая ладонью по картонной папке, лежащей у него на коленях. Папка была толстенная.

- Да я что, да я и не думал жаловаться, – мигом покрывшись холодным потом ответил Гайнулин: «Мне проблемы не нужны. Мне и служить-то осталось всего ничего осталось».

- Вот и правильно, – подвёл итог майор и опять похлопал ладонью по папке: «А чтобы проблем у тебя не было, ты, милоч, вот что...».

- Прошу разрешения, – в кабинет НШ вошёл особист.

- Заходи, Фрол Николаевич, рассказывай...

- Да что рассказывать. Всё нормально. Гайнулин рапорт писать не будет.

- Точно не будет?

- Точнее не бывает, Виктор Алексеевич.

- Ну, спасибо, майор. Прямо камень с души снял.

- Это мы всегда пожалуйста, – он открыл папку: «Я тут Вам, кстати, журнал принёс. «Новый Мир». Там роман Ирвина Шоу «Ночной портье» напечатан...». И он вынул из папки и протянул НШ толстый журнал.

- Вот спасибо, Фрол Николаевич. А то я его нигде найти не могу, а в нашей библиотеке, как его матросы захватили, так и не возвращают.

Таким образом, проблема была решена, но не для Серого. Из-под ареста его отпустили, но в санчасти отлёживаться не дали. Макита ещё не сошёл с ума, чтобы положить в одну палату с Гайнулиным ещё и Серого. Поэтому, нужно было возвращаться в кубрик, а идти туда, ой как не хотелось. И Серый ушёл в сопки. Свернул за котельную, вскарабкался по склону и плюхнулся за валуны на мягкий податливый мох. Лежал и смотрел через, начинающие покрываться осенним золотом, листья карликовых берёзок, на проплывающие по пронзительно синему небу Лапландии облака, подкрашенные низким вечерним солнцем.

- Прячешься? – раздался сбоку ехидный голосок.

Серый встревожено напрягся и повернул голову. Опасности не было. Между двух валунов стоял «вечный салага» Лисукин, в своей старой замызганной робе с пятнами мазута и «дежурным» синяком на скуле, ничем не отличающийся от остальных «салаг» из «БЧ-5».

- Нет, отдыхаю, – ответил Серый, сел и потянул из кармана мятую пачку сигарет.

- Врёшь. Прячешься, – с кривой усмешкой заметил Лисукин. Подошёл, потянулся к пачке и без спроса взяв сигарету, сказал: «Боишься в кубрик идти. Ты придёшь, а тебя – раз! По морде и на «толчки».

- Да ничего я не боюсь! – вспыхнул Серый.

- И опять врёшь. Боишься, – он присел рядом, на корточки и, пыхнув дымком, добавил: «А «годки» страх твой чувствуют и ещё сильнее глумить будут».

Серый задумался и посмотрел в себя. Да, действительно. Где-то в глубине прятался липкий и противный комочек. Но над ним нависала такая дикая злость, рождённая, наверно, тем же страхом, но переросшая его в размерах стократно, так, что малютку - страха и видно-то не было. А Лисукин продолжал: «И как ты не старайся, а будешь, как я, до самого ДМБ главным гальюнщиком». И он захихикал дребезжащим голоском.

- Лисукин, бегом сюда! – раздалось откуда-то снизу, от котельной.

- Бегу, бегу! – подобострастно ответил «вечный салага» и кивнул головой Серому: «Ну, бывай, сменщик...».

Серый смотрел вслед удаляющейся вниз по склону сутулой фигуре и ему было жаль этого озлобленного изломанного человека. Внезапно его рука нащупала что-то твёрдое во мху. «Сменщик? Вот уж хрен тебе!» - подумал он, доставая из-под мха кусок старой и ржавой арматуры. Крутанул его в руке и, засунув за голенище сапога, поднялся. Решительно выдохнул и пошёл в сторону части, стараясь, чтобы его походка выглядела твёрдой и уверенной. Получалось плохо, но он старался.

Кубрик встретил его если не бойкотом, то с явным отчуждением. «Годки» бесились и чуть ли не плевали ему в спину, но руки распускать опасались. «Полтарашникам» такая борзость тоже пришлась не по вкусу. Они хмурились и выискивали способ как бы ущемить этого бешеного «карася», но так чтобы и Устав не нарушить и по башке «баночкой» не схлопотать. Поэтому, Ваня Шафиров быстро нашёл, за что вклеить ему наряд вне очереди и отправил на всю ночь дежурить на коммутаторе. Даже свои братья «караси» не все одобрили его действия. Ткачёв – да. Хлопнул по плечу втихаря: «Молодец, братуха». Андريس тоже шепнул, что «фсё прафильно». Шурка Оробинский исподтишка подмигнул одобряюще, а вот Мишка – нет.

В курилке он попытался втолковать Серому, в чём тот не прав.

- Ты пойми. Всегда так было, что первый год пашешь, а на втором отдыхаешь. А если уважения к «годку» не будет, то, как службу-то править?

- Пахать – это одно. Пахать, я согласен, а вот унижаться я ни перед кем не обязан. Будь он хоть трижды «годок».

Мишка так и не понял.

На выходе из курилки «годок» из автороты попытался дать ему пинка. Серый увернулся и дёрнулся на него. Тут даже до «чабана Махмуда» дошло, что «дурная овца» ещё и кусачая, и он в испуге отскочил. А Серый зашёл в кубрик, демонстративно забрал из тумбочки письма, которые пришли с последней почтой, но, за событиями последних дней, остались непрочитанными, и ушёл в «дырку» на вахту.

Писем за последнюю неделю пришло всего три. А раньше-то побольше приходило. От братана Лёшки, от Галки и от Матвея из «учебки».

Галка делилась восторгами от поездки с родителями в Крым и интересовалась «а можно ли купаться в Баренцевом море»? «Можно», - мысленно ответил ей Серый: «Но только недолго, минут десять. А потом замёрзнешь. Насмерть».

Матвей, с которым Серый особо-то и не дружил, передавал братский привет от всей первой роты и хвастался тем, что он, Федя и Исая уже стармосы, а Сын, так вообще, младший сержант и к ноябрю им обещали ещё по лычке накинуть. Писал, что Стукалов «загодковался» и свалил все свои обязанности на Исая. За что был взгрет, «по самые небалуйся», капитаном Чечулиным, который весь их выпуск вспоминает и курсантам в пример ставит.

Братан Лёха сообщал, что служба его задолбала, потому что дома он теперь бывает нечасто, «всего-то раза два в месяц», на что Серый лишь тяжело вздохнул, а «деды» перед «дембелем» совсем распоясались и «гоняют «карасей» на чистку картошки чуть ли не через день». И тут Серый опять вздохнул: «Ему бы мои проблемы».

Письма закончились. Абоненты тоже, похоже, спать залегли и звонками не беспокоили. Поэтому, Серый отложил письма и задумался. Убогий Лисукин навёл его на мысль, которую требовалось срочно развить.

Примерно через полчаса усиленного шевеления, заостренными от чтения Уставов мозговыми извилинами, мысль оформилась окончательно и полезла наружу. Процесс не болезненный, но довольно рискованный. Есть опасность, что так можно и привыкнуть.

Мысль была следующая: «Если хочешь дожить до ДМБ нормальным человеком, а не опущенным «гальюнщиком», то надо сделать так, чтобы «годки» БОЯЛИСЬ тебя глумить. Тем более, что первый шаг уже сделан. А чтобы не заметили страх, который, как не бодрись, а всё равно в тебе сидит, нужно сделать так, чтобы у них просто не было возможности его усмотреть. Надо борзеть, наглеть и нарываться».

Сказано-сделано и, сняв голландку, Серый достал иголку с ниткой. Затем подумал, и, скинув сапоги, развалился в кресле, закинув ноги на пульт коммутатора. Борзеть так борзеть!

Через некоторое время голландка была «ушита». То есть из мешка с рукавами положенного «салагам» и «карасям», превратилась в нормальную приталенную рубаху – знак гордости и достоинства «годков». Даже «полторашники» не все удостаивались такой чести. В их взводе «ушитыми» ходили Шафиров и Макар, вот Линиус нет. Такое действие со стороны «карася» было равноценно тому, чтобы повесить себе на грудь плакат с крупными буквами: «АТАС, Я БОРЗЕЮ!».

Утром после вахты, когда он, вместо того чтобы завалиться спать, пошёл в зал «физо», где по расписанию должна была состояться очередная тренировка с Коляном, «годки» заметили этот его вызов. Смотрели на него злыми буркалами, но ничего сделать не смогли. А он, нарочито неторопливой, «годковской» походкой шёл и внутренне посмеивался над их бессильной злостью.

- Что припёрся? – неласково спросил его Колян.

- Так тренировка же у нас, – удивился Серый.

- Пусть с тобой теперь «салаги» тренируются. Пошёл вон! – ответил Колян.

Серый пожал плечами: «Ну, что же, это его выбор», развернулся и пошёл к выходу. Уже подойдя к выходу услышал в спину: «Стукач!», и это его взбесило. Он резко развернулся и подошёл к «охотнику».

- Ну, во-первых, я не стукач. Их Салита, как фраеров ушастых на понт взял. А во-вторых, я думал, что ты нормальный мужик, а ты... «годок», - как бы выплюнул он последнее слово.

- Это я думал, что ты мужик, а ты слабаком оказался. Нормальный мужик вытерпел бы всё это, а ты... Думаешь, нашему призыву легче было? Вот, смотри, видишь два пальца кривые. Мне их эти подонки дверью специально сломали, – взвился Колян.

- Ага, и теперь ты решил, что можно быть таким же подонком и глумить «молодняк», чтобы и они знали, как подонками становиться.

- Что ты сказал!? – казалось «охотник» сейчас его ударит.

- Что слышал... - тем не менее ответил он.

Колян не ударил. Колян задумался. Серый молчал. Колян отошёл и простоял ещё пару минут отвернувшись, а потом тихо сказал: «Может быть ты и прав...». А затем, повернувшись к нему лицом, продолжил: «Но я тебе не защитник. Против своих не пойду». «А мне и не надо», - воспрянул духом Серый: «Ты главное учи меня...побольней». Колян усмехнулся. Колян понял. «Ну, тогда на ковёр. Биться будем», - гостеприимно пригласил он. И добавил: «Голландку сними, в «ушитой» драться неудобно будет». Голландка самого Коляна была «ушита» чуть-чуть. «Тема следующая», - объявил он: «Схватка с двумя и более противниками».

А к вечеру его загнали в наряд рассыльным дежурного по части. В наряд следовало заступать в форме «три-повседневная». Во фланелевке и суконных брюках. Это оказалось очень своевременно, потому что, пока он спал, отдыхая перед нарядом, «годки» его голландку «расшили», распоров все те швы, которые делали её уталенной. Появиться в «балахоне» он теперь не мог, опасаясь, что переход на старую форму одежды будет воспринято как отступление. Поэтому, выбрав время в наряде, голландку он «ушил» снова.

В наряде он умаялся вволю, рассыльного ноги кормят, и уснул, едва коснувшись щекой подушки, под которую предусмотрительно спрятал пресловутую голландку. Отбитые почки требовали более частого посещения того заведения, где обычно отрабатываются наряды. Серый встал среди ночи и, сунув ноги в тапочки, обратил внимание на то, что сапоги возле его койки стоят... как-то не так. Сунув руку в сапог, он обнаружил там толчёное стекло. Усмехнулся и пересыпал крошку в сапоги «годков» - всем поровну, чтобы не было обидно. Обидно было бы ему, если бы не заметил подянки и по «подъему» побежал на зарядку в этих сапогах. Стандартная трёх-пяти километровая пробежка в обуви с битым стеклом – это впечатляет!

Когда утром он вернулся с зарядки, «годки» лежали на койках. Расслаблялись. Естественно, одетые и в сапогах. Сопели злобно и сердито, но

молча. А Серый улыбнулся им самой нахальной улыбкой из своего арсенала и пожелал добродушно: «Доброго утра».

Конечно, нельзя сказать, что его совсем оставили в покое. То по отбитым почкам в строю врежут, то подножку подставят. А однажды, он обнаружил свои часы, те которые сменял у отчима, на тумбочке, но уже в разбитом состоянии. Однако, на прямой конфликт не шли. Попробуй-ка врезать ему по морде, если он сразу начинает «баночку» глазами искать. Так что, «годков» просто бесило, когда они видели этого «карася» в «ушитой» робе и с наглой рожей, шагом (!) передвигающегося по части. А для своего призыва, по крайней мере, для большинства, он служил как бы сигналом: «Ему можно, а я что, рыжий что ли?» И некоторые начали следовать его примеру. Борзанул Сосмак из автороты - был бит нещадно и отправлен на склад ГСМ, мазут вручную черпать. А Белый сумел отбиться, тем более, что когда его зажали в автопарке, «годков» было двое, а «карасей» вокруг стояло с десяток. И, хотя, они стояли молча, глаза их горели жаждой крови. Не повезло Вартаняну из роты «охранников». «Годки» его отделали так, что пришлось зашивать разорванную губу. Причём, «весёлый доктор» наложил швы так криво, что матрос остался на всю жизнь с косой улыбкой на лице.

А ещё через несколько дней Ткачёв, сменявший Серого на вахте в четыре утра, предупредил: «Ты поосторожней. Там у «карантина» три чурбана из автороты ошиваются». «Спасибо», - ответил Серый и, переложив арматуру из голенища сапога в рукав, ушёл. Можно было обойти по короткой тропе, через болото, но чего время-то тянуть? Нарываться, так нарываться.

- Колобков, что у Вас творится!? Когда этот бардак закончится!? – разносил командира взвода связи НШ на совещании: «Уймите наконец этого бешеного, пока он мне всю часть не перекалечил! Мало того, что Гайнулин едва от сотрясения мозга оклемался, так ещё сегодня ночью Нурлиеву из автороты руку сломал.

- Может это не он? – попытался откреститься Колобок.

- Он, он. Нурлиев говорит, что «с камень упал», но Макита твёрдо уверен – палкой ударили или чем-то вроде этого.

- Берите пример с командира автороты. Он взял Белого и на две недели в командировку отправил. Глядишь, за это время всё и утрясётся.

- Так, то авторота, а я своего куда отправлю? На «губу» что ли? Так не за что.

- Не знаю, хоть к чёрту на рога, но только чтобы он у тебя в кубрике появлялся и народ баламутил как можно реже.

- Он у меня и так с вахты в наряд, из наряда на вахту...- попытался оправдаться Колобок.

- Разрешите, товарищ капитан второго ранга? – с места поднялся старший лейтенант Невестенко, командир четвёртой диверсионной группы «боевых пловцов».

- Да, старлей.

- Это, случайно, не тот матрос, который на учениях отделение десантников с перепугу перестрелял?

- Да, он.

- А на ОП-5 не он радистом, случайно?

- Он, – подтвердил Колобок.

- Так отдайте его мне.

- В смысле?

- В штат диверсионной группы. У меня сейчас как раз радиста нет. Прапорщик Соловьёв уволился, а нового когда ещё пришлют. А мне такие «бешеные» и

нужны. Думаю, что с нашими выездами и обучением у себя во взводе он будет появляться редко.

- Да Вы с ума сошли, старлей! С Вашей подготовкой он не только руки будет ломать и головы прошибать, он их просто начнёт отрывать и вокруг части разбрасывать.

- Ну, товарищ кавторанга, Вы слишком преувеличиваете наши возможности, – скромно потупил взгляд старлей. «А насчёт дисциплины...», - он слегка помассировал пальцами свой кулак, размером с пивную кружку: «... у меня не забалуешь»

По кабинету пронёсся лёгкий смешок. Глядя на кулак Невестенко, становилось понятно, что свои возможности он явно занижает.

НШ задумался. Шаг был ответственный. Так называемые резервные диверсионные группы, состояли из матросов и сержантов срочной службы, а штатные, которые, собственно, и являлись «боевыми пловцами», только из офицеров и прапорщиков. Назначение матроса срочной службы в штат группы не было чем-то необычным, но требовало согласования с замкомфлота по боевой подготовке. На данный момент из срочной службы в «боевых пловцах» состояли всего четыре человека. Но с другой стороны, постоянные выезды на учения с другими частями, ежедневные занятия по боевой подготовке действительно дадут возможность хоть частично, но разделить Серого со старослужащими и тем сгладить конфликт.

НШ повернулся в сторону Командора, молча сидевшего всё это время во главе стола:

- А Вы что скажете, товарищ командир?

Бачурин покрутил в пальцах остро отточенный карандаш и ответил, как бы подводя итог:

- Колобков, зачислите матроса Серого в резервную диверсионную группу взамен... ну, скажем, Гайнулина. А Вы, Невестенко, через недельку подайте рапорт с просьбой о зачислении его к Вам в штат.

- Под Вашу ответственность, старлей, – вставил НШ.

Так, судьба Серого в очередной раз была решена без его участия.

Если просто обрядить матроса в камуфляж и обозвать его диверсантом, то настоящий диверсант всё равно не получится. Нужно ещё долго учить его многим специфическим особенностям такой службы. Нужны постоянные тренировки. Нужен особый психологический настрой и чувство ответственности. Поэтому, зачисление в группу считалось почётным и допускалось не менее, чем на втором году службы, когда матрос, скинув на «молодняк» свои служебные обязанности, мог более плотно посвятить себя этому делу.

Серый же попал в диверсанты в нежном «карасячьем» возрасте и его служебные обязанности никто не отменял. Таким образом, отстояв наряд рассыльным, а затем, просидев полночи за коммутатором, он отправлялся в зал «физо» на занятия по боевой подготовке, затем на стрельбище, а потом опять на вахту или в наряд. Спасало умение расслабляться и то, что организм, похоже, привык довольствоваться тремя-четырьмя часами сна в сутки. Кроме того, могли сыграть очередную тревогу, и нужно было бежать на ОП-5. А вот теперь ещё добавились выходы в составе диверсионной группы.

Серому поменяли пулемёт на автомат, выдали два комплекта зимнего и один комплект летнего камуфляжа, а так же обули в специальные сапоги – юфтевые, а не кирзовые, с ремнями на голенище и вставленной в переднюю часть подошвы металлической пластиной для увеличения мощности удара. А изнашивать их Серому пришлось уже на учениях.

Тревогу в этот раз объявили сразу после обеда – «выход диверсионной группы на уничтожение автоколонны противника». Большинство части в этой «войне» не участвовали и мирно переваривали то, что успели покинуть себе в утробу. А Серый, с набитым от души брюхом, был вынужден с рацией на спине и в компании ещё пяти таких же обжор, пробежать по сопкам километров десять. Шёл дождь, мелкий и противный, промочивший их насквозь, но они этого не замечали, активно «переставляя костыли» в «быстром марше». Серый задышался, сплёвывая тягучую горькую слюну, старался держать дыхание, но сумел всё-таки не отстать и на место засады вышел вместе со всеми.

В этот раз командовал резервной группой какой-то лейтенант из «боевых пловцов» и Серый обратил внимание, что в отличие от остальных, его комбинезон не клубится паром. Лейтенант быстро расставил их «по номерам» - кому, где лежать и куда стрелять, а потом залёг и сам. Серый передал в эфир кодовый сигнал «прибыл на место» и плюхнулся за валуны вместе с остальными.

Началось ожидание. После пробежки тела начали остывать, а морозящий дождь продолжал обильно смачивать их, и без того мокрые, комбинезоны. Поэтому, уже минут через двадцать, зубы Серого начали пощелкивать от холода. «Замёрзнем на фиг», - подумал он, напрягая мышцы в попытке согреться. Замёрзнуть не успели. Ещё минут через десять показалась колонна. Свои же парни из автороты с сопровождением «охранников», но в данном случае – «условный противник».

«Бабах!», - сказал взрывпакет - «мина» у головного БТРа. Колонна остановилась. «Бабах! Бабах! Бабах!», - подтвердили взрывпакеты - «гранаты» у замыкающего. «Та-та-та!», - сказал пулемёт у головного выскакивающим наружу «охранникам». «Бах! Бах!», - ответили они. Прямо перед Серым остановился тёмно-зелёный борт «Урала», дверь открылась, и из неё попытался выскочить матрос с автоматом. «Бах!», - сказал автомат Серого и «охранник», получив звуковой волной выстрела по ушам, выпал из кабины на землю. «Клац-клац» - подвёл итог затвор. Вывалившийся матрос освободил место в прицеле для сидящего посередине кабины прапорщика. «Бах!» - сказал автомат. «Клац-клац» - подтвердил затвор и прапор, схватившись за уши, согнулся, а в прицеле появился матрос-водитель, судорожно дёргающий ручку водительской двери. «Бах!» - поставил точку этим попыткам автомат. И наступила тишина.

- Это что, всё что ли? – удивлённо спросил Серый у автомата: «Тоже мне, «война»... Пятнадцать секунд, и нет колонны». Автомат ехидно промолчал, как бы намекая на то, что бывает и по-другому. А не так как сейчас – « двадцать четыре – двенадцать, раздел двести ноль» или « колонна уничтожена, потерь нет».

- Ну, ты, придурок, – к Серому, потирая уши, подошёл «охранник», которого он снял первым: «Я те за такую стрельбу в другой раз башку отверну! Над головой стреляй, урод, а то без ушей останемся».

В часть они возвращались на той же, «уничтоженной» колонне. Серый пересчитал «сэкономленные» холостые патроны. Двадцать семь штук. Нормальненько. Будет чем в следующий раз развлечься. Такая служба ему начинала нравиться.

Тихое противостояние с «годками» продолжалось, но внезапно его как-то сгладило другое ЧП, в котором Серому, благодаря его особым способностям искать и, главное, находить, приключения на свою «пятую точку», довелось принять участие.

Осенью в Лапландии все места, на которых есть хоть немного земли, покрыты черникой и морошкой. Не воспользоваться такими запасами пропадающих витаминов командование части просто не могло.

И поэтому, каждый год, выбрав хорошую погоду, когда дождь не льёт и ветер сносит гнус и мошку, объявляло «День ягод». В этот день вся часть, и даже многие офицеры и прапорщики, вооружившись «обрезами», отправлялись на ближайшие болота собирать урожай. Потом, эти ягоды, на камбузе засыпали сахаром и отправляли на ледник продсклада до зимы, чтобы в самые лютые морозы порадовать личный состав витаминными киселями и компотами.

Этот общий выход на природу служил, как бы днём отдыха для всей части. Возможность побродить по мягкому мху в своё удовольствие, собирая крупные спелые ягоды в «обрез», а частично и прямо в рот, радовало не только «молодняк», но и старослужащих. Но в этот раз их радужное настроение было омрачено.

Связисты и рота «охотников» занимались сбором урожая в Долине Славы, которая носила это гордое название потому, что в Великую Отечественную здесь уничтожили батальон фашистов. Отсекли пулемётным огнём и загнали на минные поля, а потом ещё и авиацией проутюжили. Полегли все, до последнего человека и до сих пор в этой долине можно было найти гильзы от немецких автоматов, а если очень повезёт, то кости или простреленную и проржавевшую каску, над которыми густо, почти сплошным ковром росла черника. Собирая её, они разбрелись, наслаждаясь покоем и совсем не думая о войне. Но война напомнила о себе сама.

Под идущим метрах в двадцати впереди Серого матросом, вдруг начала вспучиваться земля. Непонятно почему, но время, для Серого, как будто замедлило свой бег. Это парадоксальное явление происходило с ним и потом, выручая его в критические моменты, но сейчас это было впервые. Слово в замедленном кино, он видел, как растёт и набухает под ногами матроса чёрный шар с огненными прожилками. Как он начинает тянуться вверх и в стороны, выбрасывая такие же чёрно-красные щупальца. Он не успел ничего подумать или понять, как какой-то скрытый до сих пор инстинкт бросил его на землю, причём не просто так, а за ближайший торчащий из земли камень, так что грохот взрыва и ударная волна застали его уже в укрытии.

Потом время опять вернулось к своему нормальному ходу, и он услышал крики, дикий вой боли и почувствовал какое-то неудобство в левой руке. «Неудобство» состояло в маленьком куске металла, размером примерно два на три сантиметра, торчавшем из его левого запястья, чуть выше кистевого сустава. Странно, но боли он не чувствовал. Не было и крови. Так, несколько капель. Просто рука до самого плеча онемела, стала тяжёлой и горячей. Видимо, осколок попал на излёте или, скорей всего, после рикошета, поэтому не оторвал руку, а просто воткнулся и застрял в кости. Он попытался вытащить его пальцами, но острая боль пронзила руку. Отпустил пальцы, и боль пропала. Плюнув на это дело – «не болит и ладно» - он бросился к месту взрыва.

Потом они, как в каком-то кошмарном бреду, относили к грузовику парня с оторванной по колено ногой, бинтовали Вепсу плечо своими тельняшками и собирали по кустам то, что осталось от наступившего на мину. Кто-то рыдал, кого-то рвало, но Серый словно отключился и ушёл в себя. Представляя, что всё это происходит не с ним, а с кем-то другим, он продолжал действовать автоматически, словно робот.

О своей руке он вспомнил уже в части и пошёл к Маките. Старлей был занят с тяжелораненым и метался из своего кабинета в операционную, как

теннисный мячик на корте. Увидев Серого, на бегу спросил: «Тебе чего? Некогда. Сиди и жди». Серый сел на стул в коридоре и стал ждать. Руку пекло уже нестерпимо. Он засучил рукав. Кровь из-под осколка даже не сочилась, но пальцы, несмотря на жар, были холодными как лёд и синими.

Минут через тридцать, когда у него уже начала кружиться голова, подошёл старлей. Получив несколько уколов, раненый перестал кричать, отключился и он решил заняться следующим пациентом.

- Что у тебя? – устало, спросил он.

- Вот, – показал Серый, поддерживая за локоть непослушную руку.

- Час от часу не легче, – простонал старлей: «Быстро в операционную». Там он более внимательно осмотрел руку и достал какой-то инструмент, по виду больше всего напоминающий пассатижи.

- По локоть резать будем? – попытался шутить Серый, но обычно весёлый старлей, шутливый тон не поддержал.

- Может и по локоть... Нерв задет и сухожилия, – серьёзно буркнул он себе под нос.

Серый испугался, а старлей посмотрел в его глаза и спросил: «Укольчик сделать?»

- Да вроде не болит, – ответил Серый: «Потерплю».

- Ну, тогда терпи, матрос, – и он поудобнее перехватил свой мясницкий инструмент.

Макита извлёк осколок, как рвут больной зуб. Рывком. Хлынула кровь, острая боль пронзила Серого до самого копчика и он заорал. «Терпи, терпи», – успокаивающе приговаривал медик, бинтуя ему запястье: «Жить будешь, рука цела, но «Лунную сонату» на рояле больше не сыграешь».

- Да я и не умею... на рояле, – заметил Серый, отходя от боли.

- Ну, тем более хорошо, – перешёл на свой любимы ироничный тон старлей: «Раньше не умел, а теперь и не сможешь».

- Что так? – спросил Серый.

- Да так. Накурочила тебе эта железка. На, кстати, держи на память. От души накурочила. Дня через три посмотрим, а пока постарайся кистью даже не шевелить».

Через три дня посмотрели. Старлей ошибся. Кисть работала, пальцы шевелились. А осколок Серый просверлил и на нитке на шею повесил. Сувенир, же...

- Бей! Ещё бей! Ещё! – надрывался прапорщик Потехин, которому Невестенко поручил натаскивать Серого. «Плохо бьёшь», – подвёл он итог: «Смотри как надо». С коротким «хеканьем» прапор всадил свою «кувалду» в покрышку от «Урала», подвешенную к балке потолка на стальном тросе. Здоровенная покрышка резво отлетела в сторону.

Серый покачал головой. От его ударов она только нагло покачивалась. Конечно, покрышку тоже можно понять. Разница в габаритах Серого и мордворота прапорщика была очень даже заметна, но надо ведь и совесть иметь, тем более, что левая рука ещё побаливает.

- Видал? – тем временем начал пояснять Потехин: «Дело в том, что ты бьёшь не туда».

- Как не туда? – удивился Серый. Вроде бы мимо покрышки не бил.

- Бить нужно не по цели, а внутрь её. К примеру, если бьёшь в грудь, то целиться нужно в позвоночник, так, чтобы удар твой не в грудину попал, а сквозь неё прошёл и до хребта дотянулся. Понял? Бей!

И Серый лупцевал проклятую покрышку не жалея кулаков.

Обучение в группе «боевых пловцов» оказалось очень интересным. Кроме тупой долбёжки по несчастной «ураловской» крышке, нужно было научиться бегать долго и быстро, не задыхаясь и не теряя сил, ориентироваться на местности, стрелять из всех видов оружия и из любого положения, нырять с аквалангом и без него, десантироваться через торпедные аппараты или специальные шлюзы и даже «изучать оружие потенциального противника и его язык». Предложили на выбор английский или норвежский. Норвегия-то, вот она, рядом. До границы километров двести, не больше. Но какой она, к чёрту, противник. Маленькая мирная страна. Однако старлей объяснил, что в маленькой и мирной стране, у каждого военнообязанного в доме хранится форма и оружие. Достаточно сигнала о мобилизации, полученного по радио или по телевизору, и уже через пятнадцать минут резервист будет на месте сбора одетым, вооруженным и готовым к бою. А Серый всё-таки не поверил в агрессивные замыслы маленького члена НАТО и выбрал английский.

Были у него в обучении свои успехи, были и проколы. Полосу препятствий лёгкий и ловкий Серый проскакивал так, что Невестенко только хмыкал довольно, а вот с ножом не заладилось. Так-то ножом он махал вполне прилично и втыкал его в «противника» куда нужно, а вот бросить в цель, ну никак не получалось. «Тебе только лопату метать», - как-то в сердцах бросил старлей. Серый подумал... и заточил сапёрную лопатку. Дело сразу пошло.

«Годки» его особо не трогали, а сам он специально не нарывался, безропотно отправляясь в наряд или на вахту и показывая злобный оскал лишь, когда считал, что с него требуют сверх служебных обязанностей. Но, зато, в других подразделениях всё больше и больше «карасей» отвоёвывало себе право жить по-человечески. В соседней автороте всё-таки сумел отбиться настырный Сосмак, а затем к нему и Белому присоединился Тимоха. Сильный удар по «годковщине» был нанесён, когда из командировки вернулись «караси», посланные на уборочную.

Страна у нас такая. Спокойно мы жить не можем. Обязательно нам нужно с кем-то воевать или за что-то бороться. И если нет врагов внешних, не беда, проблемы мы себе всегда найдём. То воюем с неграмотностью, то боремся с голодом, то «врагов народа» мордуем, то ещё каких-нибудь сепаратистов. Поэтому, неудивительно, что самая мирная ежегодная работа у нас называется «битва за урожай». А что за «битва» без военных? Вот и едут каждый год солдатики и матросики в совхозики и колхозики, чтобы хоть как-то отплатить стране за те «хлебо-булочные» поля гильз на стрельбище «полставосьмой», да и других частей тоже.

В середине сентября, с первым снегом, вернулись с уборочной страды и матросы из их части. «Старики», после тяжёлых трудов по употреблению колхозного самогона, продаже бензина «налево» и траханья местных доярок, конечно же, завалились по койкам отдыхать и копить силы к грядущему ДМБ. А «карасей», как положено, для профилактики, загнали «на толчки». Но «молодняк», совсем отбившийся от рук за время командировки, возьми и покажи зубы. Обычно, им эти зубы выбивали, морды нахальные чистили и дальше глумили, но в этот раз осечка вышла.

«Осечкой» оказался чеченец Магомед по фамилии Балаев, который охотно откликался на русское имя Миша. Здоровенный бугай, чьи природные мышцы не уступали по размерам накачанным мышцам Ткачёва, да ещё на полголовы выше его. Родом он был из Грозного и прекрасно говорил по-русски, но корчил из себя дикого горца, рассказывая:

- Мине старейшина тейпа говорит: «За солью сходи». Я с гор спустился, а тут военные: «Пойдём...» - гаварят: «...в армию. Будем Родина защищать». «Хорошо» - гаварю: «Родина защищать нада, только автомат мне свой взять или там дадут?».

Вот этот-то горец-юморист, в наступившей общей драке, так метелил «годков», что те сами дежурного по части вызвали. Мишу отвезли на «губу» и «годки» стали с ужасом ждать его возвращения. Миша вернулся, но никого не «зарезал», а просто стал спокойно и невозмутимо тянуть службу. Тронуть его боялись, даже «молодняк» гоняли, пока его в роте нет. А ещё через неделю вышел приказ.

Глава IV «ПОЛТОРАШНИК»

Приказ Министра обороны о призыве и об увольнении в запас зачитали. И теперь Серый, да и весь его призыв могли гордо именовать себя «полторашниками», но пока не «сыграли ДМБ» бывшие «годки», а ныне «гражданские» или «дембеля», в их положении мало что изменилось. Те же вахты, наряды и приборки. А Ткачёва и Тейванса, кроме того, записали в резервные диверсионные группы, взамен Молдавана и Шафирова. Впрочем, оба ничуть не расстроились. Андрис и так считался лучшим «рысаком» части и побегать любил, а Ткачёв наконец-то добрался до своего любимого «железа» в зале «физо», куда его «по молодости лет» раньше не допускали. Теперь он просто дорвался, и с ожесточением «качал» штангу, блестя потом и демонстрируя свою могучую мускулатуру всем желающим. А в кубрике жаловался друзьям: «Совсем я плохой стал. Трицепс не тот и дельтовидные подкачать надо...». Серый сравнивал своё сухое и поджарое тело с могучим торсом Ткачёва и не мог понять, чем этот кабан так недоволен. Сам бы он от таких бицепсов-трицепсов не отказался.

К зиме в подразделениях выдали «спецпошивы». Ими оказались те самые чёрные ватники с меховым воротником, в которых ходила половина части, снимая их только летом, то есть на пару недель в июле. При ближайшем рассмотрении, этот ватник оказался многослойным со специальными клапанами и манжетами, защищающими от ветра. В комплекте к куртке выдавались такие же штаны. По словам Макара, в «спеце» можно было спать на снегу, не рискуя замёрзнуть.

Утром Серый обнаружил на своём «спецпошиве» второго срока аккуратный разрез на спине. Он обернулся. В койках лежали «гражданские» и, злорадно улыбаясь, смотрели на него. Ни слова не говоря, он снял с крючка **новый** «спец» Молдавана, накинул на плечи, а на его место повесил свой, испорченный. «Эй, ты чего!? Положь на место» - вскинулся «гражданский», а Серый с наглой улыбкой, как бы предупреждая, придвинул к себе носком сапога ближайшую «баночку», а затем развернулся и вышел из кубрика. Догонять его не стали, себе дорожке. Молдаван поступил проще. Отнял «спец» у «карася» Лютковского. Жаль, конечно, «молодого», но что поделать – так получилось...

С наступлением холодов наступило и время «сдачи задач». Резервные диверсионные группы должны были подтвердить своё право носить это название, а остальные своё умение их ловить и охранять от них порученные

им объекты. Причём это касалось и других разбросанных по сказочной Лапландии объектов, охраняемых другими частями, чью боеготовность замкомфлота по боевой подготовке проверял при помощи своей любимой части. Так что «воевать» стали много и часто, иногда появляясь в части только для того, чтобы поесть горячего, сменить провонявшее потом бельё, и опять уехать «громить» очередной объект или колонну. Но, не всегда эти их агрессивные планы удавалось воплотить в жизнь. Случалось, попадали в засаду, бывало, что их громили «контрдиверсанты», а у некоторых частей оборона была построена так мощно, что, хоть лбом бейся, а всё равно не пройдёшь.

Серому приходилось бегать и с РДГ, и с «боевыми пловцами», которых отправляли для проверки особо важных или особо засекреченных объектов. И тут уже сдающим «задачу» приходилось несладко. Командир одной из таких частей, после того как «орлы» Невестенко трижды «уничтожили» его часть, проникся и пораскинув мозговой извилиной, с ящиком коньяка нашёл старлея. Такой убедительный довод смягчил жестокое сердце командира группы и перед очередным нападением на этот объект он сказал своим: «Ладно, орлы, часа два «воюем», а потом сдаёмся...». «Орлы», с которыми старлей поделился коньяком, с решением командира охотно согласились.

Согласился и Серый, хотя и коньяка ему не досталось, и мнения его никто не спрашивал. Единственный матрос в группе, состоящей из офицеров и прапорщиков, к тому же самый мелкий. К нему и обращались иногда: «Эй, малыш...», что для Серого было непривычно, но в данном случае, вполне допустимо. Рядом с этими мордоротами под два метра ростом, которых обходить далеко, а перепрыгнуть просто невозможно, он действительно смотрелся малышом.

Выяснилась и хорошая сторона его службы. На прапорщицкой должности, которую он теперь занимал, его «зарплата» поднялась до немыслимых высот и составила целых 25 рублей в месяц. По той же причине, ему могли теперь навешать лычек на погон, сколько влезет, аж до старшего сержанта, а то и старшины. «Четвертному» в месяц меркантильный Серый обрадовался, а вот к лычкам остался равнодушен. Это пусть Омеля считает, что «счастье не в лычках, а в их количестве», а у него лозунг другой «чистый погон – чистая совесть».

В октябре, когда снег уже плотно укрыл промороженную землю, а полярная ночь всё больше теснила полярный день, оставляя ему лишь три-четыре часа мрачных сумерек, диверсантам и «охотникам» пришла пора сдавать «задачу на выживание».

Делалось это очень просто. Группу в полном боевом (!) снаряжении, но всего лишь с суточным рационом сухого пайка, вывезли в сопки и приказали «выживать» неделю. А чтобы от скуки не разбаловались, каждый день прибегал на лыжах кто-то из офицеров и прямо в снегу, посреди сугробов, проводил занятия по боевой и политической подготовке. Ну, боевой-то понятно – тут хоть погреться можно. А политическая-то зачем? Наверно, для поддержания боевого духа на должном уровне. К ночи учителя уходили, возвращаясь к тёплым жёнам, домашним очагам и ужину, а группа оставалась ночевать на природе.

«Курорт», - язвил неугомонный Серый: «Воздух свежий, вместо пляжа снежок белый да рассыпчатый. Кто хочет, может позагорать... под северным сиянием. Диета, опять же, так сказать, облегчённая». Диета состояла в поедании коры несчастных карликовых ёлок и выкапывании из-под снега сохранившихся с осени ягод черники и морошки. Конечно, за семь дней с голода не сдохнешь,

но желудки подвело капитально, не хуже чем в «учебке». Вся надежда была на удачную охоту. «Вот вылезет на нас олешка или мишка, завалим мы его дружно из АКМов – тогда наедемся», - мечтали они. Вылез не мишка, вылезла росомаха. Стрелять её не стали. Во-первых, просто зверь красивый, а во-вторых, хищник, а значит, мясо вонючее и несъедобное. Росомаха, кстати, тоже ими побрезговала: «Худые, да и пахнут неаппетитно. Ну, их...». Фыркнула и ушла.

На четвёртый день брюхо подвело так, что казалось, и росомаху съели бы, но хитрая кошка больше не приходила. А если нет кошки, то жди, появятся мышки. И точно появились. Глупый лемминг влез на сугроб и, с видом вражеского разведчика, заинтересовался: «А чего это вы тут делаете?». Фархат происки эти пресёк на корню. Снял одиночным выстрелом вражеского лазутчика. Попал точно, так что лапки и голова несчастного грызуна разлетелись в разные стороны. «У-у, баран персидский», - набросилась на него братва: «Кто ж тебя так стрелять учил? В голову нужно целиться, тогда тушка сохранится, а в ней самое мясо». Следующему леммингу досталось в голову. Правда, мяса в той тушке было домашней мурке на обед, ну так и лемминг не последний. Серый мышку есть не стал – что он кошка, что ли? Объявил себя вегетарианцем и продолжал трескать еловую кору и выкапывать из-под снега морошку. Ну, чисто олень...

С ночёвкой вопрос тоже решался легко. Выкопали «братскую могилу», легли в неё плечом к плечу, а «дневальный по сопкам» их сверху снегом присыпал. Они под снегом пригрелись и засопели, только пар от дыхания через дырочки в снегу наружу выходит. А «дневальные» посменно всю ночь вокруг них кругами ходят и следят бдительно. Если чья-то дырка плохо парит, то этого засоню нужно срочно пинками поднимать и заставлять вокруг лежбища бегать. Отогреется и пусть дальше спать ложится. *Баю-баюшки-баю, над сугробом я стою. Баю-баюшки-бай-бай, спи, матросик засыпай...*

Нормальный такой, заполярный курорт. Отдохнули, расслабились, а то, что шкура у обмороженных ключьями полезла – это так, мелочи.

И ещё один вопрос не давал покоя неугомонному Серому. «Командир», - спросил он у Невестенко: «А где, ежели что, воевать придётся?». «Африка и Аравия», - не стал скрывать старлей. Серый мысленно сравнил здешние природные условия с Африкой и озадачился: «Блин, и где же мы в Сахаре леммингов найдём?».

К концу октября почти все основные объекты «задачи» сдали, и, как завершающий аккорд, замкомфлота решил провести показательные учения. Силы всех четырёх резервных групп должны были атаковать и уничтожить военный аэродром, самый крупный в Лапландии.

В этот день, тёмный как ночь, их высадили довольно далеко от объекта атаки. Это говорило о том, что, наверняка, впереди ждут и засады, и ловушки, но приказ был получен и, пробиваясь сквозь начинающуюся метель, группы двинулись вперёд, сливаясь в своих белых комбинезонах с такой же белой круговертью снега.

Первой нарвалась на засаду вторая группа, где был Тейванс. Справа раздалась стрельба и Серый услышал в эфире голос Андриса: «Я «Виразж-2», семь-один, раздел три-два». «Попал в засаду. Группа расходится и действует поодиночке». Это была обычная тактика диверсантов. Попав в западню и не имея сил пробиться с боем, разбежаться по сопкам как тараканы и уже мелкими группами или поодиночке пытаться выполнить задание или, хотя бы, «прихватить на тот свет» как можно больше «врагов» - посредники это при разборе учений зачтут.

Невестенко, в этот раз, лично возглавивший группу, начал уводить их в сторону стрельбы, надеясь под шумок проскочить мимо поисковых групп. Не помогло. Со склона сопки, из ДОТа, ударил пулемёт, и посредник сразу же вычеркнул из списков группы троих. До ДОТа было метров сто открытой площадки, взять его никакой возможности и старлей приказал: «Расходимся».

Серый прокричал в эфир: «...семь-один, раздел три-два», нырнул за валун и пополз к ближайшим кустам, надеясь уйти под их прикрытием. Уйти удалось. Белый вальс лапландских снежинок надёжно укрыл его от чужих глаз и он начал пробираться в ту сторону, где за сопками светили прожектора периметра охраны аэродрома.

Снежные заряды били в лицо, но он упорно продвигался вперёд, прижимаясь к склонам сопки, прячась за низкорослыми деревцами и продираясь между валунов. Пока ему везло. Он шёл, стараясь держать дыхание, и в такт вдохам и выдохам в голове сами собой начинали складываться строки:

*Два года – вынь да положь.
Бушлат перетянут ремнём.
Ты в мире спокойно живёшь,
Потому что тельняшка на нём.*

Под этот немудрёный ритм, казалось, и идти стало легче, и лыжи стали меньше проваливаться, и метель залепляла глаза не так сильно. Серый замер. Мимо него по склону скользила цепочка фигур в маскхалатах. «Охотники» выслеживают свою добычу. Серый затаился, вжался в снег, и даже, отвлёк глаза, стараясь думать о чём-то спокойном и отвлечённом, как учил старлей Невестенко. Опять повезло. Дозор прошёл буквально в десяти метрах, не заметив его. Когда белые фигуры растаяли в такой же белой пелене, он встал и двинулся дальше под тот же немудрёный ритм:

*Тяжёлая ноша матроса
Автомат и подсумок – вес.
Кругом ледяные торосы
И в ветры вселился бес...*

Стоп! Справа к валунам прижалась белая тень. Спасибо ночному зрению – успел первым заметить. Но тень одна, и прячется, так же как и он – значит, кто-то из своих. Серый пригляделся повнимательней – вместо маскхалата комбинезон, приклад и магазин автомата обмотаны бинтом для маскировки. Точно свой. Тень пошевелилась, за её спиной он увидел «горб» радиостанции и тихо позвал: «Андрис». Тень дёрнулась, вскинула автомат, но не выстрелила, а только спросила: «Кто?». «Серый», - и он вышел из своего укрытия.

Встреча двух «ёжиков в буране» прошла в тёплой и дружественной обстановке, но по сокращённому протоколу. Хлопнули друг друга по плечу и одновременно спросили друг друга: «Патроны есть?» Оказалось, что патроны есть. Полмагазина у Тейванса и три полных, стрелять-то пока не пришлось, у Серого. Поделили поровну и двинулись дальше. Первым пошёл Серый, который в темноте видел как кошка, и это дважды спасло их, заставив вжаться в снег, пока мимо проходили поисковые патрули.

Но, тем не менее, в этой белой круговерти они ухитрились заблудиться. Как назло, стихли выстрелы, по которым можно сориентироваться, а прожектора аэродрома погасли. Теперь они брели не торопясь, пытаясь найти в окружающем их пейзаже хоть что-то, что скажет о том, куда их занесла нелёгкая. Обычная заполярная местность. Сопки да снег, снег да сопки. А за сопку зайдёшь и там тоже самое. Хотя, нет... Вон слева из снега что-то торчит. Серый присмотрелся. Похоже на ДОТ. Залегли и поползли. Если ДОТ, то можно взять «языка» и задать ему дежурный вопрос: «Вы не скажете, как пройти в

библиотеку?». Но ДОТ может оказаться пустым, а может наоборот – боевым, не участвующим в учениях.

Аккуратно подползли метров на пять и прислушались. В ДОТе тишина. Серый даже шапку снял, чтобы лучше слышать, но метель завывала так, что было слышно только её. Однако какой-то звук он всё-таки поймал. Какой? Непонятно, но в ДОТе явно кто-то был. И тут до Серого дошло. Это же храп! Приглушённый меховым воротником «спецпошива», здоровый храп, крепко спящего на боевом посту, матроса. «Прикрой», - кивнул он Андрису и нырнул в дверной проём ДОТа.

Упал на что-то мягкое, на ощупь определил, где у этого мягкого голова, где руки, и попытался взять эти самые руки на болевой приём – начал «ласты крутить». Вдруг, сзади раздался выстрел, вспышка на миг осветила внутренности ДОТа и что-то ударило его между лопаток, да так, что он рухнул на своего противника. «А может ДОТ всё-таки боевой?» - мелькнула коварная мысль, и от страха его мочевого пузыря собрался опорожниться. О том же подумывала и прямая кишка. Серый пошевелил плечами. Боли не было. «Значит жив», - сказал он сам себе, успокаивая и кишку, и пузырь.

«Сука!» - раздался сзади вопль Тейванса, затем звук удара и ещё несколько слов по-латышски. «Серый, ты жиф?» - бросился к нему Андрис. «Ага», - ответил тот, продолжая «закручивать ласты». «Уф, а я решил, што мы на боевой ДОТ нарфались, чуть не обосрался...» - с облегчением произнёс Тейванс. «Я тоже», - сознался Серый: «Когда этот мне промеж лопаток пульнул».

«Этот» лежал тихо, переваривая убедительный довод в виде сапога Тейванса попавшего ему по уху. Зато второй засоня смотрел круглыми глазами и тряс челюстью: «В-вы кто?»

- Чё, не видишь, японские парашютисты. Давай, колись, в какой стороне ваша часть. Нам её надо по быстренькому разбабахать, – объяснил Серый.

- Некогда нам. Дефчонки ждут, – добавил Андрис.

То, что девчонки их ждут давно, и ждать им придётся ещё столько же, он не стал говорить. «Пленный» и так проникся важностью ситуации. И дорогу указал, и удачи пожелал, а они, неблагодарные, на прощанье его огорчили.

- Кстати, не забудь, что мы тебя убили, – сказал Серый.

- Горло тепе перерезали, – добавил кровожадный латыш.

Скоро впереди и слева опять раздалась выстрелы и Андрис, который свою рацию не выключал, сообщил: «Первая группа прорвалась. Вышли к КПП».

Тернистый путь вывел их к невысокой гряде, за которой, внизу лежала дорога. Сразу за дорогой протекал ручей, а за ним, после, примерно километровой нагромождения каменных обломков, виднелись сквозь пургу огоньки вожделенного КПП. Они залегли метрах в десяти над дорогой и стали наблюдать. Возле объекта было тихо и лишь сзади, за метелью возникали короткие перестрелки. Разбежавшиеся диверсанты оттягивали на себя поисковые группы, давая возможность последней, третьей группе пройти к объекту.

- По дороге не пройдем, – заметил Тейванс: «Там патрулей должно быть до шёрта».

- Ага, – согласился Серый: «Придётся через эти каменюки продираться. Наверняка, их считают непроходимыми».

- Но мы-то пройдем, – с нахальной уверенностью заявил Андрис.

- А через ручей как перебраться? – задумался Серый.

Бурный ручей, похоже, замерзал только в самые лютые морозы, но до них дело ещё не дошло, и пока он бился и сопротивлялся, покрываясь коркой льда у берега. Причём, брызги воды попадали на лёд и замерзали таким причудливым образом, что образовывали над водой полупрозрачные арки.

Они проползли вдоль дороги метров пятьдесят, пока не нашли место, где гордый ручей сужается и арки с двух берегов смыкаются над ним, запирая его в туннель.

- Перескочим? – предложил Андрис.

- Лёд тонкий, может не выдержать.

- А мы по быстрому. Разбегаешься, падаешь на лыжи, и как на санках...

- Хм, может так и получится.

- Тогда, я перфый, а ты прикрой. Переберусь, прикрою, и ты пойдёшь.

- Хорошо.

Тейванс снял широкие лыжи-снегоступы, закинул автомат за спину и приготовился, взяв в каждую руку по лыже.

- Андрис, - неожиданно для самого себя тихо сказал Серый: «Слышь, я стихи написал...».

- Да? – повернулся тот: «Ну, тогда почитай».

Под завывание метели и аккомпанемент далёких выстрелов Серый начал читать. Почему-то строки намертво врезались в память и он ни разу не сбившись, прочитал те два четверостишия и закончил третьим:

*А дома из женщин верной
Осталась лишь старая мать.
Друзья позабыли, наверно,
И перестали ждать.*

- Корошо сказал, – оценил Андрис: «Ферно. Особенно про «...кругом летяные торосы и ф фетер фселился бес..» Ну, я пошёл». И вскочив, он бросился вниз.

Разогнавшись на склоне, проскочил дорогу, упал на лыжи и полетел к ручью.

Лёд, действительно, оказался ещё не подготовлен к такому способу преодоления водных препятствий и, алчно хрустнув, провалился под весом латышского камикадзе. Тейванс исчез в проломе. Серый вскочил и бросился вниз, прикидывая, успеет ли он вытащить товарища, но Андрис вылез сам. Ручей оказался глубиной по колено, а воздушная прослойка между водой и льдом не дала Тейвансу захлебнуться. Промок, конечно, насквозь, и лыжи потерял, но живой и здоровый, ломая прикладом лёд, выбрался на берег.

Минус десять – это по московским маркам мороз, а здесь... так себе... прохладно. Но, абсолютно мокрый человек и на таком морозе больше пятнадцати минут не протянет. Пробежать за это время те полтора-два километра, которые делает дорога, огибая площадку с каменными осколками, они явно не успеют. Поэтому, Серый рванул с себя прожженный на спине камуфляж, расстегнул и скинул с себя «спецпошив», крикнув Тейвансу: «Раздевайся!». Тот сообразил и, клацая зубами, начал срывать с себя мокрую одежду, на глазах покрывающуюся льдом.

Так они и переоделись прямо на морозе, поделив оставшуюся сухой одежду поровну. Тейвансу – шапка, «спецпошив» и ватные штаны на голое тело, а Серый остался в одной робе с обмотанным вокруг головы, наподобие чалмы, камуфляжем. «А теперь – бегом!». И они побежали. Побежали прямо по дороге, не скрываясь и не прячась, с автоматами наперевес и твёрдым желанием не останавливаться, даже если на пути возникнет сам министр Оборон. И плевать им на посты и засады, теперь главное - это добежать до тёплого помещения КПП. И желательно, не дав дуба.

Сидевшие в зале ожидания КПП ребята из первой группы и посредники, уже закончившие свою «войну», были просто ошарашены, когда снаружи раздались суматошные выстрелы, а затем, дверь распахнулась и внутрь, в клубах пара, ворвались двое, с автоматами в руках. Один босиком, но в «спецпошиве» на голое тело. А второй в сапогах, но в одной робе.

И, главное, ведь никто не заболел. Даже насморка не было.

Так, к Серому потихоньку начали возвращаться способности, забытые за последние месяцы. А главное, вернулось желание эти способности применять. На вахте начал рисовать шаржи на друзей и просто картинки на тему их жизни. Заступая рассыльным, начал заполнять «Журнал приёма и сдачи вахт» чётким каллиграфическим почерком, периодически стилизуя его, то под арабскую вязь, то под готический шрифт, то под славянскую кириллицу. Бывшие «годки» начали кусать локти. Ещё бы, такой ценный специалист под боком скрывался, а они едут домой с «дембельскими альбомами», украшенными дебильными изображениями русалок (неутолённая сексуальная тоска), росомах (символ воинской части) и белых медведей (тотем окружающей местности, которых, кстати, в ближайших окрестностях и не водилось...). Тем более что украшать альбомы рисунками нужно было ещё и по той причине, что фотографирование в части было запрещено категорически. Майор Салита охотился за подпольными фотоаппаратами активней, чем голодный сибирский кот за мышами. Фотографий было мало, качество снимков плохое, и тут очень быгодились пейзажи лапландских красот, которые рисовал Серый. Месяца три-четыре назад ещё можно было заставить «карася» нарисовать что-нибудь в альбом, а уж «полторашника» никак.

Рисовал он теперь только по собственной воле, и они с завистью смотрели на альбомы «охотников» Коляна и Славки, которых Серый счёл «достойными» для оказания такой «честь». Даже когда Гайнулину приспичило сделать на плече татуировку, то ему пришлось обратиться к Колян, и тот уговорил Серого сделать рисунок.

«Кольщиком» стал «карась» родившийся и выросший где-то в посёлке на Беломоро-Балтийском канале, который с молоком матери впитал умение пользоваться иглой и тушью. Кроме того, он умело подрезал кожу осколком бритвы и втирал в надрез тушь, делая линии более ровными и изящными. Серому нужно было только нанести рисунок шариковой авторучкой, а всё остальное – дело мастера. Ну, Серый и развернулся. Увлёкся так, что даже забыл, на чьём плече рисует. «Шедевр» вышел на славу – дельфин, резвящийся на фоне якоря с силуэтом подводной лодки, расположились на «розе ветров» совмещённой с изображением земного шара. Над всем этим, ленточка от бескозырки с надписью «Северный флот» плавно переходящая во всполохи северного сияния. А внизу, белый медведь и россомаха на ледяных торосах образующих надпись «Североморск – 7». Остальные «дембеля» ходили и ахали, а Колян даже пожалел, что не успеет сделать такое «чудо» себе – он уезжал в первую партию.

Перед отъездом он проставлялся перед своими, но Серого не позвал, а встретился с ним в зале «физо».

- На, – протянул он Серому свёрток, обёрнутый газетой: «Владей».

Серый развернул газету. На его ладони лежал Колянов учебно-боевой нож – «имитатор» в потёртых кожаных ножнах. Штатным оружием он не являлся, просто на учениях и занятиях пользовались не боевыми, а учебными, такими как этот – из хорошей стали, но абсолютно тупыми. Боевыми на тренировках пользовались только «пловцы», вероятно из профессионального гонора.

Клинок этого самого «имитатора» не раз молнией мелькал перед Серым, но случалось ему и улететь в сторону от удачного приёма, а иногда доводилось и достаточно болезненно воткнуться под ребро.

- Спасибо, Колян, – растрогано поблагодарил Серый.

- Это не просто нож, – добавил бывший «охотник»: «Это «имитатор» Шевцова».

В части, для поддержания энтузиазма и профессиональной гордости, командованием культивировалось сохранение и распространение своего рода «легенд». Рассказывали, что «охотник» такой-то в одиночку перебил группу диверсантов, а диверсант такой-то пробрался в штаб части и «уничтожил» офицера руководившего обороной, что кто-то когда-то смог проникнуть к знамени части и оставил на стекле свой автограф... Много таких «легенд» ходило по части и сержант Шевцов был одной из них, причём, одной из самых лихих и бесшабашных.

Так что, отдавая Серому этот нож, Колян, как бы передавал ему эстафету диверсантской доблести не только от своего имени, но и от имени всех тех, кто когда-то сжимал эту ребристую рукоятку в своих руках. Повинуясь какому-то порыву, Серый достал нож из ножен и прижался губами к холодной стали. «Я не подведу», - твёрдо пообещал он и аккуратно убрал «имитатор» за пазуху.

На очередных учениях им не повезло. Группу, которой в этот раз командовал прапор Потехин, прижали к скале и начали долбить по одному. Они ещё пытались отстреливаться, но силы были неравными. Группа была обречена. Зараза-посредник, как будто издеваясь, ходил между закопавшимися в снег диверсантами и останавливал тех, кто сопротивлялся особенно яростно, короткой фразой: «Ты убит». Вляпались они абсолютно по глупому, и «убитые», скрипя зубами, переворачивались на спину и закуривали, выходя из боя. Уже больше половины их группы мирно пускали в небо сигаретный дымок, когда прапор приподнялся и крикнул Серому: «Передай, нам крышка!», на что посредник моментально среагировал: «Прапорщик убит».

Серый попытался выйти в эфир и передать «три шестёрки», но в наушниках трещали только посторонние шумы. Он покрутил ручку настройки. Связи не было. Проклятая скала, к которой их прижали, экранировала волну. Тогда, он развернулся и ужом пополз в её сторону. Посредник с интересом следил за ним, но Серый вжимался в снег с таким остервенением, что не дал возможности «убить» себя. Добравшись до подножия скалы и оказавшись в мёртвой зоне, он встал, скинул рукавицы, и, цепляясь за обледенелый камень, начал взбираться вверх, пользуясь тем, что расселина, по которой он полз, хорошо укрывает его от огня «противника». Забравшись метров на пять, он прижался к скале и опять попытался выйти на связь. Его не слышали, и он пополз ещё выше. Наконец, зацепившись на каком-то уступе, он услышал в наушниках голос Макара: «Виразж-4» слышу Вас на три балла». Он передал «три шестёрки», но Макар ответил: «Слышу плохо. Повторите, «Виразж-4». Выше лезть было некуда. Выше была только отвесная стена, причём, уже простреливаемая снизу. Тогда он встал в полный рост, так чтобы антенна была как можно выше, и заорал в микрофон: «Я «Виразж-4», шесть-шесть-шесть!». То ли волна пробилась, то ли его лужёную глотку в части и без рации услышали, но в наушниках раздался голос Макара: «Вас понял, «Четвёртый». Три шестёрки принято». Но тут же снизу донёсся голос посредника: «Радист, ты убит». И словно повинуясь этому приказу, нога Серого соскользнула с обледенелого камня.

Он летел, кувыркаясь, пытаясь зацепиться за любую трещину, за любой камень. Ударяясь о проклятую скалу то коленями, то локтями. Но, в конце концов, сорвался, и последние метры провёл в свободном падении. Затем врезался мордой в сугроб. «Ух, ты! Жив» - удивился он, проверяя наличие рук и ног, не потерялись ли по дороге, и выбираясь из сугроба. «Чому я не птица, чому не летаю...!» - радостно заорал он подбегающему посреднику. Но тот радости не проявил и лишь спросил озабочено: «Живой?». «А то!» - гордо сообщил Серый и попытался рукой смахнуть с морды налипший снег. Морде

стало больно, а снег окрасился красным. «Чёрт, похоже, репу-то я себе расквасил», - сообразил Серый.

Когда и обо что расквасил себе эту самую репу, он так и не вспомнил, но зато порадовал врача-садиста, подкинув ему свежую работёнку. Добрую такую, рваную рану, почти от виска до середины щеки и с торчащей из разреза белой костью скулы. Макита, аж взвизгнул от восторга и бросился готовить инструмент, приговаривая: «Сейчас мы тебя, тирлим-бом-бом, заштопаем, вот этот лоскуточек, тра-ля-ля, отрежем, а здесь, тра-та-та, скобочку поставим...»

Серый вспомнил улыбку несчастного Вартаняна и понял, что сейчас из него сделают такого «красавца», что не только Галка, но и зелёная жаба из ближайшего болота, за него замуж не пойдёт. А жабы, они здесь такие. Целуй, не целуй, а в принцесс всё равно не превращаются. Ребята знают, они уже пробовали.

Поэтому, он встал, подошёл к зеркалу над раковинкой и, прилепив оторванный лоскут на его законное место, заявил той половиной рта, которая ещё не онемела от заморозки: «А давайте сыть не будем». «Как не будем!?» - возмутился медик, у которого отбирали его законную добычу: «Обязательно будем!». «Не-а...» - продолжал упорствовать Серый: «Вот шдесь плаштырем заклеим, а сверху марлевый тампон со штрептоцитом...».

Сопровождая свои слова действием, он отрезал от лежащего на столе пластыря узкую полоску и начал прилаживать её на свою морду, пытаясь закрепить оторванный лоскут. «А если заражение начнётся?» - не теряя надежды местный эскулап. «Не насънётся, Вы мне укольсик сделаете». «Ну, как знаешь», - обиделся старлей, доставая ампулу и шприц.

Убедившись, что сотрясения мозга у парня нет («А сто тут сотрясать? Тут зе кость!» - отшутился Серый), медик прописал ему три дня постельного режима, но Серый отлёживаться не стал, а сбежал на вахту. «Дембеля» уже не служили, «пополнение» ещё не прибыло, и связисты пахали как в «молодости». Надо было помочь, тем более, что плющить койку в одном кубрике с изнывающими в ожидании ДМБ «гражданскими» совсем не хотелось.

А на вахте, в подземелье тепло и сухо. Когда ребята из «БЧ-5», с поста обеспечения заглянут или Шурка Оробинский зайдёт чайку попить. Хор-рошо. Ночью можно даже расслабиться и заняться чем-нибудь более полезным, чем несение вахты. Например, порисовать или письмо написать... в стихах.

Серый достал тетрадку и авторучку. Затем погрыз её, ну не тетрадку же конечно, для стимуляции вдохновения, и начал письмо Наташке, в Питер:

*Когда я покидал свой дом родной,
Ты далеко была, ты не была со мной.
Я в поезд сел и он меня умчал
Туда, где бьются волны о причал.
Одел я бескозырку и бушлат,
Когда звенел осенний листопад...
И он звенел с волною в унисон:
«Гражданку» вспоминай, как сладкий сон...»*

*И вторила солёная волна:
«Забудет скоро о тебе она...»
Норд-Ост над синим морем пролетал
И тихо мне на ухо прошептал:
«Свобода. Это было так давно,
Друзья твои, подруги и вино...
Тебе, братишка, надо так служить,*

*Чтобы они могли спокойно жить.
Пройдут года, и вновь вернёшься ты
В тот край, где оставлял свои мечты.
Но нет друзей и милой нет твоей
Матроса ждать – занятия нет скучней».
Не верю ветру я и злой волне,
И лист осенний врёт нахально мне.
Всегда со мной и дружба, и любовь.
Я верю – повстречаемся мы вновь.
В такой же хмурый вечер, как теперь,
Я постучусь в знакомую мне дверь...*

Вошёл Шурка. Одет по-домашнему – в тельняшке, штанах и тапочках. Спросил: «Чего делаешь?». « Да так, стихи пишу», - нехотя ответил Серый. «А-а...» - разочаровано протянул он: «Может, чайку заварим? С черникой?».

Шурка прагматик. Ему вся эта поэзия до фонаря. Утробу бы набить, да на вахту смыться. И там, в тепле и уюте, досидеть-таки до вожделенного ДМБ. Они с Линусом даже спорили иногда – кому на вахту идти. «Тормоз» тоже придерживался принципа – забиться в нору и не высовываться, потому что «самый любопытный и непоседливый суслик на дороге получает бампером по морде». Вот, как Серый, например...

А на Сером опять всё заросло как на собаке. Макита даже расстроился, что ему с этим пациентом так не везёт: «Ну, у тебя и иммунитет! Ни воспаления, ни заражения (с оттенком «какая жалость!»). Недели не прошло, а повязку уже можно снимать. Полчасти со стрептодермией ходит, а ему хоть бы хны».

Стрептодермией, действительно страдала половина части, особенно «молодые», которым работёнка достаётся погрязней, а робу отстирать толком некогда. Вот и мучились парни с этими язвами на руках и ногах, которые старлей лечил старым испытанным способом – зелёной. Серый как-то ухитрился быстро сообразить, в чём причина эпидемии и стал стирать робу особенно тщательно, а изнанку даже спиртом протирать, тем более, что «шила» у него теперь было навалом.

На первое свидание с родной аппаратурой, ещё летом, он отправился в сопровождении Салиты и Колобка. Те, внимательно проверили сохранность мастичных печатей, которыми была «обсекречена» дверь, вручили Серому ключ, но сами остались снаружи. Он удивился. Допуск у Салиты наверняка был не ниже, чем у него, да и командир взвода связи, скорее всего тоже имел право войти. Но, видимо, гражданский специалист, который наездами проводил регламенты до него, установил такой порядок и Серый промолчал.

Почему такой порядок был установлен, он понял сразу, как только увидел лежащую на столе возле блоков грелку. Обычную медицинскую грелку, в которую гражданский «спец» сливал остатки «шила» и уносил с собой, явно не желая делиться с сопровождающими. Действительно, три литра в месяц – это норма, рассчитанная на еженедельный регламент, а делать-то приходится всего один раз в месяц.

Окончив работу, он слил остатки в грелку и засунул её в вентиляционный короб, а пустую тару на выходе отдал Колобку. Тот не удивился, но удивился Салита: «Что-то ты уж больно быстро всё сделал. Гражданский обычно часа три-четыре возился». Тут Серый понял, что надо поискать на посту ещё и стакан, из которого спирт пили прямо на месте. Но среагировал правильно: «У меня инструмента нужного нет, ветошь нужна, и вообще...».

Ящик для инструмента, сам инструмент и ветошь доставили на пост, и Серый оборудовал себе спальное место. Теперь, раз в месяц, он, на вполне

законном основании, имел право поспать часа три-четыре, иногда даже под надёжной охраной особиста.

«Шилом» с годками он, конечно, делиться не стал, заявив, что «уходит всё, даже ещё и не хватает». «Годки», похоже, не поверили, но проверить не могли, и вот теперь, у него в вентиляционном коробе уже скопилось несколько грелок, честно стыренных с вещевого склада, на котором разве что детских пелёнок не было, и наполненных драгоценной влагой. Для того чтобы воспользоваться этими запасами, ему даже не нужно было заходить на свой пост. Доставал прямо с «БП-1», залезая в вентиляцию специально обученной палкой с крюком. Сам-то зайти на свой пост он не мог. Дверь стояла в пластилиновых плюхах личных печатей Салиты, Колобка, а теперь, и его собственной, которую ему выдали вместе с цепочкой – чтобы не потерял.

Серый заметил, что после каждого очередного удара по башке, его мозги начинают работать более активно. Вот и в этот раз, после свободного полёта имени лётчика Гастелло, едва сняли повязку с морды, в черепную коробку изнутри начала стучаться мысль. Стучалась так темпераментно и настойчиво, что пришлось её озвучить: «А нельзя ли сделать связь более надёжной?». С этим вопросом он и отправился к главному специалисту части по вопросам связи – матросу Макарову.

Макар, который поведение оборзевшего «карася», а теперь уже «полторашника», явно не одобрял, встретил его без особого энтузиазма: «Ты что, думаешь один такой умный? Думали уже и до тебя. С экраном биться бесполезно, разве что на воздушном шаре антенну поднять, а вот увеличить дальность можно, но сигнал должен быть направленным». Серый прикинул. Карта у командира группы есть, компасы у каждого... «Так в чём проблема?», - удивился он. «В том, что сигнал должен идти в очень узком секторе, считай прицельно. Я для этого даже запасные антенны весной переделал, а не получается». «Не понял?» - опять удивился Серый: «Чего уж проще – две точки на карте. Соединяем. Берём направление и по стрелке компаса прицеливаемся. Бац! И связь готова». «Иди ты...» - вспыхнул Макар: «И направление брали, и по компасу прицеливались! Всё равно хрен попадаем». Серый задумался, а потом его как будто просветило, и он спросил: «А склонение учитывали?». Тут уже настала очередь удивляться Макару: «Какое такое склонение?». Пришлось Серому вспомнить то, чему учили в технаре на «Морском судовождении» и объяснить этой сухопутной крысе, хотя и матросу по званию, что на стрелку компаса действует не только сила магнитного полюса земли, но и разные местные магнитные очаги. Макар загорелся, когда увидел, что проблема, возможно, решается: «А как узнать какое здесь склонение?». «Для моря оно указывается на навигационных картах», - ответил Серый: «А для суши... даже не знаю, есть ли такие карты».

В поисках информации о местном склонении он отправился к Невестенко. Старлей, хоть и «пехота», но всё-таки «морская», в своё время окончил военноморское училище и о склонении знал не понаслышке, но про такие карты тоже не слышал. Только удивился: «А ты-то, откуда про это знаешь?». Пришлось объяснить, что он почти готовый штурман, недоучившийся всего полгода. И, хотя штурман он речной, но морское судовождение им тоже преподавали.

Старлей проникся. Причём, аж два раза. Сначала, уважением к скрытым способностям своего радиста, а затем, и идеей «дальней» связи. И отправился к Салите. Особист-волшебник помог решить эту проблему, откопав у геодезистов в штабе флота нужные карты с грифом «секретно». Когда Серый глянул на эти карты, то понял, почему у них раньше ничего не получалось. Под землёй Лапландии всяких-разных руд было видимо-невидимо и склонение

скакало как диверсант на мушке у «охотника» то в одну, то в другую сторону. Он аккуратно перенёс эти данные на карту старлея, но уже без грифа «секретно». «Ну что, штурман, ...» - спросил тот: «...справишься?». «Попробую», - ответил Серый.

Попробовали уже на следующих учениях. Старлей специально увёл группу как можно дальше и Серый, вместо обычных 10-15 километров, связался с ГКП сначала на 18, а затем на 25 километрах. Старлей был горд, Колобок счастлив, Макару пообещали стармоса... А Серому ничего не пообещали, но он и не расстроился.

Первым сыграл ДМБ Гайнулин. На его место, командиром первого отделения поставили Мишку Четверенко. Колобок планировал Макара, но тот заявил, что «на фиг нужно», и ушёл на склад связи паять свои любимые схемы. Затем уехал Колесник, но зато прислали двух «карасей», закончивших «учебку» и, каким-то чудом, проскочивших мимо «карантина». И в этот момент Серому опять припомнили его «бунт».

Он был в наряде, когда пополнение прибыло в кубрик, и было тут же «охвачено вниманием» Ваньки Шафирова. Макар и Эрик в этом деле не участвовали. Макару было «лениво», а Линиус не мог гонять «карасей» по определению. Потому, что было опасение, что пока он закончит фразу: «Кара-а-си», бе-его-ом на-а прибор-ку!», эта самая приборка уже закончится. Вместо них велено было отдуваться Мишке Четверенко, как командиру отделения.

Серый вернулся из наряда и снимал «форму три», когда объявили вечернюю приборку и «караси» весело зашуршали щётками. Внезапно кто-то пнул его промеж лопаток: «А тебя что, не касается? На приборку, живо!». Он обернулся. Сзади стояли земляки – Лютковский и Четверенко. Глаза их старательно избегали взгляда Серого. Чуть дальше, за этой сценой с интересом наблюдали Шафиров и Молдаван.

Понятно. Решили «опустить строптивного» силами его же призыва. Значит, опять придётся драться. Серый понимал, что теперь он отметелит и Лютковского и Четверенко, а если надо, то и обоих сразу. Но факт «опускания» будет уже обозначен, и отбиваться, возможно, придётся до самого ДМБ. Поэтому, он попытался закончить дело по мирному: «Миха, опомнись, мы же с тобой с одного призыва». Тот уже раскрыл рот, чтобы произнести ту фразу, которой его научили «годки», бывшие и настоящие, но в этот момент со своей койки взвился Ткачёв. Верно оценив откуда у проблемы ноги растут, подлетел к Молдавану, схватил за грудки и, приподняв, впечатал в стену. «Запомни, сука», - каким-то не своим глухим голосом сказал он: «Твоей власти больше нет, и ты дышишь, пока мы разрешаем. Понял?». «Понял...» - прохрипел полузадушенный Молдаван, угрюмо залез в свою койку и не покидал её до самого отъезда.

Таким образом, вопрос со статусом Серого с повестки дня был снят окончательно. Новые годки его не любили, ну, да и чёрт с ними, а он старался их, как будто, не замечать. Тем более, что подвалила очередная серия учений.

Они спешили, они бежали, они летели. До места, где нужно было «уничтожить» очередную колонну «противника» они отмахали километров пятнадцать, и вышли в точку встречи, клубясь паром, как ломовые битюги на морозе. Зима уже вступила в свои права. Было что-то около 35 градусов, и если кто-то подумает, что «тепла», то он очень сильно ошибается.

Лейтенант Менжулов, командовавший в этот раз диверсионной группой, начал расставлять их «по номерам», но в этот момент выяснилась одна маленькая, но очень важная деталь. Растяпа-подрывник забыл взять провода,

которые протягивают к «mine». Менжул ему чуть рыло не набил, орал как потерпевший, кричал что он «этого хренова сапёра сейчас самого на провода порежет», но всё-таки не порезал. У Серого в ЗИПе оказалось метров пять двойного провода от «дальней» связи. Летёха обрадовался, и тут же назначил сапёра дежурным камикадзе: «...будешь лежать в пяти метрах от собственной «мины» и, когда надо будет, взорвёшь». Однако, камикадзе из сапёра не получился, потому что динамо-машинку этот раздолбай тоже забыл. Ну что с него возьмёшь? «Карась». Первый выход... От «расстрела на месте», который собирался произвести взбешённый лейтенант, его спасло только то, что Серый напомнил об аккумуляторе в своей рации, который тоже мог служить источником питания. Вынуть аккумулятор и отдать его сапёру-камикадзе и, таким образом, остаться без связи нельзя. Поэтому в камикадзе был назначен Серый. И связь держать, и мину взрывать.

Серого, чтобы не оставлять следов, прямо как акробата в цирке, на руках, перекинули через двухметровый сугроб, тянувшийся вдоль дороги. А когда он, как крот, прорыл себе нору и аккуратно прорезал шомполом смотровую щель, сунули туда провода от «мины» и разошлись «по номерам».

Ждать в этот раз пришлось долго. Мороз донимал. И, хотя, в его «норе» было немного теплее, чем снаружи, пот, обильно пропитавший тельник, постепенно начал переходить из жидкого состояния в твёрдое. «Физика, блин, с ней не поспоришь...» - подумал Серый потихонечку «давая дуба». Парни «на номерах» могли, хоть иногда встать, похлопать себя по бокам, потолкаться с соседями, а он был вынужден лежать неподвижно, не отрывая глаз от узкой щели, в которую была видна дорога. Он ворочался, напрягал мышцы, пытаясь согреться, но холод был сильней. Конечно, «спецпошив» штука хорошая, и в нём действительно можно спать в снегу. Но в сухом, а не в пропитавшемся потом до состояния «мокрая курица».

Примерно через полчаса ему стало холодно, через час – очень холодно, через полтора – жуть как холодно, а потом... всё прошло. Стало как-то тепло и даже уютно. Глаза начали слипаться сами собой и, чтобы не вырубиться, он начал щипать себя за нос. Нос ничего не чувствовал. Понимая, что если он сейчас уснёт, то может и не проснуться, Серый запаниковал и ударил себя по свежему шраму на лице. Боль прогнала сонливость и в этот момент наконец-то появилась долгожданная колонна.

О, с каким наслаждением он соединял провода «мины» с аккумулятором. Как радостно, проломив стенку норы, выскочил наружу и бросился в рукопашную. В бой его вела не безумная ярость берсерка, а простое желание согреться и, забыв всё, чему учили и Дзюбенко, и Потехин, он размахивал руками, как детсадовский драчун, и чувствовал, как с каждым движением, кровь начинает быстрее бежать по жилам и тепло возвращается в его замороженное тело.

Но, не всегда ожидание было таким долгим. Случалось, они прибегали, а колонна, ехидно попыхивая дымком выхлопных труб, уже прошла. А случилось и похуже...

В этот раз Невестенко вывел их к точке встречи прямо под носом у выползающей из-за поворота колонны. Их заметили и попытались прорваться на скорости. Но сапёр, после непродолжительной, но очень содержательной беседы с лейтенантом Менжуловым, заболевший «безумством храбрых», которое вообще-то сродни психозу, метнулся к головному БТРу Белого. Храбро и безумно метнул под него «мину», едва успев вывернуться из-под колёс. Колонна встала, но её взвод сопровождения уже рассыпался цепью и пошёл на невысокий холмик, на котором успели закрепиться остальные диверсанты.

Дело было «швах» или на «три шестёрки» без вариантов. О чём Серый и сообщил Макару, а затем, оставил рацию и взялся за автомат – хоть пострелять вволю напоследок. Позиция у них оказалась хорошая, но силы были слишком неравные, и посредник одного за другим укладывал их «на спинку, перекурить». «Невестенко, я тебя сегодня в плен сдам», - шуточно пригрозил он командиру группы. «Хрен тебе», - так же весело ответил старлей, встал в полный рост, и, конечно же, был «убит». «Ну не тебя, так кого-нибудь ещё», - с оптимизмом отреагировал на факт «смерти» весёлый капитан.

Они отстреливались до тех пор, пока в «живых» не остался один Серый. Захватить в плен радиста, это конечно, не командира группы, но тоже ничего. Он тоже много знает. Серый им такой возможности решил не давать и, взяв пример с командира, встал на ноги, продолжая стрелять. Однако, «охранники» решили всё-таки захватить его «живьём» и прекратили огонь, продолжая сжимать кольцо вокруг холмика. Какое-то время был слышен только автомат Серого, но потом затих и он. Кончились патроны. «Охранники» рванулись вперёд. Но Серый - он гад такой, он же хитрый - достал из кармана последний, отложенный именно на такой случай патрон, вставил его в опустевший магазин и передёрнул затвор.

«Последняя пуля – себе», - с лёгким поклоном, как на сцене, пояснил он посреднику, но в этот момент самый шустрый «охранник» выскочил на вершину холмика и, повинувшись инстинкту, Серый выстрелил в него. «Всё, попался!» - закричал довольный капитан. На холмик влезли уже человек пять, и бросились к одинокому и безоружному диверсанту. «Хрен тебе, Золотая рыбка!» - в азарте заорал Серый, вырвал из кармана учебную гранату и метнул её себе под ноги. Сквозь грохот «взрыва» и клубы дыма до него донёсся разочарованный голос посредника: «Эх, ушёл, гад...».

Ночью, лёжа в койке, он долго ворочался и никак не мог уснуть. Что-то беспокоило, что-то было не так... Наконец, до него дошло. «Чёрт!» - сказал он сам себе: «А ведь в настоящем бою, точно так же, метнул бы себе под ноги гранату, не задумываясь». Эта мысль его даже напугала. Превращаться в «боевую машину» совсем не хотелось, а вся система воспитания в части была настроена именно на это.

Он вспомнил недавний инцидент в роте «охотников». Им прислали нового командира взвода. Не прапора, а настоящего лейтенанта, закончившего «Сатурн».

Взводный оказался парнем демократичным и общительным. Нос кверху не задирал, «генерала» из себя не корчил, и даже предложил своим бойцам, как фотограф-любитель, подкорректировать фотографии родных и знакомых. Взвод такой халяве обрадовался, и летёха действительно начал переделывать фото 3 X 4 в фото 9 X 12, возвращать резкость помутневшим фотографиям девчонок, а потрескавшиеся фотографии родителей, переснимать и печатать по новой. «Классный мужик», - радовался взвод, рассматривая фотки.

Но радовались они лишь до того момента, когда их в очередной раз вывели на стрельбище для сдачи зачёта и вместо поясных мишеней, в прорези прицела они увидели... увеличенные до размеров мишени фотографии. Взвод стрелять отказался.

Был скандал. Летёху тихо убрали и перевели в Бригаду, но не наказали. Видимо, его методика показалась командованию правильной? Перестарался, конечно, но всё делал верно? «Значит, идейно-политический уровень высок и воспитательная работа, в духе марксизма-ленинизма, приносит должный эффект...» - с горькой иронией констатировал он. Вздохнул тяжко: «Эх, Расея...», и уснул.

Уснул. И снились ему не заснеженные сопки Лапандии и не всполохи северного сияния в чёрном морозном небе, а тихая московская аллея какого-то бульвара с тополями и асфальтовой дорожкой, по которой в его сторону шла девушка. Лёгкий ветерок ласкал чёрный шёлк её длинных волос, играл ими, заставляя переливаться на неярком солнышке. «Странно», - удивился он во сне: «Она же на выпускной себе короткую стрижку сделала». Не дойдя до него несколько шагов, она остановилась и улыбнулась своей мимолётной, чарующей улыбкой, от которой его сердце привычно забилось быстрее. Только улыбка в этот раз получилась какая-то печальная. Затем она опустила глаза, повернулась и пошла прочь. Серый хотел окликнуть её, но не смог, хотел догнать, но ноги как будто вросли в землю. Он не мог сделать ничего и только продолжал жадно смотреть вслед удаляющейся фигурке. Внезапно, как будто что-то ударило его в грудь, сбив дыхание – она была в длинном белом платье со шлейфом, а в обнажённых руках, затянутых по локоть в белые перчатки, держала маленький букетик чайных роз. Серый понял – **ОНА** вышла замуж.

На следующий день к нему подошёл Невестенко. «Слушай, Серый, в январе наша группа уходит на патрулирование», - как бы, между прочим, сообщил он. Серый об этом знал. Каждые полгода одна из групп «боевых пловцов» уезжала из части на два-три месяца, нести «боевое дежурство». С той целью, что ежели какая сволочь маму-Родину обидит, то грудью встать... и по «грабкам» нахальным супостату, по «грабкам» ему... чтобы не протягивал. И тут уж, как повезёт. Бывало, что возвращались весёлые и загорелые, бывало, что и со свежими шрамами, а бывало, что возвращались не все. Теперь подошла очередь группы Невестенко. «Эка новость», - подумал он, а вслух спросил: «Ну и что?»

- А то, что в обязательном порядке туда идут только офицеры и прапорщики...

- Командир, - возмутился Серый: «Ты что же, меня не берёшь!»

- ...а из срочной службы – только добровольцы.

- Так я уже давно доброволец, ещё с тех пор, как в военкомат сдавался.

- Лады. Но учти, там может быть всякое...

«А может и не быть», - с оптимизмом подумал Серый, а вслух спросил: «На чьё имя рапорт писать?».

К Новому Году раздали лычки. Получили стармосов Макар и Четверенко, младшего сержанта Ванька Шафиров. У соседей, в автороте стармосов получили Белый, Сосмак и... Шулипа.

«Ну, ты и «рубанок», сразу видать – сержантом на ДМБ уйдёшь», - поздравил своего бывшего воспитанника Серый, но Омеля, теперь уже младший сержант, заступился за земляка: «О, це правильно. Хохол биз лычквив, шо козак биз яичквив». Но Серый не хохол, и уж тем более не казак, ему лычки ни к чему.

Остро встал вопрос с «шилом», которого накопилось уже почти пять литров. Оставлять его в «шкере» было рискованно. Вдруг его найдёт тот ушлый гражданский спец, который будет делать регламенты во время его отсутствия. Его же от радости может сердечный приступ шандарахнуть. Выпить самому? Много, да и... не хочется. Решил побаловать корешей к празднику.

Корешей развелось много, поэтому пришлось делить не поровну, но по честному. Грелка – в штабную команду и взвод связи, по грелке – в БЧ-5 и автороту, ну и в батальон пару грелок. Кореша от такой щедрости просто обалдели. Отхлопали все плечи, обещали пить только за его здоровье. «Лучше за удачу», - поправил их Серый: «Она мне скоро, ой как, пригодится». Кореша

обещали, приглашали заходить, но он, как и год назад, решил заступить в наряд. Что же традицию-то рушить...

В новогоднюю ночь мороз трещал за тридцать, но ветра не было – можно сказать, теплынь. Снежинки, в свете прожекторов, кружились, падая на землю, а над сопками праздничной иллюминацией полыхало северное сияние. Цветное. Что, даже для этих мест, редкость. Народ веселился в кубриках, иногда выскакивая на улицу, чтобы поиграть в снежки и покувыркать друг друга в сугробах.

Можно было бы считать, что праздник удался, но в пять часов утра часть подняли по «красной» - боевой тревоге. Стрельба на постах возле объекта.

«А по какому, собственно, поводу кипешь?» - спрашивал себя недовольный Серый, для которого наступило время отдыха в наряде, выскакивая на улицу с автоматом. Повод оказался прост до смешного.

Двое часовых, взятых «с гор», для того чтобы «Родина защищать», видимо тоже употребив от щедрот Серого, вступили между собой в диалог, с использованием ненормативной лексики.

- Эй, Ишан, ты там не замёрз? – спросил часовой снизу.

- Сам ты ишак, – ответил часовой сверху, не расслышавший фразу.

- Ты кого ишак назвал, осёл безмозглый!?

- Вай, я твой мама топтал!

- А я, весь твой семья топтал!

- А я, весь твой семейный альбом топтал!

Бах! Бах! Слова закончились и в диалог вступили АКМы. Тот, что внизу, прятался в окопах. Тот, что вверху – за валунами. Так они и лупили друг по другу (боевыми!), пока не опустели магазины, и подоспевший дежурный взвод не скрутил лихих джигитов.

Больше всех ярился командир взвода, где служили горячие горцы – прапор Перепечко. «Бараны горные! Джейраны слепые! Чурки косоглазые! Это ж надо, по шестьдесят патронов высадить и ни разу не попасть! Да они у меня теперь на стрельбище жить будут!».

Ну и что? Вкатили джигитам по трое суток «губы» и опять на пост, правда, в разные смены.

Серый готовился к отъезду. По тридцать три раза проверил сбрую и амуницию, выданную по такому поводу. Неделю ходил на стрельбище и лишил ещё одну булочную товара, привыкая к новенькому АК-74, выданному взамен АКМа. Пару раз даже заходил в оружейную мастерскую, и возился со своим «стволом», отогнав специалиста прапорщика, но добился того, чтобы пули ложились именно туда, куда он хотел. В общем, подготовился по-взрослому.

Один только вопрос свербил его черепную коробку. «Командир», - спросил он у Невестенко: «А почему мы в части носимся с пудовыми рациями на спине, и почему вооружены древними АКМами с кривым стволом, когда на складах лежат груды мелкокалиберных автоматов и кучи радиостанций, которые можно в карман прятать?». «А это, друг Серый, для того чтобы вам служба мёдом не казалась», - глубокомысленно изрёк старлей. «Ну да, понятно...» - сказал Серый, хотя так ни черта и не понял.

Осталось решить вопрос с письмами. Писать родителям и друзьям о том, что он куда-то и зачем-то уезжает, и волновать их он не хотел. Поэтому, заранее написал целую стопку, пронумеровал конверты карандашиком и отдал Ткачёву: «На, держи. Будешь отправлять каждую неделю по очереди. Смотри, не перепутай». Ткачёв обозвал его «хитрожопым» и согласился, но выдвинул встречную просьбу – надо помочь Сане Дмитриеву.

Санька – «годок» из штабной команды, с которым Игорь успел покорешиться, служил в секретной части, под непрерывным надзором бдительного ока майора Салиты. И тут, он что-то в документах напутал, а спохватился уже, когда бумаги лежали в личном сейфе майора. Как объяснил Ткачёв, за такой прокол, Саньке светила как минимум «губа», и бумаги требовалось срочно подменить.

Снять слепок ключей от сейфа, которые особист частенько забывал на столе в своём кабинете, не составило труда, а некий слесарь-подрывник из БЧ-5, легко изготовил дубликат. Загвоздка была в том, что сейф, как и положено, был опечатан мастичной печатью самого Салиты, а уж этот кусочек металла, с вырезанными на нём буквами и цифрами, майор носил на цепочке и добраться до него было сложнее, чем «салаге» в отпуск съездить.

Проблема требовала решения, и Серый, вытащив из глубин памяти все свои уголовно-наказуемые навыки, взялся за дело. Для начала, Санька, обработав пластилиновый оттиск на сейфе углекислотой из ближайшего огнетушителя, для придания ему твердости, снял с него слепок тёплым пластилином и передал его Серому. Тот, выпросив у котельщиков горсть цемента, сделал замес и вдавил в получившийся бетон «секретный» оттиск. В образовавшуюся после этого действия форму, был залит расплавленный свинец из старого аккумулятора. Полученное «изделие», было обработано специально заточенными гвоздями и иголками, для придания чёткости всем буквам, цифрам и символам. В завершение процесса, этот несостоявшийся фальшивомонетчик придал всей печати форму оригинала и подвесил уголовно-криминальный шедевр на цепочку. Санька был спасён от «губы» и в благодарность организовал для Серого командирскую парилку.

Для срочной службы в части имелся душ на пятьдесят персон, для офицеров и прапорщиков – русская баня на двадцать рыл, а вот для Командора была построена особая сауна на одну выдающуюся задницу. Причём, эта задница занимала два этажа с холмом, салоном и бассейном. Строили её матросы-карелы, которым довелось служить в части. А кто лучше карелов понимает толк в хорошей бане? Только финны. Но они у нас не живут. Спиваются быстро. Так что пришлось карелам самим отдуваться. Ну, они и постарались. Осиновые доски для внутренней отделки подбирали поштучно, мох для утепления возили аж за 20 километров, а за булыжниками для каменки облазали все окрестные сопки. Зато и баня вышла на славу. Командор даже иногда поощрял её посещением особо отличившихся офицеров.

А следит за баней кто? Правильно, котельщики из БЧ-5. Вот они-то, по примеру старших товарищей, и повадились «поощрять посещением» своих корешей. Но только, чтобы никто не застукал, то есть ночью.

Вот и в эту ночь Санька, Серый и Ткачёв, которого взяли за компанию, напарились вволю, наплескались в бассейне, а Серый, по примеру более опытного «банщика» Дмитриева, после парилки нырнул в сугроб. Вот, где кайф скрывался! Кувыркнулся в снегу, как весенний воробей в луже и визжал от восторга. Расслабились от души и, уже перед уходом, Серый обратил внимание на своё отражение в зеркале.

Нет, зеркала в части были. Ну, там умыться-побриться или прыщ выдавить, но такое, чтобы в полный рост, только в командирской парилке. Серый остановился. Из зеркала на него смотрел угрюмый мужик с тяжёлым взглядом и плотно сжатыми губами. Суровости этой абсолютно несимпатичной морде добавлял шрам и тёмные пятна обморожения по всему подбородку. Он вздохнул и опустил взгляд ниже. Вместо привычной гладкой мускулатуры, его

тело покрывали жгуты и связки мышц, прямо на которые, без всякой жировой прослойки, была натянута красная после парилки кожа. Зрелище было жутковатое. Такое ощущение, что перед ним стоит человек, с которого живьем сняли кожу. Как же сильно он отличался от того пацана, которого видел в зеркале год назад. «Я пушистый серенький котёнок...» - с иронией пропел он и показал отражению кулак: «У-у, волчара...». Отражение не испугалось и ответило тем же.

А ещё через два дня, с чувством выполненного долга (А что? Мышей поели, в баньке попарились, спирт весь выпили, сейф особисту взломали – что здесь ещё-то делать?), Серый уехал из части в компании пяти офицеров и трёх прапорщиков. Супостатам по «грабкам» бить...

Глава V «ГОДОК»

В апреле зима ещё сильна в Лапландии. Может и морозом ударить и метелью закружить, но всё сильнее пригревает солнышко, прогоняя долгую полярную ночь и призывая такой же длинный полярный день. Можно даже подставить под тёплые лучи продублённое зимними ветрами лицо и ощутить его ласковое прикосновение. Снег в некоторых местах начинает набухать влагой и оседать, а в воздухе чувствуется такая свежесть, какая бывает только весной. Кровь кипит и бушует, невзирая на ежедневные дозы брома, которые старлей Макита вливает в компот, а всё вокруг кажется светлым и радостным.

Серый вошёл в кубрик и бросил мешок с аттестатом в угол: «Здорово, мужики». «Ба, Серый!». «Вернулся!». «С возвращением, братуха!». Не только Ткачёв и Андрис обнимали его и хлопали по плечам, но и Четверенко с Лютковским, и даже Макар с Ванькой Шафировым. «Ну, вот я и дома?» - с облегчением подумал изрядно обхлопанный и помятый Серый, заваливаясь на свою койку, которую никто не смел тронуть с момента его отъезда. Примета такая. «Караси», которых он и узнать-то толком не успел, смотрели на него с нескрываемым интересом и некоторой опаской. Сколько они про него слышали и хорошего и плохого. Как он себя теперь поведёт?

- Ну, и что у вас здесь нового? - спросил Серый у парней.

- Да что у нас, ты лучше про себя рассказывай, – за всех ответил Ткачёв: «Где был, что видел?»

- Ну, с этим вопросом майор Салита велел отправлять лично к нему, – отмазался Серый: «Так что лучше про вас».

- Ну, чего... Колобок уволился. Нового взводного пока не дали. Временно нами командует старлей Романчиков из строевой части, так что тишь да гладь. Сосмак из автороты залетел. Нажрался с Птицей и Киселём, угнали дежурный «Урал» и поехали в Ара-губу к «химичкам».

- Ну? – удивился такому «геройскому» поступку Серый: «Лихие парни в автороте...».

- Приехали, а у тёток какие-то местные хахали, – продолжил Ткачёв: «Ну, пацаны прикинулись морпехами и разнесли всю хату вдрызг, набекрень и в хлам. Их потом под конвоем в часть доставили. Хорошо хоть «Урал» угнали, а не БТР.

- Да, с БТРом они побольше начудесили бы.

- Так им за это по пять суток «губы» впаяли, а с Сосмака ещё и лычку сорвали. Причём, на «губу» отвезли в Видяево.

Видяевская «губа» считалась самой суровой и Серый мысленно посочувствовал ребятам.

- А тебе, я смотрю, наоборот лычку повесили, – кивнул он на погон Ткачёва.

- А-а, мелочи, – отмахнулся тот: «На учениях меня пять пацанов из Бригады повязать решили...»

- Ну и что?

- Да-а, отмахался, – небрежно бросил Ткачёв и, как бы случайно, напряг бицепс. От этого движения брезентуха на рукаве голландки натянулась как на барабане и начала трещать.

- Ага, отмахался, – добавил Макар: «А двоих ещё и в плен приволок».

- Слабоват ты, однако, братуха, – съязвил Серый: «С такими «банками» мог бы и всем пятерым «ласты завернуть» запросто».

- Так я и хотел, – начал оправдываться Ткачёв: «Но они же бегают как лоси педальные, а Тейванса рядом не было».

- Андрис, ну что же ты товарищу в трудную минуту не помог? – переключился на латыша Серый.

- А я тогда на сорефнования уехал, – совершенно серьёзно ответил Тейванс. А Ткачёв добавил: «Первое место по флоту на пяти километрах», и с лёгкой завистью в голосе закончил: «Его теперь в спортроту обещали забрать».

Дверь кубрика распахнулась. Ввалились пацаны из штабной команды: Снегирёв, Саенко и Дмитриев. Сразу стало на порядок шумнее и веселей. Снегирь сбегал за гитарой: «Серый, а мне тут ребята с «гражданки» записи прислали. Хочешь спою?». «Давай, конечно». Снегирь облапил «шестиструнку» и начал:

*Бывают дни, когда опустишь руки
И нет ни слов, ни музыки, ни сил.
В такие дни я был с собой в разлуке
И никого помочь мне не просил...*

Эту песню «Машины времени» он слышал ещё до армии, но сейчас она приобретала что-то новое, созвучное событиям последнего года. И от этого, как-то по-особенному сильно брала за душу. К голосу Снегирия сначала присоединился Славка Саенко, а затем и Ткачёв.

*Но верил - я не всё ещё пропало,
Пока не меркнет свет, пока горит свеча...*

- слаженным трио выводили они. Серый разволновался и от этого у него начала дёргаться щека, уродливо морща шрам и обнажая в оскале левые клыки. Серый знал, что в этот момент он выглядит достаточно отталкивающе. Хотелось остановить проклятый тик, зажав щеку рукой, но доктор категорически не велел так делать и, чтобы успокоить нервы, он, про себя, начал отсчёт: «Один, два, три, четыре...». Пацаны продолжали петь, но щека потихонечку успокаивалась и, когда они закончили, он уже выглядел нормально.

«Здорово у Вас получается, прямо как на концерте «Машины» побывал», - выдал он комплимент исполнителям. «А что, бывал?» - поинтересовался Славка. Серый хотел сказать, что слышал эту песню в исполнении самого кудрявого и лохматого Андрюхи на даче в Купавне, но промолчал. «Вам впору самим с концертами выступать», - уклонился он от ответа. «С концертами не знаю, а вот КВН нам обещали», - усмехнулся Снегирь: «Нового комсорга прислали, вот он теперь это дело у замполита пробивает». «Здорово», - заинтересовался Серый: «А меня в команду возьмёте?». И он специально скривил рожу, как в тике: «Соперников пугать». Рожа получилась страшная, но все рассмеялись. «А чего

это она у тебя дёргается?» - поинтересовался Мишка Четверенко. «А-а, ерунда», - рисуясь, с небрежной лихостью бросил Серый: «Контузия. Скоро пройдёт».

Вот такая вот бесшабашная лихость и излишняя самоуверенность в своих силах поселились в Сером после возвращения. Казалось, что сам чёрт ему не брат, что теперь ему всё по плечу и любые трудности вполне преодолимы. Стоит только напрячь мозговую извилину и поднатужиться, а послушное тренированное тело сделает всё как надо.

Уже перед отбоем, когда Серый присел на свою койку, раздеваясь перед сном, Ткачёв с соседней койки ехидно заметил: «Ну, ты и ожирел, братуха».

- Да обратно на подложке шли, Почти месяц вместо торпед в отсеках лежали. Делать нечего. Жри да спи, жри да спи. Вот и ожирел малость, - попытался оправдаться он.

- Нет, это не дело, - заметил Ткачёв и, прихватив Серого за складки в районе поясницы, добавил: «Какой ты на хрен морпех, с такими-то телесами?»

- А в рыло? - буднично поинтересовался жирный морпех. Сало отложилось на боках и животе, остальные мышцы, хотя и покрылись тонким слоем жировых отложений, выглядели вполне по-боевому.

- В рыло, это у тебя запросто, - согласился Игорь: «А вот перед девчонкой, с таким салом, я бы раздеться постеснялся». Он напряг свои мышцы, как бы демонстрируя, каким должно быть тело настоящего морпеха. Зрелище впечатляло. Бронеплиты грудных, шары бицепсов, аккуратные квадраты пресса. Серый невольно сравнил этого атлета с собой. Примерно, как арабский скакун, у которого под шёлковой шкуркой играют и перекачиваются мышцы, рядом с ломовой рабочей лошадей, чьи жилы от тяжёлого труда уже давно перекручены в жгуты и верёвки, а теперь, ещё и салом сверху заросли. Сравнение явно не в его пользу.

- Да ладно, - отмахнулся он: «По сопкам побегаю, вот жирок и отвалится».

- Жирок-то отвалится... - не сдавался Ткачёв: «...и опять станешь ходячим пособием по строению костно-мышечной системы».

- Да что ты пристал, в конце концов? - вспыхнул Серый: «Лучше скажи чего делать».

- Понимаешь, - Игорь пересел к нему на койку: «Костяк у тебя хороший, но мышцы ты пересушил ещё до того, как нарастить успел...»

- Ну? - заинтересовался мнением специалиста Серый, а Ткачёв с энтузиазмом продолжил:

- Тебе сейчас надо воспользоваться моментом и нарастить массу, а заодно и всё салом убрать.

- Таблетки что ли жрать? - спросил Серый.

- Зачем таблетки? Да и нет их здесь. У нас ребята, когда хотели массу набрать, специально устраивались на молочные комбинаты подрабатывать. Молоко, сметану, творог трескали. Знаешь как мышца пёрла? Не хуже чем от стероидов, а вреда никакого.

- Ну, ты отчебучил, братан, - удивился Серый: «Ты когда последний раз молоко видел? Год назад? А сметану? Под Новый Год к блинам давали? Тоже давненько».

- Причём здесь сметана? Тебе белок нужен. А он, между прочим, и в горохе есть. У тебя ведь земляк на камбузе шеф-поваром. Попроси, а он тебе подскажет чего больше трескать надо. А я тебе комплекс упражнений составлю.

Серый задумался. Действительно Сашка Казанцев с камбуза был его одногодком и земляком, если конечно включить Лыткарино в состав Москвы.

Идея его заинтересовала. Мысленно он прикинул на себя мышцы Ткачёва и решил, что Галке такое должно понравиться.

- Лады, – сказал он: «Когда начнём?»

- Да хоть завтра. Только мне на тебе кое-что замерить надо.

- Замеряй, – согласился Серый.

Игорь достал из тумбочки Макара портняжный метр из клеёнки и последовательно начал замерять на Сером объём груди, бицепса. Шеи, хват талии. В этом процессе он напоминал закройщика, снимающего мерку с клиента, которому он будет шить костюм... из мышц.

Но начать занятия на следующий день им не дали. Командору, видать, стало скучно, и он объявил «внутренние» учения. Поделил народ на две половины и приказал, одной половине атаковать часть, а другой её оборонять. Сам, для разнообразия, возглавил атакующих, командовать обороняющимися поставил НШ.

Связисты, которые не успели смыться на вахту, на время учений были сведены в «отдельную разведовательно-диверсионную группу» с «боевой» задачей уничтожить «объект». Короче говоря, дойти до КПП и сказать: «Здрась-сь-те».

Дома воевать и стены помогают, но дома воевали и ребята из роты охраны, которые подловили группу возле тех самых скал, где когда-то «геройски» бился с десантурой взвод Серого. Командир Романчиков приказал разбегаться, но тут Серый вспомнил про тропу, по которой они с Шулипой тогда «утикали», и увёл по ней оказавшихся рядом Ткачёва и Тейванса.

Вообще-то, тропа уводила в сторону от объекта, но они ухитрились спуститься с почти отвесного склона, и вышли в двухстах метрах от КПП.

- Ну что, фроде дошли? – спросил Тейванс: «Докладаем на КПП и сбободны?»

- Не-а, - завёлся Серый: «Я ещё «повоюю». Пойду, на сам «объект» проберусь.

- Охренел, что ли? – удивился Ткачёв: «Там же на территории караулы стоят, а они в «войне» не участвуют».

- Да, Серый, лутше не надо, – поддержал его Андريس: «Это у нас патроны колостые, а там мушки с боефыми стоят».

- Чёрта лысого они меня заметят, – с наглой уверенностью заявил Серый.

- Ну а я, тогда, пойду и землячка своего грохну, – заразившись от Серого его самоуверенностью, сказал Ткачёв: «Там же Салита обороной командует. Вот я и припомню ему детство босоное», - грозно добавил он, скинув с плеча автомат и клацнув затвором.

- Ну а я на КПП пойду, – решил спокойный Тейванс, которого азарт посещал крайне редко, по причине национальной несовместимости: «Только фы осторошней, репята».

- Да не бойсь, – успокоил его Серый: «Есть у меня тут одна идеяка...»

Идеяка его состояла в том что, спускаясь по склону, и переходя на ровную площадку, колючая проволока ограждения проходила в 30-40 сантиметрах над землёй в месте перехода. Этот ляпсус он заметил ещё в прошлом году, летом и теперь решил воспользоваться. Тем более что место это стояло в сугробах и он надеялся скрытно прорыть нору и проползти под «колючкой», не задев проводов сигнализации.

Сказано-сделано и, прикинувшись большим белым полярным кротом, взялся за своё любимое оружие – сапёрную лопатку. Он уже почти прокопал нору, когда со стороны помещения дежурного по объекту, где сейчас находился Салита, раздалась стрельба. «Ткачёв развлекается», - догадался он и, с последней лопатой снега, вывалился на охраняемую территорию.

А Ткачёв с Салитой развлекались не по-детски. Когда Игорь, «сняв» часового у входа и «завалив» двоих у двери дежурного, ворвался в кабинет с криком: «Сдавайся, майор! Смерть твоя пришла!», ему в голову полетел дружеский привет от земляка, в виде тяжёлого стула. Игорь принял его на приклад автомата и стул, сказав своё последнее «кряк!», развалился на составные части. Тут-то и пошла потеха в духе боевых бульбашских танцев с уклоном в голливудское ковбойское карате. Они гоняли друг друга по помещению, палили из автоматов, кидались столами и стульями, пока не кончились патроны, да и стулья тоже.

Под эту веселуху Серый тихонечко прокрался вдоль склона сопки к самому гермоблоку и осколком камня нацарапал на свежей краске традиционную фразу всех российских первопроходцев: «ЗДЕСЬ БЫЛ СЕРЫЙ», после чего, так же тихо, через свою нору, покинул территорию охраняемого объекта.

После этого они, уже втроём, сидели возле здания КПП, на почти весеннем солнышке. Курили и ржали, припоминая последние события. Прошло около часа. Успели в деталях обсудить и свежий синяк на скуле у Ткачёва, и то какую морду скорчит Салита, когда увидит надпись Серого. Становилось скучно. Кругом шла «война», гремели выстрелы, а они оказались, вроде как, не у дел. Тоскливое состояние бойцов прервал тентованный «Урал», который привёз «подкрепление» обороняющим «объект».

- Пошли, - сказал Ткачёв и кивнул на грузовик: «Не пешком же в часть тащиться».

Они согласились и быстренько попрыгали в кузов. Водитель не заметил новых пассажиров и неторопливым аллюром тронулся в сторону части.

Когда машина остановилась, и заглох мотор, Серый выглянул в щель тента и обнаружил, что «Урал» стоит на плацу в двадцати метрах от входа в штаб. «Мужики», - сказал он, ехидно усмехаясь: «Есть идея...»

Никто и не ожидал, что у мирно стоящего в самом центре «узла обороны» грузовика, вдруг откинется задний борт, оттуда вылетят три отморозка, и с дикими криками, стреляя по сторонам, бросятся к двери штаба части. Ни дежурный по части, ни его помощник, ни рассыльный даже не рассчитывали, что к ним в рубку влетит Тейванс и, клацнув затвором автомата, скажет со своим неистребимым латышским спокойствием: «Здрафствуйте, руки фверх». Дневальный по штабу тоже не думал, что вдруг перед ним возникнет фигура в зимнем камуфляже и сверкнёт сталь ножа. Но, зато он знал, что его пост один из самых ответственных в части и продолжал тянуться к кнопке тревоги, невзирая на то, что Серый уже три или четыре раза ударил его «имитатором» в солнечное сплетение. Правду говорят, что русского солдата мало убить, его нужно ещё и повалить. В данном случае, это был казах, но они такие же тупые, как и русские. «Валить» его пришлось Ткачёву. Он заклинил внизу дверь ножкой стула и, пробегая мимо, бросил: «Чего ты с ним возишься?», а затем опустил свою «кувалду» на голову героически сопротивляющегося казаха. Довод, размером с пивную кружку, оказался достаточно весомым, чтобы дневальный осознал всю бренность своего существования, прилёг и задумался...

Ткачёв, а за ним и Серый влетели на второй этаж и оказались в коридоре штаба части. В коридоре было пусто и мирно, как будто бы и не гремели снаружи выстрелы, лишь где-то в конце коридора слышался голос НШ, грозным баском разговаривающего по телефону. Ткачёв аккуратно постучал в дверь с табличкой «Строевая часть». «Кто там?» - раздался из-за двери недовольный сонный голос. Пользуясь отсутствием командира, «погибшего» на учениях, штабные по тревоге бессовестно дрыхли. «Это я, Ваш криндец», - тихо ответил Ткачёв. «А, Игоряха», - узнали за дверью, и замок щёлкнул: «Заходи».

Появившийся в дверях Снегирь с помятой со сна рожей, увидев перед собой диверсанта с автоматом, проявил недюжинную сообразительность: «Так. Понятно. Мы убиты. Ну что ж, заходи, чайку попьём». Игорь мотнул головой, приглашая войти и Серого, но тот отказался: «Не-а, пойду Эншу грохну». И он кивнул в конец коридора, откуда был слышен голос НШ.

- Я с тобой, – перехватил автомат поудобней ретивый Ткачёв.

- Обойдёшься, – остудил его Серый: «С тебя на сегодня Салиты хватит. НШ – мой».

- Ладно, – покладисто согласился тот и повернулся к двери строевой части: «Чуваки, а печенье есть?».

- Есть, – гостеприимно донеслось оттуда: «Заходи, гостем будешь».

Как культурный и воспитанный человек, сразу «грохать» НШ Серый не стал. Подождал у кабинета, пока тот не закончит разговор, а потом тихонько и робко постучал в дверь. «Да, войдите», - раздался чем-то недовольный голос НШ. И тут уже Серый, как и положено матёрому диверсанту, с удара ноги распахнув дверь, с автоматом наперевес шагнул внутрь. «Товарищ капитан 2 ранга, разрешите доложить. Вы убиты», - чётко, по-уставному доложил он. О красную от возмущения рожу НШ можно было зажигать спички. Он приподнялся с кресла и, вцепившись руками за край стола так, что побелели костяшки пальцев, проревел: «Серый!? Что Вы здесь делаете!?»

- Штаб громим, – честно, но с присущей ему скромностью, признался тот.

- Кто ещё с Вами? – продолжал реветь НШ.

- Матрос Тейванс – берёт в плен дежурного по части и старший матрос Ткачёв – строевую часть... уничтожает, – слегка покривил душой Серый.

НШ со стоном рухнул обратно в кресло. В его положении настоящий самурай был просто обязан сделать себе сепуку или, на худой конец парочку харакири.

После этих учений они продолжили веселиться, хотя НШ на них явно окрысился. Но Тейванса всё-таки забрали в спортроту, а Ткачёв с Серым занялись подготовкой к КВН и до гнева НШ им было как до Китая... Вернее сказать, сначала этим занялся Ткачёв, а Серый решил посвятить себя «качанию железа» с целью приобретения пропорций Аполлона, и занялся этим делом всерьёз.

Ткачёв расписал ему три комплекса – на понедельник, среду и пятницу. А Серый, как натура творческая, изобразив их в виде рисунков на трёх плакатах, повесил в «качалке» Теперь, каждый проходящий туда, знал, что нужно делать, чтобы «раскачать» ту или иную часть своего организма. Только одна часть мужского организма оставалась лишена возможности для тренировки. И когда Вепс пошутил по этому поводу, Серый взял и нарисовал четвёртый плакат с изображением обнажённой красотки, стыдливо прикрывающей ладошками самые пикантные места. Получилось настолько жизненно, что Макита, увидев это «произведение соцреализма» в стиле «пин-ап», задумался: «А не стоит ли увеличить количество брома в компоте?»

Со спецпитанием вопрос тоже решился. Санька Казанцев помочь земляку не отказался и, мало того, что объяснил чего надо жрать побольше, но и стал подкидывать иногда что-нибудь сверх положенной нормы. Вложил свою лепту в телостроение и Умаров со свинарника. Вот уж от кого Серый не ожидал. Но Умар, узнав о проблемах своего бывшего комвзвода, отобрал у несчастных хрюшек и принёс ему банку молочной сыворотки. Эту гадость регулярно привозили на свинарник, чтобы будущая снедь лучше набирала вес. Казанец с Ткачёвым в один голос одобрили применение такого «стероида», а Умар пообещал обеспечить не меньше литра в день. Серому было стыдно объедать

несчастливых животных, но уж больно мышцу нарастить хотелось и, зажав скулую совесть в кулак, морщась и отплёвываясь, он начал пить сыворотку и «качать железо» до посинения.

Сначала он отработывал комплексы как велено – три раза в неделю, под наблюдением Игоря, но потом тот отвёлся на подготовку к КВН, а Серый войдя в раж, начал увеличивать нагрузки. Сначала до шести дней в неделю, потом прихватил и воскресенье. Кончилось это дело тем, что все три комплекса он делал ежедневно, а в воскресенье, в честь выходного, двойную норму. Ткачёв, увидев такое своеволие, за голову схватился: «Ты что делаешь!? Сердце сорвёшь!». Но сердце у Серого оказалось крепким, прогресс в наращивании мышц был налицо и Игорь, покачав головой, согласился с таким режимом.

А тем временем, у Ткачёва и остальной команды КВН дела что-то не ладилась. Нет, у роты «охранников» они, конечно, выиграли, но совсем не с разгромным счётом, как рассчитывали. А впереди предстояли встречи ещё и с «охотниками» и снабженцами, собравшими под свои знамёна камбуз, теплицу, склады и прочие не боевые, но зато интеллектуально развитые подразделения. Требовалось что-то свежее, злободневное и тогда Ткачёв предложил: «А что, мужики, давайте и, правда, Серого позовём». Мужики эту идею встретили скептически: «Серый? Да у него все шуточки ниже пояса», «Убивца этого угрюмого? Ага, «охотников» по сцене с автоматом гонять». Тогда Ткачёв объяснил, что по абсолютно достоверной информации, полученной от его кореша по «учебке» Сидора, именно Серый являлся автором большинства приколов в том подпольном концерте, который устроила первая рота в честь своих «дембелей». Решили попробовать, и дело вовлечения «Угрюмого Убивца» поручили автору идеи – Ткачёву, как корешу и соседу по койке.

Игорь в долгий ящик дело откладывать не стал и отправился искать Серого. Где искать, ясно было и без подсказки – в «качалке». Дождавшись, когда потный и красный от напряжения Серый закончит очередное упражнение комплекса, Игорь обратился к нему с предложением:

- Серый, для КВНа нужно что-нибудь сострять
- В каком смысле?
- Для домашнего задания. Что-нибудь оригинальное.
- А тема, какая?
- «Наша жизнь». Может что-нибудь из того, что в «учебке»...
- Нет, не пройдёт. Там совсем другая обстановка была.
- ?
- Дай подумать...

Видимо для стимуляции работы мозга, Серый опять взялся за штангу и засопел, «качая» бицепс. Ткачев скромно ждал окончания процесса. Отработав три подхода, Серый вытер полотенцем пот и предложил:

- Ну, например, прикиньтесь кто «охотником», кто БЧ-5 и каждый расскажите о каком-нибудь событии в своём подразделении.
- Не прокатит. Скучно.
- А Вы с юморком, с закосом под народные частушки...
- ?
- Дай подумать.

И опять взялся за «железо». В этот раз мыслительный процесс сочетался с процессом наращивания трицепса. Отсопев своё, утерев пот и отжав мокрое насквозь полотенце, Серый выдал:

*Ну и служба у ребят,
В автопарке дружно спят.
Под машиной и в машине,*

Вот что значит автобат.

- Так себе, – оценил творчество Ткачёв: «А потом, у нас авторота, а не автобат».

- Автобат – это для рифмы. А то, что я тебе сейчас состряпал, это не окончательный вариант. Так, прикинул на скорую руку, чтобы показать принцип.

- А окончательный вариант сделать сможешь?

- Ладно, схожу сегодня ночью на вахту, там чего-нибудь попробую, – и перешёл к следующей части своего тела, которой был недоволен – прессу.

Наутро худсовет в составе Ткачёва, Дмитриева, Снегиря и Саенко с недовольными мордами принимали работу. А с чего тут быть довольным? Стишки слабые, темы не острые, но Серый тут же учёл критику, кое-что переделал прямо на ходу и дело начало склеиваться. А когда он вошёл в раж и начал показывать, как всё это обыграть на сцене, строгая комиссия прониклась и пригласила его в команду на должность «режиссёра и сценариста».

Ух, как Серый корчил из себя Станиславского на репетиции в сушилке! Доказывал, показывал, орал: «Не верю!». «Понимаешь, ты – котельщик, ты чёрная кость, а у тебя на робе ни одного мазутного пятна и морда чисто умытая...» - он схватил банку с гуталином и двумя ловкими движениями превратил Славкину «морду чистую» в «морду грязную»: «Ты живёшь в грязи, умываешься раз в неделю, робу последний раз стирал полгода назад, но именно от этого ты счастлив. Ну-ка, сделай мне счастье! Нет, не рожу дебила, а настоящее огромное земное счастье. Ленку свою вспомни, как последний раз с ней кувыркался. Во! Вот так и надо! А на словах:

*И покуда есть мазут,
Меня микробы не возьмут...*

Кулаком себя в грудь, как Тарзан, чтобы всем сразу стало ясно, что здоровье у тебя крепче чем водопроводная труба...»

«...Саня, ты – кок. Ну, какой ты на хрен кок, с твоей-то талией. Засунь подушку под ремень. Так. Нет, маловато будет. Больно рожа худая. Засунь за щёки ещё чего-нибудь. Ну, не знаю чего, хоть носки Ткачёва, но чтобы щёки как у хомяка были, заодно и дикция получится, как будто ты краюшку хлеба дожёвываешь...».

Заразившись его энтузиазмом, команда старалась вовсю, вставляла свои реплики, корчила рожи и придумывала жесты, вживаясь в роль.

«Охотников» разгромили с треском и, обмывая победу лимонадом в «шинке», Снегирь сам предложил назначить Серого капитаном команды вместо него, приведя убедительный довод, что «реакция на шутку у него, как у диверсанта – мгновенная, а язык острее, чем его сапёрная лопатка». Команда это решение одобрила и в финал вышла с новым капитаном. Кстати обыграли и переход власти в команде, когда на домашнем задании на тему «Учения», посредник в виде Фемиды с белой повязкой на рукаве, «убил» «капитана» Снегирёва и тот передал свои полномочия Серому вместе с картонными погонами.

А в конкурсе капитанов Казанец решил блеснуть эрудицией и на задании «прочитать стихотворение, а соперник должен угадать автора», начал читать Игоря Северянина. Естественно, Серый перепутал его с ранним Блоком, но решил отомстить тем же способом.

*Южных звезд искристый свет,
За кормой серебристый след,
Как дорога в небосвод...*

Тоже фиг угадаешь. Киплинг. Автор «Маугли».

Ничья. Вторая попытка. Санька зачитал ещё один отрывок. Автора Серый не знал, но по специфической ритмике стиха догадался, что это Вознесенский. И угадал. А сам поставил ловушку, зачитав строчки из известной бардовской песни Никитина, но на слова Роберта Бернса. Сашка с радостью в неё попался, назвав автором слов Никитина, а не Бернса. Короче говоря, они опять выиграли, но оказалось, что победа в своей части это ещё не всё.

Выяснилось, что таких частей, где вместо службы Родине напропалую шутят со сцены, на Северном флоте набралось штук шесть-семь, и Политотдел флота решил провести общефлотский конкурс. Поэтому, команду взвода связи усилили особо выдающимися хохмачами из других команд и начали готовиться. Серый и Ткачев, за этими важными делами совсем службу забросили, отвлекаясь только на учения, «железо», да ещё Серый иногда на вахту ходил, если нужно что-то написать в тишине и покое.

Бывшие «годки», а теперь уже «гражданские» собирались домой, но внезапно над их головой грянул гром. Каким-то образом НШ рассекретил «шкеру» с «дембельской» формой и конфисковал её. ДМБ под угрозой. Ехать домой в уставных брюках шириной 28 сантиметров и, предписанных тем же Уставом «суконках», бушлатах и погонах было просто недопустимо и даже стыдно. Сварганить новую форму не успевали просто физически, и тогда Саня Дмитриев вспомнил про криминальные таланты Серого, уже спасшие его в своё время.

Серый внимательно выслушал просьбу и покрутил пальцем у виска: «Вы чего, ребята, совсем рехнулись? НШ, он же не дурнее паровоза, и что теперь в его сейфе лежит обычная форма вместо «дембельской» просечёт на раз. А уж, какой он кипеш поднимет, не мне тебе рассказывать». «Не бойсь, Серый», - успокоил его Саня: «Вы на учениях его так опустили, что если он сейчас ещё и объявит, что у него сейф выпотрошили, то его авторитету вообще полный финиш. Молчать будет, как рыба об лёд».

Серый задумался. В принципе Саня прав. По логике НШ должен молчать. Но, даже если и начнёт расследование, то не факт, что они попадутся. Пока суд да дело, «гражданские» сыграют своё ДМБ, и свидетелей не будет.

- Хорошо, - согласился он: «Но после того как... печать вернёте мне. Я её уничтожу».

- Замётано.

- И ещё. Кто в курсе дела?

- Я, Макар, Снегирь, Ткачёв и Саенко.

Вроде ребята все свои, разве что Макар... Но у Макара-то как раз форма в сейфе и лежит, какой ему смысл Серого закладывать.

- Ладно, - подвёл он итог: «И чтобы больше никому. Делай слепок».

Операция под лозунгом «Укради отобранное» прошла успешно. Серый получил обратно своё уголовно-криминальное изделие, расплющил свинец молотком и забросил комок подальше в сопки. Макар, как лучший портной части, в благодарность пошил Серому «дембельские» брюки. Серый отнекивался: «Не надо. Рано мне ещё о ДМБ думать. Примета плохая». Но Макар был неумолим, снимая мерку: «Стой не дёргайся. В вашем призыве хороших портных нет, а из «карасей» пока ещё вырастят». Мало того, он отдал ему несколько «дембельских» гюйсов, изнаночная часть которых, вместо синей ситцевой, была заменена на белую шёлковую. Этот подарок навёл его на одну мысль: «Макар, а у тебя обрезки шёлка ещё есть?»

- Есть то, что на манжеты шло.

- А ты мне не отдашь?

- Да ради Бога, бери. Только зачем тебе?

- Да так, идейка одна есть...

Идейка состояла в том чтобы, используя навыки рисования псевдогравюр в альбомах, расписать изнанку гюйса так, чтобы после возвращения домой, его не было стыдно повесить на стену как произведение искусства. Рисовать на натянутом шёлке шариковой авторучкой оказалось не сложнее, чем тушью по бумаге, но хотелось сделать рисунок красочным, а это требовало экспериментальных исследований. Поэтому, засев в подземной творческой лаборатории замаскированной под «пост № 1» узла связи, он начал переводить добро на.... Ну, в общем, экспериментировать с красками и шёлком. В конце концов, методом проб и ошибок, он определил, что оптимальным является рисунок цветным карандашом по мокрому шёлку.

Обрадованный своей творческой находкой, делающей несомненно прогрессивный шаг вперёд в деле подготовки к ДМБ, он написал Олегу в Пшеничное и поделился технологией производства. Олег не замедлил ответить, но сообщал, что Серый в этой области не первооткрыватель и похожая техника существует в росписи «батик», но вот использовать это утончённое эстетство в росписи «дембельских» гюйсов, это действительно достижение и он, со своей стороны, готов продвигать эту передовую идею на Балтийском флоте.

Серый успел расписать свой первый «гюйс-батик» до отъезда Макара и подарить ему на память. Рисунок, который он изобразил на подарке, сразу, с первого экземпляра стал серийным. «Летучий голландец» в стиле старинной гравюры, летящий над заснеженными сопками с традиционными белым медведем и росомахой, в свете переливающихся огней северного сияния, образующего надпись «Североморск – 7». Потом уже он рисовал и подводные лодки и крейсера, менял пейзажи и персонажей, но этот рисунок оставался самым популярным и штамповал он его до самого конца службы, тратя на «изделие» не больше двух часов.

Всё сильней пригревало солнышко, всё теплее становилось на улице. Начал подтаивать снег и, казалось, вместе со снегом, начинает оттаивать закостеневшая и озлобившаяся за последние полгода душа Серого. Так ему было легко и радостно, что хотелось летать.

А тут ещё Невестенко сообщил, что, хотя его представление к медали «За боевые заслуги» отклонено, но ходатайство о предоставлении отпуска поддержано, а чтобы не обижался, что «цацку» на грудь не дали, что поделать, срочная служба – не положено, ему повесят лычку на погон. «Так что, Серый, на майские готовься».

Серому наплевать и на лычку, и на «цацку», а вот отпуску, он действительно обрадовался. Уже представлял себе, как появится в Москве по «форме три», увидит родителей, Галку, Киру и ещё тех немногих девчонок, что продолжали ему писать. Как пройдёт по улицам родного города, встретится с друзьями и обязательно выпьет хорошего вина.

На волне такой эйфории и общего оборзения организма, пёрло из него как никогда. Позабыв о том, что он теперь «годок» и ему «не положено», рисовал в альбомах друзей и расписывал гюйсы, сочинял частушки для КВН и стихи для себя, а когда и этого ему показалось недостаточно, начал выпускать подпольный «Боевой мазок».

Когда-то, на буксире, он уже делал что-то подобное. Листок бумаги стандартного формата под заголовком «Улыбка кашалота» с шаржами на друзей и карикатурами на тему судовых будней. Здесь же, где в каждом подразделении выпускался свой «Боевой листок», со стандартными фразами типа «Товарищи, равняйтесь на матроса...», потому что он весь такой белый и

пушистый, его «Боевой мазок» наоборот высмеивал таких вот белых и пушистых, а также рыжих, чёрных, лысых и всех остальных. Причем, оборзевшему «годку» было по барабану кого высмеивать, «салагу» из автороты или командира части, тем более что издание было подпольным и анонимным.

Конечно, вся часть знала, чьи это проделки, но Командор оказался с чувством юмора, и когда какой-то доброхот принёс ему выпуск с карикатурой на которой тот был изображён в виде памятника Юрию Долгорукому, но в строительной каске и со словами Петра Первого на постаменте: «Здесь будет город заложен...», просто рассмеялся и забрал себе карикатуру, пообещав повесить дома на стену. А вот НШ на рисунок, где он ловит на озере рыбу-гольца, командуя: «Равняйся! Смирно! Клевать!», обиделся, но сделать ничего не посмел. Командор смеётся, а значит и ему придётся улыбаться.

А вообще, у НШ этот Серый стал любимой мозолью, больным зубом и геморроем в одном лице. Он его достал, начиная ещё с того самого, своего дурацкого «бунта». Если честно, то он рассчитывал, что быть в части ещё одному «вечному салаге», а этот выкрутился и сейчас ходит по части с наглой косорожей улыбкой, честь отдаёт небрежно, с офицерами шутит, а с прапорами вообще на «ты». Даже Салита, когда он попросил его тихонько провести расследование по поводу подмены формы в сейфе, доложил, что «есть подозрение» что к этому делу причастен Серый. И это при его возможностях! Явно покрывает гадёныша. Сказал бы прямо, нашёл бы доказательства и «дисбат» этому разгильдяю обеспечен, а так... Не пойман – не вор.

Серый выскочил из зала «физо» обтереться снегом после занятий. Обтёрся, побрякивая от удовольствия, и хотел было бежать обратно, но прапорщик Мишин, в шутку, кинулся в него снежком. Получив комок снега промеж лопаток, Серый взвизгнул и, обернувшись, беззлобно обматерил старшего по званию: «Васька, сволочь, иди на хрен! Сам дурак и шутки у тебя дурацкие!». А почему бы и не Васька, если он всего на три года старше. Но веселья не получилось.

Гневный голос НШ прорычал: «Матрос Серый!». «Я!» - ответил полуголый матрос вытягиваясь по стойке «смирно». «За неуставные отношения и оскорбление старшего по званию – трое суток ареста». «Есть», - ответил Серый. НШ повернулся и ушёл. Мишин, провожая его недоуменным взглядом, покрутил пальцем у виска, а Серый с испорченным настроением только махнул рукой и ушёл в зал «физо».

- Командир, – доложил он Невестенко: «Мне НШ только что трое суток вклеил».
- За что?
- Мишина ... послал...
- Серьёзно?
- Да какое там! Шутили. Он в меня снежком бросил.
- А-а, ну тогда забудь.
- Как это?
- Пока ты среди «пловцов» ни на какую «губу» тебя не отвезут. Понял?
- Не-а.
- Потому что после «губы» быть «боевым пловцом» ты не сможешь. Не будет тебе доверия от Родины.
- А-а-а, тогда понятно. Значит, пока я «пловец», то Родину я, конечно, могу продать, а могу и не продать. Ну а после «губы» я её уж точно продам, причём очень дёшево, что вредит престижу...
- Серый, щас в рыло...

- Ухожу, ухожу...

А ведь и, правда, на «губу» не отвезли. Поэтому Серый и продолжил борзеть дальше. Ну и доборзелся...

Год со дня прибытия в часть, они с Шуркой отметили торжественным чаепитием с остатками прошлогоднего черничного варенья собственного замеса. Естественно, в подземелье, и, ясное дело, на вахте. А чем ещё заняться двум благородным донам, то есть «годкам»? Не службу же нести...

Посидели, потрепались, вспомнили, как год назад их высадили возле «карантина» и как пришлось тогда стать отцами-командирами над такими же, как и они сами, зелёными призывниками. Теперь, эти «зелёные» уже сами с усами и с лычками, кто отделением командует, а кто постом, а Шулипу капитан Чёрный вообще планирует назначить замкомвзвода.

К двум часам ночи Шурка устал от службы и пошёл к себе на пост, процитировав на прощанье свой любимой лозунг: «Только сон приблизит нас, к увольнению в запас». А Серый, сбросив сапоги и чёртову узкую голландку, закинув ноги на коммутатор, начал выполнять заказ Ткачёва.

Тот, видите ли, пожелал воспользоваться способностями кореша и поздравить одну из своих девчонок с днём рождения в стихах. День рождения планировался ещё в июне, и Серый отбрёхивался: «Да ладно, успеем...», но Игаряха, зараза, всю плешь проел. Пришлось идти на вахту.

Задумался. А зря. От этого в башке завелась очередная мысль – а что, если написать так, чтобы из первых букв каждой строчки получилось поздравление. Написал по вертикали «Наташа, с Днём Рождения» и начал присобачивать к каждой букве строчку, стараясь, чтобы и смысл был, и рифма соблюдалась.

*Наверно, я опять чуть-чуть смешной,
А исправляться поздно – не исправить.
Тебя поздравит в прозе, пусть другой,
А я хочу в стихах тебя поздравить.
Шелка небес на платице твоё,
Алмазы звёзд на новые браслеты,
Сапфир цветов, жемчужное жнивье
Дарит тебе в подарок это лето.
Но, что могу я, средний человек,
Ещё, к тому же, на военной службе,
Могу ли, как Природа, целый век,
Рассыпать в счастье, радости и дружбе.
Одеть в цветы все грустные дома,
Жизнь сделать и весёлой, и прекрасной.
Дарить улыбки будешь ты сама,
Едва увидишь жизнь, как солнце ясной.
Не сомневайся, это сделать я смогу
И говорю об этом не напрасно,
Я этот мир и всё в нём сберегу
Покой твой, охраняя ежечасно.*

Работёнка получилась сложная, но интересная. Правда, последняя строчка выпадала из вертикального текста поздравления, но без неё никак не получалось. Серый перечитал ещё раз, решил что «и так сойдёт», собрался переписать на чистовик, но в этот момент из вентиляционной трубы раздались два свистка. Ребята из БЧ-5 предупреждали, что идёт проверяющий.

Серый вскочил, натянул голландку и... задумался. Отпуск ему шёл от штаба флота, а вот лычки на погон от командира части и, если сейчас слегка

*По «подъёму» я встану, и брюки с голландкой надену.
На зарядку бегу, весь от холода злого дрожа.
Руки в варежки суну, а уши куда же я дену?
И пойму ещё раз, то, что жизнь эта так хороша.*

Тексты были настолько близки и понятны, что народ, аж повизгивал от хохота.

*Я на камбуз бегу и на завтрак столы накрываю
Будет хлеб, будет масло, и кофе, и рыба в соку.
Я друзей созову и «порцайку» соседа срубая,
А иначе на службе на этой прожить не смогу*

Катались от смеха все. Не только матросы и старшины, но и офицеры, и даже парочка затесавшихся в зал суровых адмиралов. А Серый, с абсолютно спокойным и, даже немного печальным лицом, выводил:

*И когда заструится закат, по углам заметая,
Пусть опять и опять предо мной проплывут наяву,
Каша, щи и «бакланы» и всё, что я за день съедаю,
А иначе я просто до «дембеля» не доживу...*

и ушёл со сцены под аплодисменты и крики «бис», с таким же печальным лицом Арлекина.

Это было не только сценическим решением. Серый действительно расстроился. Левая рука, после того чёртова осколка, струны зажимала плохо. Такое ощущение, словно гитару он в руки взял впервые. Хорошо ещё, что вся песня в четыре аккорда уложилась, а правая рука перебирала струны с прежней ловкостью.

Но народ выступление команды оценил, и после подведения итогов, из зала раздались крики с просьбой повторить номер.

Они посоветовались и согласились, но ... на сцену вышли Снегирь, Ткачёв и Саенко. Три гитары. Казанец сел за импровизированные «ударные» и

*Годы летят стрелою,
Скоро и мы с тобою,
Разом, из города уйдём...*

«Машина времени» пошла «на ура» и ребятам пришлось спеть ещё три или четыре песни, пока ведущий не смог успокоить зал.

Серый стоял за кулисами и с завистью смотрел на своих друзей, потирая коварную кисть левой руки. Жаль, но как гитарист, он умер...

Печальным ходил по части и старший лейтенант Невестенко. Звание капитана, честно заработанное на «боевом дежурстве», ему не дали. Сам виноват...

На очередных учениях «громили» узел связи. Слабенький такой «узелок» оказался. Взяли его на «раз-два» и даже без «три», причём двумя группами одновременно. Но, какой-то шустрый боец из оборонцев, ухитрился заехать старлею прикладом под глаз. Как и положено, на командирской морде, как и на любой другой, тут же образовалось локальное подкожное кровоизлияние, в просторечии именуемое «фингал». Ерунда, конечно. Не первый и не последний. Но, за неделю до этого старлей женился и теперь, понимая, что должен явиться домой, к молодой жене с таким вот «украшением», взбесился.

Ткачёв и Серый, с автоматами наперевес, мирно ворвались на пост местного коммутатора: «Здорово, земля».

- Здорово, мужики.

- Ты убит, братуха.

- Да без проблем, – ответил вахтенный матрос, демонстративно откладывая в сторону автомат. Вот и всё. Пост уничтожен. Но тут в дверь ворвался

обсиняченный Невестенко с трудом придерживая сорванную крышу: «Пост уничтожили?»

- Ага. Так точно.

- Не вижу следов уничтожения! – взревел старлей и отработанным ударом врезал сапогом по коммутатору. Стёклышки с древнего агрегата брызнули во все стороны. А затем, схватил «трофейный» автомат и метнул его в коммутационную стойку. Тоненькие проводки, сплетённые местным умельцем в хитрую паутину, начали рваться, лишая узел его основной функции - связи. «Уй-йа-а...» - схватился за голову вахтенный: «Я же его целый месяц паял...». А старлей, не обращая внимания на его стенания, вышел вместе с дверью, бросив через плечо: «И дальше в том же духе». «Есть!» - радостно ответил Ткачёв и бросился вслед за командиром.

Серый огляделся. Чего бы здесь ещё порушить? Кроме вахтенного рушить уже было нечего, да и тот стоял, зажавшись в угол, и смотрел на него ошалелыми глазами. Рушить парня Серый не стал.

- А что, он у вас всегда такой? – робко поинтересовался матрос.

- Не-а, – успокоил его Серый: «Обычно он добрый и ласковый, пленных конфетами кормит. Просто сейчас, кто-то из местных уродов ему фингал поставил, и теперь, пока он всё здесь вдрызг и напополам не разнесёт, не успокоится. Извини, братуха, сами виноваты...». И, по злой памяти, проломив сапогом стенку ящика с химкомплектами, выскочил из помещения.

Теперь узел связи напоминал Рим, времён нашествия вандалов. Выбитые двери, поломанная мебель, разбитые телефонные трубки и телеграфные аппараты со следами сапога на клавиатуре. Из-за какой-то двери раздался девичий визг, а затем грохнул автоматный выстрел. Серый бросился туда.

Ткачёв вышиб ногой очередную незапертую дверь, ввалился внутрь и замер. В телеграфном зале, куда он попал, сидели пять девчонок-телеграфисток в матросской форме, и смотрели на него традиционно круглыми глазами. В камуфляже, без знаков различия, весь перепачканный болотной грязюкой и с автоматом воняющим свежей пороховой гарью, он явился им воплощением грозного посланника смерти, заглянувшего к ним прямо из Вальхалмы, и они завизжали от страха.

Ткачёв опешил. Последний раз женщину он видел так близко примерно год назад. Естественно, что за это время успел несколько подзабыть правила куртуазного обращения с дамами. Поэтому, вместо того, чтобы произнести что-нибудь типа «ах, сударыни, как я безмерно счастлив лицезреть Вашу божественную красоту этим прЭлестным утром», он просто бабахнул из АКМа в пол и прорычал: «Все убиты».

Девчонки замерли, ожидая, что будет делать дальше этот медведь в дверях, но тут в зал влетел ещё один, похожий на волка, в перепачканном камуфляже, поменьше габаритами, но с кривым шрамом на лице и от этого не менее страшный. «Вау!» – сказал тот, что поменьше: «Дамы, шоб я сдох...». Сделал шаг вперёд и, щёлкнув каблуками перемазанных в глине сапог, кивнул головой, изображая приветствие:

- Позвольте представиться. Лейб-гвардии гусарского её Величества королевы Лапландии, конно-морского эскадрона связи, корнет князь Серый-Задунайский!

Девчонки облегчённо вздохнули: «Здрась-сте!» А Серый продолжил клоунаду:

- Позвольте представить моего друга, героя всех заполярных войн и прочих безобразий, штабс-капитана Ткачёва.

Девчонки уже хихикнули, когда щёлкнул каблуками и отдал честь двумя пальцами к виску, пришедший в себя Ткачёв, а Серый продолжил:

- Только прошу учесть, милостивые государыни, что друг мой женского пола не видел уже больше года. Поэтому, ваши имена, адреса, номера домашних телефонов и прочие секретные сведения, которые он должен от вас получить, лучше выдать добровольно, сразу и без сопротивления».

Ткачёв и девчонки уже всю улыбаются – такая «война» им нравилась. Но тут Серый заметил ещё одну дверь в стене. Нормальная такая, обитая железом, дверь секретного поста.

- О! А что это здесь у нас? – он подошёл к двери и пнул её ногой: «Никак ЗАСовцы по тревоге дрыхнут. Штабс-капитан, будьте любезны, займитесь допросом и ОБЫСКОМ пленных, а я коллег своих навещу. Тук-тук-тук!»

- Кто там?

- Хлеб-соль доставай, диверсант пришёл.

- Мужик, тебе сюда нельзя.

- Открывай, у меня первый допуск.

- А чем докажешь?

- Щас, к особисту сбегаю – справку возьму, – и сапогом в дверь – «бабах!», со всей дури, да так, что штукатурка посыпалась.

- Ладно, ладно. Не шуми, открываю.

За дверью стоял стармос с недовольной рожей, и родные серенькие пять блоков ЗАСовской аппаратуры. Серый вошёл.

- Ну что? Всё? Убедился? – стармос явно нервничал: «Ладно, уничтожил и вали отсюда».

- Э-э нет... - продолжал куражиться Серый: «Помнишь, как по инструкции «28-бис» этот агрегат уничтожать надо, чтобы врагу не достался?»

- Помню, молотком четвёртый блок вдребезги...

- Это уже устарело, а в присутствии «вражеского» диверсанта просто не актуально. Лучше, в таком случае, вместо молотка взять кумулятивную гранату. И блока нет, да и тебя тоже. Граната есть?

- Нету...

- Плохо. К следующему разу приготовь. А пока, берём тумблер анодного напряжения и поворачиваем его вправо до упора...

Серый повернул тумблер. Внутри агрегата что-то загудело, затрещало и из его щелей повалил вонючий жёлтый дым. Всё-таки, когда-то, он действительно был отличником...

- Вот так, – закончил Серый: «Теперь аппарат точно уничтожен. Ну, бывай, братуха».

Естественно, что за такое уничтожение узла связи и за секретную аппаратуру стоимостью полтора миллиона рублей, капитана старлею не дали.

В день отъезда домой Линиуса, последнего из старых «годков», Серый «расшил» свою голландку. Теперь этот символ его «борзеющего» состояния стал уже не нужен, а в свободной одежде, действительно, удобней.

Правда смена «карасей» в этот раз задержалась в «карантине» - должен же кто-то и взводами командовать в учебной роте, чтобы сначала власть почувствовали, а потом опять «дучки дрючить» начали. Но из них, ставших полноправными «годками», от наряда морду воротил только Мишка Четверенко, а Серый и Ткачёв, ставший командиром отделения, не чинясь и не гнушаясь шли и в рассыльные, и на коммутатор. А Шурка Орбинский, вообще на своём посту прописался и вылезал из «дырки» только для того, чтобы пожрать и выспаться, словно на вахте ему мало.

Серому в подземелье даже нравилось. Особенно ночью. Тихо. Спокойно. Можно порисовать вволю или срифмовать чего-нибудь.

Край заполярный. Морозные вьюги.

*Позднее солнце зимой.
Ждёте ли нас, дорогие подруги?
Скоро вернёмся домой.
Скоро вернёмся и станем моложе,
Сняв бескозырку, бушлат,
Только характером станем построже,
Чем были два года назад.
Долго ещё будет сниться ночами
Шелест холодной волны.
Вахты бессонные вместе с друзьями –
Чутки матросские сны.
Долго ещё по матросской привычке
«Баночкой» стул будем звать,
«Обрезом» - ведро и половник – «чумичкой»,
«Койкой» - простую кровать.
Долго ещё по утрам будем сами,
Как по команде вставать.
Крепко со службы усвоено нами –
Родину нам защищать.*

Шурка, которому поневоле приходилось выслушивать это первым, фыркал и советовал не портить бумагу, а вот Снегирю это дело понравилось, и он начал подбирать музыку под то, что накропал Серый. Получались песни. Средненькие, дворового уровня, но для армейских условий вполне пригодные. Серый не протестовал, но только просил не афишировать имя автора. И даже, когда политотдел предложил команде-победительнице поехать по частям с выступлениями, не согласился выйти из подполья.

Вернее, предложили не всей команде, а тем, кто играет и поёт, создав из них своеобразную агитбригаду. Так и получилась программа концерта из трёх отделений. В первом – музыкальные номера КВН, во втором – песни «Машины времени», а третье взял на себя Снегирь, исполняя под гитару «песни придуманные народом».

Серый в этих концертах с трудом отмучивал номер под Окуджаву, но его записали, как конферансье. А что? Получилось неплохо. Шутки от такого, с виду угрюмого мужика, получались неожиданными и острыми, тем более, он не боялся выходить с микрофоном в зал, вступать в диалоги со зрителями и придумывать новые хохмы прямо на ходу, экспромтом.

- Серый, айда в «карантин» сходим, – предложил как-то Ткачёв.
- На фига?
- Там говорят один кент из Пшеничного...
- Да? А из какой роты?
- А чёрт его знает. Белый не запомнил.
- Ну, пойдём.

В «карантине» выяснилось, что нужный им «кент» со своим взводом только что отправился на стрельбище. Они подумали и отправились следом.

В этот день на стрельбище дежурил прапорщик Мишин, с печалью во взоре наблюдающий за тем, как «салаги» расстреливают свой первый магазин «в молоко».

- Здорово, прапор. Привет, Васька, – поздоровались они.
- И Вам не кашлять, товарищи бойцы.
- Что, любишь на своих будущих снайперов?
- Да уж, сибиряков среди них явно нет, – с печалью в голосе ответил прапор.

Сибиряков-таёжников во взводе точно не было. В основном горбоносые и черноглазые.

- Так показал бы им, как стрелять надо, – подзадорил его Ткачёв.

- Тебе хочется, ты и показывай. А я с «бодуна» – мне лениво.

- А что, Серый, покажем? – завёлся Ткачёв.

- Давай, только мишени не трожь... - согласился Серый.

- Что так? Бумагу жалко?

- Да есть тут одна идеяка...

- Ох, уж эти мне твои идеики... Эй, «салага», дай-ка ствол. Смотрите, орлы, каждый камень – это враг.

Они отобрали у «молодых» два АКМа и начали пальбу. Одиночными. На каждый вздох – выстрел, так что за полминуты «пометили» все валуны в секторе стрельбы.

- Поняли, как надо? – рисуясь, спросил он у восхищённо глядящих на них «салаг»: «Серый, ты ещё что-то хотел показать?»

- Ага.

Серый сменил магазин, упал и колбасой покатился вниз по склону, стреляя короткими очередями. Этому трюку его научил Перепечко ещё зимой, и вот теперь пригодилось продемонстрировать «молодым». Когда патроны закончились и он остановился, мишени напоминали дуршлаг.

- Вай! – удивлённо произнёс кто-то из «салаг»: «Разве так можно?»

- Можно, – с уверенностью заявил Ткачёв, который сам так не умел.

- А как этому научиться, вам объяснит прапорщик Мишин. Верно, товарищ прапорщик? – с ехидной ухмылкой закончил он.

- Верно, – буркнул Мишин, недовольный тем, что теперь вместо безделья придётся учить молодёжь, и тихо добавил: «Гад ты, Игоряха. Сачкануть не дал».

- Товарищ матрос, разрешите обратиться.

Серый, оттирающий грязь с коленок, разогнулся. Перед ним стоял матрос из «молодых», судя по уже обросшей голове, явно не «салага».

- Обращайтесь, товарищ «карась», - шутливо разрешил он.

- Ваша фамилия Серый?

- Да.

А «карась» вскинул ладонь к виску и вытянувшись по стойке «смирно» доложил:

- Бывший курсант первой роты, четвёртого взвода в\ч 90198 Свиридов.

- Ба, с моего взвода, – удивился Серый и протянул руку: «Ну, давай знакомиться. Серый»

- Виталий, – ответил на рукопожатие бывший курсант: «А то, что Вы Серый, я и так знаю. Нам сержант Исаев много чего про ваш выпуск рассказывал».

- Давай на «ты», мы не в «учебке». Так Исай уже сержант?

- Да, они все уже сержанты, кто из Вашего... твоего выпуска, а Сынковский даже старший сержант.

- В отпуска съездили? – с лёгкой завистью спросил Серый.

- А как же, – ответил «карась».

- А я, вот видишь... - развёл руками Серый.

- Странно, «папа Исай» говорил, что Вы, тыфу ... ты был первым в выпуске. Даже признался как-то, что из тебя инструктор получился бы лучше, чем он.

- Ничего, Серый и здесь пригодился, – вмешался в беседу подошедший Ткачёв: «А что это ты своего сержанта «папой» величаешь?»

- Так он нам и был как отец родной. У нас вообще сержанты классные. Что Михеев, что Сынковский. Они говорят, что так им «деды» Дыбенко с Мокеем служить завещали, так и нам по тем же принципам служить.

- Во как! Глянь-ка, Серый, целая идеология.

- Всё верно. «Деда» правильными мужиками были.

- А мы с тобой?
- Не знаю. Вот, когда нынешние «салаги» «годками» станут, тогда и видно будет. Ну ладно, бывший курсант Свиридов, ждём тебя во взводе.
- Ага. И толчки в гальюне тебя тоже ждут, – скорчил зверскую рожу Ткачёв.
- Ничего, – с улыбкой ответил Свирид: «Толчки – дело «карасёвое». Мы там икру мечем».

И они дружно заржали. Не перевелись ещё хохмачи в первой роте.

Как-то в зале «физо» к нему подошёл Невестенко. Пощупал, с видом опытного коннозаводчика, увеличившийся бицепс Серого, и неожиданно спросил: «Серый, а ты не думал на сверхсрочную остаться?». «Думал», - честно сознался Серый.

Где-то за неделю до этого «ансамбль песни без пляски» выезжал с очередным концертом на базу атомных подводных лодок.

Отработали своё, повеселили народ и, после выступления, вышли покурить, в ожидании обеда, которым по традиции должны были накормить «артистов». База пряталась в бухте, со всех сторон окружённой скалами, к которым лепились несколько казарм и складов. А вот лодка у пирса была всего одна. Были ещё какие-то катера, боты и даже плавмастерская, но подводная «рыбина» стояла в гордом одиночестве.

- А что это у Вас так малоллюдно? – спросил Снегирь у местного матроса, курившего вместе с ними: «Я-то думал, что здесь лодок, как сельдей в бочке, а тут всего одна»

- В скалах доки пробиты, – усмехнулся матрос: «Там вся стая и прячется. А мы сегодня вечером в поход идём – вот у причала и ошвартованы».

- Надолго? – поинтересовался Ткачёв.

- На полгода, аккурат к ДМБ вернёмся и домой.

- А дом твой где, земля?

- В Москве, столице нашей Родины.

- Эй, Серый, иди сюда! Я твоего земляка нашёл.

Серый подбежал: «Откуда, братуха?»

- Из Кузьминок.

- А я с Профсоюзной.

- Да ладно? У нас зам по тылу с Профсоюзной.

- Так ты здесь не один из Москвы?

- Нет, нас трое. Слушай, а хочешь, на лодку ко мне ходим? Мужики рады будут.

Серый уже был на лодке, но на дизельной и поэтому сказал: «Конечно, хочу».

Вообще-то на атомоход посторонним нельзя, но Серого, как «любимца публики» и «народного артиста», пропустили, предупредив: «Смотри, на комингс не наступай». А Серый, он что? Дурак, что ли? Он и на крейсере не наступал, а на лодке, после «боевого дежурства», вообще нырял из отсека в отсек, ничем не отличаясь от местных. Местные это дело просекли и спросили. Пришлось раскрыть секрет и похвастаться, что он ходил на патрулирование под водой. Земляк Артём сразу возгордился знакомством с настоящим «боевым пловцом», да и остальные начали посматривать на его шрам с уважением.

Полазали по лодке, посмотрели, как живут подводники. Посидели в отсеке, поболтали с ребятами, попили фруктового сока из подплавского рациона и вышли на воздух.

- О, на ловца и зверь бежит, – Артём заметил проходящего мимо капитана 3 ранга и окликнул его: «Виктор Петрович! Я нашего земляка встретил». Кап-три

на землячество среагировал чётко и подошёл с традиционным вопросом: «Откуда, земля?».

- Черёмушки, – ответил Серый.

- А у меня родители до сих пор в Беляево живут. А к нам, морякам, как попал, пехота?

- Да мы с концертом приехали.

- Ты что, на «гражданке» артистом был?

- Нет, на «гражданке» я как раз моряком был.

- В смысле?

- Да на теплоходе работал.

- Во, здорово...

- Тёма! Артём! – прервал их разговор вахтенный у трапа лодки: «Иди на пост, тебя командир БЧ-3 вызывает».

- Иду! – ответил Артём: «Ну ладно, зёма, будь здоров. Побегу я. На, держи на память». Он снял с головы пилотку и протянул её Серому.

- И тебе семь футов под килем, браток, – ответил он и, сдёрнув с головы берет, протянул его Артёму: «Взаимно. Носи».

Артём убежал, а они с кап-три неторопливо пошли вдоль причала.

- Так ты кем работал, рулевым? – продолжал интересоваться офицер.

- Ну да, – ответил Серый: «Только мне всего полгода в технаре оставалось отучиться и штурманские нашивки мои».

- Прямо сразу и твои?

- Так я работаю с шестнадцати, плавценз почти набрал. Делов-то оставалось, только технарь закончить.

Кап-три задумался, а потом произнёс: «Слушай, а если я тебе предложу пойти к нам мичманом?». Серый фыркнул: «Нет, я уж лучше домой».

- А ты подумай. Не спеши. У меня место командира адмиральского катера свободно. Служба не пыльная. Раз в неделю «батю» на рыбалку вывезти, а полярные надбавки и всё прочее идут.

Серый почесал в затылке, а кап-три продолжал уговаривать: «Вон видишь, у причала лайба с белой надстройкой – это он».

- Так это же «малый охотник» времён войны, – Серый вспомнил гравюру из «Морского сборника».

- Точно. Адмирал на такую службу начинал, вот теперь и держит его, как любимую игрушку.

Кап-три ещё долго убеждал его, рассказывая про все прелести такой службы, даже провёл экскурсию по раритетному плавсредству и, в конце концов, посеял в душе Серого некоторое сомнение: «А стоит ли возвращаться в Москву, если там нет моря, а здесь есть?»

- Думал, – честно сознался Серый

- А если ко мне в группу радистом? А? Служба наша тебе знакома, мужики тебя знают...

- Ага. И НШ тоже. Командир, тебе что, проблем мало? А со мной ещё больше будет...

- Да плевать мне на проблемы! Мне нужны парни, которым я могу доверять, кто спину мне прикрывать будет. Такие, как Менжулов, как Потехин и как... ты. Подумай.

- Хорошо, командир. Подумаю. Только, видишь ли, я человек мирный и единственное о чём я мечтаю – это пароходы водить.

Он рассказал о предложении кап-три из базы атомоходов.

- Ладно, время терпит. Подумай. А рапорт твой я готов принять в любое время.

И-раз. И-раз. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Штанга ходит вверх-вниз, трещат мышцы, пот льётся градом, но Серому это нравится. Вошёл во вкус, а теперь, и остановиться не может. Ткачёв доволен. Слепил-таки из этого супового набора вполне приличную фигуру. Как-то раз, после командирской парилки, встали вдвоём перед зеркалом. Ткачёв массивней, мышцы буграми под кожей ходят. У Серого поменьше будет, но как-то всё пропорциональней. Грудная плита тоньше, но в сочетании с узкой талией и рельефным прессом смотрится хорошо. Бицепс не 44, как у Игоря, а всего 38, но кость тонкая и выглядит он не менее солидно.

- Да, Серый, - признался Игорь: «Я бы тебе свою девушку на пляж сводить не доверил».

- Чего так? – удивился тот.

- А вдруг она на тебя соблазнится.

- Нужна мне твоя девушка, – отшутился Серый: «У меня Галка есть».

Несмотря на ежедневные дозы брома, молодой организм требовал своего, и юная принцесса стала сниться всё чаще и чаще, а одежды на ней раз от раза становилось всё меньше и меньше.

Ну что, друг мой штанга, поборемся с потенцией! И-раз... И-раз...

Наконец-то наступило короткое заполярное лето и, как это у него принято, разукрасило землю Лапландскую так, что Серый начал жалеть об отсутствии у него таланта Шишкина, и что он не может запечатлеть всю эту красоту на бумаге. Приходилось малевать что-то попроще и по большей части, в «дембельские» альбомы корешей.

А корешей этих развелось, как собак нерезаных. И всем надо помочь. Так Серый и не лентяй или «шланг», по флотской терминологии. Это в наряд, с приходом «карасей», ему «в лом» идти, а вот друзьям помочь – это мы всегда и пожалуйста. А если под настроение, то можно хоть ночь просидеть над чужим альбомом. До своего-то руки не доходят. А тут ещё из других частей заказы посыпались.

Кореша по «учебке», узнав о том, что он расписывает гюйсы в стиле «батик», начали писать, чтобы и их обеспечил. Так полетели бандероли и на Балтфлот, и на Чёрное море. С такими посылками в обход цензуры проблем тоже не было. Только попроси кого-нибудь из знакомых офицеров или прапорщиков, а они и отправят, и получат, и в часть привезут. Серый прикинул, что если он водки попросит, то и водку доставят, но к спиртному почему-то совсем не тянуло. Даже «шило», которое после ТО оставалось или корешам отдавал, или на «технические нужды» изводил. А сам всё больше со штангой и на турнике.

И ещё одно развлечение себе завёл – «молодых» на зарядку выводить, как когда то в «карантине». Причём, не только своих связистов, а сводную колонну всего третьего этажа. И не как прежние «годки», со стороны поглядывая да покрикивая, а головным в колонне. «Салаги» и «караси» сперва взвыли, когда вместо двух-трёх километровой пробежки неторопливой рысцой по кругу, получили полноценный утренний марш-бросок на пять километров в сопки, но потом привыкли. А затем и «полторашники», и «годки», из тех кто «железо качал», начали присоединяться.

Вот и в этот раз, просидев всю ночь в сушилке над рисунками и оттопав утреннюю пробежку, он решил, что теперь можно и поспать. Что делает в таком случае нормальный «годок»? Он идёт в каптёрку, запирается и дрыхнет на куче «спецпошивов» сколько в него влезет. Но Серый то «годок» не простой. Он «годок» чёрно-бурый, в том смысле, что буреет по-чёрному. Поэтому он скинул сапоги и завалился одетым на свою койку.

Неважно, что ему снилось в этот раз, но проснулся он оттого, что кто-то неласково пнул его в бок и голосом НШ сказал: «А это ещё что такое?» Серый вынул опухшую морду из подушки и посмотрел на кавторанга.

- Это не «что», это я.

- Серый, ты что, совсем нюх потерял? Спишь среди бела дня!

Серый хотел отбрехаться, что он после вахты, но на верхней койке в соседнем ряду отдыхал после вахты Свирид.

- Ага, потерял... Насморк у меня.

НШ аж взвился: «Встать! Смирно!». Серый не торопясь встал с койки и с большим вниманием выслушал всё, что хотел ему сообщить НШ о том, как его достали всякие разгильдяи, а его персона особенно. Что с его появлением в части начала рушиться дисциплина и молодые матросы уже не так слушаются старослужащих. Что при его способностях он мог бы служить положительным примером, а служит исключительно отрицательным: «...мог бы уже сержантом быть, а так и уйдёшь домой матросом», и закончил: «Впрочем, и в гражданской жизни ты из-за своего характера тоже ничего не добьёшься».

Возражать начальству, особенно когда оно во гневе, дело тухлое, да Серый и не собирался спорить, но последняя фраза вывела его из себя: «Ой-ой-ой, да я ещё капитаном судна стану раньше, чем Вы капитаном 1-го ранга». НШ окончательно взбесился. «Ну, гадёныш, я тебе такую характеристику дам, что тебя и в палубные матросы не возьмут!» - брызгая слюной орал он: «В грузчики или в дворники пойдёшь!».

А Серый подумал, что «кэпу» с буксира, который знает его как облупленного, глубоко наплевать на любые характеристики. Он его и так возьмёт. Поэтому, нагло улыбнувшись, с подчёркнутым спокойствием заявил: «А вот на это мне насрать».

Кулак НШ просвистел над его головой. Серый уклонился только благодаря рефлексу, но тот же рефлекс, бросил его кулак, помимо воли, прямо в солнечное сплетение офицера. «Ну, сука», - прохрипел поднимаясь и пытаясь восстановить дыхание, НШ: «Кабздец тебе!» - и повернувшись, вышел из кубрика.

- «Дисбат», - с тоской подумал Серый, опускаясь на койку: «Теперь точно «дисбат».

- Ты что наделал, Серый!? - с верхней койки высунулась голова Свирида, до сих пор притворявшегося спящим: «Он же тебя теперь засадит».

«А может и не засадит», - подумал Серый: «Побоится за остатки своего авторитета, тем более что свидетелей нет, а Свирид вроде как спал». А вслух сказал: «Ладно, не бери в голову. Молчи об этом громче, может, ещё выкручусь». «Могила», - поклялся «карась».

Свирид может, и промолчал, но шум в кубрике они с НШ устроили достойный, а по шуму дневальный наряд и все, кто был на этаже в это время, сделали свои выводы, и уже к вечеру вся часть знала, что произошло. Ждали, что предпримет НШ, чтобы отомстить этому «безбашенному». Ждать пришлось недолго.

Через три дня на строевом смотре по «форме три» НШ придрался к бескозырке Серого и перед всей частью объявил ему трое суток «губы». Серый воспринял это спокойно. Подумаешь «трое суток». Мало что ли объявляли? Но, в этот раз НШ был неумолим, и на следующий день, увидев в столовой Серого, подозвал ВРИО командира взвода связи: «Романчиков, идите-ка сюда...»

- Слушаю, товарищ капитан 2 ранга.

- А почему матрос Серый ещё не на «губе»?

- Не успел отвезти, - соврал старлей.

- Так завтра же отвезите.
- Есть.
- Отвезите, иначе сами туда поедете.

Вечером Романчиков зашёл в кубрик и печально сообщил: «Дело твоё труба, товарищ матрос. Энша взъелся не на шутку. Уж и не знаю, что он там Командору наплёл, но приказано отвезти тебя на Видяевскую «губу». Мало того, приказано после возвращения перевести тебя в автороту».

- Так я машину водить не умею.
- А тебе и не надо. Будешь на командирской стройке до конца службы лопатой махать. Так что готовься.

И Серый пошёл готовиться. Выбрал в каптёрке какой-то старенький бушлатик и бескозырку, сменил сапоги морпеховские на обычные «кирзачи», подобрал робу пошире и сам спорол с рукава бушлата штат морской пехоты, заменив его на общефлотский, как обычно делалось для сохранения секретности.

Утром они с Романчиковым залезли в кабину «Урала» и Керницкий повёз их в Видяево. Разговор не клеился. Все понимали, что такое наказание явно не соответствует тяжести проступка. По крайней мере его официальной версии. Романчиков чувствовал себя виноватым, а Керницкий... Матрос просто сидел и хлюпал носом.

- Керя, ты чего? – удивился Серый.
- Тоби жалко, командир.
- Да ладно, какой я тебе командир...
- Так тоби наш взвод с «карантина» так и зовёт.
- Брось, Керя, ерунда всё это.
- Дык «губа» же Видяевская. Кисель посла её почитай мисяць у себя приходил...
- Прорвёмся. Ты, главное, приехать за мной не забудь.
- Ни, шо ты! Машину угоню, а через три дни як штык буду.
- Ага, если мне ДП не влепят.
- Не влепят, – вмешался в разговор Романчиков: «Начальник «губы» в моём подъезде живёт. Я его попрошу, чтобы тебе дополнительного не впаляли».
- Спасибо. Хорошо же я устроился! Даже на «губу», и то по благу.

Видяевская гауптвахта действительно считалась самой суровой на Северном Флоте. То ли по каким-то специальным тестам служить туда набирали самых выдающихся уродов, то ли сама служба делала из нормальных парней садистов, но отсидевшие на «губе», клялись, что теперь они лучше повесятся, чем снова окажутся там.

Здание «губы», огороженное забором с колючей проволокой, находилось на склоне сопки. Ниже здания, за тем же забором, находился нижний плац, а выше, соответственно, верхний. Само же здание – длинный одноэтажный кирпичный барак, смотрело на мир малюсенькими окошками, украшенными толстыми прутьями решеток.

Керя с машиной остались внизу, а Романчиков и Серый, пройдя в калитку металлических ворот, мимо часового с автоматом, поднялись по крутой деревянной лестнице к зданию и вошли внутрь. Романчиков, с документами Серого, ушёл в кабинет начальника, а Серый остался в коридоре, с интересом осматривая тюремную обстановку. Решётки, перегораживающие коридор, осыпающуюся штукатурку на стенах, бетонный пол и двери камер с врезанными в них смотровыми окошками.

Ждал он недолго. Начальник «губы» выглянул в дверь и крикнул куда-то в конец коридора: «Мамедов, прими новенького!» По этой команде откуда-то

вылезло Мамедов, больше всего напоминающее снежного человека с автоматом, и двое его подручных аналогичной внешности.

- Кито такой? - спросил он.

- Дисциплинарно-арестованный на трое суток матрос Серый, – наученный «сидевшими» корешами ответил он громко и чётко.

- Не слышу, – приставил ладонь к уху «губарь».

- Дисциплинарно! Арестованный! На трое суток! Матрос! Серый!

- Теперь слышу, – ухмыльнулся «губарь».

По видяевским традициям, вновь прибывшего следовало хорошенько отлупить, чтобы понял – здесь с ним шутить не будут. Серый об этом знал и решил повода для мордобоя не давать – боялся, что не сдержится.

- Бушлат с «бэска» на вэшалку, – приказал Мамедов и, глянув на циферблат часов, скомандовал: «45 секунд. Раздевайс!»

Серый не зря выбирал робу попросторнее, да и взлёт-посадка в учебном отряде дала определённую тренировку. Поэтому, заявленный норматив он, не напрягаясь, перекрыл секунд на десять.

- Одевайс!

- Разевайс!

- Одевайс!

- Раздевайс! Оба, што ета такое? – «губарь» потянул из-за пазухи Серого осколок злополучной мины, который он носил на шнурке.

- Талисман, – ответил Серый.

- Нэ положено, – сказал «губарь» и рванул шнурок.

- Не трожь! – начал Серый, но ствол автомата врезался ему в солнечное сплетение и он рухнул на бетонный пол.

Когда же пришёл в себя, рёбра болели от «губарских» сапог, но на лице ни одного синяка не было.

- Одевайс! – скомандовал Мамедов: «Мило, щётка – коридор драить! Бегом!»

На «губе» все твои заслуги и достижения помножены на «ноль». «Годок» ты или «салага», матрос или старшина – никому нет дела. Здесь ты «дисциплинарно-арестованный» и «губарь» может изгаляться над тобой как хочет. А если ему покажется, что ты недостаточно проникся, то он своей картавой чурбанской пастью пролает: «Трое суток ДП!», и будешь ты носить гордое звание «дисциплинарно-арестованного» дополнительный срок, ещё трое суток. А получить ДП можно за что угодно. С ноги в строю сбился – ДП, спичку в кармане, не говоря уж о сигарете, нашли – ДП, морда твоя «губарю» не понравилась, посмотрел не так – снова ДП. При желании можно на «губе» до конца службы просидеть, вот только желающих что-то не находится.

Серый ползал по коридору, намыливая его и смывая, а затем снова намыливая до самого обеда, когда с работ привели остальных «залётчиков». «Всего-то человек двадцать, а бушлатов на вешалке штук сорок», - удивился он, но после обеда, по количеству и качеству напомнившему незабвенную «учебку», всё прояснилось. Приехали за одним из отсидевших свой срок, и он, на радостях, забыв и про бушлат и про бескозырку, ужом проскользнул на свободу под железными воротами под смех потешающихся над этим «губарей».

После обеда Серый, уже в составе команды «залётчиков», отправился на работы. Отправились, как и положено арестантам, под конвоем автоматчика, печатая строевой шаг под бодрые крики чурбана-конвоира: «Нага паднимаеца на 25-35 сантиметр! Кито ниже – трое суток ДП!» Причём Серый заметил, что АКМ с предохранителя снят и патроны в магазине боевые. «Неужто и вправду стрелять будет? – удивился он. «Будет», - втихаря объяснили старожилы: «Правда, сначала по ногам. Им за это отпуска дают».

Грузили говяжьи туши, разрубленные вдоль хребта на две половины, из грузовиков на какой-то склад. О том, чтобы взять тушу вдвоём, не могло быть и речи. «Адын арестант – адна тушка!» Вдвоём её поднимали и грузили на загрибок, отчего, даже у тренированного Серого начинал трещать хребет, и подкашивались ноги. А каково тем, кто послабее? Шурка Оробинский точно бы уже помер. Туши жирные, скользкие, но уронить – упаси Бог, «трое суток ДП» сразу же. Тащи и смотри под ноги, чтобы не споткнуться. Однако, заметив на себе чей-то пристальный взгляд, он всё-таки поднял глаза. Проходивший мимо кап-три смотрел на него с сочувствием. Серый узнал его. Замначальника по тылу из базы атомоходов. «Нет уж, Виктор Петрович», - подумал он: «Ищи себе другого командира на адмиральский катер, а я как-нибудь домой. Всю эту «бадягу» выдержу и уволюсь из этого дурдома к чёртовой матери».

В конце концов, проклятые полубурёнки закончились и они, все перемазанные жиром, бодрым строевым шагом, на подкашивающихся ногах, вернулись на «губу» ужинать. Но и после ужина отдохнуть не дали. Заявок на работы нет – значит строевая.

«Отбой» облегчения тоже не принёс.

- «Самолёты» разобрать, по восемь человек в камеру бегом... Марш!

«Самолётом» оказалась доска шириной сантиметров двадцать с набитым с одной стороны брусом. Это значит, что на ней надо спать, а брусок вместо подушки. Камера размером два на три метра, «самолёты» как раз от стенки до стенки влезают и опираются на специальные бруски, вделанные в камень. Получается один неширокий настил, где каждому отведена полоса спального места шириной двадцать сантиметров – только на бок лечь. Плевать, мы и стоя спали.

Арестанты, в основном уже последнего года службы. Тёртые и виды видевшие. А что на «губу» залетели, так это борзость «годковская» подвела. Один в самоволку сбежал, да загулял сверх нормы, другой офицера обматерил, третьему ещё за что-то досталось. Кому «трое суток», кому «пять», а самому лихому, аж «сорок» впаяли. Он у командира эскадры ординарцем был и, когда адмирал в отпуск отъехал, до его запасов «шила» добрался. Перепрятал и сосал с корешами потихоньку. Две недели его взять не могли. Вечером поймают – пьян, но пьяного наказывать нельзя и приходится ждать утра. А утром, только соберутся его наказать, а он водички хлебнёт ... и опять пьян. Так и ждали, пока спирт не кончился. А адмирал озверел и пообещал, что за каждый литр он будет сутки на «губе» гнить. Так и сделал. Отсидит Васька пять суток, на один день его выпустят, в бане помоеется и обратно. Почернел весь. Кожа сухая, как пергаментная, но держится, живёт.

Как выяснилось, человек – это такая скотина, что куда его не загони, а он всё равно выжить норовит. Так и на «губе». Объяснили что и почём, как спичку в шов робы занычить, где сигареты спрятать, а как не напрягаться во время работ и на строевой Серый и сам знал. Причём, никто ни разу ему даже не напомнил, что все вокруг моряки-трёхгодичники, а он «шланг-двухлетка». А уж когда вычислили, что он морпех и «боевой пловец», то и с расспросами начали приставать. Все знали, что где-то в окрестностях есть такая часть, которая никому покоя не даёт. Некоторые, кто из береговой охраны, с ними даже на учениях сталкивались, и память эта периодически заставляла их просыпаться, являясь в кошмарных снах. Но вот так, вживую, пообщаться не приходилось. А тут, вот он, такой же, как все, арестант. Можно даже потрогать, авось не укусит.

- А родом ты откуда, земля? – спросил кто-то

- Москва – матушка.

- О, так здесь твой земляк есть.

- Кто?

- Да есть тут один козёл среди «губарей»
- Серый перелистал в памяти все смуглые и узкоглазые морды виденных им «губарей» и спросил: «А он русский?»
- Русский, русский, но такая сволочь, что чурбаны ему и в подмётки не годятся. Уже два раза в отпуск ездил, стрелок хренов...
- У-у, гнида, а что-то я его среди «губарей» не видел?
- Опять в отпуск поехал, а того чувака, в кого он стрелял, комиссовали. Ногу ампутировали.
- Да уж, сука ещё та...
- У нас на плавмастерской твой земляк служит, так эта падала ему «по-землячески» половину зубов стволом автомата вышибла.
- Повстречать бы такого на «гражданке», сам бы ему все зубы посчитал.
- А вот это запросто. У кореша моего этот адресок уже давно лежит – на почте-то не козлы служат. Давай номер своей в\ч, он тебе перешлёт.
- Ни карандаша, ни бумаги не было, но номер в\ч был написан хлоркой на подоле его голландки. Поэтому поступили проще – поменялись рубашками.
- А что, морпех, вроде как побратались.
- «Подъём» на «губе» орут на два часа раньше, чем в остальных частях. Приборка, переключки, строевая – это чтобы к приему пищи аппетит нагуляли. А после кружки кипятка с куском чёрного хлеба, что здесь гордо именуют завтраком, развод на работы.
- Связисты есть? – спросил «губарь» Мамедов, а Серый прикинул, что связисты, это интеллигенция флота, а значит можно получить не пыльную работёнку, и крикнул: «Я!». Таких как он, желающих сачкануть, набралось пять человек.
- А ты, морпех, тоже свизист? – спросил у него «губарь».
- Радист диверсионной группы, – сознался Серый, понявший, что его окончательно рассекретили.
- И что, связ чинить можешь?
- Чинить не знаю, а вот уничтожить запросто.
- Ладна. Ломать не нада, копать нада.
- И интеллигенция флота отправилась с «комсомольскими» ломом копать траншею под кабель связи.
- «Комсомольский» лом – штука исключительная и замечательная. Арматура, толщиной в три пальца и длиной под два метра, заточенная с одной стороны. Работать им одно удовольствие. Главное, это напрячься и ухитриться поднять его повыше, а затем просто отпустить, а там он уже сам сантиметров на двадцать в вечную мерзлоту вгрызается. Вот только ходить с ним строевым шагом, держа как винтовку на плече, не очень удобно. Тело, под его тяжестью, почему-то всё время норовит вправо сместиться, а ещё лучше – упасть. И желательно потом не подниматься. А топтать строевым шагом пришлось далековато, почти за три километра. Но ничего, дотопали и даже никто ДП от «салаги» - конвоира не схлопотал.
- Начали работать. Ни шатко, ни валко, так чтобы пупок не надорвать. «Губарь» сперва орал, затвором щёлкал, а когда понял, что этих «годов» всё равно быстрее работать не заставишь, смирился и заскучал. А со скуки начал к Серому приставать.
- Эй, морпех, а правда, у Вас учат голыми руками людей убивать?
- Учат, – продолжая работать, ответил Серый.
- А что, и ты убить можешь? – оскалился «губарь».
- Могу, – ответил Серый и, окинув взглядом щуплую фигурку, добавил: «А таких, как ты, даже парочку».
- Голыми руками? – продолжал конвоир.
- Голыми руками, – ответил арестант.

- А это ты врёшь. Потому, что у меня автомат есть.

Серый распрямился и потёр натруженную поясницу: «Почему вру? Смотри...».

Приём был тот же, которым он когда-то разоружил сержанта на опорном пункте, но с тех пор прошёл год и, в отличие от Славки, шансов у конвоира не было никаких. Теперь он стоял на четвереньках, с изумлением выпучившись в ствол собственного автомата.

- Ты чито, с умай сашол? – от волнения «губарь» начал забывать русский язык: «Тибя типерь в «дисбат». Отдай автомата».

Арестанты побросали ломы и с интересом наблюдали за этой сценой.

- Сейчас отдам, – спокойно ответил Серый. Вынул из подсумка «губаря» запасные магазины и засунул их за голенища своих сапог. А затем отстегнул магазин от автомата и начал выщёлкивать патроны себе в карман. Закончив процедуру, он пристегнул магазин на место и бросил автомат конвоиру: «На, держи». Тот схватился за него обеими руками и прижал к себе, а Серый добавил: «Только не подумай, что твой штык-нож против меня оружие. В жопу затолкаю, а затем три раза проверну. По часовой стрелке». И посмотрел на обескураженного конвоира намерено тяжёлым взглядом.

- Зря ты так, – сказал кто-то из арестантов: «Он вечером доложит и тебе, как минимум почки опустят».

- А он не доложит, – весело пообещал Серый: «Ему «годки» почки, похлеще чем мне, отобьют. Верно ведь, «салага»?»

- Верно... - подтвердил печальный конвоир.

- Так что, он молчит, мы молчим, патроны я ему перед возвращением верну, а мы пока спокойно, без криков поработаем.

- На фиг нужно, – вступил в разговор старшина первой статьи: «Моя часть вон там, за поворотом. Сейчас всё организую».

И организовал. Десяток «карасей», дружно продолживших процесс рытья траншеи, и картонную коробку с харчами. Арестанты навалились на тушёнку, сгущёнку и белый хлеб прямо на глазах облизывающегося конвоира. Что делать, он «салага», а пайка у «губарей» мало, чем отличалась от арестантской. «На, жри!» - кто-то бросил ему недоеденный кусок хлеба, к которому тот инстинктивно потянулся рукой.

- А вот это ты зря, братан, – с набитым ртом пробурчал Серый: «Губарь», он тоже человек и тоже есть хочет». Отломил кусок хлеба и с полубанкой тушёнки придвинул конвоиру, который при его резком движении вобрал голову в плечи.

- Угощайся, земляк, – гостеприимно предложил он таджику.

- Ага, человек... - с недоверием заявил старшина: «А потом засадит он тебе из АКМа по ногам ...».

- Ну, пока не засадил – человек. А засадит, ...найду и убью.

Почему-то недоверия к его словам никто не высказал.

Арестанты поели, покурили, отдохнули и к обеду, закончив рытьё траншеи, вернулись на «губу». Конвоир, получив обратно свой боезапас, молчал. Они тоже. Вот только после обеда, когда пришло время вести их на уборку мусора, у него открылся такой понос, что пришлось искать замену. Видимо съел чего-нибудь.

Но, как и в случае с его засекреченностью, шила в мешке утаить не удалось, и по «губе» пополз слухок о его боевых способностях. Как ни странно, но вместо того, чтобы отметить его как следует, «губари» начали коситься на него с опаской. Видимо слухи были сильно преувеличены.

А Серый, он же гад такой, слабину почувствовал и давай наглеть. Нет, он, как и все, продолжал передвигаться бегом или строевым шагом, но когда кто-то из «губарей» по привычке замахивался, чтобы врезать ему, смотрел таким взглядом, что рука сама опускалась, а где-то в глубине мозговой извилины

начинала пищать очень пацифистская мысль: «А может, ну его на фиг, этого морпеха». Арестанты потешались, глядя на то, как «губари» старательно избегают общения с ним и просили научить такому «волшебному» взгляду.

В последний день отсидки, с утра, их вооружили «комсомольскими» ломami и отправили рушить старые бараки. Отправили, естественно, под конвоем, но конвой оказался какой-то странный. Только вышли с территории «губы», как они прекратили орать и спокойно шли рядом с колонной, а когда дошли до барakov, старший конвоя подал неожиданную команду: «Разойдись! Можно перекурить». Недоумение развеяли арестанты из местных. Оказалось, что в этот раз их караулят не «губари», а матросы из комендантской роты, которые «губарей» сами люто ненавидели и, поймав в увольнении, лупили, как сидорову козу. За что, если попадали на «губу», получали больше всех остальных.

Двухэтажные бараки, которые им предстояло ликвидировать, были возведены ещё во времена освоения Северного флота, и Серый подумал, что, может быть, в них бывал его дед. Длинные деревянные срубы нужно было разобрать по брёвнышку, которые куда-то увозили. Но самой большой трудностью были печи. Огромные русские печи, высотой в два этажа, которые так и просили грамм по 200 тротила. Тротил решено было заменить арестантами. И вот теперь они своими ломami обкалывали эти печи по кругу, превращая в «пирамиды Хеопса, но вверх ногами», по образному выражению кого-то из залётчиков. До обеда успели обколоть одну «пирамиду», которая осталась возвышаться, поддерживаемая остатками стен, опираясь всей массой на два-три кирпича, по которым ударить никто не рискнул. Ударишь, и вся эта масса рухнет вниз, погребая под собой смельчака.

За обедом, как обычно состоявшим из трёх блюд (первое – вода с капустой, второе – капуста без воды и третье – вода без капусты), Серый опять борзанул, пропев в чурбанским акцентом: «Ешь вада и пей вада – срат не будишь никогда», и, как настоящий волшебник, взглядом остановил летящий в его сторону кулак «губаря». Арестанты уже в открытую ржали. И непонятно над чем они потешались, над частушкой или над вмиг оробевшим «губарём».

Вернулись в бараки. Проклятая печка сама по себе не рухнула. И вот теперь они кругами ходили вокруг неё с ломami, прикидывая, как бы половчее выбить последние кирпичи. Тут кто-то и произнёс эту провокационную фразу: «А говорят, морпехи – ребята смелые...», от которой у дурилы Серого разыгралась его профессиональная гордость.

- Ага, смелые. Семеро одного не боимся, - сказал он: «Ладно, мужики, разбегайтесь».

Арестанты разошлись в стороны, а он прикинул, что если ударить ломом и отскочить, то можно вполне успеть выскочить из-под «пирамиды». Он притоптал на осколках кирпича место, чтобы нога не скользнула, и ударил. Кирпичи удержались, и его сальто в сторону оказалось напрасным. Кто-то хихикнул. Серый разозлился и повторил попытку. В этот раз лом с хрустом вошёл в центральный кирпич и «пирамида» начала оседать в его сторону. Он отпрыгнул. Поняв, что этого мало попытался сделать ещё прыжок, но нога скользнула по обломкам кирпичей и отскочить в сторону получилось всего на метр с небольшим, причём приземлился он на задницу и, уже инстинктивно прикрыв лицо от падающих кирпичей, попытался отползти хоть ещё немного.

Когда грохот затих, и пыль начала оседать, кто-то спросил: «Мужики, а где морпех-то?» Все бросились к груде кирпича, в которую превратилась печь. «Засыпало!». «Откапываем, парни!». «Да где он здесь!?!». Несколько кирпичей шевельнулись, а затем откатились в сторону. В образовавшемся проёме показались рука и лицо. «Козёл, с живота сойди, дышать тяжело», - прохрипел Серый. «Ура!». «Живой!». Дружными усилиями они освободили его из завала.

Серый стоял, покачиваясь и с глупой улыбкой на лице ощупывал себя. Вроде всё на месте, вот только рёбра слева больно. Его отвели в какой-то закуток, и старший караула сам вручил сигарету: «Покури, браток. Может в санчасть?» «Не-а, спасибо», - ответил он: « А после санчасти опять на «губу»? На фиг, и так оклемаюсь».

А ведь и правда, оклемался, зараза живучая. Даже на «губу» возвращался в общем строю, держа «комсомольский» лом на плече. Морду драную, конечно, кривил при каждом шаге, но ногу печатал, как и все.

Утром стало ещё хуже. Бок опух и болел, не давая уснуть всю ночь. Бегать, да что там бегать, ходить и то было тяжело. Каждый шаг отдавался острой болью в рёбрах. «Похоже, сломал», - сделал печальный вывод Серый. Старшина, который обеспечил рытьё траншеи, видя такое его состояние, посоветовал: «Сходи, покури. Я в гальюне «хапчик» занычил». И Серый, отпросившись, побежал в гальюн. «Побежал», это так, для красного словца. Убогое хромоногое костыляние вприпрыжку больше всего напоминало передвижение горбуна Квазимодо из «Собора Парижской богородицы».

Окурок был на месте. Серый достал из шва голландки спичку, чиркнул ею об сапог и затянулся. Легче не стало, но хотя бы отвлекло. Снаружи раздался приближающийся топот сапог. Серый хотел выбросить «бычок», но вовремя сообразил, что если бежит – то арестант, а если бежит «губарь», то прихватило. Но завтрака ещё не было, так что прихватывать нечем... и он нахально продолжил курить.

В гальюн ворвался арестант из вчерашнего «пополнения»: «Ты Серый?». «Ага». «За тобой приехали». «Вот спасибо. На, докури». Арестант торопливо дососал окурок и убежал, а Серый вышел из гальюна и неторопливо, чтобышний раз не тревожить бок, пошёл к зданию «губы». У порога стоял Мамедов и, злорадно улыбаясь, показывал три пальца – «трое суток ДП». «Слово скажет – убью», - озверел Серый и, невзирая на боль, намеренно толкнув «губаря» плечом, прошёл в дверь, бросив: «А пошёл ты ... козёл».

«Губарь» от такой наглости потерял дар речи, а Серый, подойдя к вешалке, на глазах у строя арестантов, начал неторопливо выбирать себе бушлат. Выбрал поновее, правда, с нашивками старшины 1-й статьи и сроком службы три года. Повернулся к хихикающему над бессилием «губарей» строю и спросил: «Чей бушлат?». «Мой. Бери, братуха, на память». Точно так же выбрал бескозырку поновей, чей хозяин уже давно покинул это гостеприимное место. Выбрал не простую, а украшенную гвардейской полосатой ленточкой. Примерил и доложил поджидавшему его Романчикову: «Я готов». «Иди в машину», - усмехнулся, глядя на его прикид, старлей.

Серый, скривившись от боли, поклонился в пояс арестантам: «Прощевайте, братие. Удачи вам», - а затем, повернувшись в сторону «губарей» процедил: «У-у-у, уроды. Молитесь, чтобы я на учениях к вам не заглянул». Плюнул в их сторону сквозь зубы и пошёл к выходу.

Ворота, как и положено, не открывали. «Губари» толпой стояли на крыльце, наблюдая как он будет по-собачьи пролезать под ними.

- Ворота кто-нибудь откроет? – спросил он.

- Так пролезешь!

- А если сломаю? – спросил Серый и, сцепив зубы от боли, врезал каблуком по створке ворот. Ясное дело, что сапогом железные ворота не проломить, но грохот получился солидный и Серый нахально спросил: «Ещё? Или откроем?». «Ещё» не потребовалось. Ворота открыли, и он попал в жаркие объятия Керницкого.

- Ты кушай, кушай, командир, снидай швидче, – угощал его печеньем и сгущённой Керя: «От яблочко возьми, то Шулыпе мати прислала. От сигареты Билый передав. От це огирок свижей с теплицы от Валиева».

- Спасибо, Керя, – для него важнее всего были не эти немудрёные гостинцы, а то дружеское участие, которое они к нему проявили. Даже показалось, что бок стал меньше болеть.

На радостях Керя от души гнал «Урал» по ухабистой дороге, тем более что Романчикову нужно было успеть на утренний развод. Но, заметив, что Серый на колдобинах периодически хватается за бок, снизил скорость и в часть они приехали, когда все уже стояли на плацу в ожидании выхода Командора. «Серый, захвати мой чемодан для продпайка на камбуз», - попросил старлей и бегом бросился в строй.

Серый вылез из кабины и, нарочито небрежным, неторопливым шагом, стараясь не кривиться от боли, пошёл через плац к камбузу. Строй начал похикивать. Этот Серый опять отчебучивал. Взял и вернулся с «губы» не замордованным и оборванным чмырём, а в нормальном виде, причём даже с сержантскими лычками на погонах и при чемодане. Слово не с «губы» а из отпуска прибыл. И вот теперь, не обращая внимания на НШ, демонстрирующего всей части свою отвисшую челюсть, шёл с чемоданом перед строем, козыряя друзьям: «Вольно-вольно. Не напрягаться», и отшучиваясь от корешей.

- Серый, да ты никак сержантом стал?

- Старшиной! На «губе» присвоили. Езжай, и тебе дадут.

- Ага, и срок службы три года.

- А там день как год, вот и получается...

- Гляди, мужики, да он ещё и гвардеец.

- Приказ по флоту не слышали? Все, кто на Видяевской «губе» выжил, автоматом зачисляются в гвардию.

К концу «прохождения» строй хохотал, уже не скрываясь: «Вот же чудило!».

Войдя в столовую, Серый уронил чемодан и прислонился к стене. Бок болел немилосердно. Голова кружилась. Сердце кувалдой долбилось в грудной клетке, пытаюсь вырваться наружу, и каждый удар отдавался болью. Последние метры держался только на гоноре. Слава Богу, никто ничего не заметил. Он вытер со лба холодный пот. Надо держаться!

Позавтракав в одиночестве блюдами «от Казанца» и отдышавшись, он сходил в БЧ-5 и договорился насчёт бани. Командирской парилки кореша не обещали, но сказали, что сделают офицерскую баню, так как их борзомер ещё не настолько зашкалил, чтобы командирскую среди бела дня заряжать. А Серому сейчас и офицерская годится. Ему не расслабляться, а бок распарить нужно. Баня, она всё лечит.

Возвращался из бани совсем другим человеком. Полегчало, и мир опять стал цветным. Он шёл в новой робе, не торопясь, нога за ногу, всем существом впитывая в себя первые тёплые лучи летнего заполярного солнышка. Нежно зеленела листва, чирикали пичуги, а на душе было светло и радостно. Но главное, что до приказа оставалось ровно сто дней.

Навстречу ему попался командир части. Серый козырнул, стараясь проскочить мимо, но Командор остановил его:

- Матрос Серый.

- Слушаю, товарищ командир.

- А вы в курсе, что переведены в автороту?

- Так точно.

- А почему, в таком случае, не на стройке?

- Так, я только что с «губы» вернулся.
- Вот и идите, работайте, а то снова там будете...

Его действительно перевели в автороту, причём на должность «старшего водителя», над чем Серый, до сих пор сидевший в автомобилях только на пассажирском месте, потешался от души. А к вечеру отметил этот факт в подпольном «Боевом мазке». Написал в уставной форме «приказ по части», в котором матрос Серый за «проявленные при несении службы особо выдающиеся борзость и пофигизм» удостоивается замены фамилии на Чёрно-Бурый и поощряется переводом в автороту на должность старшего водителя кобылы. Иллюстрацией служила картинка, где этот самый Чёрно-Бурый, в диверсантском камуфляже, управлял «Уралом», с запряженными в него традиционными медведем и росомахой. Кузов «Урала» был загружен ломами, лопатами и отбойными молотками, а указатель у дороги недвусмысленно указывал направление «На командирскую стройку».

Если бы каперанг Бачурин не стал в своей жизни флотским офицером и командиром части, то из него, наверняка, получился бы заслуженный строитель Советского Союза. Уж очень он любил строить. Именно благодаря его деятельности в части ежегодно сдавали один, а иногда, и два объекта. Новую казарму, склад ГСМ, а то и просто мост через ручей.

«Ударные командирские стройки» обеспечивались рабочей силой за счёт разгильдяев и залётчиков из числа «годков». Тех, кто «губу» уже прошёл, а «дисбат» ещё не заслужил. Работали все. «Охотники» строили новые ДОТы на опорных пунктах, БЧ-5 тянули теплотрассы и водопровод, а связисты прокладывали новые линии кабеля. В автороте «ударной стройкой» считались новые учебные классы, куда и попал Серый.

Сосмака и Киселя он знал хорошо, с Тагиром Галиевым был знаком меньше, но вот теперь и сам вошёл в состав «командирской бригады» по строительству учебных классов и вместе со всеми вгрызался лопатой в вечную мерзлоту, готовя фундамент для будущего здания. Строительство в условиях Заполярья – это вам не куличики в песочнице, всё не так-то просто. Нужно пробиться сквозь слой грунта до скального основания, установить на него бетонные опоры и, уже на уровне земли, соединить их монолитной заливкой рамы-фундамента, на которой и будут возводиться стены. Задача для четырёх человек явно непосильная и они, невзирая на строжайший запрет, широко привлекали на стройку рабочую силу из «салаг» и «карасей». Сами, кстати, тоже пахали от души. Так, что через два дня отбитый бок Серого опух и посинел, мешая не то чтобы ходить, но и дышать. Пришлось идти к Маките.

Весело насвистывая что-то сквозь плотно стиснутые от боли зубы и с гордо поднятой головой, он вошёл в санчасть.

- Доктор, здесь больничные дают? – поинтересовался он.

- Нет, у нас только справки о смерти, – отшутился старлей: «Показывай, чего у тебя там снова».

Серый задрал тельняшку. Медик присвистнул и с интересом ощупал бок, заставив Серого в нескольких местах поморщиться от боли. «Хорошо, хорошо», - приговаривал он: «Здесь больно? А здесь? Не дёргает?». «Нет». «И это тоже хорошо...».

Он откинулся в кресле и спросил: «Скажи мне, матрос Серый, а если тебе в брюхо из гранатомёта засветят, ты тоже ко мне похихикивая придёшь?».

- Нет, – честно признался Серый: «Меня принесут. Но хихикать всё равно буду. Из принципа».

- У тебя сломаны три ребра, внутреннее кровоизлияние... Хорошо хоть воспаления нет, но от твоей иммунной системы я другого и не ожидал, – поставил он диагноз и поинтересовался: «И где это тебя так?».
- На «губе», под обвал попал. А с этим, что делать будем? Рэзать?
- Нет. С этим мы будем лежать. Недели две-три.
- Ага, пойду себе на стройке нору выкопаю, и лежать в ней буду.
- Я серьёзно.
- И я серьёзно. Меня же Командор с дерьмом съест, если узнает, что я в санчасти отлёживаюсь.
- Ну, тогда, всё что я могу – это зафиксировать рёбра эластичным бинтом и сделать тебе укольчик.
- От чего укольчик-то?
- От жизни. Снимай штаны.

Живучий организм опять не подвёл Серого. Уже через неделю он вовсю махал ломом на стройке, а через две вернулся к своему любимому «железу». Правда, пару дней пришлось «шлангануть» в наряде, помощником дежурного по автопарку, но, имея командиром отделения земляка Тимоху, а замкомвзвода бывшего воспитанника Шулипу, это было несложно. И наряд подобрали полегче, и «салаг» прислали, чтобы за него службу несли.

Невестенко, при встрече, когда Серый честно рассказал ему всё, как было на самом деле, с досады обматерил его в три этажа: «Ты что, козёл драный, сдержаться не мог!? Рефлексы, говоришь? А про самообладание тебе мама не рассказывала? Баран тупорылый! А мне что теперь делать? Пришлют теперь прапора, зелёного, как три рубля, жди, пока из него нормальный радист вырастет!»

- А я? – вякнул Серый.
- А ты всё! Криндец! Теперь тебе и о рапорте на сверхсрочную и о «боевых пловцах» забыть надо. Тебя теперь и из резервной группы турнут на хрен, потому, что ты уже не морпех, а водитель... кобылы».

Так и получилось. Аппаратуру ЗАС и комплект грелок сдал «карасю» Свириду, «стопятку» передал «полторашнику» Петренкову, камуфляж и сапоги – на склад б\у. Получил взамен лом с лопатой, абсолютно непонятное положение связиста в автороте и штатную должность «могукопателя» («могу копать, а могу и не копать») в «командирской бригаде».

В конце концов, они вручную дорылись до скального основания, установили столбы, построили опалубку и начали готовиться к отливке рамы-фундамента. Требовалось обеспечить непрерывную заливку более чем ста кубометров бетона. Не самое сложное, если готовый бетон подвозить машинами, но в том то и состояла проблема, что бетонных заводов в ближайших окрестностях не наблюдалось, впрочем, как и в не ближайших тоже. Там вообще ничего не наблюдалось, кроме сопок и болот. Значит, всю эту массу нужно было готовить вручную. Поэтому мастер на все руки Тагир сварил из железа специальные «корыта», они поменяли деревянные черенки лопат на металлические и договорились с корешами из всех подразделений, что для «молодняка», на время отливки, толчки заменяются стройкой.

«Уф!» - сказал Сосмак, высыпая в «корыто» первый мешок цемента: «Погнали наши городских...». И они «погнали». Песок, цемент, перемешали. Добавили воды, ещё перемешали. И вёдрами полученный бетон в опалубку. На вторые сутки непрерывной работы, своим рычанием «бегом, «салаги», бегом!», они не столько шпыняли «молодых», сколько подбадривали себя. На

третьи сутки упал без сознания Кисель, а на четвёртые, когда они всё-таки закончили отливку, на ногах стоять мог только тренированный организм Серого, а остальные вырубались и уснули прямо на грудах пустых мешков из-под цемента. Он то и доложил подошедшему Командору сорванным охрипшим голосом:

- Товарищ командир, работа выполнена.

Командор обвёл взглядом готовую раму, бардак с мусором вокруг и трёх матросов, спящих мёртвым сном прямо в этом мусоре. Затем перевёл взгляд на Серого, который чтобы не упасть, опирался на лопату со следами крови на черенке и хмуро бросив: «Хорошо», удалился. Серый хотел присоединиться к друзьям, идти до роты сил уже не было, но ему не дали.

Командор всё-таки оценил объём работы, проделанной этой четвёркой, и изменил своё к ним отношение на прямо противоположное. Велел приготовить для них свою(!) парилку, куда не всякий офицер попадал, и разрешил напариться вволю. Приказал приготовить для них «праздничный» обед и «чтобы жрали, сколько хотят, пока не лопнут». А в заключение поощрил их «трёхдневным отпуском без выезда на родину», то есть распорядился, чтобы трое суток, пока не «встанет» бетон, их никто не трогал, и они могли отоспаться и восстановить силы.

Таким образом, их «командирская бригада» перешла в разряд «любимых командирских» и получила при этом определённые привилегии. Теперь они имели возможность отсыпаться после выполнения особо сложных работ, носить ту форму, в которой им удобней работать, а на их вылазки за хлебом тушёнкой и сгущенкой дежурным по камбузу велено было закрывать глаза. Это не было актом человеколюбия. Просто фронт работ впереди предстоял огромный и Командор прекрасно понимал, что замученные работой люди, просто физически не смогут к осени подвести стены учебных классов под крышу.

Конечно же, официально об их новом статусе никто перед строем не объявлял. Всё выяснялось методом проб и ошибок. Порвал Тагир голландку, а зашить поленился. Три дня работал в рваной, и лишь на четвёртый Лёха Лом, старшина автороты, «пригласил» его на склад б\у и предложил «выбрать что пожелает». Тагир выбрал штаны от робы подводников из мягкого брезента и китель от морпеховкой полевой формы, который после стирки достаточно встряхнуть, и он уже сухой. Постепенно переоделись все и стали напоминать банду морских разбойников, почти пиратов. А Серый на складе целенаправленно откопал белые штаны от робы Шурки Оробинского и, хотя они ему были узковаты, щеголял в них, объясняя, что мысленно он уже в Рио-де-Жанейро.

Только с одним предметом формы вышла осечка. Командор, как бывший подводник, любил летом прогуливаться по части в офицерской пилотке и меховой «канадке». Серый решил не отставать от него и достал ту пилотку, что подарил земляк Артём в базе атомоходов. Матросская, без белого канта, но зато с белым треугольником «радиационной безопасности». Одел и никто ему слова не сказал, кроме ... Командора. Тот, заметив, что теперь в части появился ещё один «настоящий подводник», как-то сменил пилотку на фуражку и подозвал Серого.

- Матрос Серый.

- Слушаю, товарищ командир,

- Почему Вы в пилотке и откуда у Вас этот головной убор?

- Земляк с лодки подарил.

- Подарок земляка можете оставить, но пилотку в этой части могу носить только я. Понятно?

- Так точно.

Пришлось пилотку убирать и опять надевать свою старую беретку.

- Надо же, – удивлялся по этому поводу Тагир: «Чтобы с Серого пилотку снять, Командор даже фуражку надел...»

- Так он же не дурак, – пояснил Кисель: «Понимает, что Серый может ляпнуть что-нибудь типа «С Вас пример беру, товарищ командир».

«Да», - подумал Серый: «Плохо дело. Я становлюсь предсказуемым...»

В кубрике автороты ему выделили, как и положено «годку», соседнюю с Тагиром нижнюю койку и в придачу «салагу» в койке над ним, для выполнения всяких бытовых поручений. В отличие от взвода связи, где «годковщина» сохранилась лишь в том, что «молодняк» делал приборку и шёл в наряд и на вахту когда прикажут, в автороте ещё существовали и «дембельский паровоз», и пинки «для скорости», и статус «прикреплённого салаги».

- Тебя как зовут? – спросил Серый у своего «прикреплённого», когда тот в первый же вечер принёс ему из сушилки тёплые тапочки.

- Файзула, – ответил тот.

- Федя, значит, – поправил с соседней койки Тагир.

- Слышь, братан, а тебя в «салагах» тоже «Толиком» звали? – поинтересовался Серый.

- Ага, – подтвердил Тагир.

- А тебе это приятно было?

- Да нет, не очень.

- Ну, так и у меня язык не сломается, если я Федю буду Файзулой звать. Так вот, Файзула, тапочки мне приносить не надо. Я не убогий и няньки мне не нужны. Понял?

- Понял, – недоумению «салаги» не было предела. Как же так, взять и добровольно отказаться от «годковских» привилегий. Удивился и Тагир, заметив Серому, что он «не прав». А чуть позже, в курилке, Белый, теперь уже сержант и замкомвзвода-один, объяснил ему подробно:

- Ты, Серый, со своим уставом в чужой монастырь не лезь. У нас в автороте на этом вся служба держится. Мы, в своё время, с этим боролись, ты это не хуже меня знаешь, но у ротного дело поставлено так, что он с «годков», а не с сержантов спрашивает. Даже призывы подбирает разной национальности. Чтобы гоняли друг друга злее. Так что, если не хочешь Федю своего гонять, то это твоё дело, но порядки в роте не тронь.

Серый задумался. Перед грядущим ДМБ лезть на конфликт со своим же призывом никак не хотелось. А «салаги» и «караси» уже не маленькие и, если они настоящие мужики, то глумить себя не дадут.

- Ну, что же, согласен, – сказал он Белому: «Пусть Федя тапочки носит, но учти, если он их забудет принести, я его на толчках гноить не буду». И как бы подтверждая достигнутые высокие договорённости, они вышли из курилки обнявшись и распевая свежие частушки:

Жили у комбата два весёлых брата,

Один Серый, другой Белый, два весёлых брата...

Неожиданно для Серого, Тагир оказался гитаристом, каких поискать, да ещё со способностями придумывать собственные мелодии. Невысокий, коренастый, чья раскосая физиономия недвусмысленно напоминала о теории Дарвина. Той самой, где говорится о происхождении обезьяны от человека. Но когда в его руки попадала гитара, он словно бы преображался. Голосом его Аллах обделил, но явно за счёт слуха. И те звуки, которые он извлекал из потрёпанной «шестиструнки», были действительно музыкой. Не имея

музыкального образования, он презирал аккорды и казалось что его левая рука зажимает струны как ей захочется, но эффект получался обалденный. Гитара в его руках плакала и смеялась, ревела метелью и журчала весенним ручьём, веселила и заставляла печалиться. Особенно хорошо передавалось настроение, когда мелодия не была придумана заранее, а рождалась экспромтом.

На один из таких экспромтов, в котором слышался треск морозов и вой вьюги, Серый придумал слова. Тагир прочитал и ему понравилось. «Давай попробуем», - предложил он.

*Закружила, завертела, замела
И укрыла сопки белым одеянием.
Как невеста перед свадьбой расцвела
Вся Лапландия под северным сияньем.*

*Вот не думал, не гадал, что вдруг в сказку попаду,
Что служить придётся мне в этом северном аду.
Пусть морозы здесь сильны,
Пусть в ночи бушует вьюга,
Пусть здесь зимы холодны,
Но теплей их сердце друга.*

Старательно выводили они под гитарный перебор. Народ сперва начал прислушиваться, а затем и подтягиваться поближе.

*Здесь пустынно, только сопки тут и там,
Здесь слова тверды, а чувства не скрывают,
А девчонки пусть почаще пишут нам
Эти письма в лютый холод согревают.*

Глотка у Серого лужёная, да слухом бог обидел. У Тагира наоборот, со слухом всё в порядке, но голос хриплый, к тому же сломанная в «карасях» переносица заставляет периодически всхрюкивать – не хватает воздуха. Но вокруг уже столпились кореша и слушают внимательно.

*Мы разъедемся во все концы страны,
Мы расстанемся, но что бы ни случилось,
Тем законам дружбы будем мы верны,
Что в воде, огне и стуже закалилась.*

*Вот не думал, не гадал, что вдруг в сказку попаду,
Что служить придётся мне в этом северном аду.
Пусть морозы здесь сильны,
Пусть в ночи бушует вьюга,
Пусть здесь зимы холодны,
Но теплей их сердце друга.*

Некоторое время стояла тишина, а затем раздалось: «Нормально, мужики!», «Здорово!», «Тагир, спиши аккорды», «Серый, а если её в альбом записать?».

- Да пишите на здоровье, – ответил Серый.

- Нам не жалко, – добавил Тагир.

Дня через три, поздно вечером, возвращаясь со стройки, они проходили мимо казармы «охотников». В открытое окно было слышно, как внутри кто-то старательно перебирая аккорды, выводит песню. Они улыбнулись друг другу. Пели «Лапландию».

Промелькнуло короткое лето. Стены стройки медленно, но уверенно поднимались вверх. Они научились класть кирпич, как заправские каменщики. Сосмак с Тагиром даже выложили арочный свод над крыльцом здания, а Серый отлил из бетона фигурную лестницу, ведущую к этому крыльцу. Работа была сложная. Лестница одновременно служила мостиком

через дренажную канаву, а затем, плавно поднималась вверх. Серый очень волновался, получилось ли. Потому, снимая опалубку, был предельно внимателен и сосредоточен.

Он аккуратно отсоединял последние доски опалубки, когда сверху, с крыльца недостроенного здания прозвучал вопрос: «Крепко? А не рухнет?». Он поднял глаза. На крыльце стоял какой-то незнакомый толстый мужик с красным носом и в «канадке». «Типичный прапор - синюга», - определил он, но вслух ответил: «Нет, не рухнет». «А если я наступлю? Не упадёт?», - продолжал приставать мужик. Серый очень не любил, когда его отвлекают, тем более в такой ответственный момент, и в сердцах он брякнул: «Ну, если такой жирный хряк наступит, то она не только упадёт, она просто е...тс!»

- Матрос Серый! – фальцетом взвился к небу голос Командора, появившегося рядом с незнакомцем.

- Я! – Серый вскочил и замер по стойке «смирно», уставившись на адмиральские погоны толстяка, которых не видел, пока сидел на корточках.

- Как Вы разговариваете с контр-адмиралом? – продолжал звенеть Командор, но адмирал рассмеялся:

- Ничего, Владимир Иванович. Матрос прав. Нечего нам здесь мешаться. Пойдём... - он повернулся и пошёл прочь, заметив на прощанье: «А красивая лестница получилась, матрос Серый. Молодец».

- Ага. Служу, блин, Советскому Союзу, – пробурчал себе под нос Серый, уже мысленно представивший себя опять на «губе».

Но, обычно Командор на них не орал, избрав для общения иронично-насмешливый тон.

Приметив задремавшего под кустом Сосмака, спросил: «А что это у нас матрос Сосмаков спит? Ах, они устали от работ-с. Нет-нет, не будите, пожалуйста. Просто, когда проснётся, передайте, что командир части заходил. Привет передавал...». Чем грозит «привет» от Командора все прекрасно понимали, и Сосмак спать на стройке больше не рисковал. Построил себе шалаш. А потом, они подумали и совместными усилиями построили на всех бытовку.

- Матрос Серый.

- Слушаю, товарищ командир.

- А это что такое? – и ткнул пальцем в его подбородок.

Окончательно потерявший нюх Серый не брился уже месяц и обычная для «годка» небритость на его подбородке успела превратиться в жиденькую бородку. Так себе поросль, две волосины в три ряда, но для смеха, он продолжал её отращивать. И вот теперь, возвращаясь с камбуза с двумя батонами хлеба, столкнулся с Командором на узкой дорожке.

- Раздражение кожи, – не моргнув глазом соврал он.

- Бритва плохая? – посочувствовал Командор.

- Лезвия к станку плохие. У нас в ларьке только «Нева», – продолжил выкручиваться Серый.

- А у меня лезвия хорошие, «Sword», - похвастал командир: «Идите и побрейтесь, а то завтра Вас в другом месте брить будут»,

Серый прекрасно понял, что может и любит Командор свою бригаду, но наказать может, хотя бы профилактики для, а значит, велика вероятность того, что брить его завтра будут на «губе». Поэтому галопом бросился к казарме. Но, по дороге решил, что чёткого указания о том, где он должен бриться, так и не получил. Возникла идея...

Кавторанг Овчинников, сопровождая группу старших офицеров из других частей, приехавших перенимать опыт «полста восьмой площадки», с гордостью показывал им опорные пункты, новое здание КПП, отремонтированные помещения штаба. «Вот здесь кабинет замполита», - объяснял он: «Здесь мой кабинет, а здесь кабинет командира части», и как бы желая похвастать обстановкой кабинета, толкнул дверь. Дверь открылась и пред изумлённым взором гостей, предстал матрос с перепачканной цементной пылью спиной, который, за рукомойником устроился, как у себя дома. Намылил морду, и теперь бритвой соскребал с неё щетину, беззаботно мурлыкая что-то себе под нос.

НШ, как его любимая рыба-голец, вытащенная на берег, начал открывать и закрывать рот, а Серый, небрежно бросив через плечо: «Здраюжелаю», продолжил своё занятие. НШ тихо закрыл дверь. Сказать ему было нечего.

«Вот же засранец, - смеялся Командор над этим случаем: «Подловил меня. И ведь не откажешься. Сам ведь ему сказал, что у меня лезвия хорошие...».

Командир смеётся, приходится улыбаться и НШ, а значит, опять этому разгильдяю всё сойдёт с рук.

Полным ходом шла подготовка к ДМБ. По всей части кроили и шили, шлифовали и полировали, готовя к увольнению в запас своих старших товарищей. Серый, воспитавший целую «плеяду «дембельских художников», отошёл от рисования альбомов, оставив себе только роспись гюйсов и общее руководство.

Работа в «дембельской бригаде» первой роты привела к тому, что в части он стал считаться экспертом по подготовке к ДМБ. Вот он и объяснял, что манжеты у «суконки» нужно подшивать или белым шёлком – по общефлотским традициям, или бордовым бархатом – как положено морской пехоте. Впрочем, БЧ-5 может использовать и чёрный цвет, поскольку левым боком относится к подводникам. А вот голубым ни в коем случае, ибо голубое и синее носят только презренные «бакланы». Что тельняшка в вырезе «суконки» должна быть видна только на две полоски, потому что на три носят «дембеля»-трёхгодичники. Что «беска» должна сидеть на затылке так, чтобы окружающим казалось, что она вот-вот свалится, а ленточки, конечно, нужно удлинять, но они не должны опускаться ниже кромки бушлата.

Много таких тонкостей знал Серый и охотно делился ими, готовя корешей к увольнению, но сам чуть не влип.

Получил как-то свою ушитую и обработанную перегретым паром, чтобы казалась пушистой, «суконку». Пришил погоны, нацепил значки и, достав из «шкеры» «дембельскую» бескозырку, примерил всё это великолепие.

Покрутился, как девчонка, перед зеркалом и остался вполне доволен увиденным. Плечи широкие, мышцы под тонким сукном играют, шрам на морде почти зарос и теперь не портит её, а скорее придаёт какую-то суровость. Значков на груди полный комплект, плюс «За дальний поход» и нашивка «за контузию». А то, что «Специалист» всего «3 класса», так тут он не виноват, что экзамены сдавать некому, поскольку он здесь, среди сопков, и есть самый большой специалист. Да ещё и неизвестно в какой области «специалист», если по битью морд, то, возможно, и не «мастер», но уж точно не ниже «1 класса».

- Серый, айда на стройку. Кирпич привезли, - отвлёк его от процесса самолюбования голос Тагира.

- Иду! – крикнул он. Снял «беску» и «суконку», сунул их в тумбочку и убежал разгружать кирпич.

Вечером, когда он вернулся, ни «бески», ни «суконки» в тумбочке не было. Спёрли. Нормальный «годок» старой закалки, за такое заставил бы всю

дневальную службу кровью умыться. Но Серый, понимая, что его тумбочка находится вне зоны видимости дневального, только выписал по подзатыльнику этим «карасям» и наорал на дежурного. Поиски всей ротой к успеху не привели. Военно-морское великолепие исчезло бесследно.

«Суконка» - то, чёрт с ней, такого добра навалом, а вот «балтийская» бескозырка и комплект значков, с особо ценным «За дальний поход» - это уже серьёзно. Такое, сразу не достанешь, а на дворе уже осень – август.

Поэтому Серый объявил, что в связи с тяжёлым положением на фронте подготовки к ДМБ, его услуги консультанта и художника теперь не будут бесплатными. Тащите, мужики, у кого, что есть лишнего – значки, погоны, штаты и всю остальную дребедень. Не вопрос! Наташили столько, что можно было даже выбрать получше.

С бескозыркой вопрос тоже решился. Вспомнил, что в Севастополе служит Хрен-бич, а размер бестолковки у него такой же, как и у Серого, только бестолковости поменьше, потому что на погонах уже три лычки таскает. Попросил Потехина, и через него отправил авиаписьмо, со слёзной просьбой о помощи. Хрен-бич, уже получивший от него гюйс, на котором Серый заменил медведя и росомаху, на дельфина и русалку, сопки на скалы, а северное сияние на восходящее черноморское солнце, живо откликнулся на просьбу товарища. Так что уже через две недели прапор передал ему бандероль с легендарной севастопольской «беской».

Многие на флоте умеют шить бескозырки, но так как это делают в Севастополе, не может никто. Вроде обычный неуставной головной убор, но все линии совершенны и изящны, а главное, сидит на стриженном затылке так, что хоть кувыркайся, а не свалится. Не «беска», а мечта всех «дембелей» от Баренцева до Чёрного и от Балтийского до Тихого, включая и Каспийскую флотилию. От себя прапор Потехин добавил значок «За дальний поход». Небрежно сунул в ладонь со словами: «Держи, у меня их ещё штук пять». Ай да прапор, ай да путешественник...

Решив эту проблему, Серый сразу же отослал форму в Питер, чтобы не вводить во искушение ворюг. Сперва хотел отослать Наташке, но после того случая с Молдаваном, было как-то неудобно, да и хотелось появиться перед девчонкой во всём блеске, а не переодеваться у неё из уставного в «дембельское». Поэтому, вспомнив о том, что страна большая, а в Ленинграде есть родственники, отослал добро двоюродному дядьке, которого не видел до этого лет семь.

С переодеванием в «дембельское» вопрос решался по-разному. Некоторые ставили «метателей», которые, уже за территорией части, кидали форму в кузов грузовика увозящего «дембелей». Кто-то отправлял её в камеру хранения вокзала, но большинство отсылало в Москву и Питер, друзьям или знакомым. Так, например, форма Белого уже лежала в Москве у... Серого, который предупредил родителей, что его приятель, как «отличник боевой и политической...», приедет в начале ноября в первой или второй партии, а сам он, как разгильдяй и залётчик, в последней, «под ёлочку».

За работой как-то незаметно летело время. Олимпиада, которую с помпой отмечала вся страна, отразилась только тем, что половина части всё это время проторчала в окопах вдоль границы с Норвегией, а вторая половина ходила в наряды и на вахту за них. Даже Серому пришлось откликнуться на просьбу Шулипы.

- А что, «карасей» нет, что ли? – недовольно спросил он.
- Нету, Серый, усе в разгоне, – пожаловался сержант.
- Ну ладно. Куда наряды есть?

- Дневальным и на камбуз.
- О! Пиши на камбуз. В зал. И чтобы в мойке не меньше двух «карасей» было.
- Сделаем, командир, – обрадовался Шулипа.
- Нет, Вовка, это ты командир, а я «годок», - поправил его Серый.

Осень в этом году задержалась в Лапландии. Снега не было аж до конца сентября, и это дало возможность подвести стены учебных классов под крышу. Но бетонные балки перекрытий, заказанные Командором, не привезли, и стройка встала на неделю. Командор бесился и брызгал слюной, а они, получив неделю отдыха, смогли наконец-то перевести дух.

- Приказ! Ура! Приказ вышел! – как будто в этой радости есть что-то неожиданное. Ну, вышел... Ну, приказ о ДМБ... Так он два раза в год выходит, причём в одно и то же время. Но, всё равно радостно. А у Серого радость двойная. У него день рождения. А приказ об увольнении в запас – это как подарок от Министра Обороны.

Глава VI « Д М Б »

С переменой статуса «годка» на статус «гражданского» в жизни Серого ничего не изменилось. Это Ткачёв завалился в койку и покидал её только ради тренажерного зала, заявив, что он теперь отсюда не вылезет, пока из части не отпустят, а Серый по-прежнему, каждое утро, скинув голландку и тельник, выводил «сводную колонну третьего этажа» на пятикилометровую пробежку. Снега ещё не было, но лёгкий морозец приятно пощипывал разгорячённую кожу и бодрил, разгоняя остатки ночного сна. Такая пробежка давала заряд бодрости на целый день и работа на стройке спорилась, а время бежало быстрее.

Но, в середине октября тихая эта спокойная жизнь закончилась. Пришло известие, что командование ВМФ заскучало и, чтобы хоть как-то развлечься, объявило общефлотские манёвры под кодовым названием «Океан-80», которые Серый тут же переделал в «Большая Лужа-80» и в «Боевом мазке» изобразил, как их «командирская бригада» героически держит оборону в недостроенных учебных классах, отстреливаясь из отбойных молотков и отбиваясь совковыми лопатами.

Доля истины в этом была. Учебные классы, как и все остальные здания части, строились с таким расчетом, чтобы их можно было использовать как опорный пункт обороны. А в том, что «полста восьмая» в предстоящих учениях будет на острие удара, никто даже не сомневался.

Командора в этот момент в части не было. Он грел брюхо и лечил нервную систему, расшатанную общением со всякими разгильдяями типа Серого, где-то в Крыму. Оставшийся вместо него, получивший капитана 2 ранга Сорокин из «дырки», был вынужден выкручиваться сам. По условиям учений, мало того, что им было поручено «уничтожить» базу подводных лодок, но и, почти одновременно, «отразить нападение» на собственную часть. Людей, для выполнения этих двух взаимоисключающих задач, катастрофически не хватало. Не было даже учебной роты, которую можно бросить «на убой» в последний момент. Поэтому, требовалось срочно изыскивать резервы.

Когда по части передали команду: «Старослужащим собраться в клубе части», никто особо не удивился. Ну, подумаешь, опять кто-то прокозился и теперь, на его примере, нас будут воспитывать и мораль читать. Собрались и развалились в креслах, заранее заскучав.

Но кап-втор-ранга Сорокин, выйдя в зал, начал очень неожиданно: «Товарищи «дембеля»...». Зал зашевелился заинтересованно. Надо же, не «товарищи матросы» и даже не «строслужащие», а «дембеля». Это что-то новенькое. А кавторанг, вкратце обрисовав ситуацию, в которой оказалась часть, закончил речь словами: «Поэтому, товарищи «дембеля» я Вас прошу... Заметьте, не приказываю, а прошу на время учений вернуться на свои штатные места по боевому расписанию. Возможно, именно Ваш опыт поможет нам достойно выйти из создавшегося положения».

Это было нечто. Впервые за всю службу их **попросили**.

Первым поднялся Магомед-Миша Балаев и обратился к залу, а не к кавторангу:

- Братаны, я думаю надо выполнить просьбу этого достойного человека. (Тут мирно дремавший Серый даже фыркнул, поскольку именно Сорока спалил его тогда на вахте.) Он оказал нам уважение, так уважим же и мы его. Тем более что на кону репутация нашей части. Лично я иду на свой старый БТР, а Вы о себе сами подумайте.

Зал дружно поддержал это предложение. Возвращались в строй пулемётчики опорных пунктов, командиры поисковых отрядов «охотников», диверсанты резервных групп, просто стрелки и водители. Только Серый никуда не возвращался. Некуда. Он ведь уже не диверсант и даже не морпех, а в автороте от него толку никакого. Поэтому просто молча встал и среди общего шума вперемешку с гвалтом тихо покинул собрание.

Вышел на улицу и закурил, подставляя лицо под кружащиеся первые снежинки. «Грустно всё это», - подумал он: «И печально...».

- Серый!

Он обернулся. Невестенко, с которым они не виделись с самого лета.

- Здравелаю, товарищ старший лейтенант, – без энтузиазма поприветствовал он.

- А раньше командиром звал... - усмехнулся старлей.

- Так то раньше... - ответил Серый.

- Ладно, я к тебе по делу. Идём, посоветоваться надо.

Серый пожал плечами: «Надо, так надо», и направился вслед за своим бывшим командиром в сторону зала «физо».

В ангаре их уже ждали. Менжулов, Потехин – самые опытные и надёжные парни из группы, и ещё какой-то белокрысый молодой прапор. «Познакомься», - сказал Невестенко: «Прапорщик Зуев». «Василий», - представился прапор и протянул руку. «Сергей», - ответил Серый, пожимая широченную ладонь. «Мой новый радист», - пояснил старлей. Серый ревниво посмотрел на прапора. Высок, на полголовы выше его, атлетическая фигура – настоящий «боевой пловец», не то, что он. «Так чего звал-то?», - спросил он у старлея.

- Ты в курсе насчёт учений?

- Ну да, конечно.

- А знаешь, какую базу «разгромить» велено?

- Ну, какую-то базу первой эскадры, а что?

- Смотри, – старлей развернул на стопке матов карту: «Вот эту».

- Оба-на, – Серый удивлённо смотрел на карту. База была та самая, где служил земляк Артём и где он собирался остаться на сверхсрочную.

- Ты же там был?

- Конечно.

- Тогда, гони информацию.

- База в бухте. Доки внутри скал. Два мыса на входе в бухту. На каждом зенитно-ракетные комплексы, скорее даже батареи. Дороги вот здесь, и здесь... - начал вспоминать он. Тогда, «на гастролях», он не присматривался специально, но тренированный взгляд диверсанта и хорошая зрительная память, вытаскивали из глубин памяти всё новые и новые факты. Он даже нарисовал схему расположения зданий в части. Вспомнил и о ДОТах вдоль дороги, и об опорном пункте, над чьей плохой маскировкой они с Ткачёвым тогда только посмеялись.

- Так что с берега базу можно взять только через скалы с альпинистским снаряжением или с моря, под водой с аквалангами.

- С аквалангами не пройдем. Там гидролокаторов до черта и больше. Уже выяснили. А если вдоль берега?

- Уткнемся в батареи и «героически погибнем», - влез Потехин.

- А в самой бухте какие плавсредства? Вооружение, какое? - спросил Менжулов.

- Да никакого. Водолазные боты, базовый тральщик, плавмастерская. Разве что на адмиральском катере, на баке «спарка» стоит, но он у них как музейный экспонат, берегут его и на время учений из бухты обычно убирают... - он не закончил фразу. В голове закрутилась одна мысль...

- Куда, говоришь, убирают? - прищурился старлей. Видимо в его голове крутилась та же мысль.

- Не знаю. Надо подумать.

Серый начал тщательно изучать береговую черту, изображённую на карте. Офицеры терпеливо молчали, не мешая ему. Карта была сухопутная, без обозначения глубин на море, а это затрудняло поиск.

- Если западнее, то здесь и здесь. А восточнее, то тут и вот тут. Может ещё и за этим островком, но едва ли. Точнее скажу, когда карта с глубинами будет.

-?

- У них осадка 2 метра, если не 2-20, так что не во всякую щель залезут.

Они надолго замолчали, обдумывая каждый своё, а потом старлей и Серый, не сговариваясь, одновременно произнесли: «Есть идея...». Потехин и Менжулов дружно заржали. Они, в отличие от Зуева, прекрасно знали, что обозначает эта фраза и у того и у другого. Значит, что у обоих свинтило крышу, и родился очередной безумный план.

Насмеявшись вволю, перешли к решению серьёзных вопросов и, после получасового обсуждения, старлей подвёл итог:

- Значит так. Наш сектор - крайний восточный. Идем совместно с резервной группой. По дороге откалываемся и выходим к береговой черте. Диверсанты, под командой Зуя тупо ломятся на базу, но при первом же столкновении рассыпаются и начинают играть в кошки-мышки, оттягивая на себя как можно больше поисковых групп в секторе. Мы, выходим к берегу и разделяемся. Полвина «пловцов» идёт вдоль берега, но не дальше чем в километре от воды, делая вид, что именно она основное ударное ядро, а мы тем временем находим катер, берём его и с моря въезжаем в бухту. Всё понятно?

- Нет, - влез Серый: «А кто катер поведёт?»

- Как это «кто»? Ты, конечно. Или не согласен?

- Ну-у, я ещё подумаю, - начал ломаться Серый, хотя, про себя уже давно решил, что «да, ура, конечно согласен».

- А вот я тебя сейчас убедю, - усмехнулся Потехин и, сжав свой кулак-кувалду, постучал им по мату.

- Ой, дядя Коля, только не бейте, я на всё согласная... - заверещал Серый.

- То-то же, – усмехнулся прапор.
- А если катер не найдём? – поинтересовался реалист Менжулов.
- Тогда выходим на восточную батарею, – ответил старлей.
- И «геройски погибаем», - бодро подвёл итог Серый.
- А чтобы тебе «погибать» веселее было, завтра после развода жду тебя на «физо», - Потехин хлопнул его по плечу: «А то на стройке, поди, совсем салом зарос».

Оказалось, что салом Серый не зарос и полосу препятствий по прежнему пролетал на «раз-два-три». А силушки от качания «железа» даже значительно прибавилось, вот только реакция похуже стала. Но это мелочи – «носорог плохо видит, но при его массе, это уже не имеет значения».

Невестенко притащил второй комплект карт – морской. Серый порыскал, посчитал и с уверенностью заявил, что есть только две бухточки, где можно спрятать катер. И обе находятся в их секторе. Вот только сомнения его гложут, а справится ли он с управлением судна в море? Он же всё-таки речник...

Подняли их по тревоге, как обычно – внезапно, в 2-45 ночи. Так что, и оделись не торопясь, и чайку попили. Четыре «Урала» для четырёх групп, каждая из которых, должна была атаковать базу в своём секторе, ждали на плацу, который потихоньку заносила снегом первая, ещё робкая лапландская метель.

Кавторанг Сорокин в последний раз проинструктировал командиров групп, и колонна тронулась в сторону «объекта нападения».

- Что не весел, атаман? – поинтересовался Менжулов.

- Да-а, Сорока дуркует,. – отмахнулся старлей.

- Чего это он?

- Сказал, что базу нам всё равно не взять, так что «воюем» сколько сможем, но к вечеру, чтобы в части были. Сегодня ночью на нас «нападать» будут.

Диверсанты и «пловцы» недовольно загудели. Мало того, что «объект» тяжёлый, так ещё и по времени ограничили.

- Ничего, – раздался бодрый голос прапора Зуева: «Побыстрее побегаем, может и успеем».

«Оптимист», - подумал Серый: «Или ещё мордой в дерьмо не тыкали». Сам-то он прекрасно представлял, что их ожидает. Скрытый марш километров на десять по тем местам, где море встречается с берегом, и где черти копыта ломали.

Высадились из грузовика прямо в ночную метель. Перекурили, оправались и побежали. Мело не сильно, но и это было им на руку. Хоть какая дополнительная маскировка, да и следы затянет.

Километра через три Менжул сзади хлопнул его по плечу и мотнул головой в сторону – «отваливаем». Серый сделал шаг в сторону, уступая следующему за ним. Ещё шаг в сторону и группа исчезла из вида.

Откололись от основной группы тихо, так что посредник даже не заметил, что количество бойцов уменьшилось вдвое, и растворились в темноте. Часа через два, уже в предрассветных сумерках, вышли к берегу. По дороге обошли опорный пункт и просочились мимо двух ДОТов, которые не стали «уничтожать», чтобы не поднимать шума. Опять разделились. Шестеро пошли вдоль берега, а старлей, Потеха, Менжул и Серый вышли к воде.

Тут-то и началось самое интересное. Прыжки по скользким и мокрым от морской воды камням, под солёными брызгами и начавшим усиливаться северным ветром. Спасали костюмы химзащиты, предусмотрительно захваченные с собой. А в одном месте даже пришлось обходить ОП

«противника» пробираясь вдоль скалы по колено в ледяной воде, обдирая с усов и бровей лёд.

В бухточке, которую для простоты окрестили «Дальней», к их огромной досаде, катера не оказалось. Пришлось двигаться дальше. Они уже потеряли счёт времени, но как тени или призраки продолжали беззвучно пробираться вперёд. Серый прикинул, что если катера они не найдут, то выйдут к батарее в таком состоянии, что их и первоклассник повяжет не напрягаясь, не то что «караси» из береговой охраны.

Но им повезло. Менжул, идущий головным, внезапно остановился и поднял руку: «Стой!» Замерли. Лейтенант вернулся и доложил: «Здесь». По очереди высунулись из-за скал и осмотрелись.

Катер стоял в маленькой бухточке, этаким аппендиксе моря в теле земли, окруженном со всех сторон скалами. Экипаж завёл швартовы-растяжки, и теперь мирно отдыхал, покачиваясь на морской зыби в 10-15 метрах от берега. «Близок локоток, да не укусишь», - подвёл печальный итог старлей: «Серый, катер-то хоть тот?»

- Тот самый, – подтвердил Серый.

- А если тот, то надо брать, - сказал прапор Потехин и начал... раздеваться.

- Ты чего это? – заинтересовался старлей.

- Ну, надо же до них как-то добраться, – объяснил прапор.

Серый прикинул кое-что в уме, подсчитал, «понюхал» ветер.

- Слышь, прапор, – поделился он своими соображениями: «Ты, когда катер возьмёшь, кормовой швартов потрави, его ветерком как раз к той плите и приложит. Там мы и сядем».

- Добро. Сделаю, – ответил прапор и нырнул в коричнево-зелёную ледяную воду.

На палубе и в рубке катера никого не было, и Потехин плыл не скрываясь, аршинными саженками. Уже возле борта, как дельфин, взметнулся из воды, зацепился руками за ватервейс, подтянулся и, мелькнув чёрными семейными трусами, оказался на палубе. Махнул им рукой - «всё в порядке» и исчез в надстройке. Минут через пять появился снова, но уже в накинутом на плечи полушубке. Показал два пальца и ребром ладони по горлу. «Двое, уже готовы». «Трое!», - крикнул Серый и, вскочив, показал три пальца: «Их там не меньше трёх!». Потехин кивнул и снова исчез в надстройке. Не появлялся уже минут десять. Они даже начали волноваться. Затем вылез, уже в чьих-то штанах, сапогах и в том же полушубке. Деловито отдал кормовой швартов и радостно встретил своих: «Добро пожаловать! Кони стоят пьяные, хлопцы запряженные».

Дружно попрыгали на борт и Серый, первым делом, бросился в рубку. Надо было разобраться с управлением и приборами, а вдруг здесь всё по-другому, не так как у них на буксире. Оказалось, что почти так. Стоял ещё эхолот, которым он пользоваться не умел, и гирокомпас, которым он пользоваться умел, но вживую видел впервые. А всё остальное... Может, в годы войны и было другое, но сейчас стояло всё современное.

В рубку поднялись Невестенко с Потехиным. «А ты был прав», - всё ещё поёживаясь от холода, сказал прапор: «Трое их было. Один в рундуке прятался, а когда я вышел, к рации метнулся. Не успел...»

- Да ладно, - отмахнулся старлей: «Потом расскажешь. Серый, ты как? Этой «лайбой» управлять сможешь?».

Серый уверенно кивнул и, как бы подтверждая свой ответ, вдавил на панели кнопку масляного насоса. Дождался, когда нужная стрелка на датчике давления выползет из красного сектора, и нажал другую, красную, кнопку. Где-то внутри катера глухо зарокотал двигатель.

- Молодец! – обнял его старлей: «Поехали!».

- Подожди, командир, надо швартовы отдать.

- Потом отдадим, поехали!

Но Серый не согласился, и ещё минут пятнадцать крутил штурвал, давал «малый ход» вперёд и назад, привыкая к катеру. И лишь затем, дурачась, подал команду: «Корабль к бою и походу изготовить. Швартовы отдать». А потом повернулся к старлею и серьёзно сказал: «Ну, с Богом, командир».

Швартовы отдал «палубный матрос» Менжулов, а «моторист» Потехин бал отправлен в машинное отделение – проверить уровень масла и топлива, а заодно и отогреться. Серый, зная из карты, что под ними аж пятнадцать метров глубины, с места врубил «полный вперёд» и лихо вылетел из бухточки в открытое море. А оно только этого и ждало. Как треснет своей волной в скулу катера. Серый даже за штурвал вцепился, чтобы не улететь, а Невестенко, едва с ног не свалился. Пришлось сбросить ход до «среднего» и идти зигзагом, стараясь не подставлять волне борт. Качало, правда, при таком способе движения изрядно, но Серый уже морской болезнью не страдал, да и остальные тоже.

«Здорово!» - восхищённо произнёс старлей: «Как настоящие моряки», и добавил, с мальчишеским азартом: «Серый, дай порулить». Серый окинул его высокомерным взглядом и сказал: «Старший лейтенант Невестенко, Вы назначаетесь рулевым на моём судне», и передал управление.

- Ха, а ты тогда кто? – спросил «рулевой», сжимая в руках штурвал и пытаюсь удержать катер на прямой линии.

- Как кто? – удивился Серый: «Капитан, конечно».

- Нет. Всё-таки командир группы я, – не согласился Невестенко.

- Ну, тогда я – Главзампоморде.

- Кто?

- Главный заместитель по морским делам.

- Слышь, «капитан», - влез в разговор, пригревшийся в углу Менжулов: «Ты бы лучше эфир послушал».

Серый покрутил ручку настройки и нашёл нужную волну. Дело было «швах». Все четыре группы были разбиты, и шла активная «ловля мышей» - добивание рассыпавшихся по сопкам диверсантов. Особенно активно прочёсывался восточный сектор. Видимо искали их.

- Да выключи ты его, – отмахнулся от плохих новостей командир: «Давайте лучше подумаем, что дальше делать будем. Тем более, что база должна быть уже вон за тем мысом».

Серый удивился. Он-то, наивный, полагал, что командир умный и всё знает. Что у него уже давно готов план. А получается, что всё... на экспромте.

- Как что? – сказал он: «Врываемся в базу...»

- И сразу всех мочим, – добавил прапор, входя в рубку. Он отогрелся, переделся и, видимо поэтому, боевой дух у него был на высоте.

- Нет, не сразу, – поправил его Серый: «Сначала у главного пирса пришвартуемся. От него до склада ГСМ метров сто, не больше. «Взорвём» его и всё. Считай, что база «уничтожена».

- Логично, - согласился Менжулов: «А батареи у входа? Они же нас, как Тузик грелку порвут.

- Не порвут, – успокоил его Невестенко: «Катер им знаком, да и чапаем мы еле-еле. Совсем мирные ребята. Кстати, Менжул, ты «спарку» проверил?

- Ага. Она без патронов и стволы законапачены. Так, одна видимость.

- Жалко. Если они успеют к пирсу подтянуться, то с автоматами и сто метров за сто вёрст покажутся.

- А мы на «полном ходу», они и не успеют. А как пришвартуемся, я вас прикрою, – вставил Серый.

- Точно. А мы втроём к складу... - утвердил этот план старлей.
- И ка-а-ак «бабахнем»! – подвёл итог прапор.
- Добро. Серый, становись на руль, вон уже базу видно. Готовимся парни.
- Морячков развяжите, – посоветовал Серый: «А то я «по жесткому» швартоваться буду. Прыгайте на причал, когда до него с полметра останется, а то потом у меня здесь свой «бабах» будет.

Сигнальщики на береговых батареях уже давно заметили адмиральский катер и доложили об этом по команде. Просто, констатировали факт. Катер-то свой, базовский, а то, что прётся не ко времени, так может у них что случилось. Вон, ползёт еле-еле и рыскает, словно на руле «салага» - первогодок стоит. Попытались на связь вызвать – молчит. Точно что-то случилось. Надо бы семафором запросить, не нужна ли помощь?

- Командир, они там что-то прожектором моргают, – порадовал прапор.
- Что семафорят?
- А я откуда знаю. Я тебе что, радист, что ли?
- Серый, чего это они?
- Командир, я тоже «морзянку» не изучал.
- Чёрт, чего им надо-то?
- Командир, они опять что-то передают.
- Наверно что-то спрашивают.
- Ага, типа «фиг ли Вы припёрлись?».
- Надо бы им что-нибудь ответить, – влез лейтенант, и тут же получил своё.
- Ну, Менжул, ты умный, ты и отвечай.
- Командир, они опять...
- Ну и передай им «тире-тире-точка», - посоветовал Менжулов.
- Почему «тире-тире-точка»?
- А не хочешь, тогда передай «точка-точка-тире».
- Не понял?
- Отдолби им что-нибудь от фонаря. Пока разбираться будут, мы уже в бухту войдём!
- А-а, понял. Щас сделаю.
- Ага, задумались!
- Вот-вот, пусть и они теперь репу поломают, не всё же нам.
- Командир, они снова...
- А-а, надоели... Серый, давай «полный вперёд»!
- Даю. Ну, держитесь, мужики.

Катер оказался шустрой зверюшкой. Взревев на «полном ходу», он рванулся вперёд, обгоняя волну. На батареях поняли, что здесь что-то не так, и направляющие ЗРК качнулись вниз. Но было поздно. Пролетев между ними и попав на более-менее гладкую поверхность бухты, катер стремительно скользнул к главному пирсу. На «полном ходу» он летел прямо к тому месту, где пирс упирается в берег, вызывая у всех, кто видел это, одну и ту же мысль: «Ой, сейчас же разобьется нахрен!».

Но, сигнальщики, похоже, ошибались насчёт «салаги» на руле. В последний момент катер дал «полный назад» и слегка отвернул в сторону. Приложился всем бортом, взметнув вверх фонтан воды и щепки от разбитого привального бруса, но остался цел.

От него метнулись в сторону склада ГСМ три фигуры, а с самого катера, качающегося на собственной волне, прикрывая их, бил одинокий автоматчик.

По ним даже не стреляли...

- Вот спасибо, Серый, вот уважил. Жалко только, что капитана за учения дали, а не за «боевую».

- Да ладно, командир, я то что... Вот, если бы прапор катер не добыл, чёрта лысого мы чего-нибудь сделали.

- Подумаешь, «добыл». Мне, старому «моржу», такие купания только на пользу. Вот лейтенант у нас молодец, как он их батареи вокруг пальца обвёл.

- Нет, всё-таки Серому спасибо. Я же не виноват, что у них сигнальщики тупые, а Серый... Знаете, мужики, когда он на прямо на причал летел, я думал всё, кранты.

- Да ладно, мужики, хорош, друг друга нахвалять. Все молодцы, а командир у нас самый молодцатый молодец и капитана ему не зря дают.

Они сидели в матросском «шинке» и отмечали это дело... лимонадом. Могли бы и дома, тем более что адмирал, командир базы, в благодарность за то, что не раздолбали его любимый катер, прислал ящик коньяка. Могли бы, но тогда, увы, без Серого.

Учения, длившиеся целую неделю, уже закончились, и сегодня Невестенко вернулся из штаба флота, где ему объявили о том, что он представлен к присвоению очередного воинского звания. Вот и собрал своих «орлов» с целью поделиться информацией.

- А прапор у нас тоже звёздочку получает, – доложил он.

- Это как? – удивились они.

- Представлен к только что введённому в Вооружённых Силах, званию «старший прапорщик». Приказ на него и меня будет дня через три, так что готовься, Потехин, проставляться.

- Вот здорово! – рассмеялся Потехин: «Они там ещё звание «генерал-прапошник» ввести не собираются? А то, ради такого дела, я весной ещё на пять лет контракт подпишу».

- Нет, не планируют. А контракт ты и так подпишешь. Куда ты, на фиг, от меня денешься. С подводной лодки.

- Хорошо Серому, – притворно печально вздохнул старший прапор: «Отбарабанил два года и домой. А мне ещё пять лет по сопкам бегать...»

- «Салага», - небрежно бросил в его адрес Серый, высунув нос из стакана.

- А Менжулову звёздочку не дали. Говорят: «Молодой ещё...».

- Тоже «карась», - прокомментировал Серый.

- ... и объявили благодарность от командующего флотом.

- Ого, тоже не слабо! Поздравляю, Менжул!

- Спасибо, а Серому-то чего, командир? Мы все в упаковке, а он что... опять в дерьме?

- Ну, с Серым посложней. Ему объявили отпуск с выездом ...

- Какой, на хрен, отпуск! – вспыхнул Серый.

- Не горячись. Я тоже понимаю, что они с таким поощрением просто с глазду съехали.

- Ну?

- Ну, я им так и сказал...

- Что, и звёздочку не отобрали? – ехидно поинтересовался Менжулов.

- Так я по-культурному. Объяснил, что срок службы у человека вышел и ему не в отпуск, а насовсем домой ехать надо.

- Ну!?

- Короче, Серый, готовься. Приказано тебя в первую партию отпустить.

- Вау!!! – по-кошачьи возликовал Серый: «Вау! Вау! Вау!»

Слов не находилось. Хотелось визжать и прыгать, но он только вскочил из-за стола и прошёлся колесом вокруг стола, сшибая по пути, неловко подвернувшись стулья и посетителей. Народ из-за соседних столов благоразумно отскочил в стороны.

- Успокойся, – осадил его Невестенко: «Это ещё не всё»,

- Да куда уж больше! – радости Серого не было предела.
 - Тебе разрешено уволиться в запас морским пехотинцем.
- Серый мгновенно стал серьезным. Глаза его почему-то повлажнели, и он тихо сказал:
- А вот за это, командир, действительно спасибо.
 - Понимаю. Не за что. Но пока приказ этот не выйдет, ты об этом молчи громче, чтобы НШ не узнал.
 - Да, Серый, молчи, а то он тебе какую-нибудь подлянку устроит.
 - А я Романчикова попрошу, чтобы приказ в строевой части придержали.

Последние восемь дней до 30 октября были, наверное, самыми мучительно долгими за всю его службу. Он считал не только часы, но и минуты до вожденного мига, стараясь загрузить себя хоть какой-нибудь деятельностью, чтобы стало легче. По «подъёму» вскакивал и, рассекая голой грудью морозный воздух, бежал на физзарядку, а после завтрака, уходил на стройку и пахал, пахал, пахал, почти не делая перекуров, как будто от того, как много он сделает, зависит и то, как быстро он отсюда уедет.

Приказ в части получили только 27-го, когда Серый уже начал терять надежду на то, что он вообще успеет прийти до отъезда первой партии. Снегирь, первым прочитав его, тут же бросился на стройку, чтобы порадовать кореша, и ворвался в бытовку, где грелась «командирская бригада» с радостным воплем: «Серый, пляши! Тебя в первую партию отпускают! Ура! Вместе поедем!»

Первая партия, она самая престижная. В неё попадают только «отличники боевой и политической». Такие, как старший сержант Омеля – замкомвзвода «охотников», младший сержант Тимоха – командир отделения и любимый водитель Командора, стармос Казанец – шеф-повар части, младший сержант Балаев – командир отделения и лучший водитель БТР, старший матрос Снегирь – зав. канцелярией строевой части и немногие другие. Всего десять человек. На их фоне одиннадцатый, матрос Серый, со своими чистыми погонами, выглядел белой вороной. Но, тем не менее, приказ был получен...

- Я знаю, – спокойно ответил Серый: «Ура».

- Ну, ты и сволочь! – взвился Сосмак: «Всю службу раздолбайствовал, а теперь в первую партию! Гад!».

И его кулак полетел в лицо Серому. Тот отклонился, но недостаточно – не ожидал удара. Поэтому, кулак товарища слегка задел его скулу. «Гнида!» - бросил ему в лицо Сосмак и выскочил из бытовки на улицу.

Серый продолжал спокойно стоять. Снегирь хмыкнул и вышел вслед за Сосмаком.

- Уф, - выдохнул Тагир: «Я думал, что ты его сейчас убьешь».

- За что? – так же спокойно спросил Серый: «У пацана нервы сдали, так что же, его мочить за это?»

- Я бы убил, – буркнул из угла Кисель.

- А тебя мамка такому слову как «самообладание» не учила? – спросил Серый и, достав сигарету, тоже вышел на улицу.

Был уже вечер и в тёмном морозном небе, где-то у горизонта, слабо трепыхались всполохи первого в эту зиму северного сияния. Сзади скрипнула дверь. Подошёл Тагир и встал рядом.

- Серый, – тихо сказал он после минутного молчания: «А ведь мы с тобой хотели вместе ехать».

- Извини, Тагир... извини... так получилось.

- Ты ещё в гости приглашал, я думал у тебя дня два-три погостить, Москву посмотреть...

- Так я и сейчас приглашаю. Заезжай, гульнём от души...
- Нет. Теперь я уж лучше из Питера самолётом на Омск... - и понурившись, пошёл прочь.
- Прости, Тагир. – тихо сказал ему вслед Серый: «Прости, кореш...».

Последние три ночи превратились в сплошной кошмар. Днём ещё работа отвлекала, а ночью... Серый засыпал, вновь просыпался, вскакивал и шёл в курилку. Опять ложился и долго ворочался, пытаюсь уснуть. Рядом ворочался Тагир, но разговор как-то не клеился. Серый опять проваливался в сон и снова вскакивал. В конце концов, плюнув на бесплодные попытки, одевался и шёл в сушилку расписывать гюйсы. Заказов уже не было. Свои кореша были все обеспечены, и он раздавал их следующему призыву.

В одну из таких ночей к нему в сушилку пришёл Ванька Синельников – завклубом, кинооператор и почтальон части в одном лице.

- Серый, у меня к тебе дело есть, – тихо сказал он.
- Что, гюйс нужен? Бери.
- Нет, я по-другому...
- А что тогда?
- Помнишь, когда «годки» твоё письмо перехватили?
- Ну?
- Это я тебя тогда сдал. Прости...

Серый смотрел на склонённую голову человека, из-за подлого поступка которого ему пришлось столько пережить. Очень хотелось врезать ему, излить всю злость, заставить почувствовать то, что чувствовал он, когда «годки» автороты дружно пинали его ногами. Но он сдержался. Сглотнул комок, застрявший в горле и глухим, каким-то не своим голосом сказал:

- Бог простит... А я простил. Иди..., но помни.
- Век буду помнить. В жизни так больше не поступлю, – поклялся Ванька и вышел из сушилки.

Дверь закрылась. Серый откинулся на грудь «спецпошивов» и закурил. Почему-то на душе стало легче, как будто не он простил подлеца Ваньку, а кто-то простил его...

В день увольнения Серый, проспав всего каких-то пару часов, вскочил по команде «подъём» и, как всегда с голым торсом, вывел «сводную колонну» на утреннюю пробежку.

- У-у, зараза, – весело гнусили «караси»: «Никак нашей кровушки не напьётся».
- Серый, опомнись! Тебе же через два часа домой ехать! – крикнул кто-то из «полторашников».
- Успею, – смеясь, ответил он: « А сейчас, рысью... Марш!»

После завтрака переделся в «парадку» и, дождавшись команды «Увольняющимся в запас собраться в штабе части», вместе с Тимохой и Мишей-Магомедом отправился в штаб.

Первым их принял в свои цепкие руки майор Салита. Завёл к себе в кабинет и популярно объяснил, о чём на «гражданке» можно рассказывать, а о чём нет. Получалось, что рассказывать не о чём. Призвался – уволился, а в середине всё под грифом «секретно».

Затем дал подписать какие-то бумаги о том, что они предупреждены об ответственности за разглашение. Серый заартачился: «Я такое уже в «учебке» подписывал», но майор наклонился к нему и негромко сказал: «Подписывай, дурень. По той бумаге у тебя десять лет «невыезда», а по этой только пять. Вдруг за границу соберёшься». Серый прикинул, что не исключено. И подписал.

«Охотникам» Омеле и Витусу, а так же диверсанту Серому велел подписать ещё одну бумагу. О том, что они будут тихими и смирными, не будут драться, а тем более применять боевые приёмы в течении пяти лет.

- Ну, что же, мы люди мирные, – прокомментировал Серый: «Подпишем».

Остальные, слыша это, хихикнули. Уж больно его внешность и репутация не соответствовали тому, что сказано.

Следующим их принял Романчиков. В строевой части они расписались в куче формуляров о сданном оружии, обмундировании, технике и наконец-то получили на руки долгожданные военные билеты и проездные документы.

Третьим кругом был НШ. Зачем он их собрал и построил в коридоре штаба, Серый понять не успел. Увидев в строю одиннадцатого человека, да ещё какого(!), того самого Серого(!), НШ сразу же подошёл к нему.

- Серый? А Вы что здесь делаете? – задал он абсолютно идиотский вопрос.

- В запас увольняюсь...

- Романчиков, на каком основании?

- Приказ комфлота. Поощрён за участие в учениях.

- Командир в курсе?

- ВРИО командира части в курсе и все документы подписал.

«Что съел?» - подумал Серый: «Документы подписаны, а значит, я уже свободный человек и теперь хоть пешком, хоть ползком, но домой уйду».

НШ на секунду задумался, пожевал губами, а потом выдал:

- Ну что же, приказы надо выполнять. Но обратите внимание, товарищ старший лейтенант, что у матроса Серого брюки явно расклешены шире, чем положено по Уставу, бушлат новый и, наверняка, снят с молодого матроса, а бескозырка... ну, в общем, тоже с нарушениями. Так что проследите, пожалуйста, чтобы матрос Серый не покинул часть с такими нарушениями формы одежды. Пусть купит себе новое, предоставит чеки, а потом уже можно будет подумать о его увольнении».

Гром среди ясного зимнего неба, не произвёл бы на Серого такого впечатления. Загудел возмущённо строй увольняющихся, а Романчиков только развёл руками.

И брюки у него были не шире 28 сантиметров, и бескозырка в порядке, и бушлат его собственный, ещё с «учебки». А то, что новый, так Серый его почти и не носил, предпочитая всё время бегать в «спецплошиве». Покупка новой формы требовала и времени и денег, ни того, ни другого не было и это ставило его в безвыходное положение. Серый до хруста сжал зубы. ДМБ в опасности! Надо что-то делать, что-то придумать. И он придумал.

- Разрешите идти, товарищ кавторанга? – спросил он.

- Куда? – поинтересовался НШ.

- Переодеться.

- Ну-ну, идите. Переоденьтесь и опять на осмотр.

Серый вылетел из штаба на улицу. Часть уже собиралась на плацу для построения и заинтересованно загудела, увидев его. «Серый, что случилось?» - крикнул кто-то, но он только отмахнулся и бегом бросился в автороту, в каптёрку.

Старшина роты Лёха Лом Серого не любил. Причина была. Ведь это Серый поменял ему красивую фамилию Викентьев на, чуть ли не собачью кличку, «Лом». А потом ещё постоянно высмеивал молодого прапорщика в своём «Боевом мазке».

Но тут Серый сам обратился к нему за помощью. К тому же, в дверях каптёрки мигом собралась толпа его корешей. Белый, Сосмак, Шулипа, Керницкий... Вот и связисты Ткачёв с Оробинским... Штабные, камбуз...

Считай, весь этаж собрался. В такой ситуации Лёха просто не мог отказать ему и, распахнув рундук формы б\у, с широким жестом руки, сказал: «Выбирай».

Серый, не глядя, схватил штаны, выбрал бушлат постарее и какую-то бескозырку, а заодно уж и «суконку». Надел всё это на себя, а свою форму, сорвав штат и погоны, бросил старшине.

Вид переодетого «дембеля» был, конечно, чумовой. Штаны с вытянутыми коленками, у которых одна штанина почему-то была короче другой. Бушлат, с вытертым до блеска ворсом и неаккуратной штопкой на плече, пережил, видать, не одного хозяина. Об этом красноречиво говорили несколько фамилий вытравленных хлоркой на его подкладке. Последняя фамилия была «Лисукин». «Ну, вот и встретились, «вечный салага», - пробормотал Серый, даже не задумываясь какими путями этот бушлат из БЧ-5 оказался в автороте. Бескозырка, вызывавшая неподдельное изумление своей феноменальной бесформенностью и помятостью, оказавшись на голове Серого, попыталась стать колпаком, но застряла на ушах, мерно покачиваясь в такт движениям «дембеля».

- Серый, ты что сбрендил!? На, мою возьми! – крикнул Белый.

- Мой бушлат возьми! – влез Ткачёв.

- Держи мою «суконку»!

- Бери штаны!

- Стоп, мужики! Спасибо, но НШ хочет, чтобы я уехал полным чмырём, и в Вашей форме он меня всё равно не выпустит. Так пусть подавится, гад!

Когда Серый влетел в таком виде в штаб части, морда НШ расплылась в довольной улыбке: «Вот, теперь вижу форму достойную матроса Серого». Строй «дембелей» угрюмо зароптал, а Романчиков за спиной НШ покрутил пальцем у виска, не обращая внимания на стоящего с ним рядом Салиту, который, впрочем, сделал вид, что ничего не заметил.

На плацу их поставили лицом к строю части. Кавторанг Сорокин сказал короткую речь, содержания которой Серый так и не расслышал за скрипом собственных зубов и мыслью о том, что в их единоборстве последний раунд всё-таки остался за НШ.

Потом они целовали знамя части и прощались со всеми, проходя вдоль строя, обнимая друзей, хлопая их по плечам и говоря какие-то прощальные слова. У Серого этот процесс затянулся намного дольше, чем у всех остальных. Когда «дембеля», попрощавшись со своими подразделениями и просто махнув рукой остальным, уже стояли возле «Урала», готовые к погрузке, он ещё шёл вдоль всех подразделений, в каждом из которых были люди, не попрощаться с которыми он просто не мог. Даже в БЧ-1, на правом фланге, в офицерском строю, многие жали ему руку и желали удачи.

Прощание затянулось, а Серый, заметив, что это бесит НШ, специально не торопился и сумел доставить ему несколько неприятных минут. Наконец строй кончился и Серый подбежал к остальным «дембелям». Они дружно вытянулись по стойке «смирно» и отдали честь всем остающимся. «Ура!» - взревел строй: «Ура! Ура!».

- По машинам! – скомандовал Лёха Лом, назначенный сопровождать их до Мурманска, и они полезли в кузов.

За всей этой суетой и шумом никто не заметил, как Шулипа подошёл к Иваневскому – водителю «дембельской» машины и своему земляку.

- Сирко, в Мурманске отдашь свою форму Серому.

- А я, як же? – попытался возразить хохол.

- В его вернёшься. А колы форму зажилишь, то ты мени больше ни кореш и ни земляк. Разумиешь?

В кузове они расположились на традиционных матрасах – путь предстоял долгий.

- Не журишь, Серый, - хлопнул его по спине Омеля: «Нам с Балаичем сейчас форму метнут, так мы тебя переоденем. Серый окинул взглядом коротышку Омельчука и бугая Балаева – размерчик явно был не его.

Им повезло, что они не замёрзли в лёгких бушлатиках и бескозырках. Зарылись в матрасы, как медведи в берлогу, и добрались до Мурманска даже без обморожений. «Урал» остановился возле авиакасс и касс железнодорожного вокзала. Вылезли из кузова и остолбенели, ошеломлённые суетой и гомоном большого города. Серый комментировал, глядя на снующих по своим делам людей в штатском – «А чего это они строим не ходят?», проезжающие мимо разноцветные автомобили – «А транспорт, почему без камуфляжа?» и припорошенные снегом дома – «Какой дурак так сектора обстрела рассчитал?». «Дембеля» ржали, потихонечку приходя в себя. Два сердитых милиционера проволокли мимо них поддатого мужика. «Цивилизация!», - посмотрев им вслед, со значением поднял вверх палец Тимоха.

- Серый, пошли переоденешься, – позвал его Иваневский: «Шулипа приказал».

Лёха Лом, которого по пути ввели в суть дела, согласно кивнул головой: «Переодевайтесь, я на «шухере» постою». Серый улыбнулся и полез в кабину, выполнять последний приказ своего замкомвзвода. Так и переоделись в кабине «Урала», прямо посреди города. Правда, Серый взял только брюки и бескозырку. По дороге он уже успел перешить свои погоны и штат на бушлат Лисукина, а перешивать их теперь на бушлат Иваневского, не было времени.

Здесь, возле касс они начали расходиться в разные стороны. Двое друзей - казахов из БЧ-5 взяли билет на самолёт и, попрощавшись, тут же уехали в аэропорт. А остальные, посоветовавшись, решили ехать поездом Мурманск – Москва, с пьянкой и веселухой, как и положено «дембелям», а дальше уже кому куда.

Серый посмотрел на своё убогое отражение в стеклянной витрине и решил ехать отдельно, всё равно в таком виде и пьянка не пьянка, и веселье не веселье.

- Ладно, мужики, давайте прощаться. Я самолётом до Питера, а там форму заберу и опять самолётом в Москву. Так что, глядишь, ещё вас на вокзале в столице встречу.

- Да брось ты, давай с нами.

- Водочки попьём.

- Мне в Петрозаводске родня Вепса на вокзал форму принесёт, – приоденем тебя.

- Не, мужики, я уж лучше самолётом.

Позвонил в Ленинград дядьке и выяснил, что форма получена в целости и сохранности, помещена в шкафу на вешалку и закрыта на ключ, чтобы детишки не добрались. Предупредил, что прилетит сегодня вечером, и пошёл в кассу за билетами.

В кассе его озадачили тем, что по проездным документам ему положен билет до Москвы. Нет, до Питера ему, конечно, билет дадут, но дальше придётся добираться за свой счёт. Серого это не сильно расстроило. Хотя, после перевода в автороту, его перекинули с «зарплаты» в 25 рублей, на стандартные 4-80, деньги были. Зря, что ли цемент со стройки прапорам

«налево» продавали? А деньги есть, значит доберёмся. Он переобнимал своих друзей - «дембелей» и сел в автобус до аэропорта.

Мурмаши – аэропорт Мурманска, встретил его патрулём военной комендатуры. Два матроса-трёхгодичника со штык-ножами на ремнях и прапор - «голубятник».

- Товарищ матрос, подойдите к начальнику патруля, – козырнул ему один из патрульных.

«Ой, как у Вас всё серьёзно,» - подумал Серый: «Всё по Уставу, прямо как у взрослых», и подошёл к прапору.

- Товарищ матрос, предъявите документы, – приказал прапор.

Серый достал из внутреннего кармана бушлата военный билет и протянул ему. Патрульные стояли рядом и с интересом наблюдали за тем, как «баклан» будет глумить «сапога».

- В отпуск? – поинтересовался прапор.

- Никак нет, уволен в запас.

Патрульные удивлённо переглянулись, а прапор спросил: «А что форма такая... старая?»

- Так получилось, – ответил Серый, не желая рассказывать каждому встречному о том, какой придурок у них НШ.

- Ну, наверно значков лишних нацепил? – предположил прапор.

Серый распахнул бушлат. На груди одиноко краснел комсомольский значок. Весь «иконостас» остался в каптёрке. На его старой суконке. Прапор полистал его военный билет и нашёл нужную страничку.

- Да у тебя же полный комплект. Да ещё «За дальний поход». Чего не носишь? – удивился он.

- Так получилось, – снова ответил Серый и добавил: «В Уставе не сказано, что я обязан их носить».

- Ну да, - согласился прапор, продолжая машинально листать его военный билет: «Просто, обычно все лишнее норовят одеть... Ба, что я вижу? В\ч 90198! В какой роте служил, браток?».

- В первой.

- А я в третьей. Ну, и как там? Стоит ещё школа СС?

- Стоит, что ей будет. Немцы крепко строили.

- Ну ладно, браток. Всё в порядке. А если патрули цепляться начнут, скажи, прапорщик Васильев не велел трогать.

- Спасибо. Разрешите идти?

Мичман из следующего патруля трёхгодичников, услышав фамилию Васильев, со словами: «У-у «баклан» хренов, ещё и морпехов покрывает», выпотрошил его, чуть ли не до трусов. Поэтому Серый решил больше на «баклана» не ссылаться.

А патрулей в Мурмашах было видимо-невидимо, как «охотников» в сопках во время учений. Серый даже начал чувствовать какой-то боевой азарт. Будто он снова в камуфляже и с автоматом, а кругом «противник» и надо не только выжить, но и «выполнить поставленную задачу» - в данном случае, добраться домой. Все чувства обострились, привычно начала работать чуйка, подсказывая, куда можно ходить, а куда лучше не соваться. Тело послушно ныряло то в щель между автоматами с газировкой, то за телефонную будку, то в толпу каких-то пассажиров. В общем, обычная для диверсанта игра в кошки-мышки.

Так он развлекался долго, тем более что по метеоусловиям вылет рейса задерживался. Уже наступила ночь, большинство пассажиров мирно дремало в

креслах зала ожидания, и, в хорошо просматриваемом зале, уходить от патрулей становилось сложнее. Скрываясь, Серый спустился в галюнь или, ах простите, общественный туалет и там увидел зрелище, которое навело его на мысль...

Человек сорок бритоголовых и понурых парней, ещё в гражданской одежде, но уже под надзором «карася» - старшины второй статьи. Угадать, кто это, было несложно. Ровно два года назад, он сам вот так же сидел на кафельном полу вокзала, печально перебирая в голове варианты тех мест, куда его могут отправить служить.

Он подошёл к ним: «Здорово, братва!»

- Здрасьте. Привет. Здражелаю!

- Служить едете?

- Ага. Да. Так точно.

- Это хор-рошо. А как Вам моя форма? – он провёл ладонью вдоль тела, как бы предлагая оценить прекрасное.

- Хорошая. Нормально. Сами такую скоро наденем...

- Вот! А мне она надоела до чёртиков. Так что, с тебя - куртка, с тебя – свитер, а с тебя – джинсы. Р-раздевайсь!

- А мы как же?

- В моём поедете, всё равно сожгут.

Подлетел сопровождающий «карась»: «Браток, ты чего делаешь?»

- Твоих архаровцев раздеваю.

- Ты что, мне же за это...

- Бр-р-рысь! – с «годковскими» интонациями рывкнул он. Старшина эти интонации, видимо, знал хорошо и испарился моментально, а призывники, лишившись поддержки, начали безропотно раздеваться.

Серый сорвал знаки различия и зашвырнул их в ближайшую урну. Туда же отправилась бескозырка с гордой надписью «КРАСНОЗНАМЁННЫЙ СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ» и штат морской пехоты. Отдал призывникам форму, оставив себе лишь ремень, ботинки и тельняшку. Затем обрядился в штатское. Джинсы «Super Rifle», свитер ручной вязки с высоким воротом и финскую нейлоновую куртку.

Ох, Серый, башка твоя бедовая. Или не знаешь, что за такое переодевание – «губа», а за бескозырку и погоны в урне – вообще «дисбат»... Знает. Всё Серый знает. Просто натура такая дурацкая – на жопу приключений искать и самую свою выказывать.

Встал перед зеркалом и придирчиво осмотрел себя. Нормальный усатый штатский парень, правда, со шрамом на роже, но таких и на «гражданке» полно. Даже то, что последний месяц было не до стрижки, и волосы отросли длиннее, чем положено, сейчас играло на руку. «Дипломат» у него традиционными якорями не украшен и внимания к себе тоже не привлекает. Может, и проскочим. Тем более что патрулю он теперь может отказаться предъявить документы, под предлогом того, что он штатский, а милиции, скорей всего, нет дела до вот таких вот чокнутых «дембелей». Вот если патруль милицию вызовет, то можно влипнуть по серьёзному, но авось пронесёт...

«Авось пронесёт», - сказал он себе и, поднимаясь из галюна, тут же, на трапе наткнулся на патруль. Трое стояли и курили. «Пан или пропал» - мелькнуло в голове у Серого и, решив сразу проверить свою легенду, проходя мимо, толкнул патрульного плечом.

- Извини, сержант, – улыбнулся он.

- Ничего, – ответили ему с лёгким презрением. Что ещё ожидать от рохли сухопутной, который даже старшину 1 статьи от сержанта отличить не может.

Окрылённый таким успехом, Серый почувствовал себя не просто диверсантом, а настоящим разведчиком в глубоком тылу врага. А раз так,

если он находится вне закона, то почему бы ему ни усугубить своё положение и не... выпить коньяка.

Сказано-сделано и бодрой походкой он направился в буфет. Коньяка в наличии не оказалось, только водка. Да ещё и толпа из оголодавших в ожидании вылета пассажиров. Пришлось занимать очередь.

- Эй, браток, иди сюда, – окликнули его.

Серый насторожился: «Неужели влип?», но парень за столиком, позвавший его, не был похож на патрульного. Типичный гражданский в финской куртке, к тому же слегка небрит и изрядно пьян. Серый нарочито расслабленной походкой подошёл к нему: «Чего звал?»

- Садись, выпьем, а то пока твоя очередь дойдёт...

На столе перед гостеприимным мужиком красовалась бутылка водки и тарелка с нарезанным палтусом.

- Не могу один пить, – пожаловался мужик, разливая водку по гранёным стаканам. Культурно разлил, на два пальца. Серый сел за столик. Выпили.

- Ты, с какого флота, браток? – поинтересовался мужик.

- В каком смысле? – не понял Серый.

- Ну, я – с тралового, – пояснил собутыльник: «А ты? С транспортного? Пассажирского? Гидрограф?»

- А-а-а, - до Серого дошло: «Я, браток, с Военно-Морского».

- В каком смысле? – теперь уже удивился мужик.

Пришлось Серому под очередные «на два пальца» рассказать и про форму, и про НШ, и про переодевание в местном гальюне. Мужик, оказавшийся Вадимом, ржал во всю глотку и хлопал ладонью по столу: «Ну, ты молодец, братуха. А я смотрю, ты вроде по-нашему одет, вот и пригласил...»

Тут до Серого дошло окончательно. На них с Вадимом почти одинаковые куртки, джинсы, свитера и даже «дипломаты». Получается, что он интуитивно сменил военно-морскую форму на такую одежду, которую обычно носят гражданские моряки. Удачно получилось.

- Но ты ори потише, а то патруль накличешь, – попросил он.

- Ха, потише! – продолжал шуметь Вадик: «Вот если рыбак с бутылкой будет тихо сидеть – тогда и, правда, подозрительно. А так, к нам даже милиция не подойдёт. Во, смотри. Эй, сержант, выпить хочешь? Видишь, не подходит. Наливай, давай...»

Так они усидели бутылку, затем другую. Серый взял и третью, но Вадик уже...устал, и Серый отвёл его в зал ожидания - баиньки. Выпитая водка на него действия не оказала. Ну, абсолютно никакого. Трезвый, как дурак, только кураж проснулся. Вот он и пошёл куражиться по аэропорту, нарочно проходя поближе к патрулям. Специально, придурок, нарывался. Приключений себе искал. Но патрули, почему-то на него внимания не обращали. Мало ли их здесь ходит, этих поддатых рыбаков с тралфлота.

В одном из закутков аэропорта он заметил двоих в «форме флотской чёрной». «Дембеля» - казахи из его части «шкерились» от патрулей в ожидании рейса. Серый подошёл и сел напротив. Они продолжали что-то щебетать на родном языке, видимо, вспоминая забытые слова, ещё некоторое время, а затем один из них поднял глаза.

- Серый, ты? – глаза у казаха стали круглыми.

- Нет, северный олень, – нахально ответил он.

- Ну, ва-аще! Тебе же в Москву? У тебя что, родня в Мурманске? Где «гражданку» достал? – засыпали они его вопросами.

- Диверсант, он и в Африке диверсант, – ответил тот, а про себя подумал: «Только там его советским террористом называют».

- Выпить хотите? – спросил он и, приоткрыв «дипломат», показал лежащую там бутылку.

- Ага, – дружным хором ответили они.

- А Коран не запрещает? – ехидно поинтересовался он, разливая водку в реквизированные у ближайшего автомата с газировкой гранёные стаканы.

- Вэй, Аллах далеко. Что ему там видно, водку мы пьём или воду?

- Ну, тогда за ДМБ!

Водку выпили, и казахи залегли спать. А у Серого опять ни в одном глазу. «Заболел что ли?» – размышлял он, охраняя сон друзей: «Почти литр усосал в одно рыло, а трезвый... аж противно».

Наконец, в пять часов утра начали давать вылеты. Серый разбудил казахов и проводил их на посадку, сбегал и разбудил Вадика, а затем уже и сам погрузился на борт ТУ-134.

Заложило уши при взлёте. В прорехах рваных облаков мелькнули чёрно-белые сопки и исчезли где-то внизу. Серый надеялся, что навсегда.

В 8 часов утра «борт» приземлился в Пулково. Серый вышел на бетон посадочной полосы и распахнул куртку. После заснеженной Лапландии его встретили питерская сырость и морозящий дождь. Показалось даже, что очень тепло, чуть ли не жарко, хотя стюардесса перед посадкой объявила, что в городе на Неве «всего плюс восемь».

Серый прошёл через здание аэровокзала. Нахально толкнул очередного патрульного: «Извините, сержант...», а дальше всё как обычно... Вышел к стоянке такси. Редкий случай! Такси есть, а очереди нет. Просто коммунизм какой-то! Надо воспользоваться...

«На Петроградскую», – бросил он водителю таким тоном, будто ездил туда чуть ли не каждый день, и уютно устроился в пассажирском кресле, наблюдая, как размеренно щётки дворников стоняют с лобового стекла капли дождя.

- Из Мурманска? – спросил водитель.

- Ага, – буркнул Серый. Он устал, разговаривать не хотелось.

- Рыбак? – попытался проявить догадливость таксист.

- Нет, «дембель».

- А чего не в форме? – удивился тот.

- Войска такие, – объяснил Серый.

Водитель скосил глаз на своего пассажира. Заметил шрам на лице и бугрящиеся даже под курткой мускулы.

- КГБ что ли? – осторожно спросил он.

- Нет, «боевые пловцы», – ответил Серый.

- А-а-а, – понимающе закивал головой таксист: «Я про таких даже не слышал».

«Я тоже не слышал. До армии», – подумал Серый и закрыл глаза, собираясь воспользоваться моментом и подремать. Полтора часа сна в самолёте, после такого бурного дня, оказалось маловато.

- Привет. Лариса.

- Ой, Серёжа! Здравствуй. Ты это откуда?

- Странный вопрос. Из армии, конечно. Я же звонил.

- Ну да, Костик говорил. Только я думала, что ты в форме будешь, а так...

- Что «так»?

- В штатском, небритый, лохматый. Как будто из тюрьмы.

- Из тюрьмы меня полгода назад за плохое поведение выгнали. Пришлось в армии прятаться.

- Да ты заходи, чего на пороге стоишь. Костик к пяти с работы вернётся. Просил, если сможешь, его дождаться. Сейчас завтрак приготовлю, отдохнёшь.

- Спасибо, я в Пулково перекусил. Лучше посплю, если можно.
- Конечно. Ложись на диване. Тебя разбудить?
- Не надо. Через час сам проснусь.

К удивлению тёти Ларисы, которая была старше его всего лет на пять, он действительно проснулся ровно через час. Принял душ, побрился и начал облачаться в «дембельскую» форму. «Ну как?» - спросил он у Ларисы, появляясь на кухне уже во флотском обличье. «Обалдеть!», - искренне созналась она: «Серый, все девчонки твои!».

Серый вышел в коридор, где было большое зеркало. Действительно, вид впечатлял. Десяти сантиметровые каблуки ботинок делали его ещё выше. Клёш – 40 сантиметров. Бушлат сидит, как влитой. Севастопольская бескозырка чудом притулилась на затылке и распустила ленты с якорями вдоль спины. Комплект дополнялся белым шёлковым шарфом и перчатками из тонкой чёрной кожи. Именно к этому военно-морскому великолепию удивительно шли, и шрам на лице, и твёрдые скулы, и даже немного суровый взгляд из-под бровей.

- Ларис, я отлучусь ненадолго, – предупредил он.
- Куда это ты? – поинтересовалась она, выходя из кухни и вытирая мокрые руки полотенцем.
- Так. Надо мне. На Лиговку.
- Девчонка?
- Ага.
- Ладно, смотри, до вечера не женись.
- Постараюсь.
- И патрулей берегись, Петух Гамбужский.

До нужного дома на Лиговке он добрался без приключений и нашёл быстро. Заметил только, что даже в приморском Питере, его форма вызывает повышенное внимание у окружающих. Особенно у девчонок. Вызывает ли его форма интерес у патрулей, он не проверял, старательно избегая встречи с ними.

Дом он нашёл быстро, но сразу в парадное, как здесь называют подъезд, не пошёл. Нужно было собраться с мыслями и придумать, что сказать Наташке, заявившись вот так, без предупреждения. Может, его и не ждут вовсе. Последние месяцы письма от неё приходили всё реже, а слова в них с каждым разом становились всё прохладнее. Сидя на лавочке, он выкурил подряд две сигареты, пока не собрался с духом и не решился войти в дом.

Кнопка звонка уже третий раз утопала под его пальцем, вызывая ответное дребезжание в квартире, но ему никто не открывал. Он надавил ещё раз. Дверь открылась, но это была дверь соседней квартиры. В дверном проёме появилась заспанная деваха, со сбитым на сторону пучком волос на голове и в халате.

- Ну, чего трезвонишь? – недовольно проворчала она: «Нет её дома. К матери в Калинин позавчера ещё уехала».
- Извините, - развёл руками Серый: «Я не знал». И уже собрался уходить, но не успел.
- Ой, - вскинулась девица: «А я Вас знаю».
- Да?
- Вы – Серый, я у Наташки фотокарточку видела. Ой, жалко-то как, что Вы её не застали. Она через три дня вернётся.
- Я уже сегодня уеду, – с сожалением сказал он.
- Ой, да что ж мы стоим. Вы ко мне заходите, я Вас хотя бы чаем напою.
- Неудобно как-то...

- Ой, да что тут неудобного. Я – Светка, мы с Наташкой вместе в институте учились, а теперь вместе на ТЭЦ работаем. Заходите, заходите...

Так, «ойкая» без перерыва, настырная Светка и затащила его в свою служебную однокомнатную конуру «молодого специалиста».

- Заходите, присаживайтесь, бушлатик свой снимите, а я пока чайник поставлю, – она проводила его в комнату и придвинула скрипучий стул.

Серый огляделся. Маленькая комнатка с высоким потолком и окном, выходящим во внутренний двор-колодец, отчего в ней даже сейчас царил полумрак, была обставлена без лишней роскоши. Шкаф, стол, стулья и узкая кушетка со скомканным одеялом, которое, казалось, ещё хранит тепло её хозяйки.

- Ой, а у меня такой беспорядок, – продолжала тараторить Светка: «Я сегодня после ночной смены. Вы уж извините».

Она успела поправить причёску, заколов узел рыжих волос большой костяной шпилькой, и теперь выставляла на стол сахар, хлеб, масло, печенье – всё, чем могла попотчевать нежданного гостя. Серый сидел истуканом, чувствуя себя совсем не в своей тарелке, а она продолжала метаться рыжей белкой из кухни в комнату и обратно, мелькая полами халатика и одновременно рассказывая: «Она мне про Вас ещё на третьем курсе все уши прожужжала. И что Вы моряк, и что рисуете хорошо, и что на гитаре играете...»

- Уже не играю, – печально улыбнувшись, сознался он.

- Ой, а почему?

Серый отвернул манжет на левой руке и показал шрам: «Сухожилие перебито».

Она аккуратно коснулась средним пальцем бугристого рубца на запястье: «А чем это?».

- Осколок. От мины.

- А это? Тоже? – любопытный пальчик коснулся шрама на его лице.

- Нет, это на учениях. Со скалы упал.

- Ой, Господи, – она закрыла лицо руками: «Что же они там с Вами делают, сволочи!»

- Нормально, Света. Главное, что живой.

- Да-да, это главное. А то, у меня одноклассника из Афгана в цинковом гробу привезли. Даже открывать не разрешили, так и похоронили. Вина хочешь? – внезапно перешла она на «ты».

- Вина?

- Ну да. Мы с Наташкой к 7 ноября припасли, но ради такого случая...

Светка вышла на кухню. Когда она не металась заполошной белкой, а двигалась неторопливо, в ней появилась какая-то грациозность. Так, она скорее напоминал молодую лисичку, плавно скользящую по белому снегу. «А она ничего,» - подумал Серый: «Или мне сейчас все девчонки «ничего» кажутся?». Светка вернулась с бутылкой «Саперави» и двумя бокалами. Серый эту кислятину грузинскую никогда не любил. Но сейчас даже слюну сглотнул.

- Штопора нет, – виновато созналась девушка.

- Ерунда, – бросил Серый. Двумя резкими ударами по доньшку выбил пробку и разлил вино по бокалам: «За что пьём?».

- За тебя.

- Нет. Давай, лучше, за тех парней, что служат. Чтобы ДМБ у них было скорым, и чтобы их дома встретили...ну, как ты меня.

Вино, насыщенное ароматами влагой, скользнуло в горло. Странно, но всего от пол-бокала сухого в голове Серого что-то случилось, будто щёлкнул какой-то выключатель и напряжённость, державшая его все последние дни, а может даже и годы, отступила. А может это не вино? Может, виновата сидящая

напротив него девчонка с такими пухлыми и аппетитными губками. Он тряхнул головой, прогоняя из неё глупые мысли, и спросил шутливо: «А Наташка тут как? Замуж не вышла?»

Светка моментально стала серьёзной. Даже губу закусил и отвернулась к окну, стараясь не смотреть ему в глаза.

- Понимаешь... ну, Наташка сама тебе хотела сказать... ну, я не знаю... она даже плакала... - сбиваясь и волнуясь, начала Светка. Внутри что-то оборвалось и, осипшим от волнения голосом, он спросил: «Что, правда, замуж вышла?».

- Нет... ещё нет... Мне, правда, жаль, Серый. Она и сама переживает, но... в общем, у неё есть парень. И они собираются пожениться.

Серый склонил голову и насупился. Удар был не смертельным, но болезненным. Он и сам прекрасно осознавал, что его чувства к Наташке были далеки от любви, но она ему сильно нравилась, и ему с ней... было хорошо. Ласковый пальчик опять коснулся шрама на лице: «Да не переживай ты так...». Но он уже взял себя в руки и поднял голову: «А я и не переживаю. Это её решение. Каждому своё».

- Вот и хорошо, – обрадовалась Светка: «Давай с тобой ещё выпьем». Схватила бутылку и сама наполнила бокалы.

- Давай, – согласился Серый: «За Наташку и за то, чтобы она была счастлива». Вино нежной струйкой снова скользнуло в горло. С таким удовольствием он ещё не пил никогда.

- А расскажи мне что-нибудь, – попросила настырная Светка, стараясь увести разговор с неприятной темы.

- О чём?

- Ну, например, как этот шрам получил, – она опять коснулась пальчиком его лица.

- А-а, ничего интересного. Поговорку знаешь – «Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт»? Так вот, я дураком оказался и полез...

- Ну?

- Ну и сверзился. Морду разбил.

- Бедненький, – пальчик опять потянулся к его шраму. Видимо ей это нравилось. Серый не возражал, ему такие прикосновения тоже были приятны.

- А, между прочим, - она хитро прищурила глаз: «Мы с тобой на брудершафт не пили».

- Не пили, – согласился он.

- Неправильно это. На «ты» уже перешли, а на брудершафт не пили. Наливай. Ой, что это я несу... - она похлопала себя ладошкой по губам: «...дура, дура, дура. Напилась и теперь говорю всякие глупости».

- Почему «глупости»? Правильно говоришь.

Он наполнил бокалы и они, скрестив руки и глядя, друг другу в глаза, выпили вино.

- Теперь надо поцеловаться, – тихо сказала она.

- Надо, – согласился Серый и впервые за последние два года, коснулся губами девичьих губ. Поцелуй был короткий. Они тут же сели на свои места. Очень вовремя сели, потому что в голове у Серого шумели все шторма Баренцева моря, сердце бухало где-то в горле, руки дрожали, а ноги подкашивались.

- Ты что замёрз? – с участием спросила Светка, заметив его состояние.

- Нет. Просто... я два года с девчонками не целовался.

- Бедненький, – её пальчик опять направился к шраму, но не добрался до него. Светка на несколько секунд задумалась, даже глаза закрыла, и пальчик коснулся его виска.

- А знаешь что? – она, видимо, приняла решение. Встала со стула и, запрокинув руки за голову, вытащила шпильку. Рыжая волна рухнула ей на

плечи. «Я тебя сейчас... вместо Наташки... изнасилую», - прошептала она, опускаясь к нему на колени и обнимая одной рукой за шею, а другой, борясь с непослушными пуговками халатика: «Она об этом... так мечтала...». «Не надо за Наташку...» - прохрипел Серый, задыхаясь от аромата её волос: «Лучше за себя...».

Они лежали на кушетке в грудe скомканного белья и одежды. Нога девушки покоилась на его бедре, голова на груди, а шаловливый пальчик продолжал нежно поглаживать её любимый шрам. Серый чувствовал себя лёгким, опустошенным и невесомым.

- А знаешь, - тихо прошептала она: «Я даже испугалась, что ты меня убьёшь».

- Бог с тобой, солнышко, как можно.

- Нет, правда. Своим напором. Я даже, кажется, кричала...

- Да.

- ... а потом сознание теряла и снова в себя приходила... опять кричала... и опять теряла...

- Я что-то не так делал?

- Глупенький, я же от счастья сознание теряла! – она вскочила и, абсолютно не стесняясь своей наготы, села, поджав под себя ноги: «А знаешь, когда я действительно поверила, что ты меня не обманываешь, и на самом деле два года не целовался?»

- Когда?

- Когда ты кончил. Прямо как снаряд внутри меня взорвался. Бабах! – она опрокинулась на спинку и изобразила мёртвую лисичку: «Бабах! И я умерла. Вот!»

Серый, приподнявшись на локте, наклонился над девушкой и поцеловал пульсирующую на шее голубую жилку.

- Ой, чайник! – вскинулась она и, вскочив с кушетки, бросилась на кухню. Действительно, в комнате стоял какой-то странный запах.

- Сгорел, – с печалью в голосе сказала она, выходя из кухни и держа за ручку наполовину расплавленный алюминиевый чайник: «Извини, чай отменяется».

- Не плачь, деточка, я тебе новый куплю.

- Ай, все вы, дяденька, только обещаете, – она грациозно тряхнула рыжей гривой: «А потом обманете...»

Серый лежал и смотрел, как она, ничуть не смущаясь своего костюма Евы, стоит посреди комнаты. «А ведь и, правда, хороша», - подумал он, поедая глазами длинные ноги с круглыми коленками, тонкую талию и грудь, с торчащими в разные стороны розовыми сосками. В голове опять зашумело, и хриплым от вожделения голосом он позвал её:

- Иди сюда...

- Может не надо, дяденька, что я мамке скажу? – кокетливо запричитала она, уже начиная двигаться в его сторону.

Несчастный чайник с грохотом упал на пол...

- Ну, всё, прощай, – сказала она, провожая его до дверей.

- Почему «прощай»? Может, ещё увидимся.

- Может, и увидимся, но не так... как сегодня.

- Почему!?

- Видишь ли... Скажу тебе правду. Наташка сама собиралась... ну, сделать это с тобой. И лишь потом сказать о том, что выходит замуж. Я просто... сделала всё за неё, – она лукаво улыбнулась: «Правда, с удовольствием...».

- Ну и в чём проблема? Она же замуж выходит.

- Я, между прочим, тоже. И Наташке... о нас с тобой, знать не обязательно. Она мне подруга, и я не хочу делать ей больно. Ты ко мне просто заходил и просто пил чай.

- Настолько просто, что аж чайник расплавился, и у кушетки ножка сломалась...

«Офигеть,» - думал Серый, пробираясь узкими улочками Лиговки к станции метро: «Ну, дают девчонки! Женская логика – хрен её поймёшь...»

- Эй, матросик! – окликнул его хрипловатый мужской голос. Серый обернулся: «Вы мне?». На пороге фотоателье стоял пожилой мужчина в синем рабочем халате: «Тебе, тебе. Сфотографироваться не желаешь?»

- Нет, спасибо.

- У меня быстро. Двадцать минут и готово.

- Серьёзно? За двадцать минут? – в голове начался очередной процесс рождения мысли.

- Ну да. У меня техника ГДРовская.

Серый вошёл в комнатку ателье, где со стен смотрели особенно удачно получившиеся фотографии клиентов. Фотографии были хорошие, явно мастер своё дело знал.

- А почему Вы меня решили окликнуть?

- Да вид у тебя такой. Настоящий балтиец. Я в своё время в Лиепае служил, знаю.

- Я североморец, – указал пальцем на ленточку бескозырки Серый.

- Да? А выправка балтийская.

Серый, вспомнив про пехотный и военно-морской шаг, чётко разделяемые строевиком Дыбенко, спорить не стал, а прошёл под свет софитов.

Мастер долго крутил его и так и этак, выбирая нужный ракурс, потом сделал несколько снимков и выгнал Серого на улицу курить, пока он будет проявлять и печатать. Серый пристроился у входа, попыхивая дымком и наблюдая за пробегающими в морозящем дожде прохожими. Сигарета пыталась ему помочь разобраться в женской логике. Получалась какая-то ерунда. Выходило, что Наташка его на самом деле любит, но, понимая, что он всё равно на ней не женится, решила устроить свою судьбу. А Светка? Ей-то всё это зачем? Может, просто пожалела?

- Заходи, готово, – позвал его мастер. Он вошёл внутрь и посмотрел ещё влажные снимки. Действительно, мастер дело знал. Получилось хорошо. Особенно, вот этот...

- Вот этот лучше всего, – указал фотограф на облюбованный Серым снимок: «И ракурс удачный и тени хорошо легли».

- Да, - согласился Серый в голове, которого окончательно созрела мысль, возникшая ещё при входе в ателье: «Сколько с меня?»

- Три сорок. Если нужно несколько, то каждый снимок ещё по рублю. Но фотографии можно будет получить только через час. Пока высохнут, пока глянцева буду...».

- Хорошо, - сказал Серый: «Мне нужно пять штук, но с одним условием».

- Каким?

- Мне их забирать некогда, я уезжаю. Я Вам деньги оставляю, а Вы их отошлёте.

- Хорошо, давай адрес.

- Североморск-7, в\ч 40042. Начальнику штаба, и по одной в БЧ-2, 3, 4 и 5. Фотограф удивлённо посмотрел на него. Пришлось рассказать историю с увольнением в запас, в форме из мешка с ветошью. Мастер выслушал

внимательно, а потом рассмеялся: «Ну, ты хитёр, братуха! Обязательно отправлю. Заказным. Чтобы уж точно дошли».

Серый вышел из ателье насвистывая. Последний раунд в битве с НШ он, всё-таки отыграл.

- Не-а, я конечно в морских делах ничего не понимаю. Я даже в армии не служил. Но то, что тебя первый же патруль арестует – это и без подсказки понятно, - выговаривал племяннику уже слегка захмелевший дядя Костя.

- Да ладно, Костик, прорвусь, - Серый пил водку, и она его опять не брала, видимо потому, что Светки рядом не хватало.

- Не-а, ну ты скажи. Зачем так расфуфыриваться?

- А престиж флота? Гордость за Военно-Морские Силы?

- Ага, и ещё чтобы девки любили, - влезла в мужскую беседу Лариска: «Он, когда к вечеру вернулся, от него знаешь, как женскими духами пахло. Ой-ой-ой! Если бы от тебя хоть раз так пахнуло, то я бы уже давно вдовой была».

- И это тоже. Демографическую проблему в стране нужно решать, - решительно стукнул кулаком по столу Серый.

- Ладно, наливай. Ты когда в Москву-то поедешь?

- Вот сейчас, допьём, и поеду.

- Куда «сейчас», ты же пьян.

- Нет, Костик, это ты пьян, - опять влезла Лариска: «А он, как огурчик малосольный сидит».

- Что, весь зелёный и в прыщиках? – поинтересовался Серый.

- Нет, такой же крепкий и солёный.

- Лариска, ты это о чём?

- О тебе, Костик, о тебе, мой милый.

- Фу на вас, пошляки. Давай, Костик, выпьем.

С билетами на Москву возникли трудности. Ещё днём Серый сбегал в кассы «Аэрофлота» и на Московский вокзал. Ни там, ни там билетов на Москву не было. Сидеть в чужом городе и ждать, не имея возможности даже выйти на улицу без риска нарваться на патруль, было невыносимо. Можно попробовать, конечно, зависнуть у Светки, но, во-первых, она сама расставила точки над «і» в их отношениях, а во-вторых, уж очень домой хотелось.

Хотя, дома-то его никто и не ждал. Ещё в Мурмане, переодеваясь в штатское, он прикинул степень риска от своего последнего «диверсионного рейда», и не стал звонить домой. Мало ли что. Его заметут, а они будут ждать и волноваться. Так свободней. Ещё в части, ему больше нравилось работать на учениях не в составе группы, а в одиночку, когда можно надеяться только на себя и принимать решения только за себя лично. «Типичный волк-одиночка», - усмехнулся он таким своим мыслям.

Поэтому, сегодня, полюбовавшись в очередной раз на своё отражение в витрине, он принял решение за самого себя. «Неужели во всех поездах Ленинград-Москва не найдётся такой проводницы, чтобы красавца-североморца до Москвы не приютила?» - подмигнул он сам себе и добавил: «А проводницу желательно, помоложе и поговорчивей». И вот теперь наступила пора приводить этот план в действие.

Допив с Костиком водку и покидав в «дипломат» кулёк с пирожками «от тёти Ларисы», а заодно и «трофейную» штатскую одежду, он попрощался с роднёй и вышел на улицу в сырость вечернего Питера.

Высмотрев в потоке машин зелёный огонёк такси, поднял руку и «Волга» послушно остановилась у тротуара.

- Шеф, на Мосбан, - на местном диалекте попросил он.
- Садись.
- Сел. Поехали.
- ДМБ? – спросил молодой таксист, включая счётчик.
- Да.
- Сразу видно. «Беска», я смотрю, из Севастополя?
- Ага, - ответил Серый. «Вот же чёртов приморский город. Куда не плюнь, что фотограф, что таксист – все, прямо-таки эксперты в военно-морском деле», - подумал он, а вслух спросил: «Что, на флоте служил?»
- Каспийская флотилия. Три года, как вернулся. У меня такая же была. Сейчас на шкафу лежит. Сын подрастёт – ему подарю.
- Мысль интересная, - поддержал его Серый: «Надо будет тоже...».
- Чего? – не понял таксист.
- Сына завести. Слушай, давай ты меня не у главного входа высадишь, а там где электрички.
- Патрулей боишься?
- Забыл что ли? Моряки ничего не боятся. Они опасаются.
- Сделаем.
- И у магазина тормозни, пожалуйста. Вина купить надо.
- Ладно. Только, давай я сбегая, а то...
- Спасибо.

Так, «до зубов вооружённый» пирожками и бутылкой «Муската», он вылез из такси возле Московского вокзала и начал приводить в исполнение последнюю часть своего диверсионного задания – «проникновение в транспортное средство условного противника».

Проскользнув незамеченным мимо патруля, выскочил на перрон и неторопливо двинулся вдоль вагонов транзитного поезда, прикидывая из которого выходит больше пассажиров с вещами, и какая проводница на вид может оказаться более сговорчивой. Он безрезультатно прошёл уже пять или шесть вагонов, как вдруг его остановил крик: «Мужики, да это же Серый!», и моментально на нём гроздьями повисли его друзья - «дембеля», которые в Мурманске решили ехать поездом. Серый стукнул себя кулаком по лбу: «Вот же дурья башка! Диверсант называется. На борту вагона табличка «Мурманск-Москва», а для особо выдающихся кротов, надпись на половину вагона «СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ». Мог бы и сообразить, что пока он по Питеру куролесил, они только от Мурманска до Ленинграда доехали.

И вот теперь, полупьяной толпой, вывалились на перрон, чтобы попрощаться с ленинградцем Снегирём и рижанином Витусом. Он с радостью влился в эту орущую и галдящую толпу. Вместе со всеми тискал и охлопывал на прощанье Снегирия с Витусом, а затем запрыгнул в уже тронувшийся вагон.

Проводница вагона, вняв его убеждениям в виде «червонца», согласилась, что три свободных места, оставшиеся после «дембелей», один из которых сошёл ещё в Петрозаводске, слишком большая роскошь и подселила «зайца» к друзьям.

Глядя на них, он решил, что его маршрут движения оказался намного интересней, чем у них. Ну, сели в поезд. Ну, нажрались. Ну, подрались со стройбатовцами из соседнего вагона, которые решили прикинуться моряками... Скучно, же! Ни тебе экстрима, ни адреналина в крови, ни Светки с её пухлыми губками.

Посидели они недолго. «Мускат» быстро кончился, а водку они ещё перед Питером усосали. Серый повеселил друзей рассказами о своих приключениях, они поделились своими и залегли спать. Утром их ждала Москва.

Серому спать не хотелось и он, сев на нижнюю боковую полку их плацкарта, стал чинить «дембельскую» суконку Омели, которую тот ухитрился порвать в драке со стройбатом. Заштопать нужно было так, чтобы шва не было видно, а Серый это умел. Работа была тонкая и требовала сосредоточенности, поэтому он не сразу обратил внимание, что в тамбуре, примыкавшем к их, последнему в вагоне «отсеку», появились «гости».

Двое, в дымину пьяных стройбатовцев в матросской форме, обсуждали план «боевых действий».

- Ща пойду и этим морпехам хреновым морды начищу! – бузил один.

- Погоди, Сёма, щас наши подойдут, мы им вместе начистим, - пытался удержать его другой, более рационально воспринимающий действительность.

Серый сидел в тени под полкой, и они его не видели. Он осторожно сунул ноги в ботинки, пожалев, что придётся драться на высоких каблуках, и одновременно, прикинул узость поля боя, лишаящую его нужного манёвра. Выходило, что нужно бить прямо в дверях, там, где мог пройти только один.

- Пусти меня, я крови хочу! – орал за дверью буйный Сёма.

«Сейчас ты её получишь», - спокойно подумал Серый и, дождавшись, когда стройбатовец вырвется из рук своего товарища и начнёт открывать дверь, резко вскочил и ударил ногой по дверной створке. От удара она отскочила прямо в лоб агрессивному Сёме, одновременно разбив ему нос. Сёма свою кровь получил. Поэтому задумался... и рухнул на руки товарища. Поспать, наверно, захотел.

- Да я за друга! – взревел второй, бросаясь в атаку. Серый приготовился, но ударить не успел. С верхней полки высунулась помятая морда Миши Балаева.

- Ты чиво кирчишь? – то ли нарочно, то ли спросонок коверкая русские слова, спросил он.

- Люды спят, - он приподнялся на локте: «Иды и ты спат».

Мишин бицепс был размером с хорошую дыню, а кулак ненамного меньше, чем голова стройбатовца. Увидев такие убедительные доводы всего в полуметре от своего лица, стройбатовец мгновенно растерял весь боевой задор, и с готовностью согласившись: «Ага», подхватив друга, поспешил скрыться. «Салабон», - буркнул ему вслед Миша и опять завалился спать.

Утром «внутренний будильник» Серого поднял его за полчаса до времени прибытия и за десять минут до того, как проводница начала будить пассажиров. Поэтому умылись и побрились они без стояния в очереди к туалету. Серый даже помахал руками, разгоняя кровь. «Эх, пробежаться бы...» - пожалел он.

- Кто же тебе мешает? Выскакивай на улицу и рядом с поездом, «рысью...Марш!»

- Ага, и с голым торсом, – начали советовать друзья.

Серый выглянул в окно. «Крюково», - прочитал он вслух название пролетающей мимо платформы: «Отсюда я до дома на своих двоих добегу. Хотя, проще на автобусе до «Речного вокзала», а там на метро».

- Хорошо тебе, ты почти дома, – сказал с завистью Лёшка Плахов из БЧ-5: «А я даже как на Белорусский вокзал проехать не знаю».

- Станция метро «Белорусская», - подсказал Серый.

- Нет, мужики, это неправильно, - влез Тимоха: «Нас тут шестеро, из них трое москвичей. Каждый кого-то провожает до нужного вокзала, а потом домой. Я Омелю на Киевский с удовольствием отвезу».

- А я Лёху на Белорусский, – сказал Казанец.

- Миша, а тебе куда? Аэровокзал? Я с тобой, - подрядился Серый.

- Не надо, братаны. Езжайте по домам. Что мы, маленькие что ли? – начал отнекиваться Лёха.
- Надо-надо, а то ещё заблудитесь.
- Плакать будете, - не удержался и съязвил Серый.
- Та я в сопках ни заблудився ни разу, - возмутился Омеля.
- Тут тебе не сопки. Тут большой и страшный город, полный ужасных и кровожадных патрулей, каждый из которых, просто мечтает ободрать несчастного «дембеля», - и Серый соорудил страшную рожу, демонстрирующую ужасность и кровожадность московских патрулей. Получилось, похоже.

На ступенях Ленинградского вокзала они простились. Миша и Серый – на радиальную, а остальные – на кольцевую.

- Маме позвони, - сказал Миша.
- Не-а, - весело отказался Серый. Родной город встречал его отличной погодой. В прозрачно-голубом небе сияло яркое осеннее солнышко. Золотые и красные листья трепетали на лёгком ветру и, обрываясь, падали с деревьев им под ноги. Встречные девушки оборачивались, рискуя вывернуть шею, на двух моряков-североморцев неторопливо, с достоинством, идущих от станции метро «Аэропорт» к аэровокзалу.
- Они у меня дома даже не знают, что я еду, - пояснил Серый: «Вот тебя провожу и позвоню».
- Нехорошо это, - осудил его Миша: «Мама тебя два года ждала. Позвони».
- Потом, Миша. Часом раньше, часом позже – какая разница, - ему была необычна такая сентиментальность у могучего и сурового парня: «А если билетов не будет, то ко мне поедем. Встретят обоих».
- Нет, маме надо позвонить, - продолжал настаивать Миша.
«Ну, ты чёрт упёртый», - мысленно обругал его Серый.
Их спор прервали открывшиеся двери аэровокзала.

Билеты в кассе были, но была и очередь. Поскольку, ни Героями Советского Союза, ни Матерями-героинями они не были – пришлось стоять.

- Серый, езжай домой, - продолжал занудствовать Миша: «Дальше я сам доберусь. Неудобно, тебя мама ждёт».
- Успокойся. Посажу тебя на самолёт и поеду, а то вдруг рейс отменят или ещё чего-нибудь. Я в Мурманске полночи ждал. Так лучше у меня дома перекантуешься.
- Ладно, убедил. Пойду в галюнь схожу.
- Иди. Это там, в конце зала.

Миша ушёл, а Серый стоя в очереди, начал развлекаться, рассматривая пассажиров с пассажирками и отыскивая среди последних самых хорошеньких. Занятие ему нравилось. Казалось, что со времени его призыва количество красавиц в Москве резко увеличилось: «Вон та блондиночка... Эх, хороша! Или эта, в красной курточке и белых сапожках...»

Его развлечение прервал детский голос: «Дядя матрос, а, дядя матрос». Серый опустил глаза. Рядом с ним стоял мальчонка лет пяти-шести и дёргал его за полу бушлата.

- Дядя матрос, а мне другой дядя матрос просил Вам сказать, что он билеты уже купил и улетел».
«Вот же чёртов чечен!» - выругался про себя Серый: «Сбежал. Зря я ему рассказал, что билеты не только здесь, но и в аэропорту купить можно».
- Дядя матрос, а бескозырку дай померить?

Серый присел на корточки, положив «дипломат» на пол. Снял с себя «беску» и водрузил её на голову мальчугана. Молодая пара, видимо родители малыша, сидя рядом в креслах, улыбались, глядя на эту сцену.

- А подари... - робко попросил ребёнок.

- Извини, не могу, - ответил Серый: «А знаешь, я тебе другую подарю».

Он расстегнул «дипломат» и достал чёрную пилотку со значком радиационной безопасности.

- На, носи, - сказал он, одевая пилотку на русую головёнку: «Это мне друг подарил с подводной лодки».

Он встал, надел «беску» и отдал юному подводнику честь. Тот ответил тем же и с радостным смехом бросился к родителям.

Возле метро бросил в телефон-автомат «двушку» и набрал знакомый номер. «Суббота, должны быть дома», - прикинул он, слушая длинные гудки в трубке. Наконец, телефон щёлкнул, соединяя его с абонентом.

- Алло, - услышал он голос матери.

- Галина Дмитриевна?

- Да... - удивилась она

- У Вас сердце крепкое?

- Да-а, - она начала узнавать его.

- Ну, тогда я сейчас домой приеду. Я уже в Москве.

- Серенький!!!

Дальше он слушать не стал и повесил трубку. Какой смысл болтать по телефону, когда через полчаса, час он будет дома.

На переходе «Новокузнецкой» в толпе мелькнул чёрный бушлат. «Братуха!» - бросился к нему матрос-тихоокеанец. «С ДМБ тебя, кореш!» - ответил он, раскрывая объятия. Один с Северного флота, другой с Тихоокеанского. Один морпех, другой – морчасти погранвойск. Двухгодичник и трёхгодичник. Какая разница!? ДМБ всех сровняла.

На «Профсоюзной» он вышел на улицу и, сдерживая себя, чтобы не перейти на бег, направился в сторону своего дома.

Вот и двор, светлый из-за оголившихся тополей. Вот и дом, с вечными бабушками у подъездов. Вот и их окно на третьем этаже. Вот и мама, вцепившаяся обеими руками в оконную раму и льющая слёзы в три ручья. Он не выдержал и побежал. На одном дыхании взлетел по лестнице и попал в её тёплые и добрые объятия.

Несколько минут они стояли на пороге, обнявшись. «Постарела», - подумал Серый, глядя её голову с появившимися седыми волосками. «Ну что же мы стоим-то. Заходи. Отец на работе, скоро будет. Я ему уже позвонила», - казалось, что она боится его выпустить. Так и прошла с ним в комнату, прижавшись к его боку.

- Погоди, мам, - он нежно отодвинул её от себя: «Мне ритуал исполнить надо».

- Чего исполнить? - не поняла она.

Вместо ответа Серый расстегнул бушлат, сбросил его на пол и, потоптав ногами, пинком отправил в угол. В другой угол улетела бескозырка, как крыльями взмахнув ленточками. «Суконка», получив свою долю пинков, улетела под диван, а брюки под кресло.

- Дай что-нибудь гражданское, - попросил он.

Мать, удивлённая столь странными действиями сына, достала его старые джинсы и рубашку. Джинсы оказались впору, а рубашка моментально

треснула по швам, когда он попытался её надеть. «Неувязочка вышла», - сделал он вывод, доставая из «дипломата» «трофейный» свитер.

Затем аккуратно собрал разбросанную по всей комнате форму, отряхнул её и повесил на вешалку. Плюхнулся в старое, продавленное кресло и облегчённо выдохнул: «Уф! Всё. Я дома».

- Может, ты кушать хочешь? – засуетилась мать: «Я курочку приготовила».

- Мама! – взмолился он: «Только не курочку. Мне эти «бакланы» уже вот где стоят», и он показал ребром ладони, до какой степени он наелся этих, откормленных рыбой, заполярных кур.

- Ну, может, чего-нибудь хочешь... - растерялась мать.

- Знаешь что, свари мне кофе. Два года о нём мечтал...

ИНТЕРЛЮДИЯ № 1

- Кумушка, привет – промурлыкал он в телефонную трубку: «Я вернулся».

- Ой, куманёк, неужели и, правда, ты? А писал, что в первую партию только настоящих героев отпускают, а тебя, как особо выдающегося разгильдяя, только под Новый Год. Ты что, в герои выбился?

- Нет, просто они там всё переменили. Герои, они ведь должны Родину защищать. До самого Нового Года. А разгильдяи им только под ногами мешаются. Вот меня и выгнали в первую партию.

- Но, всё равно я рада. Когда увидимся?

- Да хоть завтра.

- Ладно. Встретишь меня из техникума? В два часа?

- Договорились.

- Только ты в форме обязательно приходи, а то вдруг не узнаю.

И вот теперь, он уже сорок минут стоял у выхода из технаря, памятником собственной опрометчивости. Мимо, закончив учёбу, вереницей проходили девочки. И каждая косилась на него с большим интересом. Кто-то, просто от любопытства, кто кокетливо строя глазки, а две, видимо самые смелые, даже подошли стрельнуть сигаретку, в надежде познакомиться.

Вначале это ему даже нравилось, но потом поднадоело. Стоишь, как дурак, а на тебя все тарашатся. Руку на отсечение, что его хитрюга-кумушка сейчас с толпой своих подружек подсматривает из какого-нибудь окна и хихикает над тем, как его весь техникум рассматривает. А завтра на все вопросы девчонок: «А кого это морячок встречал?» можно будет, скромно потупив глазки ответить: «Меня».

Наверно, так оно и было, потому что Кира вышла из здания одной из самых последних, и, рисуясь перед подружками, как ни в чём не бывало, процокала к нему на каблучках, подставила щёку для поцелуя и уверенно взяла под руку.

- Куда пойдём? – спросила она.

- Даже не знаю. Здесь всё так изменилось. На твой выбор.

- Может в кафе? Посидим, поболтаем...

- Можно.

В маленькой кафешке было тепло. Было бы и уютно, если бы не шумная компания парней явно призывного возраста, потреблявших портвейн за одним из столиков. Они спиртное брать не стали. Кофе и мороженое. Что ещё

нужно, чтобы приятно провести время с девушкой, с которой ты даже не целовался?

Хотя, поцеловаться с ней «по взрослому» Серый не отказался бы. За время его отсутствия Кира заметно похорошела. Вот и сейчас, развлекая её рассказами о своих приключениях, он ловил себя на мысли, что обращает внимание на то, какие у неё появляются очаровательные ямочки на щёчках, когда она улыбается., как пикантно, кончиком язычка она слизывает мороженое с ложечки, какой у неё изящный изгиб шеи, когда запрокидывает голову и звонко смеётся.

«Остынь!» - приказал он сам себе: «С цепи, что ли сорвался, кобель серый!».

А шумная компания за его спиной, уже допилась до того, что начали таскать друг друга за грудки, видимо выясняя какие-то свои отношения. Кого-то толкнули, и его тушка полетела прямо на Серого. Рефлекс сработал быстрее, чем он успел подумать. Локоть метнулся в сторону, изменяя траекторию полёта тушки и парень, вместо относительно мягкого Серого, грохнулся на жёсткий мраморный пол. «Ты чего дерёшься?» - подлетел к нему здоровяк тушкетатель: «Да я тебя...». Серый, прямо со стула, нырнул под кулак и коротко пробил в печень. Есть! Здоровяк начал хватать ртом воздух и осел на пол. Подлетели ещё двое: «Да я...», «Да мы...». Одному основанием ладони в лоб, другому, почти одновременно, с левой в солнечное сплетение. Есть! Есть!

Больше желающих не нашлось. «Пойдём отсюда», - он бросил «червонец» на стол, а официанту, проходя мимо него: «Извините, мы у Вас тут намусорили...», и кивнул на копошащуюся кучу-малу.

Они выскочили на улицу. Кира заливисто хохотала, а он никак не мог понять причину такого безудержного веселья.

- Ты чего смеёшься? - в сердцах возмутился он: «Так хорошо сидели, а эти бараны нам всё испортили».

- Да нет... Ты не обижайся... - она с трудом смогла унять смех: «Просто вспомнила, как ты меня на свои проводы встречал...»

- А-а, было дело... - он улыбнулся, припомнив тот случай.

- Думала, тебя хоть в армии отучат кулаками махать...

- А я и не махал. Они сами натыкались.

- Ох, Серый, горбатого могила исправит.

- Исправлюсь ещё. До могилы-то далеко.

ИНТРЛЮДИЯ № 2

- Серый, ты что ли? Ну, ты и кабан...

- Тетеря! Здорово, братуха.

Серый уже десять дней шлялся по Москве в форме. Самолюбованием занимался. Да и приятно, когда на тебя девчонки оборачиваются. Довыпендривался. Чуть было не упустил из вида, что для постановки на учёт ему даётся всего две недели. Пришлось идти в военкомат сдаваться. И надо же, на пороге родного Черёмушкинского, столкнуться с балтийским «бакланом», младшим сержантом Тетериным, который когда-то был просто курсантом Тетерей из четвёртого взвода.

За одинаковыми вопросами из серии «Ну, ты как?», и за совершенно разными ответами, как-то незаметно проторчали на крыльце почти час, пока Серый не спохватился: «Ой, я же на учёт шёл становиться». «Я тоже», - засмеялся Тетеря и они дружно пошли переводить себя из разряда военнослужащих срочной службы, в разряд военнослужащих запаса.

Капитан, чьё лицо показалось Серому смутно знакомым, записал что-то у себя, сделал отметки в их военных билетах и объяснил, что теперь, для окончательного получения статуса штатского гражданина, им нужно получить паспорта, но это уже не к нему, а в милицию

- Товарищ капитан, а Вы нас не помните? – спросил Серый.

Тот пристально посмотрел на моряков и покачал головой: «Нет, не помню. Хотя постой», - он ткнул пальцем в Серого: «Ведь это ты тот самый хохмач, что на сборный пункт к машине с целой толпой пришёл?»

- Верно, - улыбнулся Серый: «Вы меня ещё обещали в разведчики отправить».

- Ну и как? Попал в разведчики?

- Нет, в тылах прятался. В чужих. Диверсантом.

- Ну, молодцы, ребята. Поздравляю с возвращением.

- Спасибо, - дружно ответили они и, в последний раз отдав честь, вышли из кабинета.

- Ну что? – спросил Серый, когда они, болтая, уже дошли до улицы Кржижановского, где Тетере нужно было сворачивать: «Ну что, «баклан», может в «Лазурный» зайдём? Отметим это дело».

- Нет, Серый, спасибо. Я уж лучше домой.

- Да ты не волнуйся, «бабки» у меня есть.

- Нет, я не поэтому. Просто я больше... не пью, - и он скрипнул зубами, видимо вспомнив ту причину, почему он простился со своей искренней и страстной любовью к алкоголю.

Почему, Серый расспрашивать не стал, а Тетеря рассказать не захотел.

ИНТЕРЛЮДИЯ № 3

Они сидели у Серого дома и пили. Они, это Серый, Казанец и Тимоха – в штатском, и сержант Белый – в форме, которого Серый, честно говоря, заждался. Уже и Лёха Дрожжин со своим корешем Стёпкиным шумно отыграли свой «дембель». В ресторане, на широкую ногу. Так, что группа пехотных офицеров, случайно оказавшаяся в зале, старательно держалась в стороне от буйно веселящейся матросни. Уже и декабрь плотно укрыл землю снегом, чем-то отдалённо напоминавшим лапландский, а Белого всё не было. И вот, наконец-то появился. Серый тут же, как и договаривались, высвистал Казанца с Тимохой и теперь мать Серого потчевала всю честную компанию.

- Кушайте, мальчики, кушайте, не стесняйтесь...

- А мы и не стесняемся, - отвечали усатые «мальчики» больше наливая, чем закусывая.

- А Вы что же такой грустный? Всё молчите и молчите, – поинтересовалась она у Белого.

- Боюсь, - ответил тот.

- Чего боитесь? – удивилась мать.

- Два года матом разговаривал. Боюсь, что... вырвется.

- Ерунда, - хлопнул его по плечу Тимоха: «Я когда вернулся, у меня сестрёнка две недели краснела. Потом ничего...»

- Привыкла? - ехидно поинтересовался Серый.

- Нет, я на нормальный язык перешёл. Белый, а чего так поздно-то? Я думал ты во вторую партию поедешь, ну максимум в третью.

- Да так. Беда у нас в автороте.

- Что так? – вскинулись штатские.

- «Караси» бунт подняли. Всех лютых «годков» отметили. Лёха Лом в воздух стрелял, чтобы разнять.

- А ты? – поинтересовался Тимоха.

- А я дежурным по роте был, вот и наказали.

- Я не о том. Тебя-то не тронули?

- Я же сказал «лютых». Ни меня, ни Шулипу, ни других «нормальных» не тронули. Это всё ты, Серый, виноват...

- Здравс-ь-те, я уже месяц как на «гражданке».

- Да я не о том. Ты у них вроде как знамя, как лозунг такой: «Серый один смог, а что же мы толпой не справимся?» Вот и поднялись, когда...

- Значит кранты «годковщине» в автороте? – спросил Тимоха.

- Получается, что так. Даже Чёрный задумался.

- Ну и ладно. Давай за нашу часть выпьем.

Выпили. Похрустели огурчиком, почерпали салатика.

- А чего ты сказал «когда»? Извини, мы тебя перебили.

- Так буча и началась, когда Серый свою хохму с фотографиями отчудил.

- Какую? – переглянулись Казанец с Тимохой.

- Что? Он вам не рассказывал? Это чудо в перьях в «дембельском» прикиде сфотографировался и в часть прислал. По одной фотке в каждое БЧ, плюс одну НШ лично.

От хохота дрогнули стены, и перепуганная мать выскочила из кухни: «Что случилось?». А Белый продолжал:

- Видели бы Вы НШ! Он себе от злости чуть ползадницы не откусил...

- Это ещё что, - влез Серый: «Я весной технарь закончу и специально на маломерный флот дипломироваться пойду, чтобы сразу на капитана». И добавил со злорадной усмешкой: «Я ему ещё и с капитанскими нашивками фотку пришлю».

Опять заржали, представив себе морду НШ, а Белый вернулся к своему рассказу:

- Так вот, «караси» посмотрели на его фото и пошли между собой тереть, что мол, глумили Серого «годки», прессовал НШ, а он, зараза хитрожопая, ой, извините, Галина Дмитриевна, всё равно вывернулся. Да тут ещё молодые «годки» из чурбанов волю почувствовали без нашего призыва и морды чистить начали направо и налево. Вот «караси» и поднялись...

- Да уж, порезвились... Ладно, Белый, наливай. Сегодня у меня переночуешь, а завтра пойдём по городу гулять.

- Не, я завтра с утра в аэропорт.

- Да подождёт твой Донецк! Ты же в Москве никогда не был. Город посмотришь, пацаны подгребнут, в кабаке посидим...

- Не, домой очень хочется.

- Понимаю. Ну, потом тогда, как-нибудь приезжай. Мы тебе всегда рады. Верно, братва?

- Верно.

ИНТЕРЛЮДИЯ № 4

Они вышли из душного зала кинотеатра на свежий морозный воздух. В неоновых огнях предновогодней иллюминации танцевали невесомые снежинки, совсем не спеша присоединиться к своим собратьям, сугробами лежащим вдоль дорог и тротуаров.

- Пешком пройдемся, - не то спросил, не то предложил он.

- Пройдемся, - согласилась она: «Только ты застегнись».

- Не-а, мне в «спецпошиве» и так жарко.

- Ой, какие мы горячие, прямо снег вокруг тает...

- Нэт. – с шутливым акцентом ответил он: «Это я молодой был, огонь был, горячий был. Чичас немножко потух, только дым иногда идёт», и как бы в доказательство, пустил струйку сигаретного дыма в темное небо. Она засмеялась, кинула в него снежком и бросилась прочь. Он отбросил сигарету и за ней, с намерением окунуть нахальную девчонку в сугроб. Догнал, схватил в охапку, прижал к груди и грозным голосом потребовал: «Проси прощения!». «Нет», - пискнула она: «Пусти, медведь, раздавишь».

- Поцелуй, тогда отпущу.

- Ага, щас! Разбежался! Забыл что ли, что мне ещё восемнадцати нет.

После того, что она над ним вытворяла перед походом в кинотеатр, пока родителей не было дома, такое заявление выглядело, по крайней мере, неуместным и он рассмеялся.

- Хорошо, подожду до апреля, но потом сразу в ЗАГС.

- Серый, не наглей. Я своего согласия ещё не давала.

- Всё равно же согласишься, Галчонок.

- А может и нет?

- А куда ты от меня на фиг денешься. С подводной лодки.

- Эй, мужик, дай закурить!

Серый поставил девушку на землю и обернулся. Двое, третий чуть сзади. Он отодвинул Галку за спину и сделал шаг вперёд.

- Я не курю, и Вам не советую, - ответил он, пытаюсь разойтись по мирному.

- Ой-ой-ой, он здоровье бережёт. Видать у него много... - они двинулись вперёд. «Шпана», - оценил противников Серый: «Правого локтем в челюсть, левого ногой в бедро».

Двинулся вперёд и третий. «Ого, а это уже серьёзно», - решил Серый, глядя на то, как он двигается. Не двигается, скользит. «Боец», - определил он: «Придётся первых двух по-быстрому завалить, а потом уже за него браться». Но, ещё до того как он сделал первый шаг навстречу шпане, «третий» скомандовал: «Стоять!», и вышел из тени деревьев на свет: «Здорово, Серый!»

- Шуба? Здорово.

Они обнялись, похлопали друг друга по плечам.

- А я смотрю, кто это в североморском прикиде по моему району ходит? А это ты оказывается.

- Вот, переслал из части, теперь здесь ношу.

- Парни писали, что тебя в морпехи замели.

- Да, на «полста восьмую» площадку.

- Ого, знакомое название. Диверсант?

- Ага, «боевой пловец».

- Лихо. А где тебя носило? – он показа взглядом на шрам.

- Йемен, но недолго.

- А у меня полгода Анголы. Два лёгких ранения.

- Тоже не слабо. Мне контузия досталась, а шрам, он – мирный. С учений.

Они помолчали, не обращая внимания на то, что и шпана, и Галка замерли, прислушиваясь к их беседе. А им вспоминать... как-то не хотелось.

- Ну, бывай, братишка, – протянул руку Шуба.

- Бывай, браток. Удачи тебе, – ответил Серый.

Они шли дальше по хрустящему снегу. Шутливое настроение у Галки прошло, и она прижалась к его плечу вся такая серьёзная... аж смешно.

- А ты не рассказывал, что в Йемене был.

- Что Йемен, вот когда я в Сахаре лес рубил...

- Так там же пустыня.

- Ну, конечно, теперь пустыня.

- Да ну тебя, ты когда-нибудь начнёшь серьёзно говорить?

- Ага, в ЗАГСе скажу «да» абсолютно серьёзно.

- Серый, у меня такое ощущение, что это тебе семнадцать, а не мне.

- А тебе двадцать. И чего я с такой старухой связался? Может не стоит на тебе жениться?

- А куда ты от меня на фиг денешься. С подводной лодки.

Вместо ответа он обнял её и поцеловал.

- А знаешь, – тихо сказала она, прижавшись к его груди: «Когда ты с тем парнем разговаривал, мне показалось, что вы, ну прямо как два ветерана...

- Ветераны, Галчонок, не значит инвалиды, – и так крепко прижал её к себе, что она опять только пискнула.

ИНТЕРЛЮДИЯ № 5

- Серый, полундра!

- Сын? Здорово. Что случилось?

Старшина Сынковский тоже вернулся в начале ноября, и они уже отметили это дело, просидев целый вечер в «Лабиринте», что «под глобусом». Да ещё и девчонок склеили, и потом, уже у них на хате, веселя подружек, вспоминали, как стригли друг друга на Угрешке и клялись отрастить «хаэры» не хуже, чем были.

И вот теперь этот телефонный звонок почти через три месяца.

- Братана надо спасать. Сидора.

- А что с ним?

Сидора он после возвращения не видел. Созванивались как-то, но встретиться не получилось. Дела заели. Но тогда Сидор был весел и вполне доволен жизнью и собой.

- Да он с Галкой своей разбежался.

- Что, всё так серьезно?

- Похоже. Она его дождалась. Два месяца погуляли, а теперь заявила, что они не пара.

- Вот дура-то! Сидор же её любит больше жизни.

- Да. Нам с тобой такое не понять. Но он в полной прострации. Похлеще чем в Октябрьске, когда нас на плац вызывали.

- Добро. Сегодня вечером. Прогуляю чёртов технарь ради такого случая.

- Заезжай ко мне. Вместе поедом парня лечить.

Чем лечат друг друга русские мужики в печали и в горести? Водкой, дружеским сочувствием, да ещё, если беда любовная, могут бабу подложить. Но Сидор на двух «тёлок», которых приволок с собой Сын, даже не посмотрел. Так и пил надувшись и сердито сопя, становясь с каждой рюмкой всё краснее, отчего тёмные пятна обморожения проступали на лице всё резче. Что поделать, Новая Земля, не Крым. Ну, да и Сидор, не красна девица, он и с пятнами ничего.

«Тёлок» пришлось выпроводить и дальше отвлекать кореша от грустных мыслей уже самостоятельно. В конце концов, двум записным юмористам первой роты это удалось. Сидор начал потихоньку оттаивать и даже принимать участие в беседе. Беседа, естественно, шла о службе. Эта тема, для отслуживших своё мужиков, вечная, невзирая на годы. Стоит только начать и каждому найдётся что вспомнить. А под водочку, да ещё если её много, то и воспоминания длятся до бесконечности.

- Сидор, а ты на «губе» сидел? – спросил Сын.

- Ага. Трое суток. На вахте уснул.
- Серый, а ты?
- Тоже трое. На Видяевскую ухитрился залететь.
- А чем она такая знаменитая?

Пришлось рассказать друзьям и об этом эпизоде. Про полутуши коровьи, про печи имени пирамиды Хеопса и про дикие нравы тамошних «губарей».

- У-у, козлы! – вскипел Сидор: «У нас тоже парочка таких уродов была. Звери. Так бы глотку и порвал. Хоть сейчас».

Сидор, вспомнив свою «отсидку», разошёлся не на шутку. Глаза блестят, желваки на скулах ходуном ходят. Ща, порву! Даже про беду свою забыл. А Серый, тоже уже изрядно под кайфом, глядя на товарища, подумал, что хорошая драка может помочь их товарищу и предложил: «Ну, «губаря» отметелить, это можно. Хоть сейчас». Пьяные парни посмотрели на него вопросительно, а он выложил на стол свою записную книжку.

- Помните, я рассказывал про московского «губаря». Так его адрес здесь», - и он похлопал ладонью по клеенчатому переплёту.

- Ну, - вскинулся Сидор: «Поедем!»

- Да где он живёт-то? Далеко, наверное? – попытался утихомирить друзей более миролюбивый Сын.

Серый прочитал адрес.

- Так это же рядом, в Гальяново, - вскочил Сидор: «Давай, мужики, ещё по одной и пойдём «губаря» мочить».

Пришлось и Сыну тащиться с ними в Гальяново. Но когда, по дороге Серый выложил ему свои доводы, то и он согласился, что «идея, конечно, дурацкая, но, в принципе, правильная». А чтобы окончательно успокоить его, Серый пообещал проконтролировать, что и Сидор «губаря» не покалечит, и «губаря» их друга не поуродует.

Нашли нужный дом, нашли подъезд, но в квартиру пошёл один Сын, как самый трезвый и респектабельный на вид. Не было его минут десять, парни даже волноваться начали. А потом Сын вышел. Один.

- Ну что? – подлетел к нему с вопросом жаждающий драки Сидор.

- Не будет драки, пацаны, - с какой-то печалью ответил Сын.

- Что, дома нет? – решил уточнить Серый.

- Нет его дома. И не будет. Соседка по квартире рассказала, что он из части уволился, а домой не доехал. По дороге из поезда выпал. Говорят – несчастный случай. Просила мать его дожидаться, чтобы о сыне рассказал, а я... сбежал.

- Ну да, «несчастный случай», – фыркнул Сидор: «В поезде его «дембеля» узнали и за борт смайнали. Факт».

- Мать его жалко, - тихо сказал Сын.

- Жалко, но он сам виноват, - влез Серый: «Никто не заставляет его такой сволочью становиться. Хочешь быть человеком, так будь им, что бы ни случилось. А хочешь стать свиньёй, пожалуйста, становись. Причём, заметьте, что свиньёй стать намного проще. Ей не перед друзьями, не перед предками стыдиться не приходится. Потому, что их нет».

- Ну, Серый, завёлся, про предков вспомнил... Не зря Вас с Бобом в роте «дворянами» дразнили, когда Вы толчки с гордо задранными носами драили. Боб тоже, когда мне написал, что в Рязанское училище ВДВ поступает, объяснил, что это «зов предков» и по-другому он не может.

- Ладно, пошли отсюда.

Так что, по дороге обратно, к тёплой квартире и остаткам водки, Серому пришлось поднимать настроение ещё и Сыну. Хорошо ещё, что Сидор в себя

пришёл, а то, хоть разорвись. Но ничего, справился, и на подходе к дому Сидора они уже ржали на всю улицу, кидались друг в друга снежками и вовсю духарились. Сначала североморцы выкупали в снегу балтийца, затем «бакланы» засунули в сугроб «сапога флотского», а потом коротко стриженный Сидор, сказал что-то в адрес «волосатых хиппи» и настала его очередь.

Сын и Серый дружно навалились на Сидора, поставили подножку и уже хотели засыпать его, отчаянно сопротивляющегося, снегом, как их остановил звонкий девичий голос: «Оставьте его, гады!». К ним метнулась невысокая девчонка и, не обращая внимания на замерших Серого и Сына, начала вытаскивать Сидора из сугроба, приговаривая: «Вовочка, миленький, за что они тебя...».

- Галка? – удивлённо спросил Сидор, выбираясь из сугроба.

- А Вы чего к нему пристали? – бойким воробышком кинулась она на защиту своего милого.

Серый усмехнулся левой стороной лица. Он знал, что так его лицо со шрамом вызывает у окружающих чувство страха, или, как минимум – опасности.

- Слышь, бикса, - хриловатым «блатным» голосом сказал он: «У нас с этим фраером свои разборки. Ща распишем его под хохлому и сделаем, шо не делала Содома с Гоморрой. А ты отскочь и не вертухайся». Он опустил руку в карман, делая вид, что у него там что-то более серьёзное и острое, чем зажигалка «Ronson».

- Я милицию позову! Идите отсюда, - храбро пискнула она.

- Ага, щас уйдём... Если ты его поцелуешь и помиришься.

Сзади ржал над таким способом шантажа Сын, стоял, улыбаясь, Сидор, а Галка, наконец-то поняв, что над ней шутят, со слезами на глазах буркнула: «У-у-у, дураки, только напугали», и спрятала голову на груди у обнявшего её Сидора.

К Сидору они с Сыном даже не стали заходить. Пошли своей дорогой. К метро. Серого провожать. Зачем мешать молодым...

Будет нужно – позовёт.